

Annotation

Эпоха великих волшебников подошла к концу тысячу лет назад, оставив после себя лишь темные легенды да руины. Но некоторые уверены – где-то по дорогам истерзанного Катаклизмом материка все еще бродит мятежный маг Тион, ученик самого Скованного, способный вернуть мир к процветанию.

Лавиани, Шерон и Тзо спешат по следу волшебника, а вокруг пробуждается синее пламя, говорящее о том, что нынешняя эпоха подходит к концу.

* * *

Алексей ПеховГлава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая

Глава двадцатая

Приложение

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

* * *

Алексей Пехов

Синее пламя

Глава первая

Пустой дом

Я не рекомендую тебе связываться с ней. У себя, в горах, ты слишком расслабился. Не обманывайся внешним видом. Быть может, она и хрупкая женщина, слабее тебя, но ее оружие – ум и воля. Ты проиграешь прежде, чем поймешь это. Потому на те жертвы, на которые готова пойти она, никогда не решится никто из мужчин.

Из письма Скованного об Ариле, адресованного Каму.

За год до Войны Гнева

Служанка захлебывалась рыданиями, и Бланка Эрбет с трудом сдерживала ярость. Ей хотелось со всей силы залепить этой плаксивой дуре пощечину, так, чтобы у той зазвенело в пустой башке.

Но Бланка не стала этого делать.

Ее холодное лицо оставалось спокойным, а в темных глазах даже был намек на симпатию. Она с участием протянула служанке дорогой кружевной платок, и та, благодарно всхлипывая, стала в него сморкаться.

Пришлось подавить новую волну раздражения, отвернуться и подойти к окну.

У наследницы Язева Эрбета была прекрасная благородная осанка, длинная шея и тонкая талия. На севере ее считали красивой, бледно-рыжие, словно выгоревшие на солнце, волосы ценились, и у отца были большие планы, когда он выдавал ее замуж.

Но муж не понравился. Старше ее на тридцать два года, он интересовался лишь охотой, собаками да вином, замечая молодую жену от случая к случаю. Она была ему нужна лишь для того, чтобы произвести наследника. Проклятый шауттом аристократ гордился тем, что его род не прерывался и вел свою историю со времен, когда еще никто и не думал, что случится Катаклизм.

Он быстро ей надоел. Наскучил. Стал отвратителен. Начал мешать. В свои восемнадцать Бланка уже знала, чего хочет от жизни. И там не было пункта – провести всю свою молодость с хмельным боровом, зевая каждый раз, когда он кичится своими давно сдохшими предками. Что бы там ни думал отец на этот счет.

И если сперва она колебалась, то после того, как супруг избил ее до такой степени, что лекарь лишь развел руками и сказал, что у нее не может быть детей, девушка отбросила сомнения.

Надо было действовать, пока дражайший муженек не понял, что она бесполезна для него.

Бланка была из Эрбетов. Кровь от крови. Достаточно умна, решительна и жестока, чтобы править, а не подчиняться какому-то убожеству. Она все сделала так, как хотела. План сработал идеально, все расставленные приманки были съедены, капкан захлопнулся, и его милость драгоценный супруг сдох, заколотый кинжалом прямо во время пира. По итогам расследования тогда казнили шестерых участников «заговора». Никто не подумал на скорбящую вдову.

Даже отец.

Только Рин понял. Он всегда был умнее ее. Даже несмотря на то, что Бланка училась в Каренском университете, а Ринстер – нет.

А теперь брат мертв. Как и двое других. Как и отец, которого она, видят Шестеро, уважала.

Дом ее детства был пуст. И Бланка не могла поверить в это.

– Это очень важно, Анна, – сказала женщина, отходя от занавесок. – Вспомни.

– Было так страшно, госпожа, – опять всхлипнула служанка. – Столько крови. Он их всех уби-и-и...

Снова начались рыдания. Бланка осторожно забрала изгвазданный платок из слабых пальцев, мягко улыбнулась и с размаху залепила звонкую оплеуху, чувствуя несказанное удовлетворение от того, сколь потрясенными стали глаза у служанки.

Та явно этого не ожидала от всегда сдержанной дочери Язева Эрбета. Но рыдать она наконец-то перестала. Лишь смотрела на госпожу круглыми глазами и шмыгала покрасневшим носом.

– Соберись! Ты единственная, кто видела его и осталась жива! Об этом твердят все от кухни и до конюшни. Мне. Надо. Знать!

Ее резкий голос пролетел по комнате, точно летучая мышь, отразился от потолка, зазвенел в ушах.

– Я почти ничего не видела, госпожа. Накрывала на стол. Пришел начальник охраны Давек, сказал, что старого господина хочет видеть человек. Потом я ушла и вернулась, когда уже все началось. Он был в обеденном зале и потом сразу на балконе, вон там. За секунду. И люди закричали. А затем господин Кельг взял свой топор, и такое завертелось! Страсть как ужасно! Я испугалась и убежала. Все убежали. Никто его не остановил. Даже Невек, а вы ведь помните, какой он был сильный и храбрый!

Бланка тяжело вздохнула:

– Ты хочешь убедить меня, что это сотворил один человек? И он в одиночку убил всех мужчин? Кельга, способного поднять лошадь, Невека, обучавшего многих воинов?

– Я больше никого не видела, госпожа. Только одного! Он сам шаутт! Демон с той стороны!

Надо думать, что дуреха от страха не увидела бы и целую армию, если бы та забралась к ней в постель. Бесполезная трата времени.

– Ты помнишь его имя?

Анна покачала головой.

– Как он выглядел?

– Красивый. Ай! – Служанка вскрикнула, когда получила еще одну пощечину.

– Соберись! «Красивый» мне ничем не поможет! Высокий? Низкий? Какого цвета волосы? Откуда он?

– Высокий, краси... – Она осеклась, испуганно посмотрела на женщину. – Загорелый. Южанин. А глаза голубые-голубые! Краси...

– Откуда? Дагевар? Соланка? Треттини?

– Простите, госпожа. Я не знаю. Он на лава был похож, но точно не лав. Те все низенькие.

У Бланки на мгновение опустились руки. Бесполезно. Все это бесполезно. Сложно добиться хоть какой-то информации от той, чей мозг проигрывает размерами муравью.

– Ладно. Ступай. Если что-то вспомнишь, сразу ко мне.

Та кивнула и поспешно убежала, даже дверь забыв закрыть.

Бланка повернулась к своему телохранителю и правой руке – Гренну. Он был из алагорцев, бледнокожий и уже немолодой. Но крепкий, как и весь этот народ. Серые глаза из-под покрасневших век смотрели на нее внимательно и спокойно в ожидании приказа. Гренна нашел Невек по просьбе ее отца, не желавшего, чтобы с дочерью что-то случилось во время долгих поездок по Варену.

Он был незаменимым помощником, и Бланка радовалась, что бывший воин сейчас с ней.

– Нет имени. Нет описания. Непонятно, зачем он приходил и что забрал. Мне не за что ухватиться. Что говорят на улицах?

– Никто не знает, по-очему убили вашего отца и братьев, госпо-ожа. – Гренн говорил, иногда растягивая слова, отчего многим казалось, что у него не все в порядке с головой. – Одни лишь слу-ухи, и каждый глупее предыдущего.

– И какой самый популярный?

– Шаутт при-ишел за вашей семьей.

Ее губы сжались. Бланка ненавидела сказки и дураков, которые в них верят. В детстве она тоже верила, боялась подходить к развалинам возле карьера, за городом, но Иан высмеял ее. Как все же давно это было. Теперь Иан мертв, упал с крыши из-за какого-то циркача. Он всегда был слишком безрассудным и много пил. Но ей было жаль его. И Рина. И даже Кельга, пускай она никогда и не любила старшего брата.

– Мог наемник справиться со всеми людьми отца? А с братом? Кельг был хорошим бойцом.

Гренн посмотрел на нее безучастно:

– Что я успел понять за го-оды службы на границе с Дагеваром, так это то, что всегда на-айдется кто-нибудь более хороший. Или хитрый. Или ловкий, госпо-ожа.

Она села в кресло и взяла украшенный позолотой хрустальный фужер с водой:

– Отец умел подбирать себе людей. И Невек, и Давек, и все остальные были опытными

воинами. Ты серьезно считаешь, что один человек мог справиться сразу со всеми?

– Все бывает, госпожа. Если он южанин, то по-одных приемов в рукаве может быть спрятано достаточно. – Гренн был не лучшего мнения о людях, живущих на другой части материка.

– Надо поговорить с Веонтами. Назначь встречу. – Бланка увидела недоверчивый взгляд телохранителя. – Оставь свое красноречие при себе. Я и так знаю, что ты скажешь.

– Ваш отец по-оручил мне оберегать вас, госпожа. Идти-и к его главному врагу... я не могу это-ого позволить.

Она осторожно поставила фужер на столик, встала, разгладила юбку, подошла к нему вплотную, заглянув в лицо, для чего ей пришлось задрать голову. Сказала тихо, с угрозой:

– Не можешь позволить? Твоя верность моей семье достойна похвалы. Но вот что я тебе скажу: выбор у тебя довольно простой. Или ты сделаешь, что я приказала, или придется тебе искать себе новую хозяйку.

Мгновенное колебание:

– Я понял, госпожа. Отправлю сообщение прямо сейчас. Сколько людей пойдет вместе с нами?

– Только ты. – И, видя неодобрение, появившееся на его лице, сказала: – Не стоит показывать волкам кровь. Иначе они не смогут оставаться смирными. Это в их природе.

Гренн первым прыгнул с лошади, и его кольчуга, шпоры и оружие громко звякнули. Слишком громко, чтобы этого не заметили те, кто встречал их.

Краснолицый, крепко сбитый парень, вооруженный широким ножом, посмотрел на телохранителя с плохо скрываемой злобой, но с Бланкой оставался любезен. Холодно любезен, если быть точным. Ее не особо были рады видеть. Неудивительно. Эрбеты враждовали с Веонтами два поколения, и последние проиграли. А ее отец смог стать господином города.

Гренн шел позади, бросая взгляды в смежные залы. Сразу за ними двигались трое охранников Веонтов, бряцая оружием так громко, что заглушали звук своих шагов.

– Вашему слуге придется подождать за дверью, миледи. Хозяин хочет говорить с вами с глазу на глаз.

– Хорошо. Жди.

В глазах Гренна появилась обеспокоенность, но он не стал возражать при чужаках. Отошел к стене, положив руку на меч, так, чтобы видеть всех, кто находится в комнате.

Провожатый подозвал немолодую женщину в черном платье, сказав Бланке:

– Господин извиняется, миледи, но ей придется проверить, нет ли при вас оружия.

– Если мастер Веонт хочет оскорбить меня...

– Он не хочет, миледи.

– Тогда не тратьте мое время.

– Простите, миледи, но вынужден вам напомнить, что это вы искали встречи.

– Передайте вашему хозяину, что, если когда-нибудь он решит прийти ко мне в гости, я не заставлю своих слуг обыскивать его карманы в поисках ножа. Я не позволю, чтобы служанка обшаривала мои юбки.

Провожатый замешкался, холодно поклонился:

– Как миледи будет угодно. Я передам.

Он скрылся за дверью, но появился тотчас:

– Вы можете пройти, миледи.

Бланка довольно кивнула, показывая, что инцидент исчерпан, и прошла мимо стражи, мысленно улыбаясь. Трехгранный отравленный стилет, ножнами пристегнутый к ее голени, остался при ней. Она не собиралась использовать его, но считала, что у нее прав носить острую железку ничуть не меньше, чем у всех этих напыщенных индюков, что окружали ее.

Томас Веонт был ровесником ее отца, но выглядел не как старая развалина. Крепкий и подтянутый, словно лет на пятнадцать моложе своего возраста. Холодные глаза следили за тем, как она идет к нему мимо чучел медведей и оленей, покрытое оспинами лицо ничего не выражало. Она видела, как опущены уголки его губ, и могла догадываться, что он испытывает на самом деле.

Тяжело встречать дочь своего врага.

– Миледи Бланка. – Мужчина не счит нужным встать, но указал ей на стул напротив стола. – Позвольте выразить вам свои соболезнования по поводу трагедии, случившейся в вашей семье.

– Спасибо. Отец всегда говорил, что вы слишком вежливы. – Она улыбнулась, сглаживая резкость свои слов. – Мы оба знаем, что, если бы у вас была возможность, вы с радостью сами бы забросали тела Эрбетов землей. И накатили на могилы самый тяжелый из камней.

Он посмотрел на нее все так же спокойно:

– Если честно, я бы этим не ограничился и на всякий случай забил в них по осиновому колу. Ваш отец был тем еще шауттом.

– Я восприму это лишь как комплимент моей крови.

– А я слышал, что вы самая разумная в своем роду. Возможно, слухи врут, раз вы пришли в мой дом лишь с одним человеком. Вы либо меня ни во что не ставите, либо слишком самонадеянны.

Бланка понимала, что от следующих ее слов может зависеть многое. Слишком многое.

– Моего отца больше нет. И братьев тоже. А я всего лишь слабая женщина и не вижу причин продолжать вражду.

– Продолжать? – Томас Веонт покачал головой. – Вы не видите причин. Вы просто не можете ее продолжать. Поэтому и пришли заключить перемирие.

– Это не так. Мне не нужно никакое перемирие. – Она увидела, как у него на лбу

появилась складка. – Представьте себе, я последняя, кто думает о мире между нами. Плевать я на него хотела, если уж быть совсем честной. Мое имение и владения на другом конце страны. Я жила в землях, принадлежащих моему мужу. Этот город давно перестал меня интересовать. Поэтому я предлагаю его вам.

Томас рассмеялся:

– Очень любезно с вашей стороны, миледи, предлагать то, что и так уже мое. Вы потеряли право на него со смертью вашего отца.

– И все же Эрбеты пока им правят.

– Эрберты мертвы. И вы можете умереть так же быстро, как и ваши братья.

– Разве гость перестал быть священен и неприкосновенен? – мягко спросила она.

Это заставило Веонта опустить глаза. Бланка знала, что он человек старой закалки и соблюдает традиции. В камине за ее спиной сухо треснуло полено.

– Моя смерть не преподнесет вам город на блюдечке, мастер. И вы это прекрасно знаете, иначе бы не разговаривали со мной. – Молчание Веонта показало Бланке, что ее выводы верны. – Люди всегда тяжело меняют старое на новое. А на этих улицах слишком многое завязано на мою семью. Умру я, и вы знаете, что случится. Не только Веонты хотели бы править, Марки и даже Герты тоже мечтают быть первыми. Думаете, они отступят?

На лице ее собеседника проступило презрение:

– Эти мерзавцы проиграют большую войну.

– Конечно, – покладисто согласилась Бланка. – Приграют. Лет через десять. А может, через пару поколений. Или вам повезет и все случится в течение года. Но вот крови прольется много. У вас двое сыновей, и лишь один из них может наследовать. Один. Слишком опасная цифра для кровопролитных стычек. Отец всегда говорил, что единственный сын ваш якорь, не дающий сорваться на авантюру. Одного ребенка терять гораздо сложнее, чем четверых.

– Смеем заметить, что ваш отец потерял троих из четверых детей. А мои все еще живы.

Она наклонилась в его сторону, очаровательно улыбнувшись:

– Замечательно, что вы это видите, мастер Томас. Теперь представьте, как быстро можно потерять сына, если Марки начнут войну. К тому же не надо забывать, что стычки между благородными родами не проходят без следа не только для народа, но и сильных мира сего. А герцог Нистер, хоть и предпочитает Весто нашей глухомани, может обратить взгляды на север, и если он вспомнит старое право и пришлет кого-то из своих племянников... – Бланка печально цокнула языком. – Неужели вы думаете, что сможете сопротивляться? Права уйдут короне. Она будет распоряжаться здесь напрямую, а не через подкупленных моим отцом управляющих в городском совете. Как вам такие аргументы?

– Весьма весомы. – Он откинулся на стуле, сложив руки на груди. – Доводы вы предъявлять можете, это неоспоримо. Значит, забудем о вашей смерти в моем доме. На время. Давайте пока поговорим о причине, заставившей ту, в ком течет кровь Эрбетов, прийти.

– Вы наняли людей, убивших моего отца? – резко спросила она.

Томас Веонт хмыкнул. Не зло. Скорее удивленно.

– Даже если бы это было так, вряд ли бы я признался, миледи. Ведь мы пока забыли о том, чтобы решить проблему вашей смерти. И если бы я стоял за гибелью ваших родичей и сказал вам об этом, мне пришлось бы... закончить дело.

Бланка понимающе улыбнулась.

– Отец всегда говорил, что вы осторожны. А еще то, что люди, которым вы платите, умеют слушать и запоминать.

Томас молчал, ожидая продолжения.

– Уверена, что такой человек, как вы, приложил усилия, чтобы узнать, что произошло в доме моего отца. Хотя бы для понимания ситуации и уверенности, что в следующий раз придут не за вами.

– Хотите узнать, кто за этим стоит, миледи?

– Очень хочу.

– Отчего бы не узнать самостоятельно?

– О. Это возможно. Но на это потребуется время. Много времени. Вдруг этот некто не из города? Тогда чем дольше я тяну, тем меньше шансов его найти.

Он опустил глаза, спросив с удивлением:

– Жаждете мести?

– А почему нет? Я дочь своего отца. Или считаете, что месть дело рук лишь мужчин?

– Я воспитан в старых правилах. Именно так я и считаю. Это дело мужчин.

Бланка встала и, шелестя юбкой, подошла к столу:

– Иногда судьба жестоко шутит с нами, и мужчины заканчиваются, мастер Томас. Остаются только слабые женщины. Так что? Вы скажете мне, что случилось в моем доме и кто за этим стоит?

– Сядьте, – попросил господин Веонт чуть более резко, чем это требовалось, и тут же добавил уже гораздо спокойнее: – Сядьте, миледи. Не люблю, когда дети врагов подходят слишком близко.

Она сделала то, о чем он просил, сложила руки на коленях, точно примерная девочка.

– Зачем мне вам помогать?

– Город. Отдам его вам на блюде.

Томас Веонт раздраженно прикрыл глаза.

– Опять мы возвращаемся к началу разговора.

– И опять я говорю, что город все еще под Эрбетам, а я наследница. Городской совет, купленные люди в страже, договоры с гильдиями, герцогские сборщики налогов, дно. Они привыкли работать с моей семьей. И, как я уже упоминала, если вы начнете свару с Марками, половина из этих замечательных, обладающих связями, влиянием, властью, деньгами и сталью людей уйдут к ним. Я же сделаю так, что они станут вашими. С потрохами.

– И я должен поверить женщине, которой не было в городе последние четыре года? Что вас послушаются?

– Отец умел дрессировать и вбивать верность. В девичестве я Эрбет. У меня осталась вся его переписка, все счета, вся информация о грязных делах. Меня будут слушать. Я передам власть. Вам.

Ее собеседник размышлял, и размышлял долго. Она его не торопила. Смотрела в окно, наблюдая за тем, как на улице падают снежинки. Бланка знала, что он согласится, пускай все еще сомневается в ее словах и ждет подвоха.

– Город богат. И вы так просто...

– Ради мести? Легко. – Ее лицо осталось спокойным. – К тому же вы получите город, но не мое наследство. И не забывайте, кем был мой муж. Мне хватит денег на безбедную старость. А мир моего детства меня никогда не интересовал. Править им слишком непосильная задача для слабой женщины.

Ее собеседник криво улыбнулся, показывая этим, что не считает ее слабой и уверен, что уж она-то точно не ударила бы в грязь лицом.

– Есть одна загвоздка, миледи. Вас будут слушать. А вот меня вполне возможно, что и нет. Не старые друзья вашего отца. Я покупаю лишь половину свиньи.

Бланка почувствовала злость от того, что этот старый хрен все еще торгуется, хотя она отдает ему ключи вместе с замком, дверьми и подвалом, забитым сокровищами.

– Преемственность. Она послужит хорошим доказательством, что вы говорите вместо меня. Я передам вам все права моей семьи.

Она подумала, что отец, наверное, в гробу вращается, словно кабан на вертеле. Ну и ладно. Отправит ему в подарок его убийцу, пускай сорвет злость на нем.

– Брак? – Он смотрел на нее, не веря в то, что сам только что произнес. – Каким образом? Моя жена все еще жива.

От скромности он явно умирать не собирался. Бланка едва сдержала иронию:

– У вас есть сын.

– Гвет женат.

Бланка негромко рассмеялась:

– Я знаю. Но есть и второй.

– Мелин... – Он запнулся, не зная, как продолжить.

– Идиот, – жестко сказала она. – Да. Я знаю. Но в храмах Шестерых никого не смущает подобный факт. Если хочешь, можно выходить замуж и за дурака. Перед богами мы все равны.

– И вы сделаете это?

– Ваш вопрос странен. Я сама только что предложила.

Вновь пауза.

– И подтвердите брак?

– Вы о брачной ночи? Вот здесь я вас разочарую. Постель с вашим сыном не входит в мои планы. Но уверена, вы что-нибудь придумаете на этот счет. Служанок на вашей кухне полно. А мальчик вряд ли поймет разницу. Так что? Вы согласны?

– Согласен, – сказал тот и протянул руку.

Бланка читала книгу на старом наречии, которое выучила еще в университете, когда пришло письмо. Его принес Гренн, все еще с недовольным выражением лица оттого, что она заключила такую невыгодную сделку. Женщина вскрыла конверт руками, неаккуратно разорвав его и отбросив в сторону, даже не посмотрев на печать. И так знала, от кого оно.

Быстро пробежала глазами по строчкам. Нахмурилась, затем прочитала еще раз. Уже гораздо медленнее.

Телохранитель терпеливо ждал.

– Информации немного. Здесь описание человека, который, скорее всего, приходил в мой дом. Его запомнили слуги в трактире и видели на улице. Он уехал из города в тот же день. Действительно, южанин. Представился как господин Шрев. Он ни у кого не вызвал подозрений.

– Возможно, это не тот, кого вы ищете, миледи.

– Господин Веонт утверждает, что у него есть сведения, что Шрев тесно общался с Ночным Кланом.

Гренн присвистнул.

– Есть какие-нибудь до-оказательства?

– Нет. Видели, что он говорил с двумя людьми. Толстым мужчиной и черноволосой женщиной. А они, в свою очередь, общались с каторжниками с Малой улицы. Трактир «Моль». Отец всегда говорил, что это единственное заведение, которое не платит нам. Знаешь почему?

– Принадлежит Ночному Клану.

– Верно.

– Но это не связывает Шрева с ними.

– Может, да. Может, нет. В любом случае это лучше, чем ничего. Ниточка. Надо лишь потянуть.

– Очень осторожно, миледи.

– Твое беспокойство излишне. Я знаю, что внимание некоторых людей до поры до времени привлекать не стоит. Конюхи трактира, где останавливался этот человек, слышали разговор. Он планировал направиться в Гранит. Ты ведь жил там?

– Да.

– И, насколько я помню, у тебя есть знакомые из Ночного Клана?

Гренн неохотно кивнул. Бланка отбросила письмо.

– Одного не могу понять: зачем он убил мою семью? И как? Отец никогда не имел дел с людьми из Пубира и никогда не злил их. Во что он ввязался? Придется найти этого человека и узнать.

– А что потом?

– Я узнаю, чего он хочет, разрушу его мечту, а затем убью, – просто сказала Бланка.
– Но сперва следует рассчитаться с долгами. Послезавтра у меня свадьба.

Глава вторая

Волчьи зубы

Законов чести среди старых семей Треттини, ведущих свой род еще с Эпохи Процветания, великое множество. Некоторые из них поражают своей вычурностью, необычностью и нелепостью. Впрочем, южанам можно простить многие странности. Когда надо, дерутся они как звери. Я бы настоятельно рекомендовал Вашей милости нанять их для своей гвардии.

Из служебной записки первого советника герцога Тараш

Лавиани щурила холодные, бледно-голубые глаза и слушала, как воет разгулявшийся ветер. Была середина дня, но из-за низкой облачности и сильного снегопада создавалось впечатление, что вот-вот должна наступить ночь. Не самое легкое время для тех, кому не повезло очутиться далеко от жилья в такую погоду.

Крупные снежные хлопья оседали на непокрытой голове сойки, новой теплой куртке, подбитой собачьим мехом, и нахмуренных бровях. Из-за разыгравшейся непогоды довольно близкие горы, которых еще вчера, казалось, можно было коснуться рукой, теперь превратились в сумрачных призраков. Мело изрядно, и она понимала, что это не конец. К вечеру вполне может начаться снежный буран.

Такое уже случилось два дня назад. Один полудурок отошел по нужде шагов на тридцать от трактира, а обнаружили его лишь на следующее утро – бедолага не смог найти обратную дорогу и замерз в сугробе.

Тупой недалекий осел. Идиотская смерть. В такую погоду многиедохнут точно мухи.

Лавиани беспокоилась о Тэо, который отсутствовал уже почти сутки. Она злилась на себя за это волнение, но ничего не могла поделать. За те месяцы, что они провели вместе, волей-неволей попрыгун стал ей гораздо ближе, чем многие другие знакомые. Впрочем, Шерон это тоже касалось.

Глупо привязываться к чужим людям, но с этим сойка ничего не могла поделать. Она слишком долго жила одна и успела подзабыть – каково это: с кем-то быть заодно, ежедневно общаться и оказаться скованной цепью одной цели.

Пожалуй, ей это даже нравилось.

Иногда. В редкие минуты, когда эти дети не бесили ее своей безграничной наивностью и невероятным доверием ко всем попадающимся на пути людям.

Вспомнив об указывающей, сойка тяжело вздохнула, и ее пальцы сжались на шее все еще теплой курицы. Столь тощей, что на нее без слез не взглянешь – сплошные пестрые перья, под которыми лишь кости. Придется очень постараться, чтобы найти в ней хоть немного мяса.

Лавиани, навалившись всем телом, толкнула тяжеленную дверь трактира, и ее окутала густая волна тепла, запаха мясной похлебки и едкого, плохо сваренного пива. Сидевшие за столами постояльцы, застрявшие на этой стороне Мышиных гор, повернулись к ней, но, узнав, вновь занялись своими делами.

Точнее, бездельем, которое длилось уже не один день.

Отряхнув снег с плеч, сбив его с ботинок, сойка на ходу расстегнула деревянные пуговицы куртки. Хозяину надо было отдать должное, топил он исправно, на дрова не скупился.

На тесной кухне, кроме трактирщика, никого не обнаружилось – его жена и дочь были заняты в зале, а он дул пиво из старой поцарапанной кружки и помешивал баранью похлебку, облизывая губы.

Заметив незваную гостью, человек возмутился:

– Эй! Женщина! Тебе сюда нельзя!

Она бросила курицу на стол, заваленный мелким луком:

– Я нашла то, что искала.

Мужик узнал свою собственность, и его лицо начало наливаться краской.

– Совсем ошалела?! Кто разрешил тебе брать...

– Ты. – Сойка позволила себе холодную улыбку, и трактирщик поперхнулся от такой наглости. – Утром сам мне сказал – найдешь курицу, поговорим. Ну так я нашла. В твоём сарае.

– Убирайся! – рявкнул он. – Пошла вон из моего заведения! И свою подружку забирай! Ночуйте в сугробе!

Улыбку Лавиани как ветром сдуло. Она оказалась рядом, и ее стальные пальцы сжались на его плече прежде, чем тот понял, что происходит. Хозяин ахнул и скрючился от боли, встав едва ли не на четвереньки. Женщина склонилась над ним, не спеша ослаблять хватку, и негромко, обжигая дыханием, проворковала на ухо:

– Если я надавлю еще сильнее, то у тебя отнимутся ноги, жадная ты сволочь. Я бы предпочла этого не делать, потому что Скованный знает, на сколько дней застряла в дыре, которой ты владеешь. Но если ты не перестанешь грубить, клянусь всей тьмой нашего расколотого мира, я очень-очень-очень расстроюсь.

Человек простонал нечто непонятное.

– Я понимаю, что эта скелетина тебе дорога, но мне очень нужен бульон. И именно куриный. Поэтому принимайся за готовку и принеси его как можно скорее. Это понятно?

Вновь стон. Она позволила себе чуть разжать пальцы, но не настолько, чтобы он позвал на помощь или совершил еще какую-то глупость.

– За птицу заплачу. А если еще раз заикнешься о том, что вышвырнешь нас... Поверь, лучше тебе этого не делать. Ты даже не представляешь, сколько проблем можно огрести от такой мерзкой, ненормальной, сварливой бабы, как я.

Она положила перед его носом рен-марку, немного обрезанную по краям. Ей страшно не хотелось расставаться с монетой, но сейчас требовалось остаться здесь и избежать возможных неприятностей. Не из-за себя. Из-за Шерон. Забота о других никогда не была достоинством сойки, но теперь приходилось думать и об этом.

Трактирщик устался на серебро, затем перевел взгляд на Лавиани.

– За птицу. И наше недопонимание. – Она сделала над собой усилие и улыбнулась, хотя ей больше всего хотелось сунуть его головой в котел с кипящей похлебкой.

Сукин сын испортил ей настроение на целый день.

Тот, кряхтя, встал, забрал монету, попробовал на зуб. Серьезно кивнул:

– Забыли. Сказала бы сразу, была бы тебе курица.

Ей хватило выдержки не напомнить тупоумному кретину, что она изначально предложила плату, но тот не воспринял ее всерьез.

– Бульон, – еще раз повторила Лавиани. – А затем углей в жаровню в нашей комнате. Моя спутница приболела после долгих дней в пути.

– Все будет. Дай время.

Она села за стол, провела рукавом по столешнице, на которой остались крошки от чужой трапезы, прислушиваясь к разговорам. Среди застрявших на этой стороне перевала были всякие – несколько молодых людей, путешествующих в Алагорию, пожилой воин, трое торговцев и какие-то фермеры. Утром прибыл гонец, продравшись сюда через непогоду из городка, расположенного ниже по тракту. Сейчас он восседал на высоком, едва заметно покачивающемся стуле, черпал ложкой мясную похлебку и в перерывах пересказывал последние слухи, отловленные им за время пути.

– В Горном герцогстве беда. Слышали, наверное, уже? Нет? Двое старших сыновей его милости найдены мертвыми.

– Карифское отродье, – проворчал сидевший слева от Лавиани купец, судя по черной кудрявой бороде, дагеварец.

Рассказчик услышал его, повернулся с усмешкой:

– Твоя страна не любит карифцев, любезнейший. Вечно змеи не в ладах с грифами[1].

– Герцогу гор не стоило брать в жены внучку Стилета Пустыни, Палача Эль-Аса и Убийцы сотен жен[2].

– Пф! – фыркнул седовласый воин, положив мозолистые руки на стол. – Семьдесят лет прошло, а вы в Дагеваре все еще вспоминаете ту войну. Сами полезли, сами получили по носу в Красных холмах[3]. Карифский герцог вернул вам долг за сожжение приграничных городов, только и всего. Я бы не советовал называть герцогиню такими словами. Живущие в горах боготворят эту женщину. Окажись они здесь, то оттащали бы тебя за бороду, не посмотрев на твой возраст.

Торговец нахмурился, но не стал спорить с кряжистым человеком, опоясанным мечом. Лишь поджал губы и отвернулся.

– Кто их убил? – спросил невысокий юноша, деливший маленькую комнату с шестью своими спутниками.

– Кто же знает, парень? – Гонец задумчиво облизал ложку. – Разное говорят. Кое-кто про заговор твердит. У благородных за этим не заржавеет. Режут они друг друга никак не меньше, чем простой люд. А герцог давно не в ладах со своим кузеном, который так и метит на Львиный трон. Кто-то о зимней стуже^[4] шепчет, мол, вновь появилась эта болезнь. Такая дрянь и взрослого мужика убьет, не говоря уже о детях. А кто-то и вовсе небылицы рассказывает. Мол, появились в покоях герцога шаутты, перебили гвардейцев и челядь, а детей выпотрошили. Лишь младший сын уцелел – он с отцом был в охотничьем замке.

– А герцогиня? – спросила дочь хозяина постоянного двора, перестав убирать со стола посуду.

– Про нее ничего не слышал, милая.

Торговец прошептал себе в бороду, что хорошо было бы, если бы карифку прикончили демоны. Но никто, кроме Лавиани, этого не услышал.

– Шаутты! – фыркнул тощий мужик в стертых сапогах, сидевший возле камина. – Чего сразу не Скованный?

– Зря смеешься, – серьезно сказал ему купец-дагеварец, вновь влезший в разговор. – Эти твари существуют.

– Ну да. Конечно, – скривился тот.

Воин посмотрел на мужика мрачно:

– Если ты не встречал заблудившегося, это не значит, что его нет. Загляни на Летос, поймешь, отчего жители ночами сидят по домам. Второй раз за месяц я слышу о шауттах. В Ириасте, говорят, они вырезали целую деревню. А на севере, на дорогах, видели мэлгов. Передовые отряды то и дело шастают по Накуну, в тысяче лиг от своих берлог.

– Мэлгов? Но ведь они много веков живут в Пустыни, – удивился юноша. – Рубеж незыблем.

– Рубеж незыблем лишь в твоих фантазиях, парень, – усмехнулся воин. – Граница растянута на сотни лиг. Отряды мэлгов порой проникают глубоко в наши земли. Просто здесь, на западе, об этом мало задумываются. Все заняты другими делами. Кого интересует, как живут люди за Туманным лесом?

– Темные времена наступят. Помяните мое слово, – проронил гонец.

– Не каркай, – одернул его торговец.

– Рад бы. Да только война не за горами.

Лавиани не стала больше слушать и, когда трактирщик поставил на стол горячий горшок, забрала у него прихватки и отнесла еду в комнату на первом этаже, пройдя через зал, а затем по более холодному коридору.

В маленькой комнатухе на две узких кровати было гораздо теплее – здесь в жаровне

мерцали угли. Шерон, укрытая парой одеял, спала, отвернувшись к стене. Лавиани достала из сумки травы, собранные еще до наступления холодов. Растерла между ладоней сухие листья, вдыхая пряный, чуть горьковатый аромат.

Она знала, что это поможет, и высыпала лекарство в бульон. Затем растолкала Шерон. Лицо той блестело от пота.

– Прости, я заснула, – прошептала она.

– Сон лечит. Так что хорошо, что ты поспала, – ровным голосом ответила сойка и протянула ей миску с бульоном. – Ешь.

Девушка сглотнула, и ее лицо побелело еще больше, когда она почувствовала запах еды.

– Кажется, мне сейчас будет хуже.

– Тебе будет хуже, если ты не сделаешь так, как я прошу. – Теперь Лавиани говорила жестко. – Это лихорадка. Надо лечиться. Выглядишь ты ужасно. Если хозяин вдруг решит, что у тебя нечто вроде зимней стужи, то нас выбросят на улицу всем трактиром. Люди боятся болезней, появившихся после Катаклизма.

– Это не стужа.

– Разумеется. Зрачки у тебя не голубые, а волосы не побелели. Но люди со страху разбираться не станут. Сейчас важно прогнать лихорадку. Пока ты не встанешь на ноги, мы не можем двигаться дальше. А значит, к Тиону ты точно не приблизишься.

Девушка с отвращением посмотрела на еду, но спорить не стала. Неохотно съела все, что было, несколько раз прерываясь, закрывая глаза и чувствуя подступающую тошноту.

– Молодец. А теперь спи, – сказала сойка, забирая опустевшую миску.

– Тэо. Он вернулся? – спросила указывающая, падая на подушку.

– Спи, – ответили ей, мягко толкнули в плечо, и Шерон провалилась в тяжелый сон.

На улице все так же мело. Ветер выл на открытых пространствах, и от тракта осталось одно воспоминание. Лавиани бежала в снегоступах, низко надвинув на лицо капюшон, но все равно то и дело порывы хлестали ее по обветренным губам. Был уже вечер, не самое лучшее время для того, чтобы покидать теплый трактир, но отсутствие акробата тревожило ее. Парень нарушил все сроки, застрял шаутт непонятно где, хотя до соседнего городка, куда он отправился, был всего лишь час пути.

За время путешествия на восток они проехали два герцогства и оказались у склонов Мышиных гор к концу месяца Василиска, на пороге долгой зимы. Не самая лучшая пора для тех, кто все время в дороге, но им не приходилось выбирать. Зимовать на одном месте не планировали – времени на такую роскошь у них не было.

Она вновь подумала о Тэо. Отвар из цветов, собранных на Талорисе, помогал ему, метка той стороны теперь росла куда медленнее, и его перестали мучить кошмары, но Лавиани видела, что болезнь никуда не делась. С каждым днем он шагал к тому, чтобы стать пустым.

И она врала даже себе о тех причинах, что заставили ее отправиться в дорогу со своими спутниками. Истинную и самую главную Лавиани знала, хотя и не желала о ней думать. Когда придет тот день и мальчик остановится на границе между светом и

тьмой, ей надлежит быть рядом. Чтобы оборвать его жизнь, не дать циркачу превратиться в чудовище и причинить много бед.

Снег теперь падал сплошной стеной, деревья вдоль запорошенной дороги скрылись из виду, а где-то далеко-далеко раздался волчий вой. Сойка ругнулась и ускорила темп.

Две темные фигуры, тяжело шедшие ей навстречу, она увидела неожиданно, едва не врезавшись в них. У людей на плечах лежали настоящие сугробы, а на ногах не было снегоступов, поэтому они то и дело проваливались в снег чуть ли не по колено. Было видно, что путники стараются не задерживаться, опередить ночь и дойти до жилья, пока не стемнело.

Ее голову привычно сдавил стальной обруч, а сознание обожгло волной ненависти.

– Шестеро тебя заberi! – сказал ближайший к ней, и сойка узнала голос акробата. – Откуда ты здесь?

Чувствуя одновременно злость из-за того, что за эти часы успела отвыкнуть от его присутствия, но и облегчение, что с ним не случилось ничего страшного, она буркнула:

– Рыба полосатая. Шла искать твой окоченевший труп. Где ты застрял?

– Снег, – коротко ответил тот. – Надеялся, что распогодится. Но больше ждать не стал, и мы пошли.

Это «мы» заставило ее перевести взгляд на незнакомца. меховая шапка была низко надвинута на его лоб, а нижняя часть лица замотана серым шарфом. были видны лишь глаза – ярко-зеленые и смеющиеся, несмотря на не слишком приятную обстановку вокруг. Из-за плеча человека торчала рукоять полторного меча. Именно по оружию она узнала, кто перед ней.

– Фламинго.

– Сиора помнит название моего клинка, – глухо сказали ей из-под шарфа.

– Сиора даже после смерти его не забудет, – довольно грубо ответила она. – Что ты здесь забыл, парень?

Тяжелый плащ с теплым барсучьим воротником, наброшенный поверх стеганой куртки, скрыл пожатие плечами:

– Накун за перевалом. Судя по рассказу Тэо, не мне одному хочется перейти горы.

Лавиани скрипнула зубами, ожгла акробата злым взглядом. Растрепал, заberi его шаутт! Вот чего уж она точно не переносила, так чтобы чужаки знали о ее планах.

Ни тот, ни другой словно не заметили недовольства женщины. Вновь завывали волки, и с запада им пришел ответ. Люди вслушивались в далекий вой, разлетающийся по зимнему лесу, несмотря на ветер. Затем Мильвио произнес:

– Стоит найти надежные стены. Если стоя большая, то это серьезный вызов.

– Ну хоть у одного из вас есть мозги, – буркнула Лавиани. – Впрочем, я тороплюсь с оценкой умственных способностей. Какая причина не позволила вам воспользоваться снегоступами?

Тэо улыбнулся обветренными губами:

– Не нашли. Зато ты, как я посмотрю, где-то их раздобыла.

– Позаимствовала у какого-то олуха, – ничуть не смутившись, ответила сойка. – Если он не следит за своими вещами, отчего я должна беречь его собственность?

– Логично. – Ей почудилось, что мечник усмехается из-под шарфа. – К сожалению, на нашем пути не попало такого простофили. Давайте поспешим, пока снег не замел ваши следы, сиора.

– Сиора и без следов знает, куда идти. – Она опустила лицо так, чтобы снежинки не попадали ей на ресницы.

Они пробирались через белую стену метели больше часа, хотя в нормальную погоду до стоянки рукой было подать. Вновь завывали волки, уже близко, и тон их голосов изменился. За спиной сойки раздался мягкий шелест, меч Мильвио покинул ножны.

– Расслабься, мальчик, – бросила она ему через плечо.

– Что-то не так, – ответил он, пытаясь разглядеть происходящее сквозь свирепствующую метель. – Это не они гонят добычу. А их.

– Откуда ты знаешь?

– Встречал волков и прежде. Они испуганы и говорят об этом всем, кто способен их услышать.

Сойка вздохнула, повернулась к нему:

– Мы не волки. Мы люди. И почему меня должны волновать проблемы блохастых тварей? Пусть они хоть наизнанку вывернутся или откусят себе хвост – наша задача дойти до трактира. Моя задача. И вот этого циркача – уж точно. Если тебе с нами не по пути, оставайся и слушай их песни.

– Ты не понимаешь.

– Чего же? – участливо спросила она.

– Волки – хозяева этих лесов. Тигры живут южнее, рысь и медведь не могут заставить бежать целую стаю. Представь, что будет, если тот, кто охотится за ними, обратит внимание на нас?

Она представила. И ей это совершенно не понравилось. Шаутт знает, кто живет в предгорьях. Со времен Катаклизма развелось достаточно много тварей. Пускай они и редки, но, как говорится, никто не поручится, что не столкнешься с чем-нибудь подобным в один из не самых приятных дней своей жизни.

– Ну тогда, быть может, мы не будем стоять здесь и станем перебирать ногами живее?!

– Думаю, это разумно, сиор Мильвио, – сказал Тэо.

– Просто Мильвио, приятель, – попросил тот.

Они вновь двинулись вперед, теперь уже не задерживаясь, кляня про себя плохую погоду и то, что могло скрываться в ее сердце. Среди холода, наступающего мрака и бесконечной белой круговерти.

Теперь волки перекликались где-то севернее, постепенно уходя от тракта. Но даже Лавиани была рада, когда наконец впереди показалась каменная ограда. Снегоступы она скинула одним движением возле двери трактира и тут же закопала их в снег, под

осуждающим взглядом акробата.

Мильвио уже был внутри. Он осматривал зал, сняв шарф, и сойка увидела, что его подбородок и щеки заросли трехдневной щетиной.

С кухни выглянул хозяин, и мечник пошел договариваться о комнате, на прощанье пожав Тэо руку и дружелюбно кивнув женщине. Та проигнорировала его, взяла акробата за плечо, потянула за собой, отведя в самый темный угол.

– Где, шаутт побери, ты его нашел?! – прошипела она.

– Встретил в городе. Ты что-то имеешь против?

– А то! Какой тьмы столь внезапная встреча? Мы видели его в последний раз на Летосе, и вот он снова рядом.

– Успокойся. Люди имеют такое свойство – встречаться друг с другом. Случайно. Поверь человеку, который всю жизнь провел в дороге. Он не первый и не последний.

Она поглядела на него, точно на неразумного ребенка, понизив голос до шепота:

– Поверь человеку, который всю жизнь провел среди Ночного Клана. Подобные встречи подозрительны.

– Твоя осторожность...

– Не раз спасала мне жизнь! – перебила его Лавиани. – Я не доверяю этому парню.

– Есть причина? Хоть одна?

– Нет. И что с того?

– Ты и мне не доверяла, – напомнил он ей. – И Шерон. Это дело привычное. У него нет повода преследовать нас. Охотники за головами потеряли ко мне интерес после того, как кто-то убил Эрбетов. Нет нанимателя, нет и денег. Ты сама говорила мне об этом месяц назад, как только до нас дошли новости. Или думаешь, что он из Ночного Клана и ищет тебя? Ты так и не рассказала, почему твои друзья охотятся...

Циркач охнул и прервался, когда ее палец болезненно ткнул его куда-то под грудину.

– Может, не надо подробностей? Тем более ты все равно ничего о них не знаешь, – мило проворковала она. – Он не из Пубира. Тут ты прав. Но все равно чужаки – к беде.

Тэо, понимая, что не сможет переубедить ее, устало вздохнул.

– Проще научить мэлга питаться одной лишь травой, чем переспорить женщину.

– Как он тебя нашел?

– Никак. Я его первым увидел.

– Ясно. – Сойка немного подумала. – И конечно же твое наивное дружелюбие не подсказало ничего умнее, чем подойти и поздороваться. Очень похоже на тебя. Надеюсь, через пару дней каждый из нас отправится своей дорогой, и ты с большим удовольствием скажешь мне, как я заблуждалась. Тебе удалось достать, что я просила?

– Да. Когда аптекарь увидел список, он смотрел на меня странно. Почему?

– У него бы спросил. – Она забрала несколько упаковок, перетянутых бечевкой. – Я же не могу залезть в голову человеку, который от меня за лигу, и не имею ни малейшего понятия, что он там подумал. Но, например, если смешать это и это в теплой воде, то ложкой подобной дряни можно отравить весь трактир.

Тэо нахмурился:

– И ты собираешься этим лечить Шерон?

– Расслабься, мальчик. Я знаю пропорции и сочетания. Это точно поставит ее на ноги в ближайшие дни. Ты молодец, что добыл лекарства. А остальное мне понадобится для других дел.

– Вот как? – Он с подозрением сощурился. – Надеюсь, это не будет таким же сюрпризом, как то, что ты сотворила на прошлой неделе?

Она уставилась на него, не понимая, о чем он говорит, затем, догадавшись, кисло проронила:

– Ну да, я совершила ошибку.

– И довольно опасную.

– Нам нужны были деньги, а у этого благородного чванливого капустного кочана их было с избытком.

– Именно поэтому его люди перевернули весь город в поисках тебя.

– Ничего бы они не нашли, – отмахнулась женщина.

– Прячась по твоей милости, мы потеряли дни и успели к горам лишь к началу снегопадов. Но уже хорошо, что ты признаешь эту самую «ошибку».

Она подалась к нему, весело ухмыльнувшись:

– Не выдавай желаемое за действительное, мальчик. Моя ошибка не в том, что я позаимствовала денег у того, у кого их и так с избытком. Я прокололась лишь в том, что оставила его в живых. Мертвецы не охотятся за своими золотыми марками.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – покачал головой Тэо.

– Даже не знаю, как воспринять твои слова. То ли как комплимент, то ли как недовольство моим существованием. – Говоря это, она следила за Мильвио, который в этот самый момент скидывал с плеч тяжелый плащ. – От тебя у меня жутко разболелась голова. Проваливай спать. А мне надо еще смешать лекарство и влить его в девочку, если, конечно, мы действительно хотим найти вашего Тиона.

Была глубокая ночь, огонь в жаровне ослабел, прижался к мерцающим углям и потерял большую часть тепла. Его рубиновые отсветы лежали на грубом дощатом полу и части ближайшей кровати, а дальше в остывающей комнате властвовала тьма.

Лавиани, забившись в угол, набросив на плечи куртку, слушала ровное дыхание указывающей. Та, получив дозу снадобья, спала здоровым сном. В середине ночи сойка, негромко ворча, сняла с так и не проснувшейся девушки промокшую от пота одежду, завернула в сухую простыню, накрыв несколькими одеялами.

Если бы нашелся тот, кто захотел бы поспорить, то женщина готова была поставить

свой нож на то, что к утру Шерон будет в двух шагах от того, чтобы отправиться в путь.

Лавиани чувствовала присутствие Тэо, он находился в соседней комнате, за стеной, но ее способности говорили ей о нем редкими уколами в сердце и едва слышным шепотом, появляющимся, стоило ей лишь ослабить волю.

«Убей, убей, убей».

Метка той стороны на лопатке акробата была для нее такой же раздражающей дрянью, как шуршание мыши для кошки. Хочешь не хочешь, а все инстинкты требуют действий.

Причем немедленных.

Она видела, как парень изменился за эти месяцы. Он меньше улыбался, больше хмурился, и, хоть легкость не покинула его тело, было заметно, как участь пустого тяготит его.

За стеной не переставая выл ветер и бесновалась выюга.

Краем глаза женщина заметила нечто странное, повернулась, посмотрела на жаровню. Она не отрывала от нее взгляда больше минуты, затем это произошло вновь – несколько белых бликов на мерцающих рубином углях.

Через секунду она была готова поклясться, что слышала ослабленный расстоянием и непогодой крик. Быстро подошла к крохотному окошку, стараясь разглядеть, что творится на улице.

Почти сразу же по коридору кто-то прошел – скрипнула половица. Женщина выглянула за дверь.

Светловолосый треттинец стоял возле входа в общий зал, удерживая в руке обнаженный меч. Он чуть склонил голову, точно большая собака, вслушиваясь, и, сделав шаг, скрылся из ее поля зрения.

Она услышала, как скрипнули петли, и внутрь помещения на мгновение ворвался холодный ветер.

Пальцы Лавиани начали застегивать деревянные пуговицы на куртке и затягивать кожаные завязки. Подхватив лежащее под ногами копье, она выскользнула на улицу, плотно прикрыв за собой дверь и надеясь, что никто из семьи трактирщика не проснется и не поставит засов на место до тех пор, пока она не вернется.

Несколько мгновений ее глаза привыкали к ночи, начав различать стальные, свинцовые, серебряные и антрацитовые оттенки. Следы человека – темные пятна чернил на матовых оловянных холмах снега – цепочкой уходили за хозяйственные постройки, туда, где начинался тракт и лес.

– Рыба полосатая, – прошептали ее губы.

Сойке потребовалось несколько мгновений, чтобы оторвать снегоступы и сунуть в них ноги, затянув ремни. Она побежала сквозь серебряные стальные чешуйки снежинок, сотнями падающих перед ней. Выглянула из-за угла сарая, скрипнула зубами.

На замеченном, холодном тракте вокруг разорванных трупов кружили тени. Она была далека от того, чтобы влезать в дела незнакомца. К тому же тот все равно опоздал. Двоим людям, которых порвала волчья стая, уже ничем не поможешь.

Семеро крупных, матерых зверей были заняты мертвецами, пожирая все еще горячую

плоть, и лишь один отвлекся на мечника. Он прыгнул на Мильвио быстро, стремительно, и бастард, описав широкую дугу, разрубил волка на две половины.

Напавший на человека не издал ни звука, но верхняя половина тела все еще раскрывала пасть, щелкая челюстью. Остальные волки подняли испачканные кровью морды, повернулись к треттинцу. Парню в ближайшие несколько минут придется несладко. Особенно если учитывать, что он стоит по колено в снегу, а значит, движения его скованны. И одновременного нападения с нескольких сторон не переживет даже этот улыбающийся полудурок, рискнувший выбраться наружу из безопасного трактира.

– Рыба полосатая. Ты об этом еще пожалеешь, – сказала она, сложила губы и негромко свистнула.

Двое волков тут же бросились в ее сторону. А затем, помешкав несколько мгновений, следом за товарищами кинулся третий.

Сойка отступила назад, за сарай, покрепче сжав копьё. Мелькнула тень, зверь выскочил прямо на нее и грудью напоролся на наконечник. Зверюга оказалась тяжелой, и удар едва не сбил ее с ног. Женщина потянула древко на себя, одновременно проворачивая, сбрасывая с клинка лохматое тело в сугроб.

Второй волк растянулся в прыжке, метая ей в горло. Лавиани пригнулась, пропуская его над собой, в последнее мгновение ткнув копьём вверх, распарывая живот. Зверь упал, взметнув снег во все стороны.

На снегоступах, очень ловко, женщина отскочила к стене, и третий противник пролетел мимо и напал... одновременно с первым.

– Скованный вас заberi! – В ее возгласе было больше удивления, чем злости.

В скоротечной горячке схватки она даже не заметила, что крови на снегу и на наконечнике копья практически нет, а волчьи глаза блеклые и пустые.

Мертвые.

Третий волк, с распоротым животом, с волочащимися за ним потрохами, выбирался из сугроба.

Она выставила перед собой копьё, спиной прижавшись к стене. Страшный зверь напал, целясь в лицо, и она с криком проткнула его насквозь, пригвоздив к доскам. Прыжок второго волка отбила ногой, попав в голову, сломав снегоступ. Тут же выхватила из-под куртки нож, сама прыгнула вперед, обрушилась на мертвеца сверху, запустив пальцы левой руки глубоко в загривок, фиксируя так, чтобы клацающие челюсти не могли до нее дотянуться.

Краем глаза отмечая, где находится волк с выпущенными кишками, она взялась за работу, разумно полагая, что мертвец без головы даже если и останется «жив», то хотя бы не сможет кусаться.

Она «разделала» зверя в несколько движений – полотно даже не задержалось на позвонках, пройдя сквозь них, точно мэлг через десяток ополченцев Рубежа.

Сойка отбросила башку в сторону, шагнула, и правая нога со сломанным снегоступом провалилась в снег по колено.

Она выругалась, рванула ремни левого, снимая его, не желая ковылять, точно подстреленная курица, и в этот момент нечто врезалось ей в спину, рвануло плотную куртку так, что затрещала кожа и мех. Лавиани не удержалась на ногах, упала лицом в снег, выронив нож. Лишь успела про себя отметить, что волк с распоротым животом

прополз почти все расстояние до нее.

Но сейчас было не до него. Тот, четвертый, который появился настолько внезапно, был намного опаснее.

Женщина втянула голову в плечи, прижала подбородок к груди, напрягла руки, подбросила себя в воздух вместе с тушей волка, продолжавшего бездумно рвать на ней куртку.

– Замри, сиора! – раздался над ней голос, и она застыла, подчиняясь приказу, подумав, в какой дурацкой позе сейчас находится и как над ней ржал бы весь Пьяный квартал Пубира, если бы хоть кто-то увидел, что страшная сойка с перекошенной рожей стоит на карачках.

Удар меча снес волка с ее спины. Мильвио перепрыгнул через Лавиани, перерубил лапы твари с распоротым животом. Женщина откатилась в сторону и стала шарить голыми руками в ледяной белой крупе.

– Это ищешь? – Мечник протянул ее нож.

Лавиани молча забрала оружие, повернулась к припиленному копьём зверю, ощущая холодный ветер, обжигающий спину из-за разорванной куртки.

– Надо прибить гадину, Фламинго.

Мертвый зверь беззвучно рвался, разевая пасть и пытаясь дотянуться до людей.

– Я разберусь с ним, сиора. – Мильвио перехватил меч для нисходящего удара, но он не понадобился.

Сойка ощутила, как разлитое в воздухе напряжение лопнуло, точно перетянутая струна, и в ту же секунду волк дернулся и затих. Сила, заставлявшая его «жить», ушла.

– Мир катится в пропасть. Шаутты бродят по пустынным дорогам, а мертвые оживают, – задумчиво произнес треттинец. – Я думал, что мифы остались на Летосе.

– Не ты один. – Она взялась за древко, с силой провернула его, вырывая из досок и сбрасывая тело в снег. – Вечером ты говорил, что за стаей гнались. Судя по тому, что я вижу, их догнали.

– Нет, – возразил Мильвио. – Это другие. Тела старые. И давно лежали, пока кто-то не поднял из-под снега.

– Кто-то? Не ищи причину в людях, мальчик, – с деланой беспечностью отмахнулась сойка. – Это очередное дыхание Катаклизма.

Мильвио покачал головой.

– Катаклизм – это когда оживают умершие ночью люди и горит синее пламя. – На его волосы падали крупные снежинки, но он словно не замечал этого. – Я видел белый огонь на свече.

Она дернула плечом, досадуя на весь мир, но все еще продолжала улыбаться:

– Чего только не покажется в полночь.

– Легенды говорят, что белое пламя указывает на присутствие некроманта, сиора.

Она рассмеялась и понадеялась, что это выглядит не фальшиво:

– Тебе стоит заглянуть под свою кровать, мальчик. Вдруг он там лежит в обнимку с каким-нибудь шауттом.

Но тот даже не улыбнулся:

– Тэо сказал, что Шерон с вами.

Лавиани все еще растягивала губы и старалась быть вежливой:

– На что ты намекаешь, Фламинго?

Он тяжело вздохнул, посмотрел на собеседницу со странной печалью:

– Она указывающая. А значит, потомок тех, кто правил мертвыми. Я буду молчать. Но она должна знать. Ты понимаешь?

– Знать что? – с вызовом спросила та, все еще не решив для себя, ткнуть человека копьём под подбородок или не спешить.

– Шерон должна быть в курсе того, что произошло. – Мильвио, словно не замечая ее напряжения, положил меч на плечо.

– Девочка здесь вообще ни при чем. Заруби себе это на носу. Указывающие спасают людей от мертвых, но не поднимают их.

Его зеленые глаза сейчас казались темнее ночи, что их окружала.

– Скажи ей, – произнес он, отвернувшись, и опустил меч на труп волка, отрубая тому голову.

Мгновение она смотрела на его беззащитную спину, затем плюнула и пошла прочь.

К трактиру.

Угли в камине зала едва тлели. Лавиани кинула в него несколько березовых поленьев, стянула с себя куртку, села за ближайший стол, с остервенением выругалась, разглядывая рваную дыру на спине. Просто чудо, что ей не вырвали позвоночник.

Тихо отворилась дверь, стукнул засов. Мильвио подошел к ней, ссыпал с ладони на стол волчьи зубы и ответил на ее непонимающий взгляд:

– У некоторых родов Треттини есть поверье, что волки, забирая человеческую жизнь, не дают душе попасть на ту сторону. Тогда она сама превращается в зверя и мечется по лесам в поисках припозднившихся путников. Так что считается, что тот, кто спас тебя от волка, подарил вторую жизнь душе. Стал почти что родственником. Такому человеку отдают волчьи зубы.

– Родственником? Не собираюсь становиться твоей доброй тетушкой, – буркнула та. – Да и помощь тебе моя не нужна была. Сам бы справился.

– С живыми, возможно. Но мертвые... – Он покачал головой. – Твоя чизтта оказалась не лишней, сиора.

– Что? – не поняла та.

Мильвио кивнул на короткое копьё:

– Чизтта. Довольно редкое оружие. Доброй ночи, сиора.

– Эй! – возмутилась она. – Что мне делать с клыками?

Мечник посмотрел на нее с иронией:

– Не имею ни малейшего понятия, как ты должна с ними поступить. Хочешь, сделай из них ожерелье.

Лавиани уставилась на него с явным желанием прожечь дыру:

– Я что, похожа на ту, кто носит ожерелья, Фламинго? На кой шаутт мне зубы мертвых псин? Разве я могу на них купить себе новую куртку?

Он лишь обезоруживающе улыбнулся и ушел.

– Так я и думала. – Сойка вновь надела рваную одежду.

Она планировала избавиться от трупов. Оттащить их подальше в лес. Лишний переполох утром, а значит, и лишнее внимание к ней совершенно ни к чему. Оставалось надеяться, что южанин не станет болтать за завтраком о случившемся.

Уже с порога она вернулась и, собрав разбросанные по столу волчьи клыки, убрала их в карман.

Глава третья

Ловчие

Они приходят с туманом и снегом. В дни, когда их не ждешь, с кровью и за кровью для тех, кто дремлет в горах.

Древняя легенда герцогства Тараш

Ей снилась залитая светом долина с высокой, шелковистой, ярко-зеленой сочной травой. Такой высокой, что она видела лишь небо да ослепительно-белый диск солнца.

Где-то далеко монотонно и умиротворяюще журчала вода. Должно быть, там протекал прыгающий по перекатам ручей. В воздухе гудели шмели, и нет-нет перед глазами пролетали ярко-голубые бабочки, крылышки которых сверкали металлическим блеском.

Она не знала, как сюда попала. И ей было все равно. Лежала на спине, лишенная рук и ног, и больше всего на свете хотела есть. Голод ножом резал пустой желудок, боль в нем нарастала, а затем перепрыгнула на позвоночник, заставив вскрикнуть. Тонко, жалобно и совершенно беззвучно – у девушки не было ни ушей, ни рта, и ее вопль никто не услышал.

Боль между тем выкручивала позвонки, выдирала их один за другим, а после дробила в мелкое крошево. Она потянулась через огонь, собиравшийся в ее животе, словно талая вода, заставляя слепо шарить где-то там, пытаясь найти хоть какое-то подходящее тело. Все дальше и дальше. За ручей, высокую траву, гладкие мшистые камни и низкие деревья, нависающие над ручьем.

Внезапно она коснулась снега. Холодного, колючего, острого, точно прибрежные камни. Сверху он казался пушистым, но стоило зарыться чуть глубже, и наст, припорошенный недавней метелью, был твердым, точно алмаз.

Тело, которое она нашла, лежало и тут и там. Оно оказалось многочисленно, могло двигаться, а значит, найти ей еду. У него было множество глаз, и девушка смотрела ими на угольные столбы заснеженных деревьев, на молочные холмы, на сыплющиеся с неба снежинки.

Наконец-то можно было избавиться от оков неподвижности и нестись вперед множеством себя. Насладиться свободой. Жизнью.

И так продолжалось до тех пор, пока она не догадалась посмотреть на себя со стороны. На седовласые загривки, на оскаленные пасти, на глаза – матовые, отталкивающие, мертвые. И в этот самый миг, ужаснувшись содеянным, указывающая потеряла контроль над своими телами.

На лицо упало нечто затхлое, закрывшее глаза. Теперь кто-то другой бежал вместо нее, несясь вперед, выискивая уже не еду, а добычу. Она боролась с ним так долго, что почти лишилась всех сил. Этот некто был яростен, зол и голоден.

Но не так, как Шерон.

Он голодал от желания убивать и жаждал пожрать любого, кто окажется у него на пути. Вгрызться в плоть мертвыми зубами и вырасти в нечто более опасное и крупное. Этого нельзя было допустить, и поэтому, сосредоточившись, она нанесла один-единственный удар, перерубая связь со своим многолапым телом.

А затем вокруг наступила тьма. Закружила ее и бросила в забвение.

Серый рассвет стучался в ледяное окно, заглядывал в полутемную комнату, опережая солнце. Шерон несколько секунд изучала низкий потолок, потом приподнялась на локте. Голова после сна была тяжелой.

Лавиани не спала, сидела на соседней кровати, забравшись на нее с ногами, и не спускала с девушки глаз.

– Можно воды? – попросила указывающая, но вместо слов из горла вырвалось какое-то хриплое карканье.

Сойка поняла просьбу, взяла со стола кружку с остывшим отваром. Шерон делала осторожные глотки, не понимая, отчего подрагивают пальцы.

– Ты металась во сне.

– Должно быть, кошмар. – Девушка вернула опустевшую кружку.

– Помнишь его?

Она закрыла глаза, сосредоточилась, но в голове была лишь вязкая пустота.

– Нет. А это важно?

Лавиани помедлила с ответом, слушая, как мимо двери по коридору идет кто-то из проснувшихся постояльцев.

– Ночью огонь горел белым.

Шерон нахмурила красивые брови.

– Уверена? Вот таким цветом? – Ее левое запястье на несколько секунд охватило едва видимое белое сияние – бледный признак ее дара.

– Да.

Мгновение девушка медлила с вопросом:

– Хочешь сказать, что это из-за меня?

Лавиани вздохнула:

– Думаю, в этом трактире лишь один некромант, девочка.

– Не называй меня так.

Сойка пожала плечами:

– Указывающая, некромант. Не все ли равно? Важно, что ты та, кто ты есть. И ночью потеряла контроль над своими способностями. По счастью, в такой час не спала только я, иначе бы весь постоянный двор уже стоял на ушах. Часто с тобой такое случается?

Шерон покачала головой:

– Я всегда держу способности в узде. Ни разу за всю мою жизнь огонь не горел белым, пока я спала. Мне бы обязательно сказали.

– Ну вот я тебе и говорю, – усмехнулась та, и Шерон почудилось, что усмешка вымученная. – Это может быть связано с Талорисом?

– Возможно, – признала Шерон. – После того как я смогла коснуться заблокированного дара и убить шаутта, чувствую себя не слишком хорошо. Болезнь... Со мной такое уже случалось. В юности. Молодым указывающим требуется время, чтобы сжиться с проснувшимся даром.

– Хочешь сказать, что после Талориса у тебя появились новые способности? Новый дар?

– Нет. Все как прежде. У меня столько же сил, такие же умения. Не с чего хворать.

– Как ты себя чувствуешь сейчас?

– Гораздо лучше.

Лавиани села рядом, положила ладонь на лоб девушки, закрывая глаза. Шерон знала, что та делает – лечит и проверяет, все ли с ней в порядке. Указывающей очень хотелось узнать об этой части умений тех, кого когда-то называли таувинами, но сойка лишь отделялась какими-то общими словами или же и вовсе рычала да просила оставить ее в покое.

– Ты идешь на поправку, девочка, – наконец произнесла Лавиани, отстраняясь. – Уже завтра, если все будет так же хорошо, сможем продолжить путь.

Только сейчас Шерон поняла, что не слышит воя ветра за окном.

– Погода улучшается?

– Да. Если повезет – пройдем перевал. У меня уже в печенках этот снег, и на той стороне гор окунемся в весну. Год, подходящий для капризов Катаклизма. Большая часть востока сплошные леса, пустоши да дикий край. Неплохие места, если честно. Мало людей.

Девушку насторожил этот беззаботный тон. Обычно Лавиани не была настроена позитивно. Поэтому Шерон спросила тихо, но твердо:

– Что-то случилось?

Собеседница пару мгновений смотрела ей в глаза, затем признала:

– Ночью ты подняла мертвых волков. Целую стаю.

Указывающая подтянула колени к груди, усаживаясь поудобнее.

– Если бы я знала тебя чуть хуже, то сочла бы, что ты шутишь. Но на такую удачу мне рассчитывать не приходится. Ведь так?

– Так. Шутки у меня обычно выходят плохие.

– Значит, волки. Мертвые. – Она попробовала это слово на вкус и ощутила на языке пепел. Просто отвратительная новость. – Сколько их было?

– Семеро.

– Немало. Кто-нибудь пострадал?

– Никто, кроме моей куртки, – не моргнув глазом ответила сойка. – Я справилась с ними.

– Хорошо. – Шерон пальцами потерла виски. – А тела?

– Оттащила к лесу, чтобы не волновать народ. Так что никто не задаст никаких вопросов. Но тебе стоит подумать, что может случиться в будущем. Особенно если поблизости будет не мертвый волк, а человек. Не хотелось бы, чтобы под боком завелся заблудившийся.

– Заблудившиеся – это проявления магии той стороны, оставшейся после Катаклизма. Они встречаются только на Летосе. Здесь – что-то другое.

Лавиани фыркнула:

– Ага. Другое. Проявление твоей магии. Но поверь, девочка, простому человеку без разницы, какой сорт поднявшихся мертвецов будет его жрать. Поэтому ты уж постарайся не допустить столь печального события.

– Если бы еще я знала, как это сделать.

– О, это проще некуда. Ты либо должна не спать, либо просыпаться, либо научиться контролировать свой разгулявшийся талант. Пойду принесу еще кипятка.

– Не все так просто.

– А разве я собиралась тебя обнадеживать?

– Постой! – окликнула ее Шерон. – Ночью точно никто не пострадал?

Сойка посмотрела на спутницу с нескрываемым раздражением:

– Клянусь своим завтраком. А теперь хватит волноваться по пустякам, и дай мне поставить тебя на ноги.

Летос был ее домом, и земли, находящиеся за морем Мертвецов, она всегда воспринимала как что-то само собой разумеющееся. Знала, что они огромны и разнообразны. Но одно дело знать и понимать, что никогда не покинешь родные острова, а другое – оказаться на материке и самой все увидеть.

После маленького герцогства, где каждая тропа, каждый фьорд, каждая сопка были известны, где в деревнях и городах все друг с другом знакомы, мир, в котором оказалась Шерон, оглушил ее. Бесконечные поля и леса, широкие реки, города с высокими домами, озера с хрустальной водой, скрывавшей под собой древние поселения, и дороги, петляющие среди высоченных снежных гор.

Но самым удивительным открытием оказались люди.

В Нимаде редко появлялись жители материка, а если кто и приплывал, то чаще всего оказывался уроженцем Варена. В путешествии Шерон повстречала мужчин и женщин из совершенно разных герцогств. Конечно, чаще всего это были северяне, но нет-нет на тракте или в придорожном трактире оказывались и жители южных герцогств. Их она рассматривала с нескрываемым интересом.

Улыбчивые соланцы с золотистой, как у Тэо, радужкой, стройные и мускулистые. Смуглые карифы, тонкокостные, с хищными лицами и витиеватой речью. Высокие, рыхлеющие с возрастом бородатые дагеварцы, грубые и чванливые. Скуластые мутцы с раскосыми, похожими цветом на спелую вишню глазами. Удивительно светловолосые, высоченные и широкоплечие для жителей юга треттинцы. Такие же, как Мильвио, – вежливые и обходительные. Ей повезло, и она даже увидела одного из жителей Черной земли – губастого, заросшего кудрявой бородой, с волосами, собранными в косички, с кожей цвета древесного угля и необычными кольцами в носу и ушах. На него глазела не только она, но и многие другие прохожие.

Лавиани лишь смеялась, наблюдая за потрясенной Шерон.

– Твое любопытство видно невооруженным взглядом, девочка. Ты как ребенок, которого до совершеннолетия держали в подвале и теперь выпустили на задний двор, и он увидел свинью.

– Ты не понимаешь. Столько разных людей...

– Людей! – отмахнулась сойка. – На севере их считай что и нет. Весто, который тебя так поразил, по сравнению с той же Рионой не город, а деревня. Север пуст, девочка. Вспомни сама, порой мы за неделю на тракте никого не встречали. Переходы между селами по пять дней, вокруг сплошные леса, пустоши да осколки из прошлого. Катаклизм развалил Единое королевство на части, и северу, где происходили основные бои между великими волшебниками, досталось больше всего. Даже спустя тысячу лет мы не оправились от той катастрофы. Не живем, а выживаем.

– На юге не так?

Сойка на этот вопрос цокнула языком:

– Шаутт его знает, если честно. С одной стороны, все не так уж и плохо. Море, солнце, толпы народу, еда, вода, почти нет чудовищ. Разумеется, если не залезать в дикие места. Но там своих проблем хватает. Жесткие властители, жестокие войны, болезни, которых нет здесь. Ворье и убийцы. Мир вообще та еще выгребная яма. Наслаждаться им могут лишь наивные дети. Такие, как ты. И наш ловкий друг.

Шерон и не отрицала этого. С жадностью ребенка, дорвавшегося до сладостей, она изучала новый огромный мир, раскинувшийся подле ее ног. Так сильно не похожий на родину. Он был масштабнее, бесконечнее, необычнее. И в нем то и дело приходилось сталкиваться с вещами, которые казались ей непривычными.

Ночь здесь была совсем на другом счету. Да, под светом луны порой происходили странные или даже страшные вещи, но это не мешало путникам проводить время под открытым небом, ходить по городским, плохо освещенным улицам и засиживаться в тавернах за бокалом пива. Никто не запирали старых родственников на ночь в отдельных комнатах, никто не боялся тех, кто умер ночью.

И никто не зажигал фонари.

Это смущало ее, хотя она понимала, что опасности нет. Но правило, что огонь должен гореть все темное время суток, слишком сильно въелось в ее кости. Первую неделю девушка просто не могла спать до самого рассвета, чутко прислушиваясь к любому шороху. В конце концов она нашла выход из положения – зажигала на ночь свечу и смотрела на маленький теплый огонек до тех пор, пока не слипались веки.

С пламенем, которое было рядом, Шерон чувствовала себя в безопасности. Тэо отнесся к этому с пониманием, а Лавиани конечно же не преминула заметить:

– Знала я одну девицу. Ее пьяный папаша избивал до черных синяков. Так вот, единственное место, где от него можно было спрятаться, – под кроватью. Она скрывалась там годами и, когда выросла, могла заснуть только под ней.

– Не тебе меня осуждать, – нахмурилась девушка.

– Осуждать? Полно. Я просто рассказываю историю о том, что заложенное в нас в детстве забавно отзывается в зрелом возрасте. Тебе нужен огонек, и, даже если он и загорится синим, ты этого не увидишь, так как будешь спать. А той девочке нужен был укромный угол, где ее не достал бы давно сдохший от кислого вина отец. Кстати говоря, в одну из ночей эта привычка спасла ей жизнь.

– Как? – удивился Тэо.

– Убийцы дали ей шанс, – рассмеялась сойка, и акробат с указывающей поняли, что Лавиани рассказывает о ком-то из Ночного Клана. – Проткнули одеяло, под которым никого не было, и завопили, когда она подрезала им сухожилия над пятками из своего логова.

Вспоминая все это, Шерон стояла, кутаясь в теплую шаль, и смотрела в распахнутое окно на дымчатые горы и ползущие над ними, то и дело застревающие у вершин тяжелые облака. Снег, лежащий на земле, казался серым, и в воздухе явственно пахло весной, до которой было еще три долгих месяца.

Она слышала, как открылась дверь, и с улыбкой обернулась, прогоняя с лица тревожное выражение. Акробат, на плече которого висел набитый вещмешок, спросил негромко:

– Ты уверена, что готова отправляться?

– Болезнь прошла, и я не хочу задерживаться дольше, чем это требуется. Мы и так

потеряли время.

Пружина вздохнул, сунул теплые перчатки себе за пояс:

– Поверь... Тион, если он еще существует, от нас не убежит. Все равно мы не знаем, где точно его искать. А вот твое здоровье – это важно. Лавиани уверяет, что поставила тебя на ноги...

– Мальчик, чем дольше метка той стороны у тебя на спине, тем большим скептиком ты становишься. – Мрачная сойка выглянула из коридора.

– Ты знаешь, как бывает с лихорадками. Порой они возвращаются через несколько дней. И становится еще хуже, чем прежде.

Она фыркнула:

– Объясни ему, что у тебя была за лихорадка, девочка! Жду вас внизу через пять минут. И если вы провозитесь хотя бы на секунду дольше, клянусь Скованным, я никуда сегодня не пойду и лучше останусь здесь еще на день, чтобы доставать хозяина этой дыры. Хоть какое-то развлечение.

Лавиани, посмеиваясь, отправилась прочь.

– Это была необычная болезнь, Тэо. Во всяком случае, я так предполагаю.

Он молчал, ничего не спрашивая и ожидая продолжения.

– Возможно, все случилось из-за моего дара. Предполагаю, что после Талориса в нем что-то изменилось. День назад я смогла поднять мертвых.

Акробат недоверчиво покосился на нее:

– Ты шутишь? Такого не было со времен Катаклизма. Хочешь сказать, что в тебе пробудился дар настоящего некроманта?

Девушка печально улыбнулась:

– Я и есть настоящий некромант, хотя и не люблю, когда Лавиани так меня называет. Она никогда не дает мне забыть об этом. Говорят, Тион, когда отпустил колдунов из темницы Скованного, усыпил их самые опасные способности. Осталось лишь то, чем владеют указывающие. Мы веками уничтожали мертвых, а не создавали их.

– А теперь эти способности в тебе проснулись.

– Возможно, лишь одна. И пока я не знаю, когда она пробуждается и как ее контролировать. Ты должен знать об этом. Потому что подобный... дар, – слово ей не понравилось, но Шерон не нашла более подходящего, – может быть опасен.

– Опаснее пустого рядом с тобой? – Пружина рассмеялся, взъерошив свои непослушные волосы. – Не волнуйся, указывающая. Я не отступлю и не оставляю тебя.

– Даже если я чудовище? – вздохнув, спросила девушка.

Тэо подхватил ее сумку, накинуд ляжку на свободное плечо и ответил неожиданно серьезно:

– Ты не чудовище и никогда им не станешь. Даже если сможешь поднять целое кладбище. Кто угодно, но только не ты. Пойдем, а то Лавиани действительно осуществит свою угрозу.

Шерон согласно кивнула, стала закрывать окно и замерла, нахмурившись:

– Туман поднимается.

Тэо выглянул из-за ее плеча и увидел, как со стороны гор, постепенно захватывая зимний лес, накатывают опустившиеся к самой земле облака.

– Асторэ и все их тени. Погода снова портится.

В общем зале было многолюдно – со стороны города пришел обоз, и путники отдыхали перед завершающим отрезком пути к перевалу. Трактирщик и его семья суеились, обслуживая столы, гомон стоял такой, что хоть кричи.

Тэо нашел глазами недовольную Лавиани, в новой, только вчера купленной у какого-то тарашийца куртке. Она стояла, опираясь на обернутое в тряпки копье, сейчас казавшееся коротким дорожным посохом, и с раздражением поглядывала на людей.

– Все?

– Надо расплатиться, – напомнил ей акробат, сунув руку в карман.

Лавиани буркнула что-то о том, что можно было бы и так свалить, благо денег оставлено здесь вполне достаточно, но спорить не стала.

– Давай быстрее, мальчик. Утро скоро закончится, а идти нам больше восьми часов.

Пока он ходил, Шерон увидела среди этой толпы знакомое лицо.

– Поверить не могу! – Она услышала за спиной негромкое ругательство Лавиани. – Мильвио! Вы ли это?!

Он поднял глаза от лежавшей перед ним карты, узнал девушку, лучезарно улыбнулся, вставая со своего места:

– Сиора! Я рад встрече. Тэо рассказал мне, что вы простыли. Мы встретились с ним, когда он искал для вас лекарства.

– Вы тоже идете в Накун?

– Помните, я говорил на Летосе, что хочу посмотреть восток и добраться до Рубежа? Или, быть может, Туманного леса. Я пока не решил, что предпочтительнее. А вот вас всех, признаться честно, не ожидал встретить так далеко от Летоса.

Она понимающе улыбнулась, но не стала говорить об истинных причинах своего путешествия, чтобы ее не сочли безумной:

– Я все же решила посмотреть большой мир.

Ответить Мильвио не успел, дверь трактира распахнулась, и раздался крик:

– Ловчие! Ловчие идут!

Разговоры стихли не сразу. Кто-то, занятый беседой, даже не обратил внимания на взмыленного, тяжело дышащего человека в распахнутом полушубке, с окровавленной левой щекой.

Но постепенно к нему повернулись все, глядя с недоверием, удивлением, а кое-кто и со страхом. Шерон рассеянно подумала, что тепло уходит через распахнутую дверь, за

которой вплотную стоит туман.

– О чем ты говоришь, Лит? – недовольно спросил хозяин постоянного двора, как видно знакомый с мужчиной. – Проваливай в город. Опять напился с утра пораньше?

– Да послушайте же! – в отчаянии закричал тот. – Нет больше никакого города! Ловчие пришли! Большой отряд. Мы едва убежать успели. К ущелью, а там их еще больше! Костры горят, шатры свои ставят, весь гарнизон раздолбали.

– Сказки! – как-то слишком уж неуверенно сказал кто-то из посетителей.

– Герцог давно заключил соглашение с их старейшинами. Мы живем мирно больше пятнадцати лет.

Лавиани оказалась рядом, положила руку на плечо Шерон, покосилась на Мильвио с большим недовольством и произнесла тихо:

– Двигай к черному ходу, девочка.

– Что? – опешила указывающая.

– Она права. – Мильвио смотрел лишь на распахнутую дверь. – Мы уходим прямо сейчас.

– Мы?! – уставилась на него сойка.

Но он уже подтолкнул обеих к коридору. Шерон, видя их серьезные лица, решила не спорить. Лишь повернула голову туда, где стоял Тэо, и махнула ему рукой. Лавиани повторила ее жест.

– Пружину надо подождать. – обеспокоенно предложила указывающая.

– Не дурак. Нагонит. – Сойка даже не остановилась, плечом толкнув дверь хозяйственных комнат, расположенных за кухней. – Фламинго, у нас разные пути. Даже не думай примазываться.

– Сегодня дорога одна, сиора. И она ведет как можно дальше отсюда.

– Кто такие ловчие и почему мы уходим так спешно? – Шерон застегивала пуговицы своей длинной куртки.

– Те, кому ты очень понравишься, девочка. Они обожают смазливых рабынь.

– Неправда, – откликнулся Мильвио, поглядывая по сторонам. – Рабов они берут, но не во время рейдов. После таких вылазок оставляют лишь трупы. К деревьям.

Он указал на едва видимые в тумане белые ели. Они поспешили туда, и Шерон заметила, что Лавиани смотрит на следы, остающиеся в насте, как на самых подлых предателей.

– Почему мы так спешно ушли? – Указывающая оглянулась, но Тэо все еще не было.

– Отряды разведчиков ловчих двигаются быстро, сиора. И если они действуют так же, как и прежде, то будут здесь в течение получаса.

– Но люди, которые там... – Девушка остановилась. – На постоялом дворе. Выходит, они в опасности.

– Мы тоже в опасности, – с некоторым раздражением из-за этой остановки проворчала Лавиани. – Самые умные поступят так же, как и мы, разбегутся кто куда и будут молиться, что поймут не их. Идиоты станут до последнего спорить, что такого не

может быть и ловчие соблюдают перемирие. Их герцоги-то не всегда соблюдают, что уж говорить о дикарях!

Шерон, понимая, что убедить сойку не получится, повернулась к Мильвио, сказав твердо:

– Мы не можем так уйти. Им надо помочь.

– Кому помочь? – уже откровенно зло спросила Лавиани. – Там почти сорок душ, половина из них при оружии. Мы услышали слух и дунули, решив не проверять, реальность он или выдумка. Вернемся туда и, если ловчих окажется много, сдохнем, а твоя девица так тебя и не дождется.

Глаза Мильвио были темны, а на лице появилась печаль:

– При всем моем желании я не смогу спасти всех, сиора. Но зато смогу защитить вас обеих, если мы поторопимся уйти от обжитых мест как можно дальше.

– Как видно, Скованный послал мне хоть одну разумную голову, – возблагодарила небо сойка. – Фламинго, присмотри за ней. Я за циркачом. Какого шаутта он там застрял?

Шерон сделала шаг следом за ней, но остановилась и опустила плечи, ощущая свое бессилие. Они оба правы, но от этого ей было не легче.

К ее удивлению, снега в лесу было гораздо меньше, чем на тракте, и ноги проваливались лишь по щиколотку. Туман все еще держался в воздухе, если так можно было назвать едва видимую глазом дымку.

Шерон сидела прямо на снегу, на расстеленном плаще Мильвио, пытаясь слушать тишину. Ее спутник стоял, сложив руки на груди. Он был абсолютно спокоен.

– Нам надо идти дальше, – наконец сказал он.

– А Лавиани и Тэо? Мы даже не договорились, где встретимся.

– Не волнуйтесь об этом. Я немного успел узнать вашу спутницу. Уверен, она найдет нас. А мы тем временем будем двигаться дальше.

– К городу?

Мильвио с сожалением покачал головой:

– Если слова того человека верны, то в городе нас ждут одни лишь трупы. И ловчие петли. Ущелье для нас тоже закрыто. Осталась дорога через пушу, хоть это непросто в такое время года. К вечеру выйдем на Старый тракт, тянущийся вдоль хребта.

– А дальше?

– Есть несколько троп через горы. До них примерно неделя пути. Если все будет хорошо, совсем скоро окажемся на той стороне. Давайте пойдем, сиора Шерон. Вы, того и гляди, замерзнете.

– Просто Шерон, Мильвио. Оставьте «вы» для тех, кто с вами не знаком.

– Тогда и тебе не стоит...

Она покачала головой:

- Во мне нет благородной крови. В отличие от вас.
- Это всего лишь кровь. Она так же горяча и красна, как у тебя. А когда заканчивается, мы умираем, как и все остальные. Я настаиваю.
- Хорошо. Мильвио. - Девушка на секунду закрыла глаза, собираясь с силами, встала.
- Ты прав. Надо идти. Кто такие эти ловчие? Почему их так боятся?
- Когда случился Катаклизм, кое-кто считал, что это наказание всем людям за пороки и грехи. Что мир упал во тьму и никогда не выберется из нее. Тогда они придумали себе новых богов. Тех, кто жил во мгле ущелий и мог защитить от куда большего зла.
- Ложных богов, - уточнила Шерон.
- И кровавых. Эти люди ушли в горные долины и на несколько веков пропали из виду. Их потомки... скажем так, одичали. - Треттинец пропустил девушку вперед, указав на звериные следы, складывающиеся в тонкую тропинку. - Однажды они появились в мире, и никто подобного не ждал. Они собрали кровавый урожай, посвятили его своим идолам и исчезли на пять лет. Дикарей не стали преследовать, слишком опасными воинами они оказались, и те, кому удалось выжить, говорили, что на их стороне была сама тьма.
- Магия?
- Не могу сказать. Это древние слухи. Сколь они правдивы... - Его зеленые глаза стали задумчивы. - Зато правдой является то, что бойцы ловчие отличные. Дикари, варвары, неграмотные пастухи, а сражаются точно звери. Жестокие и опытные. У них нет страха, дерутся до последнего, потому что считают, что за ними боги. Поэтому когда с ловчими встречаются солдаты из приграничных гарнизонов, в восьми случаях из десяти они проигрывают схватку.
- Понимаю, почему герцогу проще было платить горцам, чем драться с ними.
- Не понимаешь. Герцог платил вождям, чтобы ударные копыта не разорили весь восток страны. Даже несмотря на откуп, раз в пять лет ловчие покидают горные замки, чтобы утолить жажду крови своих богов. Молодые воины проверяют свою удалость, ловят женщин, убивают мужчин, нападают на фермеров или деревни.
- Герцог жертвует своими подданными? - Услышанное не понравилось Шерон. - На Летосе это просто невозможно.
- Вашу страну считают жестокой, но, поверь, есть места и похуже. - Ей показалось, что произнес он это будто извиняясь. - Здесь одно мнение: маленькая ферма или случайные путники на тракте раз в пять лет... Это куда меньшая жертва, чем полноценный рейд.
- Ты тоже так считаешь?
- Я не политик и ценю жизни. Во всяком случае, стараюсь это делать. - Нога мечника провалилась глубоко в снег, и он оперся на сосновый ствол, чтобы не упасть. - Возвращаясь к ловчим... в этот раз, судя по известиям про город, они нарушили договоренности и устроили полноценную вылазку, чего не было довольно давно. И лучше нам не встречаться.
- Ты сталкивался с ними?
- Однажды.

Она кивнула, принимая во внимание его слова. И подумала о Лавиани и Тэо. За них

Шерон волновалась куда больше, чем за себя.

Снова пошел снег. Мелкая крупа сыпалась между веток, попадая на капюшон. Дорога через заиндеветый лес забирала много сил, девушка устала, но не в ее правилах было жаловаться.

Она потеряла счет времени, и о том, что скоро вечер, говорили лишь густые тени под деревьями и уходящие из мира краски. Мильвио приноровился к ее темпу, не спешил и то и дело оборачивался через плечо, проверяя, как она себя чувствует, прокладывал тропу.

– Мы не заблудились? – тихо спросила указывающая, когда они вышли на опушку. Лес здесь заканчивался, и на заснеженном поле торчало одинокое высохшее дерево.

– Горы на востоке, – ответил мечник, махнув рукой куда-то за ели. – Все это время мы идем вдоль тракта. Просто получается в четыре раза медленнее. Прости за неудобство.

– Это куда лучше, чем отдать свою кровь в жертву богам, которых даже не существует.

Мильвио понимающе рассмеялся.

– Если устанешь, скажи.

– Сделаем привал?

– Не думаю. Скоро ночь. Остановившись, мы замерзнем. Я просто понесу тебя.

Наверное, на ее лице отразился ужас оттого, что ему придется тратить такое количество сил, когда вокруг снег, то и дело обхватывающий их ноги, поэтому треттинец сказал:

– Ты маленькая и легкая. Носил я в своей жизни вещи куда тяжелее.

– Думаю, это не потребуется. Просто продолжим идти.

– В тебе есть сталь, Шерон из Нимада. Это достойно уважения. Впрочем, от указывающей я не ожидал ничего иного.

Она подумала о том, что надеется быть не слишком большой обузой для него, так как понимала – без нее Мильвио шел бы гораздо быстрее.

– Где твой алый плащ? – неожиданно спросил спутник.

– Когда мы оказались на материке, Лавиани посоветовала от него избавиться. Как и от браслета с ожерельем. Люди здесь не слишком рады видеть таких, как я.

– Меня это правило не касается.

– Ты один из немногих. Так что я закопала вещи в Прибрежном.

– Разумная предосторожность, – одобрил мечник и повернул голову направо, а затем быстро приложил палец к губам.

Она посмотрела в ту же сторону и увидела двоих мужчин. Один при оружии, без шапки. По седине в волосах она узнала воина с постоянного двора. Другой, бородатый дагеварец, с пурпурным от бега лицом, пытался не отстать, но было видно, что он на

последнем дыхании.

Решение к Шерон пришло сразу же.

– Мильвио, лучше, чтобы в бою лишний меч был с нами.

Треттинец окликнул бегущих. Седовласый остановился, его рука тут же схватилась за тарашийскую саблю[5]. Поняв, что перед ним не враги, мужчина, сменив направление, припустил в их сторону. Дагеварец же остановился, уперев руки в колени, и пытался отдышаться.

– Сколько их? – спросил Мильвио у старого воина.

– Четверо. В минуте от нас.

– От вашего друга будет толк, сиор? – Бастард покинул ножны.

– Он мне не друг. – Седовласый вытер рукавом скудную бороду, в которой висели льдинки. – Вряд ли купец способен драться.

Дагеварец преодолел последние ярды, упал в снег, сбросив с плеча увесистый мешок, и его огромное брюхо тяжело вздымалось.

– Насколько хорош ваш клинок? – Воин, прищутив серые глаза, смотрел, как на прогалине появляются люди в рогатых шлемах.

– Пока он оставлял меня в живых.

– Четверо против двоих. В моей жизни бывало и похуже. – Человек для пробы несколько раз взмахнул мечом, и тот разрезал воздух перед ним.

– Ненавижу вашу страну, – между тем простонал снизу торговец. – Варвары! Какие же вы все варвары.

– Вставай в очередь, – усмехнулся воин. – А тебе, девонька, лучше отойти. Жаль, что у меня нет щита. Все было бы гораздо проще.

– Только недалеко, Шерон. Я не смогу тебя защитить, если ты побежишь, кто-нибудь из них за тобой погонится, а мы будем связаны боем.

– Я не побегу, – ответила указывающая, отступая и обнажая длинный, узкий кинжал, висевший у нее на поясе.

Девушка не собиралась сдаваться, и, если уж ей придется остаться в этом лесу, она не даст им принести себя в жертву. Жаль только, что Найли ее смерть не спасет.

Ловчие, люди, которых все так боялись, не выглядели чудовищами, пускай их лица и бороды были размалеваны желтой краской. У троих были щиты и шипастые палицы, у четвертого широченный зазубренный клинок, который он нес, положив на плечо.

Толстяк-дагеварец, увидев их, вскрикнул, вскочил и, бросив свои пожитки, побежал к лесу.

– С ними можно договориться? – спросила Шерон.

– Можно. Если ты их вождь, шаман или темный бог, девонька.

Указывающая мало что понимала в схватках и не успевала следить за тем, как стремительно развиваются события. Звон стали, хрип, ругань, рычание, первая кровь

и... первый труп. Ловчий с рассеченной грудной клеткой упал под ноги Мильвио, но Шерон уже не увидела, что с ним случилось дальше.

Боец, кинувшийся к ней, больше хотел напугать, чем покалечить. Поэтому палица с коваными шипами прошла рядом с головой, а затем ловкой подсечкой ее сбили с ног. Она упала в снег левым боком, даже не успев испугаться. Он навис над ней, рыча, точно зверь, потрясая щитом и оружием, тараща глаза, желая запугать.

Но она не испугалась. Кинжал все еще был в ее правой руке, и она что есть силы резанула его по икре. Острая сталь без труда рассекла шерсть, ткань и плоть под ними.

Ловчий закричал, но скорее не от боли, а от ярости, отпрянул назад, и это дало ей возможность вскочить и побежать прочь. Пошатнулась из-за снега, которого здесь было до середины голени, и это спасло ей жизнь. Брошенная вслед палица пролетела там, где секунду назад находилась ее спина.

Оружие исчезло в сугробе, рядом с деревьями, где виднелись следы убежавшего торговца. Это был ее шанс. Она сунула кинжал в ножны, оказалась возле сугроба и руками в перчатках стала разбрасывать холодную крошку, пытаясь найти палицу прежде, чем припадающий на раненую ногу ловчий доберется до нее.

За спиной раздавались крики и звон оружия. Несколько раз она оборачивалась, не переставая раскидывать снег, проверяя, где находится враг, и наконец пальцы нащупали рукоятку.

Шерон вскочила и ударила снизу вверх, метя в челюсть противника. Но он выставил щит, отбивая оружие. Указывающая, не ожидавшая этого, вскрикнула от боли, пронзившей запястье, и палица вновь канула в сугробе.

Мускулистая рука поймала девушку за ворот куртки, рванула вверх, и Шерон почувствовала, что ноги потеряли опору. Она забыла о кинжале, все, что у нее оставалось, – лишь ее дар. Белое сияние охватило левую ладонь, и она кинула его человеку в лицо, уже зная, что это никак не поможет. Ее способности были опасны лишь мертвым.

Но эффект превзошел ожидания.

Ловчий с испуганным воплем отшвырнул ее от себя. Приземляясь, Шерон оперлась на травмированную руку, вскрикнула. Мир словно утратил звуки, закружился, и, чтобы сопротивляться этой вязкой патоке, потребовались все силы. Даже через боль она понимала, что испуг не будет длиться вечно и для спасения своей жизни надо двигаться.

Кинжал по рукоятку вошел в правый бок ловчего, не встретив на своем пути никакого сопротивления, погрузившись так легко, словно перед ним были не слои плотной свиной кожи, шерсти и человеческой плоти, а вода. Второй удар у нее получился куда менее успешным, полотно прошло по ребру, и клинок застрял.

Она отскочила назад от метнувшегося к ней круглого щита, который должен был разбить лицо. Мужчина зашатался, сделал шаг в ее сторону, закашлялся, захрипел, и из его раны на снег ручейком потекла кровь. Он посмотрел на нее, словно не веря, а затем упал да так и остался лежать, уже не шевелясь. Снег вокруг него медленно напивался красным.

Шерон не знала, какое из чувств сейчас преобладает: облегчение, что осталась жива, или ужас оттого, что убила человека.

Она села рядом с трупом, баюкая руку, прижимая ее к груди, затем опустила в снег,

ощущая, как жар, пульсирующий в запястье, медленно ослабевает.

Мильвио подбежал к ней, наклонился, заглядывая в лицо:

– Цела? Не ранена?

– Дай мне минуту. Я приду в себя, – попросила она. – Рука.

– Мне надо посмотреть. Пошевели пальцами.

Девушка сделала, что он просил, сказала:

– Вряд ли это перелом. Просто выбила. Лавиани подлатает.

– Она лекарь? – удивился тот.

– В каком-то смысле.

Мильвио снял с шеи шарф и, несмотря на ее возражения, соорудил повязку.

– Не так уж они страшны, – произнесла девушка, осторожно сунув руку в петлю, перекинутую через ее плечо и шею. – Что с ним?

Седовласый воин был слишком далеко, чтобы она могла рассмотреть детали. Слышала лишь, как он громко костерит мертвецов.

– Потерял ухо и легко ранен в предплечье. Ему тоже надо помочь.

– А ты?

– Повезло. Ни царапины. Эта часть копья была слишком молода и неопытна. Пойдем.

Шерон улыбнулась через силу.

– Мне требуется минута. Иди. – И, видя, что он колеблется, успокоила: – Не волнуйся за меня. Все страшное уже позади.

Он понял ее взгляд, обращенный на мертвого, в груди которого все еще торчал застрявший кинжал.

– Ты права. Нет ничего хорошего в убийстве. Но если бы ты этого не сделала, мы бы не разговаривали.

– Я понимаю. – Указывающая вздохнула. – Со мной все будет хорошо. Честно. Иди.

– Успокою нашего нового друга. Иначе он своими проклятиями привлечет всех ловчих по эту сторону гор.

Она осталась одна и посмотрела на мертвеца. Смерть уже превратила глаза в стеклянные пуговицы, но кровь все еще продолжала бежать из ран, пропитывая снег ярко-алым. Теперь он уже не казался грозным и страшным. Боевая раскраска, шлем, съехавший на лоб... Это все не давало рассмотреть ей самое главное – он был ужасно молод. Совсем недавно его еще можно было считать мальчишкой, пускай ростом и комплекцией он был побольше Тэо.

– Убит женщиной, – прошептала она мертвому. – Наверное, для вас это хуже позора. Я сделала все правильно, но ты все равно прости меня.

Глава четвертая

Старый знакомый

Дороги всегда были моей жизнью. На них можно встретить множество людей. Веселых, бесшабашных, мудрых, сильных, достойных, честных и верных. Но, путешествуя по ним, следует помнить, что среди нас встречаются и иные. Те, кого можно назвать злом. Или тьмой. От них не стоит ждать ничего хорошего. Лишь беду и смерть.

Из записок странствующего поэта, найденных на его теле после смерти

Фляга была холодной, и Тэо пил отвар осторожно, стараясь не касаться губами горлышка. Вкус, раньше казавшийся ему сладким, какое-то время назад приобрел горчинку, но он был даже рад. Хотя яд, лишь бы эта вещь помогала и не давала видеть сны.

Закрутив крышку, он обернулся к Лавиани. Та, склонившись, изучала следы.

– Хреново дело, мальчик.

– Ты это уже говорила, – напомнил он ей. – Полчаса назад, когда насквозь проткнула того несчастного желтомордого парня.

– Да я еще сто раз повторю. Хреново. Это не их следы.

– Ты уверена?

Ответа не требовалось, рассерженный взгляд сойки был красноречивее любых слов.

– Ясно. И что мы будем делать?

– Искать.

– Когда вся округа наводнена ловчими?

– А кто сказал, что будет легко? Если бы не твоя честность, мы бы не угодили в эту выгребную яму. Дался тебе трактирщик, парень. Он небось уже лежит с проломленной башкой. На кой шаутт ему наши деньги?

Пружина промолчал. Оправдываться не имело смысла. Он уже успел понять, что оплачивать счета для Лавиани не самое важное в жизни.

Ей пришлось вернуться из-за него. За это Тэо был благодарен сойке. Не появившись она, вполне возможно, он так бы и остался на том постоялом дворе.

Услышав о приближении ловчих, перепуганные люди стали выбегать из дверей и попадали либо в сети, либо под удары шипастых палиц. Он выскочил через окно, быстро поднявшись по лестнице на второй этаж, а затем перебрался на крышу и спрыгнул в сугроб с той стороны, где никого не было. Во всяком случае, так думал Пружина, пока

прямо перед ним не появилась троица с расписанными желтой краской лицами.

Он избежал броска сетью с помощью бокового сальто, чем несказанно удивил воинов. А затем появилась Лавиани.

Что-то размытое пронеслось у Тэо перед лицом, вихрь взметнул и закружил в воздухе снежинки, а троица в рогатых шлемах повалилась, точно срубленные деревья, булькая и захлебываясь кровью.

Лавиани резким движением запястья стряхнула алые капли с клинка, оглядываясь по сторонам:

– Не зевай, мальчик. Или ты думаешь, я должна потратить все свои таланты, чтобы вытащить твою очаровательную мордашку из этого котла?

Он поспешил за ней, радуясь, что туман скроет их, и слушая, как на противоположной стороне постоянного двора раздаются крики и звенит оружие.

– Где Шерон?

– Была бы со мной, если бы ты не валял дурака. Стой! – Она потянула носом воздух. – Сюда! Живо! Живо!

Он упал в снег за чахлой раздваивающейся ольхой и подумал, что худшего места для укрытия просто не придумаешь. Они были как на ладони, стоило лишь посмотреть в нужном направлении.

Позвякивая кольчугами, из туманной дымки появились воины с палицами, щитами и подготовленными сетями. Ловчие пробежали мимо, и сойка увела его в лес. Они ушли, скрытые туманом.

Потребовалось больше часа, чтобы оказаться там, где, по предположению Лавиани, должна была их ждать Шерон. Но на месте девушки не оказалось.

– Не стоило ее оставлять с этим парнем, – проворчала сойка, изучая две расходящиеся цепочки следов.

– Мильвио неплохой человек.

– Мальчик, верю, что ты успел за свою жизнь повстречать множество людей. И судя по всему, они были добры и милы. Но я не привыкла доверять двуногим, особенно когда видела их два раза в жизни.

– Но оставила ее с ним.

– Не было выбора. Какие тебе по нраву – левые или правые? И тут и тут отпечатки ног, ведущие в разных направлениях. Куда идем?

Тэо нахмурился и оглянулся. На секунду ему показалось, что где-то далеко в зимнем лесу хрустнула ветка.

– Ты разве не умеешь читать следы?

– В твоем голосе столько разочарования, циркач. Представь себе. Я не такая разносторонняя личность, как ты думал. Чтение следов, охота на белок и рыбная ловля не относятся к моим талантам. Как и прогулки по лесу. Я городской житель и терпеть не могу все эти палки да ветки. Так что? Куда идем?

– Если ты призываешь меня довериться удаче, то выбрала не слишком подходящего

человека.

– Рыба полосатая! Вечно мне приходится делать все самой! – раздраженно процедила та, посмотрев на следы, словно те были ее кровными врагами. – Ну, давай тогда направо. Вот эти похожи на женские.

– Да. Маленькие, – признал Тэо.

Женщина покосилась на него, поправила баклер, прикрепленный к поясу с помощью придуманной ею защелки, и пошла вперед, на каждом шагу проваливаясь по щиколотку в снег.

– Как я и думала, – с мрачной меланхолией произнесла Лавиани, когда пятеро воинов на низеньких, лохматых лошадках проскакали через поляну. – Полноценный рейд, мальчик. Горцам не сидится в своих пещерах. Копья вышли на охоту.

Лес был наводнен патрулями, и оставалось лишь предполагать, что происходит на тракте.

– Их что-то выгнало из долин.

– О чем ты? – не поняла Лавиани.

– Знал я одного ловчего. – Заметив ее удивленный взгляд, Тэо серьезно кивнул, показывая, что не врет. – Он сбежал из деревни прежде, чем его принесли в жертву за какое-то преступление. Работал в цирке охранником. Так он порой рассказывал о своем народе. Рейд часто начинается, если в долинах случается беда. Голод подступил, или мор напал на деревни. Их боги кровавы.

Лавиани прищурилась, начиная понимать:

– И много крови нужно, чтобы порадовать божков? Чтобы те отозвали беду от народа, сменив гнев на милость?

– Думаю, да.

– Плевать, какая у них беда приключилась. Дохнут ли овцы, или у верховного вождя запор – все равно. Мне не важны причины, по которым ловчие устроили охоту на людей. Главное, чтобы не мое горло вскрыли на их жертвенном камне. А это случится, если нас поймают.

– Нам стоит вернуться обратно.

– Что?!

Тэо не обратил внимания на ее нахмуренные брови:

– Мы ошиблись. Шерон здесь нет.

– Ты хочешь сказать, что я ошиблась.

– Я сказал то, что сказал, Лавиани. Мы ошиблись. Надо возвращаться и искать ее в другом месте.

– Рыба полосатая! Вроде еще не пришло время, чтобы ты полностью растерял свой разум. «В другом месте»! Оглядишься по сторонам, мальчик. Это «другое место» тянется через все герцогство, с юга на север, вдоль подножия Мышиных гор.

– Я не предлагаю обшаривать весь лес.

Она подняла руку, останавливая его:

– Нет. Именно это ты мне предлагаешь. Уверена, передо мной мастер в том, что касается танцев на веревочке, но сейчас поверь моему опыту. Лес. Зима. Деревья. Скоро ночь. Опять набегают облака. Возможна метель. А еще патрули ловчих рыскают у нас под носом. Мы можем искать девочку до бесконечности, кружить друг за другом около одной поляны, но так и не встретимся. Зато наткнемся на полудурков, верящих в кровавых божков.

– Ты хочешь бросить Шерон? – Акробат недоверчиво нахмурился. – Даже на тебя это не похоже.

Лавиани несколько секунд размышляла, хотела ответить резко, но, посмотрев на Пружину, вздохнула и опустила плечи:

– У меня нет желания бросать девочку. Но и найти ее не смогу. Трезво оцениваю шансы. Мы просто потеряем время или умрем. Фламинго не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Тэо потер подбородок, не удержавшись, спросил с иронией:

– Не ты ли всего несколько часов назад говорила, что не доверяешь Мильвио?

Сойка не смутилась:

– Я никому не доверяю. В той или иной степени. Но сейчас приходится кидать мешки на спину того осла, который подвернулся под руку. Думаю, ему удастся вывести указывающую из облавы. Насколько я успела узнать треттинца, он не из тех, кто забивается в нору и прячется. А значит, продолжит путь, уходя все дальше и дальше.

– И как мы его найдем? К ущелью он точно не пойдет, но и в город не вернется.

– У Шерон цель – дорога на восток. Преодолеть Мышиные горы можно тремя способами. Обойти их через Горное герцогство, а потом по Жемчужному морю в Алагорию. Это потеря двух месяцев, если погода будет позволять. Не думаю, что девочка согласится на такой вариант. Слишком большая задержка для нее.

– Как и для меня. – Тэо посмотрел на темнеющее небо. – Значит, остается единственный разумный вариант. Выйти на Северный тракт, вдоль горной цепи. Если Шестеро будут благосклонны, то за пять дней можно дойти до Тропы Любви. А если не хочется лезть через нее, то в десяти днях пути будет еще один торный перевал.

– Верно, мальчик. Если нет ловчих, то лучшего шанса перебраться в Накун просто не сыскать.

В ветвях над головами громко каркнула ворона, и они повернулись в сторону этого крика, заставшего их врасплох.

– А если дикари добрались и туда...

– Какого Скованного им нужна огромная развалившаяся крепость длиной в две с лишним лиги? Там редко кто бывает, и жертв не наловишь.

Лавиани обещала ему, что они будут идти всю ночь, но через пару часов после того,

как стемнело, резко похолодало и началась метель.

– Надо остановиться! – сказал ей Тэо потрескавшимися губами, но деревья вокруг шумели так громко, что она его не расслышала, и пришлось схватить ее за плечо.

Когда сойка поняла, что он предлагает, то покрутила пальцем у виска:

– Нет, мальчик. Сегодня у тебя не все в порядке с башкой. Если остановимся, то я-то переживу стужу, но ты точно околеешь.

– Рад, что ты заботаешься обо мне. – Он не стал улыбаться, губы кровоточили от ветра и мороза. – Но я скорее умру, если мы продолжим идти.

– Мальчик, это лес. Тут нет жилья и нет огня.

– Меня не раз и не два заставляла метель в дороге. Я знаю, как ее переждать.

Мгновение она размышляла.

– Хорошо. Это твой выбор, циркач.

– Дай мне свой щит.

Сойка с интересом наблюдала, как он подошел к ближайшей ели, нижние лапы которой были занесены снегом, и начал баклером, словно лопатой, копать яму. Когда та стала достаточно глубока, Тэо утрамбовал стенки, бросил шерстяное одеяло, которым обычно укрывался, жестом попросил у Лавиани второе.

Та не стала жадничать, лишь ехидно заметила:

– Надеешься, что они тебя согреют?

– Отчасти. Можно нож?

И опять она не стала перечить. С соседней ели Тэо срубил несколько еловых лап, положил на те, что уже нависали над ямой, присыпал сверху снегом, оставив лишь небольшое отверстие между ветвей. Он нырнул под них, забираясь в «логово», и уже через несколько минут на кулачном щите Лавиани горел маленький огонек.

– От него мало тепла, мальчик.

– Но и дыма нет. Огня достаточно, чтобы не замерзнуть.

– Твое логово засыплет, – сказала Лавиани, усаживаясь рядом и ощущая слабый запах смолы, приглушенный морозом.

– Так и задумано. Нас будет греть наше дыхание. Станет еще теплее. Надо всего лишь приминать снег и следить, чтобы дымоход не завалило, пока горит огонь.

– Отличное занятие на всю оставшуюся ночь. Желаю тебе не скучать. А я пока посплю. Все равно делать нечего. – Она надвинула капюшон пониже себе на лицо. – И вот еще что, акробат. Надеюсь, что, когда проснусь, рядом со мной не будет замерзшего покойника.

– Постараюсь тебя не опечалить.

– Опечалить? Поверь мне, я просыпалась и в куда худших ситуациях. Один мертвец точно не испортит моего настроения.

Уже через минуту она уснула, задышав глубоко и медленно, оставив Тэо прислушиваться к вою ветра.

В берлоге властвовал мрак, было душно, но, к ее удивлению, совершенно не холодно. Огонь погас, Тэо спал, она слышала это и осторожно вытянула затекшие ноги. Дыру в «потолке» почти завалило, и сойка, взяв в руки копье, расширила ее. Судя по проникающему внутрь «свету», солнце еще не показалось над горизонтом, до рассвета оставалось больше часа.

На ресницах акробата лежал иней. Лавиани хотела разбудить его, но посмотрела на бледное лицо и решила, что лишние полчаса сна парню точно не помешают.

Выбиралась она наружу ползком, руками разбрасывая снег. Плечами потревожила отяжелевшие ветки, и те тут же отомстили, обрушив на спину целый сугроб. Ругаясь про себя, она оглядела лес. Ровные стволы высоченных деревьев уходили ввысь и терялись в низком облаке, точно сонный кит ползущем над ней и застрявшем в лесу.

Лавиани обошла логово по кругу сперва раз, затем, отойдя немного подальше, сделала еще круг, внимательно рассматривая нетронутый снег. Никаких следов, даже заячьих. Это ее целиком и полностью устраивало.

Затем она направилась к тракту. Последние два десятка ярдов кралась, согнувшись вдвое, кое-где подползая на животе, чтобы не задевать отяжелевшие от снега ветви.

Женщина лежала, глядя на перекресток пустынной дороги, надежно укрытая от посторонних глаз кустарником, больше напоминавшим ледяную стену. Сойка сама не знала, что хочет увидеть.

Солнце медленно поднималось, и верхушки елей окрасились сочным розовым светом. Когда холод проник ей под куртку и она собралась уходить, в ушах слабо зазвенело, и Лавиани застыла, потрясенная тем, что ощутила. Парализованная этим знанием.

Вжалась в снег еще сильнее, словно лиса, прячущаяся от собак, заставила себя успокоить дыхание, задышала ровно и медленно.

Она ничто. Мертвое на мертвом. Снег снега. У нее нет сердца, нет горячей крови и теплого дыхания. Она не чувствует, у нее нет эмоций, нет мыслей, прошлого и даже будущего. Этот мир никогда не знал ее, а потому ничем не мог помочь тем, кто сейчас приближался по тракту к ее укрытию.

Лишь спасительный звон в ушах никуда не делся. Бился на границе сознания точно муха, запутавшаяся в паутине.

Всадников было семеро. Все при оружии, в хорошей, теплой одежде, на сытых крупных лошадях алагорской породы. Они шли тротом[6], и мерные удары копыт далеко разносились по заиндевевшему лесу. Люди не боялись, что их услышат ловчие, которыми сейчас кишели окрестности, а это говорило о многом.

Один ехал без капюшона, и Лавиани прекрасно разглядела на его лысой башке темно-синюю татуировку каторжника. За ним следовала женщина – крепко сбитая, похожая на мужчину, вооруженная коротким восточным луком. Третьим был худой тип с топором. За ним еще одна женщина – в дорогой одежде, но лица сойка не разглядела. Стремя в стремя с ней скакал бледный алагорец. Но эта пятерка не привлекла особого внимания Лавиани.

Куда хуже были двое последних. Тот, из-под капюшона которого торчала седая борода, вне всякого сомнения, был такой же, как она. Сойка. Звон в ушах ее не обманывал.

Сегу. Вот его имя.

Лица лидера отряда она не видела. Да ей этого и не требовалось. По посадке в седле, наклону головы и тому, как он жестко правил лошадьё, было понятно, кто это.

Шрев.

Последний человек в этом мире, с кем бы она хотела встречаться.

На перекрестке всадники разделились. Обе сойки, благородная дама и ее сопровождающий отправились на запад, а троица повернула на север.

Лавиани пролежала на снегу еще несколько минут, пока не убедилась, что звон в ушах окончательно стих и никто из них не собирался вернуться. Отползла назад и направилась обратно, к логову.

Новый звук, точнее, его призрак, столь слабым он был, привлек ее внимание. Сойка замерла, не донеся ногу до наста, прислушалась. В застывшем от холода лесу ей показался чужеродным этот странный скрип.

Это было нечто вроде «крэ-э-энк». Как будто кто-то водил металлом по камню. Довольно противно, даже несмотря на расстояние. Звук повторялся с заметной периодичностью, и это тревожило ее.

Лавиани несколько раз останавливалась, здраво полагая, что те, кто ищут ее, подготовили какую-то ловушку, но каждый раз убеждалась, что соек поблизости нет.

Оказавшись на опушке, перед большой занесенной поляной, она увидела одинокое высохшее дерево. На самом нижнем суку, большом и корявом, свесив ноги, спиной к ней, сидела женщина.

Крэ-э-энк.

Скрежещущий звук разнесся по округе так, что Лавиани перекосило от отвращения. Она направилась к незнакомке и чем ближе подходила, тем сильнее понимала, что этот день нельзя назвать иначе, чем днем встречи старых знакомых.

Под деревом валялся растерзанный труп ловчего.

– Эти волосы я узнаю издали, – сказала сойка. – Как поживаешь, Клеро? Или как там тебя зовут на самом деле?

– Имена... – с презрением сказала женщина, не оборачиваясь. – Вечно вы, люди, цепляетесь за клички. Точно собаки. У нас нет имен. Мы – та сторона, и этого довольно.

Лавиани обошла дерево по кругу, впрочем не став подходить ближе, равнодушно глянула на мертвеца, у которого отсутствовала нога и ее недоеденные остатки обнаружили в руках «Клеро». Та посмотрела на Лавиани зеркальными глазами, усмехнулась так, что бледное лицо стало походить на череп, и провела зубами по обглоданной бедренной кости с ошметками плоти.

Крэ-э-энк.

– Так я и знала, что Шерон тебя не прикончила.

– Слышала бы ты себя. Столько беспомощного разочарования и злости. Девка всего лишь разрушила оболочку, которую я одолжил. А ты, – шаутт грубо схватил себя за грудь, –

подарила мне новую. Краше прежней и без проломленной башки. Конфетка, а не тело. У меня на него огромные планы. Хо-хо.

– Чего тебе надо? – мрачно спросила Лавиани, с трудом сдерживая ярость.

– Мне? Это ты ко мне пришла и отвлекаешь от завтрака. – Шаутт сунул кость в рот, помешкал и протянул Лавиани. – Прости мои манеры. Желаешь присоединиться?

– Отвали.

Он заржал смехом Клеро:

– Недотаувины такие щепетильные. Вот и помогай вам.

– Помощь? От тебя? Слабо верится. Не ты ли пытался убить меня и акробата в Талорисе?

– Акробата, – передразнил он ее, скорчив рожицу обиженного ребенка. – Как маленькая! Ты же жива. Была бы моя воля, тебя бы давно сожрали черви, женщина. Всего лишь маленькая проверка, и девчонка прошла ее. Не бросила вас. Из нее выйдет толк.

Лавиани нахмурилась, но промолчала. Шаутт, захвативший мертвое тело Клеро, легко спрыгнул в снег, отшвырнул от себя кость, и та, вращаясь в воздухе, улетела к границе леса. Они оба проследили за ее полетом.

– Эти земли наполнены тенями, – произнес демон, по-собачьи нюхая воздух. – И тебе лучше уйти отсюда. Прежде чем они найдут тебя или славного глупого прыгуна, что держится за твою юбку.

– Не понимаю.

– Иного я и не ожидал. Даже для недотаувина ты довольно тупа. – Мертвое горло издало неприятный смехок. – Такие, как я, здесь. Сейчас они западнее. В двух часах ходьбы, но кто знает, куда они направятся. Ветер штука капризная. Почуют вас, и все. Привет.

– Почему ты предупреждаешь о них?

Зеркальные глаза равнодушно скользнули по ее обветренному лицу.

– Твои вопросы навевают тоску.

Ей очень хотелось его ударить, вспороть горло ножом, но она понимала, что это бесполезное действие и только разозлит тварь. Шаутт оказался рядом, прошептал прямо в ухо:

– Я с радостью присоединился бы к теням, получившим свободу благодаря твоему другу. Выпил бы твоей крови. Послушал, как ты тоненько визжишь, когда бы я начал жрать твои теплые кишки. – Он отстранился. – Но, к сожалению, не могу. Приходится служить.

Она услышала, как скрипят его зубы.

– Хватит спать. Девка пошла на северо-восток. Тропа под носом. И ей нужна помощь. Еще увидимся. – Шаутт направился прочь, и его длинные черные волосы, растревоженные ветром, шевелились точно живые.

– Надеюсь, что нет, – прошептала Лавиани ему в спину, сделала несколько глубоких

вдохов, чтобы бурлящая в ней ярость не взорвалась и не заставила совершить глупость.

Она пошла прочь лишь после того, как шаутт скрылся за высокими заснеженными кустами и через несколько минут в том же направлении взлетело несколько потревоженных птиц. Только тогда сойка убедилась, что он действительно оставил ее.

Возвратившись назад по своим следам, женщина с удивлением обнаружила, что Тэо стоит под деревьями с двумя сумками, ее баклером и копьем.

– Не спится?

– Думал, что-то случилось. Кто это был?

– Шаутт. Наш старый знакомый.

– Но разве Шерон...

– Нет. К сожалению. Не убила. Он говорит, что в округе есть еще несколько демонов и встречаться с ними опасно.

Тэо хмуро оглядел поляну, которая теперь выглядела отнюдь не так безмятежно, как раньше.

– Я шел по следам. Ты была возле тракта. И лежала там, судя по всему.

– От тебя ничего не скроешь, мальчик. Шаутты, которые рыскают в лесу, не единственная наша проблема. Я видела других соек. – Она забрала из его рук свое оружие. – Они продолжают поиск и подобрались ко мне довольно близко. Трое их подручных отправились на север, к Тропе Любви.

– Что ты намерена делать?

– Станный вопрос, циркач. Убью их. Если встречу. Какие еще могут быть варианты у такой, как я?

Глава пятая

Тропа любви

Еще несколько лет назад это место можно было назвать прекрасным. Но теперь, после Войны Гнева, Тропа Любви – одно сплошное кладбище. Зловонная истерзанная могила, на поверхности которой остались тысячи трупов тех, кто защищал ее и штурмовал. Никому нет дела до мертвецов, и они отданы дождю, ветру, солнцу, личинкам мух и зверью. Я плакала, когда ехала по стене крепости. Мой отец еще помнил, как красива она была до войны. Мой отряд – единственные люди на сотни лиг вокруг. Мы убегаем от Катаклизма. От моря, вставшего выше неба, от огня, полыхающего во мраке, и тьмы, что наступает нам на пятки. Да помогут мне Шестеро, и пусть будут прокляты все великие волшебники.

Из дневника миледи Де Роез, основательницы герцогской династии Накуна. 100-й день после Катаклизма. Эпоха Упадка

Утесы тонули в облаках, и Шерон видела лишь часть ребристых каменных стен, вдоль которых шли вот уже второй день. Они нависали над ней, серые, с редким снегом, едва держащимся на отвесных склонах, и девушка чувствовала себя неуютно в этом тесном ущелье, заросшем густым ельником.

Тропа, по которой их вел Мильвио, не вселяла уверенности – узкая, местами сильно обледеневшая, отчего ботинки скользили, и все время приходилось осторожничать, чтобы не упасть. Это оказалось непросто, правая рука болела, пальцами было больно шевелить, и к вечеру начинался жар. Треттинец, ранее отдавший свой шарф, счел это недостаточной мерой и соорудил фиксирующую повязку, порвав для этого свою запасную рубашку. Остатков ткани хватило на то, чтобы перевязать голову эста[7] Керника. Лишившись уха, пожилой воин подхватил легкую лихорадку, но болезнь не забрала у него силы, и он продолжал путь с ними на равных.

Керник оказался молчаливым и замкнутым человеком без лишнего самомнения и легко согласился с планом Мильвио по преодолению Мышиных гор.

– Как ты? – спросил Мильвио на привале, садясь бок о бок с Шерон.

– Немного устала, – честно сказала девушка, наблюдая за тем, как Керник разжигает огонь, и думая, насколько бы все было проще, если бы она воспользовалась своими способностями и призвала пламя из камней. Лавиани поблизости не было, но указывающая помнила наставления, что не стоит показывать свои способности каждому встречному. – И плохо сплю.

– Из-за того, что забрали жизнь ловчего? – Воин оторвался от подкармливания огня тонкими еловыми веточками. – Ты поступила верно, девонька.

– Я это знаю. Но его лицо у меня все еще перед глазами.

– Первый раз всегда непросто. Но необходимость спасти свою жизнь это оправдывает. Так наставляют в храмах Шестерых.

– В нашем мире часто убивают, – согласился с ним Мильвио, и его зеленые глаза смотрели только на огонь. – Но в храмах Шестерых порой говорят вещи, противоречащие друг другу. Не думаю, что там могут судить, чью жизнь забрали верно, а чью по ошибке.

Воин не стал спорить, лишь положил еще несколько веточек в разгорающееся пламя, чадившее густым, белым дымом, пахнущим смолой.

– Надеюсь, убийств больше не будет, сиор де Ровери. Мы уже вторые сутки не видели ни одного патруля дикарей. Да что там, даже их следов на снегу нет. Проклятые тьмой ублюдки загнали нас в глухомань, чтоб им пусто было. Не понимаю, что на них нашло. Они словно озверели.

– Озверели? Сомневаюсь, – тихо сказала Шерон и, увидев, что они оба смотрят на нее, пояснила: – Мне показалось, что они испуганы.

– Ловчие? – с усмешкой спросил Керник. – Варваров не испугает даже Скованный. Они просто охотятся за кровью для своих ложных богов.

Указывающая провела ладонями по лицу, словно желая прогнать усталость. За эти дни им пришлось увидеть достаточное количество горцев. Она не знала причину их страха,

но ей казалось, что именно он выгнал их из ущелий и заставил искать кровь чужестранцев. Вершить зло только ради того, чтобы другое зло, гораздо более страшное, оставило их в покое.

Она беспокоилась о судьбе своих друзей. Акробат быстр и ловок, а Лавиани... Лавиани это Лавиани. Она переживет их всех и легко пройдет через наполненную шауттами комнату целой и невредимой. Ее беспокоило иное – возможность потерять друг друга. Девушка уже успела увидеть, сколь огромен мир. Стоит пойти в другую сторону, свернуть на соседнюю тропу – и встретиться снова уже не получится. Возможно, никогда.

Ей было грустно от этого. Она уже слишком сильно успела привыкнуть к ним. Чужаки стали ее друзьями. Кажется, единственными, которые появились у нее с тех пор, как погиб муж.

Соседи в Нимаде уважали ее. Ценили. Любили. Но они не были друзьями. Со времени проявления ее дара окружающие стали относиться к ней иначе. Никто не смел перешагнуть ту грань, что отделяла обычных людей от указывающих.

– Все хорошо? – Керник сломал еще несколько веточек, и те громко хрустнули. – Сиор де Ровери, простите мои сомнения. Но вы видели – все предгорья наводнены дикарями. Выжить непросто. Многие умрут до конца этой недели. Нам очень повезло.

Он подумал и добавил:

– Мне повезло. Если бы я не встретил вас, уже бы давно валялся в снегу с разбитой головой. Прости, что говорю такое про твоих друзей, девонька, но следует быть готовым к плохим новостям. В жизни, к сожалению, чудеса встречаются довольно редко. Во всяком случае, с тех пор, как канули в небытие все великие волшебники.

– А если мои друзья все же выжили? – Шерон попробовала пошевелить пальцами, почти сразу же почувствовала боль и вздохнула.

– Тогда у них два пути. Возвращаться на запад или идти на восток. Перевал закрыт, там ловчие, а Тропа... – Воин поджал губы. – Видите сами. Мы одни. Здесь ходят лишь те, кто раньше бывал. Старожилы и смельчаки.

– Есть чего бояться?

– Нет. Я шестой раз иду этой дорогой. Просто в Тараше обычное дело – сторониться мест, которые заброшены после Катаклизма. Они обрастают дурными легендами.

– Ничто так не любят люди, как страшные сказки, – усмехнулся Мильвио. – Эст Керник прав. Место не пользуется популярностью, и здесь ходят лишь одиночки. Перевал гораздо удобнее. Он ближе к тракту, к тому же там отличный, плавный подъем, доступный для лошадей и телег. А Тропа Любви – это лишнее время, лишние силы, и вокруг глушь без всякого намека на постоянные дворы.

– Верно, – согласился воин. – Никаких трактиров, ночевка под открытым небом, да и лестницы. Эти проклятые шауттом лестницы – то еще испытание для моих коленей. Но я люблю здешние места. Очень красиво. Особенно поздней весной. Все нижние башни крепости купаются в цветении сирени и яблонь.

– Я никогда не слышала о Тропе Любви.

– У вас на Летосе о многом, наверное, не слышали, девонька, – улыбнулся он в усы. – Ничуть не хочу тебя обидеть, но ваше герцогство тот еще медвежий угол. А насчет развалин – их по миру великое множество. Про все знать невозможно. Люди то и дело что-то находят. Говорят, мы не в силах оценить величие Единого королевства. Тогда

строили совсем иначе.

Мильвио повернулся на восток, и Керник повторил это движение, прервав речь. Оба воина не сговариваясь встали.

– Что такое? – встревожилась Шерон.

Она ничего не видела. Все те же стальные утесы, снег и деревья.

– Птицы, – бесцветным голосом ответил ей Мильвио. – Видишь?

Указывающая посмотрела на облачное небо, заметила три черные точки, поднимающиеся над лесом. Керник затоптал только что с таким трудом разведенный огонь.

– Еще одна, – произнесла Шерон через несколько минут. – Вон. Над елями. Гораздо ближе, чем прежние.

Девушка левой рукой достала из ножен кинжал. Она сама его очистила от всех следов крови в тот же вечер, а затем продолжила на следующий день и была благодарна за то, что Мильвио ничего не говорил по этому поводу. Теперь клинок блестел, и Шерон почувствовала комок в горле, легкую тошноту от того, что, возможно, ей предстоит убить кого-то снова. Девушка знала, что, если нужно будет, она сделает это, но не испытывала никакой радости от столь мерзкого действия.

Двух людей на тропе они увидели, когда те появились из-за деревьев. Шерон сразу же узнала высоченную фигуру и легкую походку того, кто шел первым. Рассмеялась. И в ее смехе было бесконечное счастье.

Неловко обняла улыбающегося, уставшего Тэо одной рукой, повернулась к Лавиани, но та предупредила:

– Без телячьих нежностей, девочка. Я тоже рада тебя видеть, но это не значит, что полезу обниматься без веского на то повода. – Ее голос и тон говорили об обратном. Она тоже была довольна тем, что они встретились. – Что у тебя с рукой?

– Ловчий был проворнее меня.

– Мне надо посмотреть.

– За вами кто-то идет? – спросил Керник. – Встречали патрули?

– Нет, – негромко сказал Тэо. – Но по округе рыскают шаутты.

– Ты шутник, парень!

– Думается мне, что он не шутит, – задумчиво произнес Мильвио.

– Что? Лунные люди? Здесь? Так далеко от Рубежа? – не поверил воин.

– Когда в нашу эпоху тварей тьмы сдерживали замки белого огня? – резонно возразил треттинец. – Слышали же последние слухи об их появлении в Горном герцогстве. Почему бы демонам не появиться и здесь? Сколько их?

– Они выгнали ловчих из деревень. – Лавиани разматывала повязку, осторожно держа запястье Шерон. – Вот почему дикари ринулись в предгорья. Шаутты устроили в их поселениях кровавую резню. И недалекие варвары решили, что если добудут им много жертв, то тьма от них отстанет.

– Два дня назад Лавиани захватила одного ловчего живьем, – пояснил Тэо, прежде чем

кто-то успел задать вопрос, откуда они это знают.

– Женщина взяла горца живым и смогла допросить? – Керник не поверил.

– Я была очень дружелюбной, – мрачно ответила ему Лавиани и сосредоточилась на осмотре травмированной руки указывающей. – Накормила его, рассказала сказку, и он, растроганный такой материнской заботой, поведал мне эту удивительную историю.

– Мы встретили шаутта, – сказал Тэо Мильвио. – Он нас не заметил, потому что... ел. Человечину. А вчера, уже к вечеру, когда стали подниматься на тропу, увидели одного из них внизу. Он шел вдоль кромки леса, на запад.

– Он может идти за вами? – с тревогой спросила Шерон.

– Нет. – Мильвио следил, как разматывается повязка на руке указывающей. – Если бы он их увидел, то уже догнал бы.

– Я слышал, они перемещаются в тених и двигаются довольно быстро. – Керник выглядел встревоженным.

– Значит, нам повезло, что тогда было светлое время суток. – Пружина выпил немного воды из фляги.

– У нас на юге считается, что шаутты прячутся в тени, лишь когда наступает полнолуние. До него еще девять дней. – Мильвио набросил на плечи плащ, защелкнул застежку. – Тэо прав. Днем он может двигаться не быстрее нас, солнечный свет для таких, как он, словно гири на ногах.

– Сильный ушиб, – вынесла свой вердикт Лавиани и полезла в сумку на поясе. Достала белый, пахнущий амброй порошок, высыпала Шерон на запястье. – Это снимет отек. Руку держи в покое. Через неделю все будет хорошо.

Боль вернулась еще несколько дней назад, но Тэо так и не сказал об этом друзьям.

Она была иной. Странной. Не такой сильной, как прежде, и появлялась в пальцах левой руки. Пульсировала, словно нагнаивающаяся рана. Он замечал ее в первые минуты, а затем привыкал, забывал, а когда вспоминал снова, та уже проходила.

Точно ее и не было.

Пружина иногда ловил на себе взгляды Шерон, подозревал, что снова стонет во сне, но девушка не задавала вопросов.

За время дневных переходов путь к крепости забирал много сил. Хуже всего приходилось их новому спутнику. Эст Керник был уже немолод, к тому же его беспокоила рана, и к вечеру лицо воина становилось серым от усталости. Лавиани, глядя на него, лишь цокала языком, но стоически молчала. Лишь однажды сказала негромко Мильвио:

– Если он не сможет идти, я не поволоку его на своем загривке.

– Конечно, – легко согласился треттинец. – Это сделаю я.

Больше они на эту тему не разговаривали.

Горы теперь окружали их со всех сторон. Долина, заросшая елями, осталась далеко внизу. Тэо не сказал бы, что путь был трудным, но из-за ветра и холода идти

оказалось нелегко, несмотря на широкую, ровную, плавно поднимающуюся тропу.

Сойка шагала последней, сильно отстав. Иногда они не видели ее до самого вечера, до тех пор, пока не начинали разбивать стоянку. Ее все еще беспокоили шаутты и всадники, которые, возможно, разыскивали сойку.

Тэо забрал у Шерон сумку, перекинул через плечо.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила она у Пружины, слыша отдаленный рокот водопада где-то выше и удивляясь, что он все еще не замерз, несмотря на холод.

– Нет, – с видимым сожалением ответил акробат. – Слышал об этом месте, но добираться не доводилось. Фургоны цирка тут не пройдут, так что если мы и оказывались на севере, то ехали по тракту, через перевал. Но я всегда хотел посмотреть на легендарную Тропу Люви.

– Почему у нее такое название?

– Никто уже не помнит, полагаю, – ответил Мильвио, не оборачиваясь. – Когда-то меня заинтересовала эта тема, и я искал информацию в Каренской библиотеке. Но то ли я искал плохо, то ли книги давно утрачены... Даже легенд не сохранилось.

– Это потому, что вы южанин, сиор, – подал голос Керник. – Раньше крепость носила другое название, давно забытое. Тропой Люви ее окрестили во время Войны Гнева. Уж не знаю почему.

Тэо улыбнулся:

– Выходит, я один знаю ее историю. Крепость построили великие волшебники. Во времена, когда шаутты уже были побеждены, но мэлги наводнили север, а орден таувинов еще не пришел сюда, охотясь на асторэ на юге. Раньше тех гор не было. – Он указал на острые пики на противоположной стороне ущелья. – Они появились только после Катаклизма. И крепость тянулась по старому хребту, полностью защищая южный рубеж от мэлгов. Во время Войны Гнева здесь расположились силы Кама. Одного из учеников Скованного.

– Дважды предателя? – уточнила Шерон.

– Да. Сперва он был на стороне Скованного, затем перешел на сторону Тиона, а когда Скованный заключил союз с шауттами и армии Тиона начали отступать, снова заключил союз со своим учителем. Кам закрепился на этом рубеже и собирался нанести Тиону удар в спину. Последний не мог продолжить наступление, пока сохранялась угроза его тылам. Поэтому армии Тиона взяли крепость в кольцо. Голиб предавший Род лично руководил осадой.

Шерон вспомнила чудовищный скелет великана, с которым им пришлось столкнуться на Талорисе, и поежилась словно от зябкого ветра. Воспоминание было не из приятных.

– Ему удалось? – поинтересовался Мильвио.

– Нет. Великие волшебники прошлого поработали на славу, и камни не брала даже магия учеников Скованного. Осада длилась несколько месяцев, и тогда помогла родная сестра Кама. Она предала своего брата из-за любви к Тиону, пускай и безответной. Рассказала о тайном ходе, проложенном под Мышиными горами. Пройти по нему мог лишь обладающий магией. Минувя множество ловушек, Тион сразился с Великим Земляным змеем, приученным Камом, одним из отголосков созданий эйвов. Змей убил сестру Кама, но и сам остался в недрах пещер, пронзенный мечом великого волшебника.

– Поэтому дорогу называли Тропой Люви? – догадалась Шерон. – Скорее ей больше

подходит Тропа Смерти.

– Тион пробрался внутрь и распахнул для Голиба ворота, а сам сразился с Камом и победил его.

– Красивая история, – одобрил Мильвио. – Один против тысяч. Это достойно героя. Жаль, что никто так и не сложил песню о том бое. Тион против Кама, свет факелов, звон мечей.

– Мечей?! Сиор ошибается! Они же волшебники! А значит, сражались молниями, огнем и ветром, – сказал Керник и тут же одернул себя: – Хотя теперь-то мы уж точно не узнаем, как было на самом деле.

– Да, – с грустью ответил треттинец. – Подвиги в наше время забываются с той же частотой, как и гнусные дела. После сражения здесь были тысячи мертвых, и лишь время да люди, которые потом стали ходить здесь, сбрасывали кости вниз.

– Очищена лишь главная дорога. Весной, пока трава еще не стала густой, если посмотреть со стены, видны черные и желтые камни – черепа да кости, так и не ушедшие в землю, – подтвердил Керник. – Возможно, поэтому это место и не пользуется доброй славой. Все ждут, что мертвые когда-нибудь встанут и призовут живых к ответу.

– Оно не пользуется любовью из-за этих лестниц, по которым мы идем уже весь светлый день, – проронил Мильвио. – Люди обычно не считают нужным утруждать свои ноги больше, чем это требуется. А живой покойник... это что-то от некромантии, а не от магии шауттов.

– Вы не боитесь мертвых, сиор?

– Нет, эст Керник, – просто ответил южанин. – Я не боюсь того, что мертво.

– Потому что не верите?

– Довольно самонадеянно не верить, когда у нашего мира есть Летос, а в прошлом жили и некроманты. Нет. Просто я считаю мертвых куда как более безвредными существами, чем живых людей. От последних стоит ждать больших неприятностей.

Шерон остановилась, пропуская Мильвио и Керника вперед, взяла Тэо под руку, сказав тихо:

– Значит, шаутт жив...

– Сожалею, – так же тихо произнес он. – Но, судя по всему, у него какие-то дела, и он от нас отстал. Во всяком случае, пока.

– Но не другие...

– Шаутты искали не нас. Любых людей. Несколько дней назад я видел... – Тэо прервался, не став рассказывать девушке, как высокое существо в плаще убило путников на дороге и лишь чудом не заметило их.

– Тьма пробуждается, Тэо. В нашем истерзанном мире долгие годы царило спокойствие. Шаутты были лишь легендами. Как и мэлги. Рубеж всегда находился где-то там... на другом конце мира.

Тэо грустно улыбнулся. Еще несколько месяцев назад он не верил в то, что старые истории могут ожить и коснуться его. Но все внезапно перевернулось с ног на голову. И то, что раньше казалось замшелыми легендами, теперь оживало на глазах.

Довольно широкая тропа все время поднималась вверх, заворачивая направо. Подойдя к краю и посмотрев вниз, Тэо понял, что дорога поднимается спиралью вокруг массивной скалы. Маленькая точка внизу – Лавиани, находящаяся на витке тропы под ними, бодро шагала вперед, нагоняя.

– Поражают масштабы? – спросил Мильвио.

– Вполне, – отозвался Тэо. – Но дорога, вырубленная в горе, меньшее из тех чудес, что я видел. Вспомни тех же альбатросов Талориса или Калав-им-тарк.

Мечник рассмеялся:

– Калав-им-тарк? Понимаю, у тебя связаны с ним воспоминания, но от крепости мало что осталось. Конечно же если сравнивать с ее братом-близнецом – Грим-ар-дэном.

– Северный оплот шауттов? – удивился Пружина. – Ты и там был?

– Что тут такого? Он недалеко отсюда, в Тараше, на границе с Кулией.

– С ней связано огромное количество темных легенд.

Они вновь пошли дальше, по ледяным, скользким камням, следом за ушедшими вперед Шерон и Керником.

– Со всем нашим миром связано множество гадких историй, друг. Но время идет, и от прошлого остается только память. По большей части зло, что пугало наших предков, умерло вместе с ними. Город тьмы, существовавший на севере, был очищен еще во времена таувинов. Шауттов там не видели полторы тысячи лет.

– Так далеко на север я никогда не забирался. Крепость заброшена?

– Отнюдь. Там обосновались мятежники. Ну, во всяком случае, таковыми их считает герцог Тараша. Какой-то его троюродный брат по материнской линии, или что-то вроде того. Вялое противостояние за наследование северных баронств длится уже лет сорок. Оба благородных господина одной ногой в могиле, но все еще упрямы, точно мулы.

– И Грим-ар-дэн красивее Калав-им-тарка?

– Ну... и в твердыне Горного герцогства есть свое очарование. Во всех этих оплавленных магией стенах, обломанных шпилях и самом величественном водопаде всех северных стран. А рассвет, когда вспыхивают поочередно Зубец Тиона, Гребень Арилы и другие пики... Невероятное зрелище. Но ученики Скованного, спасая Нейси и Арилу, хорошенько прошлись по Калав-им-тарку волшебством. Грим-ар-дэн сохранился лучше, а оттого кажется значительнее. Точнее, неприступнее.

– А ты что делал среди этих мятежников?

Мильвио улыбнулся:

– Я от природы любопытен, Тэо. И, когда мне представилась возможность посмотреть нечто новое, я тут же туда отправился. Провел там несколько месяцев. Учил младшего внука его милости основам меча.

– Подозреваю, что герцог Тараша, узнай он о том, что кто-то обучает его врага, был бы не очень рад.

Треттинец расхохотался:

– Его врагу было десять лет. Хотя ты прав. Мне повезло, что он об этом не узнал. Потому что я видел его спустя год и могу сказать: человек его светлость крайне тяжелый и гневливый.

С каждым поворотом тропы грохот усиливался, и наконец Тэо увидел водопад, белым облаком разбивающийся о скалу далеко внизу.

– Откуда здесь столько воды? – напрягая голос, спросила Шерон.

– Магия! – ответил ей Керник. – Я был здесь шесть лет назад, прошлой зимой, и он даже не думал замерзнуть, как и ключи, его питающие.

– Ключи? Здесь должна быть огромная река!

– Увы. Никаких рек на такой высоте нет. Все они остались внизу, в ущельях. Перед тобой источники, дававшие воду крепости.

Из-за брызг, осевших на камни, дорога стала еще более скользкой, и Мильвио подал Шерон руку.

– Последний виток – и мы окажемся на вершине хребта, – без всякой радости сказал Керник.

Тэо видел, как бледно его лицо.

– С вами все в порядке?

– Просто усталость, – ровно ответил старый воин. – Скоро сделаем большой привал, там и отдохнем.

Тэо первым вышел на открытую площадку, над которой ветер гнал тяжелые облака. Резкие ледяные порывы били по ногам, стремясь опрокинуть. Прямо перед акробатом высились темно-синие стены, сложенные из огромных каменных блоков. Они поднимались на высоту сорока пяти ярдов, а затем переходили в две опорные башни.

– Вон там был мост! – Пружина указал на острый козырек с перилами, находящийся на краю площадки и обрывающийся в пропасть.

– Говорят, раньше здесь начиналась главная дорога от крепости. – Керник перевел дух, жадно всматриваясь в зев темных врат. – Мост обрушился во времена Катаклизма, и осталась лишь тропа в горах. А так была бы прямая дорога до Гранита для телег, карет и всадников.

– Давайте уйдем с ветра, – предложила Шерон, и они направились к крепости, которая теперь, казалось, заполнила собой весь мир, нависнув над ними.

За аркой ворот начинался большой квадратный двор, напомнивший Тэо глубокий колодец, с тусклым, несмотря на середину дня, светом и толстым слоем снега, лежащим вдоль стен.

– Здесь три пути, – сказал Пружина, разглядывая арки ходов. – Какой нужен нам?

– Я ходил по самому широкому, – ответил Мильвио, указывая на дорогу, поднимавшуюся в горку и скрывающуюся за оборонительным бастионом. – Главный тракт идет по верху стены. Но тогда было тепло, а сейчас лишь ветер да лед.

Керник стоял прислонившись к стене, и Тэо, глядя на его забинтованную голову, подумал, что надо попросить Лавиани о помощи. Ей стоит еще раз посмотреть рану старого воина, слишком худо он выглядел.

– Я ходил по самой правой. Один раз, – произнес воин. – В другое время так же, как сиор де Ровери, шел поверху. Сейчас лучше выбрать галерею. Она по бокам открыта, но есть крыша над головой и днем там всегда светло. Лучший вариант для такой погоды.

– Возражений нет? – Мечник посмотрел на акробата и девушку.

Пружина пожал плечами, показывая, что ему все равно и он доверяет людям, которые тут уже были. Шерон кивнула.

– Ну, тогда решено.

– Я останусь здесь. – Тэо стянул вещмешок с плеча. – Надо дождаться Лавиани.

– Ценю твою заботу обо мне, мальчик, – сказала сойка, выходя из арки темных ворот.

– Что-нибудь заметила, сиора?

– Нет, Фламинго. Дорога за нами пуста, и такое впечатление, что пуста аж до моря Мертвецов.

– Нам везет.

– Смотри не сглазь. Хотелось бы пройти горы как можно быстрее. Насколько долог путь?

Керник помедлил с ответом, разглядывая ее копье, сейчас избавленное от тряпок и чехла:

– Два дневных перехода. Можно пройти и за сутки, если не ночевать. Ты вообще умеешь обращаться с этой штуковиной, женщина?

Лавиани заметила предупреждающий взгляд Шерон и буркнула, проглотив ругательство:

– Не такая уж это сложная штука. Коли посильнее, а все остальное получится как-нибудь.

Она не стала ждать, что он скажет на это, и первой ступила на лестницу, уводящую к галерее, тянувшейся по стене.

Ей снова снилась высокая трава, ясное небо с висящим над головой полуденным солнцем, журчание воды, носящиеся в воздухе стрекозы. И снова острая кинжальная боль голода пронзила ее желудок.

У нее не было рук, ног, глаз, она лежала на душистой, немного влажной земле и хотела насытиться. Как и прежде, мысленно потянулась вперед, в поисках подходящего тела и тут же его нашла. Совсем рядом от себя, в двух шагах, радуясь такой удаче.

Она коснулась его и вспомнила все, что было раньше.

– Стоп! – сказала себе Шерон. – Стоп! Перестань! Просыпайся! Проснись! Слышишь?!

Зеленая трава и край голубого неба закрутились, перемешались в одну серую краску, и указывающая раскрыла глаза, глядя на то, как белое пламя костра меняет свой цвет.

Лавиани, обняв копье, словно младенца, неотрывно смотрела на девушку, сидя на своем темно-зеленом походном одеяле из овечьей шерсти. Все остальные спали, небо только-

только начало светлеть.

Указывающая перевела дух, чувствуя, как сильно стучит у нее сердце.

– Уже лучше, – шепнули губы Лавиани. – На этот раз ты проснулась прежде, чем произошла какая-то пакость.

Шерон кивнула, хмурясь и не понимая, что же ее беспокоит. Потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Голова была тяжелой после сна. Она откинула одеяло, подняла воротник куртки и, подойдя к перилам галереи, стала смотреть на то, как вершины снежных пиков, окружавших их со всех сторон, становятся все более четкими, мрак отступает от тысячелетних стен и на зубцах квадратных башен, стоящих вдоль горного хребта, загорается бледно-розовый свет.

Лавиани встала рядом, нарушив молчание:

– Что тебя беспокоит?

– То, что происходит со мной. Хотя нет. Не это. Все живы?

Вопрос был неожиданным, и сойка нашлась не сразу:

– Если тебе приснилось, что ночью приходил шаутт и стянул циркача, то нет. Все спокойно.

Девушка посмотрела на трех мужчин. Тэо спал рядом с огнем, из-под одеяла белела полоска его лба. Рядом с Мильвио лежал его меч. Керник отвернулся к стене, подставив спину теплу.

– Эй! Я все еще здесь. – Сойка не понимала, что так волнует девушку.

– Мертвый. Где-то рядом мертвый человек. Я его почувствовала, когда спала, и чуть не...

Она не стала добавлять слово «подняла». Судя по лицу Лавиани, этого и не требовалось. Та прекрасно помнила, что случилось в прошлый раз.

Девушка наклонилась над Тэо, осторожно потрепала его по плечу, и тот, негромко вздохнув, поднял веки.

– Утро начинается. Скоро в дорогу.

Она сказала это громко, и Мильвио, приподнявшись на локте, посмотрел на небо из-под надвинутого на лоб капюшона. Прикрыв рот ладонью, он зевнул, потянулся, точно кот, и сказал:

– Север зимой прекрасен, но, клянусь Шестерыми, нет ничего лучше, чем просыпаться на юге. Там не чувствуешь себя замороженным деревом.

– Предлагаю заняться упражнениями, – сказал ему Тэо, сбрасывая теплую куртку. – Ничто не дает такой заряд бодрости, как...

– Прыжки, отжимания и другие обезьяньи ужимки, – перебила его Лавиани. – Вряд ли наш благородный господин снизойдет до того, чтобы махать руками и ногами под твоим руководством.

– И все же мастер Тэо прав. – Мильвио тоже снял куртку, оставшись в толстом вязаном свитере, и вытащил из ножен меч. – Но я предпочту тренировку с оружием. Это ничуть не хуже сальто и... Шерон? С тобой все в порядке?

Девушка, мгновение назад склонившаяся на Керником, выпрямилась. Ее лицо было совсем смертельно бледным.

– Он мертв, – тихо сказала указывающая.

Воздух казался кристально чистым, точно хрусталь, и пах легким морозом. Снег на пиках, со всех сторон подступивших к Тропе Любви, сиял на ярком солнце столь нестерпимо, что на него стало больно смотреть. Глаза все время слезились, и влага тут же мерзла на обветренных щеках путников.

Шерон повязала на лицо шерстяной шарф Мильвио, закрывая нос и щеки, чтобы хоть как-то защититься от ветра, то и дело врывающегося на галерею.

Крепость была бесконечной. Стена, через каждые четверть лиги укрепленная сторожевой башней, тянулась по хребту, по горным склонам, над долинами, и оставалось лишь догадываться, какой мощью обладали великие волшебники.

С каждым часом пути они все дальше уходили от мест, где охотились ловчие, и девушка ощущала необычайную легкость от того, что им удалось выжить. Всем вместе выбраться из кольца облавы. Дорога по крытой галерее, проходившей по верхнему ярусу стены, оказалась необычайно удобной, пускай здесь и властвовал холод. Зато не было снега и льда, а вид открывался завораживающий.

Впрочем, красоты ее сейчас мало привлекали. Она думала о погибшем. Похоронить Керника было негде, вокруг сплошной камень, и Лавиани предложила сбросить тело со стены вниз, в пропасть, усеянную острыми зубцами скал, высившихся над заснеженными соснами.

– Как-то нелепо умер, – негромко произнес Тэо, молчавший почти весь день.

Лавиани покривилась:

– Обычная смерть. Как и большинство в нашем мире. Признаться, я думала, он протянет еще пару дней. Помрет уже после того, как мы расстанемся. Не смотрите на меня так. Когда мы встретились и я осмотрела его рану, то поняла, что он не жилец.

– Керник всего лишь потерял ухо, сиора. Люди редко от этого умирают.

– Люди умирают даже от банальной простуды, Фламинго. А здесь... на клинке была какая-то зараза. Будь он помоложе, возможно, выжил бы. Но климат, усталость и высота сыграли свою роль.

– Жаль, – сказала Шерон.

– Жаль? Ты знала его всего несколько дней.

– Это не значит, что Шестеро лишили меня сострадания.

– Да ему можно только позавидовать, девочка. Умереть во сне и неожиданно для себя – редкая удача. Без боли, мучений, страха. Хотела бы я, чтобы мне повезло так же, как и ему.

– Не могу назвать смерть везением. Даже при таком раскладе. – Мильвио смотрел на горы и щурился.

– Ты еще молод, чтобы рассуждать о таких вещах здраво, Фламинго. Поживешь с мое,

поймешь, что такой вариант куда лучше ломоты в суставах и утреннего бульканья в легких.

Погода начала портиться уже после полудня. Солнце спряталось за переползшими через хребет свинцовыми тучами, и меньше чем за двадцать минут они заволокли все небо. Резко похолодало, пошел мелкий, колющий снег.

– Будет буря, – предупредила Шерон спутников.

– Нам придется остановиться раньше, чем я планировал, – сказал Мильвио. – Укроемся в ближайшей сторожевой башне.

Тэо слушал вой ветра и видел, как снег на дальнем склоне начинает закручиваться в спирали, поднимаясь обратно, к небу.

Ветер выл как проклятый, то и дело налетая сбоку, точно молот ударяя по ним. Крыша от порывов не спасала совершенно.

Темнело, и метель только усиливалась. Тэо прикрывал Шерон сзади, а Мильвио, шедший спереди, защищал девушку спиной, но та все равно двигалась низко опустив голову и иногда шатаясь от порывов. Лавиани обогнала троицу и сразу же исчезла в белой круговерти. Остались лишь ее следы, но и они пропали под свежим снегом уже через десять минут.

Когда на пути появились темные камни и еще более темный провал, ведущий под низкий каменный свод, все вздохнули с облегчением. Мильвио посторонился, пропуская Шерон, и та, оказавшись под прикрытием толстых стен, стянула с лица шарф.

– Здесь оставаться бессмысленно. Холл сквозной, все продувается.

– Верно, – согласился Мильвио. – К утру без огня мы превратимся в покойников.

– Тут лестница. – Лавиани вышла из мрака, сплевывая кровь, текущую из растрескавшихся губ. – Вверх можно подняться на пролет, потом завал. А вниз дорога свободна. Далеко я не спускалась, только на один ярус. Но там нет ветра и значительно теплее. Только темно хоть глаз выколи. А факелов у нас нет.

Ей и указывающей свет не требовался, чего не скажешь о мужчинах.

– Эту проблему я решу, – сказала Шерон. – Но разумно ли спускаться в недра башни?

Мильвио пожал плечами:

– Лично я не вижу причин отказываться переждать снежный буран в более удобной обстановке. А ты, Тэо?

Акробат согласно кивнул:

– Готов пойти куда угодно, хоть в подвал, лишь бы подальше от открытых пространств.

Он увидел, как Шерон достала из сумки игральные кости, шепнула им что-то ласковое и неразборчивое, бросила их под ноги, и те мягко засияли белым светом. Егохватило, чтобы осветить первые пять узких ступеней, ведущих в бездну.

Девушка с некоторой опаской посмотрела на Мильвио, но не увидела на его лице ни страха, ни ненависти, ни отвращения. Он лишь улыбнулся, словно та показала ему какую-нибудь милую вышивку:

– Так вот как выглядят твои способности. Это и есть магия?

– Скорее ее малая часть, – ответила за нее Лавиани и, едва не опережая прыгающие со ступеньки на ступеньку кости, начала спускаться.

Вой ветра ослаб за спиной. Их ботинки тревожили пыль, которая здесь покоилась веками.

На лестничном пролете Тэо увидел, что дверь, когда-то перекрывавшая проход, отсутствовала. За тысячу лет она рассыпалась прахом. А быть может, кто-то из тех, кто путешествовал здесь раньше, просто разрубил ее и пустил на дрова во время такой вот незапланированной остановки.

Мильвио шагнул в проем следом за Лавиани, склонив голову, чтобы не задеть каменную притолоку.

– Что насчет огня, девочка? Я устала как собака, и хорошо бы погреться хоть немного.

С помощью двух камушков, извлеченных из сумки, указывающая вызвала белое пламя, не дающее дыма, но источающее живительное тепло.

– Мы в караульной. Или что-то вроде того, – вынес свой вердикт треттинец, изучив помещение.

– Пойду осмотрюсь. – Лавиани бросила свою сумку под ноги Тэо. – Здесь еда. Мою порцию можете разделить. Я не голодна.

– Разумно ли это, сиора? Без фонаря или факела уходить из освещенного зала опасно.

– Такая забота начинает нервировать, Фламинго.

– Она видит в темноте ничуть не хуже меня. – Уставшая Шерон грела ладони у огня и поэтому не заметила, с каким недовольством посмотрела на нее сойка.

Та ушла, и Мильвио, несколько озадаченный новостью, осторожно произнес:

– Лавиани не похожа на указывающую.

Тэо хмыкнул, но ничего не сказал, зубами растягивая узел завязок на вещмешке.

– Ты прав. – Шерон попробовала пошевелить запястьем и поморщилась от боли, стрельнувшей выше по локтю. Поединок с ловчим все еще давал о себе знать. – Она немного не такая, как мы.

– Это я заметил, – улыбнулся мечник и, видя, что тайну сойки ему не откроют, не стал приставать с вопросами.

Они разделили еду – остатки копченой грудинки, два вареных куриных яйца, морковь и черствый хлеб. Тэо неспешно жевал, прислушиваясь к слабому гулу – ветер за стенами был точно сотня шауттов, и даже толстые камни не спасали от его песни.

Лавиани вернулась, когда Шерон уже начала беспокоиться, что та все же заблудилась.

– Здесь хоть шаром покати. Все деревянное давно сгнило, а что было из металла проржавело. Во всяком случае, на этих ярусах. Но я кое-что нашла. Вам стоит взглянуть. Тебе, Шерон, особенно.

Девушка удивилась, но поднялась со своего расстеленного одеяла и громко щелкнула пальцами, призывая игральные кости. Те подкатились к ее ботинкам, готовые следовать

за своей хозяйкой.

– Это далеко?

– В двух шагах. Тэо, ты с нами?

– Ни за что не пропущу. Мильвио?

– Я – бесконечные залежи кипящего любопытства. – Тот поднял меч.

– Оставь свою железку, мальчик, – пренебрежительно произнесла Лавиани. – Это место такое древнее, что здесь даже крысу не найдешь.

– Предпочитаю не расставаться с Фламинго, сиора.

За караулкой начинался узкий коридор со сводчатым потолком. Справа и слева от них то и дело возникали арки, ведущие в маленькие комнатки без окон. Такие же пустые и пыльные, как и прежнее помещение. Несколько коридоров были забраны ржавыми решетками, едва держащимися в стенах.

– Снова лестница, – сказала Шерон, останавливаясь перед первой ступенью.

– Она короткая. Давай, девочка. Давай. Не робей. Это не Талорис. А просто груда заброшенного камня.

Тэо на всякий случай запоминал дорогу и считал ступеньки. Он посмотрел на Мильвио и увидел, что губы у того тоже беззвучно двигаются.

Зал, куда привела их Лавиани, был огромным, с двойной колоннадой, терявшейся во мраке.

– Сюда, – поманила сойка. – Посмотрите на стену.

Шерон наклонилась, и кости прыгнули на ее раскрытую ладонь. Девушка подняла руку повыше, освещая стену с колоссальным рисунком. Он оказался старым, кое-где совершенно потерявшим цвета, и в этих местах глаз различал лишь слабые контуры былого изображения. Фрагменты картины были частично скрыты под кусками темно-серой плесени, выросшей на краске.

Но все равно того, что имелось, хватило, чтобы она издала восхищенный возглас и, сияя глазами, повернулась к Тэо:

– Узнаешь руку?

– Да, – тут же откликнулся он. – Тот же художник, что рисовал фреску на куполе здания, которое я видел с парома. Ей больше тысячи лет, и для этого времени она прекрасно сохранилась в таких условиях. – Он указал на изображение статной белокурой девушки в воздушном нежно-голубом платье. Возле ее ног лежал большой пятнистый карифский кот с кисточками на ушах. – Прочесть подпись не могу, но и так понятно, что это Лавьенда.

– Красивая сиора. – Мильвио подошел поближе. – В моей стране всегда ценили такие волосы. Она легко могла бы стать герцогиней.

– Она была больше чем герцогиня. Благодаря Скованному у ее ног лежал весь мир.

– Ничем хорошим это не закончилось, циркач. – Лавиани постучала пальцем по рисунку. – Обратили внимание на колонны?

Тэо обернулся назад:

– Да. Ты права, это зал, в котором мы сейчас находимся.

– Или очень похожий на него, – не согласился с ним Мильвио. – Здесь нарисованы окна и нет статуй львов, а у нас, наоборот, есть львы и никаких окон. Стена глухая.

– Все могло измениться. Смотрите, сколько свечей нарисовано. И люди в таких красивых одеждах. – Шерон прищурилась, читая мелкие подписи рядом с изображениями. Большинство имен ни о чем ей не говорило. – Кажется, они что-то празднуют. Хм, а вот это сам Войс!

Лучшего друга Тиона почти не было видно, из-за влажности остался лишь едва различимый контур. Можно было предположить, что великий волшебник стоял, опираясь на стол, и наблюдал за танцующими парами.

– Война Гнева еще не началась, и этот человек еще жив. Так грустно смотреть и знать, что люди, которые радуются, давно мертвы, – печально произнесла Шерон.

– Мы все умрем, – спокойно ответил ей Мильвио. – Смерть придет ко всем нам. Это в человеческой природе – умирать.

– Есть разница, Фламинго. Одно дело сдохнуть, когда тебе девяносто и ты уже ждешь этого едва ли не с радостью, лишь бы песок перестал из тебя сыпаться. Совсем другое, когда едва исполнилось двадцать и твоя жизнь – сплошные мечты и надежды.

– Ты жалеешь его? – удивился южанин.

– Я?! Я даже себя не жалею. Чего уж говорить о людях, которых нет тысячу лет. За это долгое время множество молодых умерло. На всех не хватит скорби даже у Шестерых.

– Войс погиб, сражаясь с Лавьендой. Она убила его. Тот, как и Тион, хотел отомстить Скованному за Арилу.

– Мальчик был влюблен в нее?

Все вопросительно посмотрели на Лавиани, и она хмыкнула:

– Ну, мне в первую очередь подумалось о любви. Юность склонна к подобному. Хотя Арила любила Тиона. Экая печаль для Войса.

– Тебе бы баллады сочинять. Этого мы уже точно никогда не узнаем.

Шерон продолжила идти вдоль стены, освещая ее с помощью игральных костей. Люди из прошлого веселились, улыбались, пили рубиновое вино из хрустальных граненых фужеров, слушали музыку, общались, танцевали. И у девушки возникло чувство, что все это было совсем недавно. Возможно, вчера. Но стоило ей обернуться на темный, мрачный зал, как это впечатление пропало.

Еще одно известное имя. Гвинт. Он стоял спиной к зрителям, поглаживая крысу, сидевшую на его плече.

– А кто это? – спросил Тэо, ткнув пальцем на высоченного широкоплечего человека с длинными черными волосами и впалыми щеками.

Его лицо было грубым, словно вытесанным из дерева не слишком умелым плотником, который в качестве инструмента выбрал боевую секиру. Низкий лоб, маленькие глаза и тяжелая челюсть. Даже при большом желании язык не повернулся бы назвать его

красавцем.

На шее у него висела золотая цепь со знаком горящего орла. В отличие от всех других в зале, облаченных в шелка и бархат, этот был одет в кожу, шерсть и сталь, словно готовился к битве. Рядом, прислоненная к стене, стояла массивная алебарда. Он мрачно смотрел в свой опустошенный кубок.

– Кам, – прочитала имя Шерон. – Хозяин Тропы Любви. Это он устраивает бал. Интересно, почему его нарисовали таким недовольным? И чья рука на его плече? Женская.

Владелицу руки, окутанной в тонкую воздушную ткань, разглядеть оказалось невозможно – потеки с потолка уничтожили эту часть работы художника.

– Хм. А чего он такой здоровый? – любопытствовала сойка из другого конца зала.

– Говорят, в его жилах текла великанья кровь.

– Это миф, – не согласился Мильвио. – У гигантов с людьми нет ничего общего. Как и у людей с асторэ, или уинами, или мэлгами. Мы разные. Кам был не только волшебником, но и воином.

– И сдох где-то в этой крепости, – жестко произнесла Лавиани. – Осталось найти его большую черепушку и сделать из нее светильник на радость всем мужам Каренского университета. Ха-ха. Но я вообще-то тебя позвала не ради него, Шерон. Вот. Посмотри-ка сюда.

Сойка стояла довольно далеко от них, пришлось пройти почти десять ярдов, пропустив целый участок фрески, частично скрытой плесенью. Этот фрагмент сильно потерял в цвете, было видно, что Лавиани совсем недавно очистила его от налета – правый рукав ее куртки оказался грязным.

– Увидела буквы. – Женщина показала на едва видимые «Т», «и» и последнюю «н». – Решила, что стоит рассмотреть его получше.

Они все вчетвером стали изучать молодого человека с колодой игральных карт в руке. Его собеседника не было видно, он все еще скрывался под слоем плесени.

– Тион? – Шерон смотрела на мужчину, которого должна была найти, с таким же выражением, как заблудившийся в пустыне смотрит на внезапно обнаруженный им оазис с чистой водой.

– Буквы плохо различимы, но, думаю, это он.

Указывающая встала практически вплотную, стараясь запомнить каждый фрагмент рисунка. Зафиксировать лицо в памяти, чтобы, встретив, не ошибиться.

Во всей его фигуре и позе чувствовалась необычайная легкость. Так мог выглядеть какой-нибудь танцор. Или фехтовальщик.

В больших глазах отражались свечи, и казалось, что он смеется, услышав шутку своего невидимого собеседника.

Лицо Тиона было приятным, даже несмотря на чуть тяжеловатый подбородок и маленький шрам в уголке рта. Волосы у него оказались с красноватым отливом, и на щеках лежала россыпь веснушек.

Он был одет в вельветовую куртку с медными пуговицами, а васильковый берет небрежно торчал из его кармана. Казалось, что великий волшебник явился на праздник прямо с

дороги, совсем недавно спрыгнув с лошади.

– Забери меня шаутты, но я не знала, что он рыжий. А ты, циркач?

Тэо посмотрел на пятно плесени справа от человека, развязавшего Войну Гнева, провел по нему пальцем. Затем еще раз, и на свет появился краешек женского платья.

– После Катаклизма в мире не осталось ни одного прижизненного портрета шестерых великих волшебников – Арилы, Войса, Тиона, Гвинта, Нейси и Скованного. Обычно когда их рисуют, художники используют воображение. Существует канон, которому следуют все мастера – Арилу рисуй в маске, Тиона с игральными картами или веером в руках. И так далее. Тогда не важно, как выглядит человек, – есть определенная вещь в руке, значит, Тион.

– Веер? – скривилась Лавиани. – Он что, из тех юных богатеньких глупцов, что рассекают по Пьяным садам Рионы в поисках запретных развлечений?

Тэо закатил глаза:

– Вечно я забываю, что ты ничего не знаешь. Веер был волшебным. С помощью него он ходил по канату, сражался с шауттами.

– А карты? – Сойка постучала костяшкой пальца по нарисованным прямоугольникам в руках великого волшебника.

– Он был азартным игроком. Лучшим, как говорят. Только Войс и Скованный могли его обыграть.

– Ты считаешь, что изображение настоящее? – спросила Шерон.

Акробат приблизил лицо к стене, изучая выцветшую краску и трещины.

– Костюмы той эпохи. Сейчас их рисуют в одежде наших времен. Эта фреска очень древняя. До Катаклизма. Есть шанс, что ее писал человек, который лично видел Тиона. А если так, то этот рыжий именно тот, кого мы ищем.

Мильвио вежливо кашлянул, а Лавиани закатила глаза, досадуя на болтливость Пружины.

– Мне послышалось или ты действительно сказал, что вы ищете Тиона? – Каждое слово мечник пробовал на вкус, словно ожидая, что вместо булки с марципаном ему подsunули гнилой кочан капусты.

– Это все эхо, – не слишком любезно буркнула сойка. – И усталость. Мы вообще ничего не говорили и молчим вот уже второй час.

– Нет. Не послышалось. – Шерон не обратила внимания на недовольство Лавиани.

– Довольно странное увлечение, искать могилу того, кто давно уже умер. Зачем вам это?

– Могилу? – Бывшая участница Ночного Клана засмеялась. – Могилу?!

– Я все объясню, если тебе интересно. Давай вернемся к огню. – Шерон не видела причин скрывать от Мильвио цель их путешествия.

У Лавиани, судя по ее лицу, было иное мнение. Чтобы ничего не говорить, сойка отвернулась от них и начала рукавом с остервенением стирать с фрески оставшуюся плесень.

– Что ты делаешь? – удивился Тэо.

– Разве тебе не любопытно, с кем он говорит? Может, это его девка! Надо глянуть, что это за Арила, рыба полосатая, и почему из-за нее случился весь кавардак.

Постепенно, освобождаясь от плена времен, проступал рисунок. Платье, сотканное из тусклого серебра, тонкие руки с изящными пальцами, вырез на груди, длинная шея, русые локоны, чувственные губы.

Внезапно раздался хруст лопнувшей яичной скорлупы, только гораздо более громкий, и рука Лавиани по локоть провалилась в стену, раздавив так и не открытое лицо неизвестной женщины.

Тэо издал стон, словно ему причинили страшную боль. Последнюю минуту он едва дышал, наблюдая, как на свет появляются черты неизвестной женщины.

– Проклятье! – Она вытащила руку, с разочарованием глядя на рваный пролом, из которого теперь тянуло холодным воздухом. – Ненадежная дрянь!

Мильвио заглянул в дыру:

– Здесь был проход. Стену воздвигли позже, и она довольно хрупкая.

Лавиани в ответ ударила ногой по преграде и сделала еще одну дыру.

– Хватит! – рявкнул Тэо так, что даже Шерон подпрыгнула. Он тут же сбавил тон: – Хватит. Не порть красоту.

– Зачем ты это делаешь, сиора? – удивился Мильвио. – Нам не стоит лезть в места, которые спрятали от чужих глаз.

– Да успокойтесь вы. Я просто проверила. Тоже мне, раскудахтались, словно курицы.

А в следующее мгновение вся стена с фреской с грохотом ухнула вниз, рассыпаясь сухой штукатуркой и навсегда уничтожая и бал, и свечи, и смеющихся людей, которых давно не было в живых.

Тэо почувствовал, как пол уходит у него из-под ног, и, действуя инстинктивно, отпрыгнул назад, ощущая, как потревоженная башня загудела и начала трястись.

Лавиани беззвучно провалилась в разверзнувшуюся у нее под ногами дыру. Потолок оглушительно треснул, посыпалась пыль, и Мильвио оглушительно крикнул:

– Бежим! Быстро!

Шерон не помнила, как она оказалась возле выхода, лишь на мгновение отстав от Тэо. Раздался громкий удар, и она бы упала, если бы не Мильвио. Тот подхватил ее одной рукой и вышвырнул из зала, легко, точно перышко. Он сделал это за секунду до того, как рухнули камни, завалившие дверной проем, отрезав его от Шерон и Тэо.

Глава шестая

Рукавичка

– Скажи, отец мой. Чем опасны ее слова? Чем опасны ее деяния? Почему мы боимся ее?

– Ее слова опасны правдой. Ибо правда разит сильнее нашей темной магии. Ее деяния опасны бескорыстием. Ибо сражается она с нами за других людей. А боимся мы того, что всю нашу жизнь совершали ошибки и прожили ее зря.

Сказание о доблестном таувине Катрин Золотая Искра, победившей асторэ Земель Розового пера. Дата неизвестна

Рассвет был кровавым и быстрым.

Вершины четырех пиков стали ярко-алыми, точно во время заката, предвещавшего непогоду.

Сперва вспыхнул острый зубец Тиона, самый высокий в гряде. За ним спустя минуту запылали снега на граненом Гребне Арилы, и почти тут же одновременно зажглись пирамидальная Нейси и двугорбая Печать Таувинов.

Остальные горы, более низкие, охватывающие долину с трех сторон, точно огромная, украшенная кружевами колыбель, все еще пребывали в рассветной тени, и Шаруд, столица Горного герцогства, казался спящим.

В малом замковом дворе, в двух шагах от Гнезда львов, пылали костры. Солдаты с протазанами, одетые тепло, по погоде, с высоты балкона, на котором находился Дэйт, выглядели набитыми соломой чучелами.

Начальник охраны был широкоплеч и массивен, но на самом деле проворен, точно разозленный кабан. Волосы с легкой рыжинкой, которая проявлялась только на солнце, густые брови, сметливые серо-зеленые глаза. Он вызывал доверие и умел слушать людей. Впрочем, командовать ими тоже.

Герцог Кивел да Монтаг стоял в двух шагах от него. Дэйт едва ли не дышал ему в затылок и сейчас мог пересчитать каждую шерстинку на соболином воротнике дорогого плаща, наброшенного на плечи властителя. Правитель был жилист и чуть сутул, с властным лицом, в котором чувствовалась порода. Взгляд у него был мрачным и тяжелым.

Его милость молчал и не шевелился. Держался так прямо, словно проглотил вертел.

От него веяло холодом ничуть не меньше, чем от ледников, окружавших древний замок.

Сейчас он был таким же опасным, недружелюбным и страшным, как одна из двух башен Калав-им-тарка, сломанный зуб которой, пугая тьмой, возвышался в северной оконечности крепости, на противоположной стороне величественного водопада. Гул от него не стихал даже в самые суровые зимы. Дэйт, давно уже привыкший к Брюллендефоссену, сейчас был рад его рокоту. Он позволял не слышать те редкие вскрики, что иногда доносил до него утренний ветер со стороны Тюремного двора.

Рассвет был кровавым.

И быстрым.

Двенадцать человек казнили не мешкая, споро и рутинно, точно пропалывали сорняки.

Зрителей было всего двое – герцог и Дэйт.

Его милость проявил милосердие, и приговоренным, несмотря на неблагородное прохождение, рубили головы, а не вешали или отправляли на колесо, как было прописано в законах страны.

Широкое лезвие тяжелого топора падало с устрашающей мерной периодичностью. Тех, кто пытался сопротивляться, придерживали помощники долговязого палача. Он на этот раз работал без традиционной маски, изображавшей лицо лунного человека.

Ничего удивительного. Палач не был дураком и не собирался представлять перед герцогом в виде шаутта.

Не сейчас.

Не после ночи, которую уже стали называть «проклятием да Монтагов». Не тогда, когда его светлость готов убить любого, кто попадется ему на глаза.

Последний из приговоренных положил голову на плаху. Спустя минуту тело за ноги отволокли в сторону, бросили на солому.

К другим.

Трупы уже грузили на закрытую подводу, чтобы вывезти из замка. Головы собирал мальчишка, ученик экзекутора. Он брал их за волосы, бросал в две большие, высотой с него, корзины. После занялся тем, что взял лопату и стал брать песок из ящика, засыпая растекшуюся возле плахи кровь.

Ударил колокол на храме Шестерых, который был расположен над замком, выше по склону, на плече Гребня Арилы. Секунду помедлив, его стон подхватили храмы Шаруда, расположенные внизу, в долине.

Наступало утро. Оно обещало быть морозным, ясным и не лишенным того очарования, которое может оценить человек.

Живой человек.

– Затылком чувствую, что ты хочешь что-то сказать. – Теперь герцог смотрел на горы.
– Так говори.

Дэйт хмуро произнес:

– Я должен был быть среди них.
– Должен, – не стал отрицать Кивел да Монтаг.
– Но все же я здесь. На стене. Смотрел вместе с вами на их смерть.

Властитель Горного герцогства обернулся через плечо, его темно-карие глаза были пусты:

– Хотел бы быть ближе к ним? Насколько ближе? Чтобы почувствовать запах крови? Или горячие брызги у себя на лице? Как в том нашем бою, под Брекой, когда мы погнали этих драных тьмой фихшейзцев к их мамочкам под юбку? Очень спешишь на ту сторону, как я посмотрю. Ну так палач еще не ушел, могу позвать. В корзине найдется место для твоей башки.

Дэйта эта угроза не смутила. Он знал свою дурацкую черту – невозможность остановиться в те моменты, когда это следовало сделать. Еще мать говорила ему, что

эта особенность характера рано или поздно приведет его к беде.

Большой беде.

– Я начальник вашей охраны. Не они. Ответственность была на мне. Даже несмотря на то, что был вместе с вами на охоте. Это мои люди, я их нанимал, учил, ставил на места.

– А... – протянул властитель. – Хочешь знать причину, почему ты жив. Понимаю. И почему они мертвы. Это просто. После случившегося я не мог просто закрыть глаза. Отвернуться. Сказать, что они ни в чем не виноваты.

– Простите, ваша милость. Но они действительно ни в чем не виноваты. Человек не может остановить шаутта.

Глаза герцога сверкнули бешенством, и он сказал низким голосом, цедя слова:

– Виноваты. Потому что выжили, когда другие – нет. А поэтому ответственные. Шаутт проник сюда, в мой замок. Убил двоих моих детей. Двоих! – Он прорычал это слово. – Сто тридцать один из тех, кто жил здесь, погибли. Ты заходил в мертвецкую? Видел, что у солдат раздавлены головы, словно спелые дыни? Видел выпотрошенных служанок моей жены? Разорванных напополам детей? А эти – выжили. Караульная смена. Где они были, когда лилась кровь?! И как ты считаешь, что будут говорить люди, если я сожру это дерьмо? Оставлю им жизнь! Они скажут, что я слаб! Мягкотел! И несправедлив! Их родственники мертвы, а те, кто должен был защищать их, живы. Сейчас, когда у меня остался только один наследник, недопустимо считать, что я слаб. Мой кузен не прочь сесть на Львиный трон. Я из рода да Монтагов и в политике уж точно не буду слабым. Что касается тебя – мне нужен тот, кто был со мною тридцать пять лет. Тот, кому я могу доверять. Поэтому живи, как и я живу. Говори. Что еще?

Последние слова он произнес устало. Дэйт, возвышавшийся над своим господином на целую голову, вздохнул:

– Я верен. Это так. Но вы должны понимать, что даже моя секира не сможет остановить шауттов, если они снова вернутся.

– Тогда тебе лучше умереть в том бою. Нам всем лучше умереть. Идем. Здесь делать нечего.

Они пошли по стене, вдоль острых каменных зубцов, направляясь к лестнице, ведущий во Двор осла, один из семи имевшихся в древнем замке, засаженный древними дубами, потомками дубов Туманного леса, возможно растущими здесь со времен, когда Тион по нити света отправился спасать Арилу и Нейси.

Шестеро воинов, облаченных точно перед сражением, ждали поодаль. Дэйт незаметно подал им сигнал, и те окружили их плотным кольцом. У каждого кроме меча и кинжала к поясу была прикреплена заостренная дубовая палка. На фоне стали, тяжелых кирас и шлемов это «оружие» смотрелось почти так же нелепо, как болтавшиеся на поясах аптекарские склянки, наполненные козьей кровью.

Герцог счел все это глупыми предрассудками, здраво полагая, что шаутта таким не остановить, но мешать инициативе начальника охраны не стал.

Они спустились по открытой лестнице во двор, миновали его. Слуги кланялись и опять спешили по своим делам. В замке царило утреннее оживление, и та подавленность, что здесь витала, ощущалась не сразу. Лишь теми, кто жил тут давно и знал привычный уклад.

Гул шагов эскорта, звон стали и скрип доспехов раздавался в наполненных светом

залах. Возле входа в жилую часть дворца его милости их встретил усиленный отряд гвардейцев.

– Моя жена? – негромко спросил герцог, и командир отряда, рыжеусый сержант, бодро ответил:

– Не покидала покоев, владетель.

Они прошли дальше, через тронный зал, задрапированный по случаю траура фиолетовой тканью, с могучим тронном, выточенным из костей самого настоящего гратанэха, создания эйвов.

Дэйт стрелял глазами по помещениям, выискивал малейшую опасность, а также проверял, на месте ли охрана, не пусты ли коридоры, ходят ли еще патрули. Кое-где на стенах и потолке оставались побуревшие пятна крови. Внизу слуги уже все отмыли, но замок был огромен, и для полной уборки требовалось время.

Их приближение услышали, и одна из служанок герцогини распахнула двери, присев в реверансе.

– Ждите, – сказал герцог своему сопровождению, и воины присоединились к охране ее светлости, расположившись по залу полукругом, контролируя все входы и выходы. – Дэйт, ты со мной.

В светлых, украшенных на манер восточных герцогств покоех властвовал утренний холод и свежий, горный воздух. Окна были распахнуты настежь.

Герцогиня, высокая, начавшая полнеть, с темными волосами, собранными в четыре косы, уложенные в высокую прическу, в теплом фиолетовом платье, украшенном турмалинами, встала с подушек, скидывая с плеч меховое манти.

– Муж мой.

Дэйт помнил тот день, когда увидел ее впервые, встречая далекое посольство из Карифа на дороге Вороньего перевала.

Он сразу ей не понравился, а она – ему. Взаимная антипатия с первого взгляда.

Дэйт был не в восторге от южанки. Счел ее слабой, капризной, избалованной и заносчивой. Недостойной ни его владетеля, ни того сурового края, в котором они жили.

Свою ошибку он понял не сразу. Она кровь от крови и плоть от плоти Стилета Пустыни, Палача Эль-Аса и Убийцы сотен жен. И была очень похожа на своего знаменитого деда – умная, расчетливая и, когда надо, очень жестокая.

Ее ум пригодился герцогу, и он всегда прислушивался к советам, которые она озвучивала своим певучим, лишенным всякого намека на грубость голосом. Ее расчетливость не раз играла на пользу политике в отношении соседей. Она могла убедить мужа отступить, показать минусы в его действиях и предложить альтернативное решение проблемы. А жестокость... жестокость не касалась тех, кто служил ее семье.

Ее новой семье.

Герцогиня нашла общий язык с начальником охраны, антипатия давно исчезла, а пришло взаимное уважение.

– Оставьте нас, дамы, – попросил герцог, заложив руки за спину.

Пятеро фрейлин, находившихся в покоях и льнувших поближе к растопленному камину, посмотрели на герцогиню, дождались кивка, поднялись со своих мест.

Дэйт отметил про себя, что южанок, прибывших вместе со своей госпожой в далекую страну, среди них не осталось. Все они погибли, защищая карифку, в ту страшную ночь, когда пришли шаутты.

Когда последняя женщина выходила, шелестя юбкой, в дверях она разминулась с пузатым, седоусым господином с блестящей лысиной. У него было круглое лицо и проворные, светло-зеленые глаза. Походка точно у раненой птицы – когда-то давно он сломал ногу, упав с лестницы одной из замковых башен, и кость срослась неправильно.

На его груди висела серебряная цепь со знаком крылатого льва – символа герцогства. Первый советник и казначей Тэлмо. Наполовину лав, но никогда не жил среди бродячего народа и не путешествовал в трясущихся кибитках по бесконечным трактам этого мира. Тэлмо служил еще отцу его светлости, и Кивел да Монтаг ценил старикана.

Он неловко поклонился герцогине, и та ответила ему милостивой улыбкой, показав рукой на кресло, куда тот, облегченно отдуваясь, уселся, вытянув ноющую ногу.

Дэйту сесть не предложили, но его это не обижало. Он встал в двух шагах от герцога, так чтобы видеть сразу и дверь, и окна.

– Что удалось узнать?

Вопрос владельца был обращен к нему, и начальник охраны с сожалением произнес:

– Ничего нового, ваша милость. Уверен лишь в том, что среди тех, кто живет в замке, ни один не открывал им ни ворот, ни калитки.

– Такая уверенность должна быть основана хоть на чем-то.

– Для лунных людей почти нет преград, муж мой, – сказала герцогиня. – В моей стране ходят легенды, что эти твари живут в тенях барханов, воют вместе с ирифи[8] в покинутых городах и обезвоженных оазисах. Стены, которые выстроил человек, для них не преграда. Они бесплотны. Особенно в полную луну.

– Эти были во плоти, ваша милость, – напомнил Дэйт. – Их рубили много раз, одному даже отсекали руку. Мои люди сожгли ее в то же утро.

– Шаутты могут захватывать тела мертвых и вести себя как живые люди. Опознать их можно только по глазам, – скрипучим голосом проронил Тэлмо. – Мастер Дэйт прав в том, что они пришли никем не остановленные и точно так же ушли. Ни ворота, ни калитки после наступления ночи не открывались, а мосты так и остались подняты.

– Верно. Я дважды проверил, – подтвердил Дэйт. – Предательства стражи не было. Если в замке и есть лазутчики, то только вашего кузена.

– Не спешి ручаться за всех, – предостерег герцог. – Человеческая душа самый мутный и грязный из колодцев.

– Твари появились во внутренних покоях, ваша милость. Появились из теней, что лежали на полу. Так они миновали все посты внешнего периметра, все стены и решетки.

– Раньше с ними боролись, Дэйт.

– И говорят, что продолжают бороться. На Рубеже. И гибнут точно так же, как здесь.

– Предлагаешь поднять руки к небу и ничего не делать? – мрачно проронил герцог.

Дэйт, посмотрев на герцогиню, ответил:

– Мы будем сражаться. Я уверен в людях. Гвардия верна. Воины смогут если не остановить их, то задержать, выиграть время, чтобы следующие посты подготовились, отразили нападение и увели вашу семью в безопасное место. Времени будет мало, но оно будет. Но все же мой совет...

– Знаю я твой совет! – оборвал герцог, подошел к столу и налил себе вина. – Уехать.

– Пока все не успокоится и мы не будем уверены, что опасность миновала. Хотя бы пока не поймем причину нападения. Горный замок место надежное, к тому же те стены создавал один из Шестерых и...

– Магии в них нет, – отмахнулся Кивел да Монтаг. – Уже очень давно. С тех пор, как погиб последний великий волшебник. И запирает себя в орлином гнезде я не планирую.

– Там меньше пространства, охранять вашу семью...

– Скажи ему, Захира, – устало произнес герцог и снова налил себе выпивку.

– Властитель не может оставить столицу, – произнесла герцогиня. – Не может бросить замок своих предков, оставить без присмотра Львиный трон. Да Монтаги правили еще во времена великих волшебников, они дружили с крылатыми кошками, на которых летали ученики Скованного. Один из рода моего мужа всегда должен оставаться в Шаруде, иначе он потеряет право на власть.

– Это всего лишь легенда, госпожа. Старый договор, который дальний предок его милости заключил с Гвинтом.

– Простые люди любят легенды. Ценят их. – Захира да Монтаг говорила с ним почти участливо, но продолжала смотреть только на мужа. – Легенды неотъемлемая часть их жизни. И нарушить устоявшийся веками порядок значит заставить сомневаться. А когда народ сомневается, всегда найдется тот, кто направит подобное сомнение в нужное русло.

– Например, кузен его милости, – проворчал Тэлмо. – Нельзя давать его партии такой козырь. Герцог не может покинуть замок вместе со своим наследником. По крайней мере, пока здесь не появится новый великий волшебник, кто-то из Шестерых или еще какая-то легенда, которая оправдывает такой поступок в лице обычных граждан. Но я бы дал совет спрятать мальчика.

– Спрятать от чего? – горько усмехнулся герцог.

– От возможных бед. Он самый младший и сейчас единственный ваш наследник. Его нельзя потерять.

– Шаутт не человек, – возразил Дэйт. – Его так просто не остановить, и от него так просто не спрятаться. Если кто-то из этого племени решит вернуться, он вернется.

– Это всего лишь предположение. – Тэлмо, морщась от боли, потирал колено.

Дэйт пожал плечами:

– Не вижу смысла прятать голову в снег и надеяться на лучшее. Их целью были сыновья его милости. Они прорывались с боем через коридоры исключительно ради них. И когда сделали свое черное дело, то сразу же ушли.

Уголок рта южанки дернулся:

- Хорошо, что Эрего отправился с тобой. Только поэтому он жив.
- Это всего лишь доказывает, что твари той стороны не всеведущи. У них не получилось прикончить моих наследников одним ударом. – Герцог заложил руки за спину. – Они не знали, что Эрего нет в замке.
- И это же доказывает, что они могут вернуться и закончить дело, – напомнил Дэйт.
- Поэтому ты всем своим людям выдал дубовые колья, – усмехнулся Тэлмо.
- Ты наполовину лав, но не веришь в сказки.
- Извини, мастер Дэйт. Кровь во мне лавская, но вырос я в чужой культуре, а не с народом перекасти-поле. Поэтому сказки моего племени прошли мимо меня. И я не возлагаю никаких надежд на палки и козью кровь.
- Всего несколько дней назад ни ты, ни я не верили в шауттов. – Улыбка герцога больше походила на оскал.
- Все так, ваша милость. Я старый человек, и мои страхи остались в далеком детстве.
- Тэлмо посмотрел в глаза Дэйту. – Я буду первым, кто признает, что был не прав, если предпринятые тобой меры предосторожности пойдут на пользу, мастер.

Дэйт подумал, что для подобного надо хотя бы выжить после встречи с лунным человеком. Тэлмо откашлялся и продолжил:

- Я думал несколько дней, ваша милость. Та сторона пришла в замок не просто так. Должна быть причина, даже у зла. Быть может, есть то, чего я не знаю? – И, заметив, как герцог нахмурил брови, примиряюще поднял руку. – Мысль простая: люди не могут управлять демонами. Никогда не могли. Уверен, многие ваши недруги подобного бы очень хотели, но они не причастны к случившемуся. Значит, причину бед приходится искать в самом зле. Ваш отец, которого я смею называть своим другом, никогда не упоминал ни о чем, похожем на семейное проклятие?
- Думаешь, дело в каком-то проклятии?
- Я перебрал все варианты. И волей-неволей добрался до самых нелепых возможностей, – развел руками Тэлмо. – Что-то случилось. Или у нас, а может быть, в мире, но они пришли за кровью да Монтагов. И хорошо бы выяснить причину происходящего.
- В детях течет кровь и моих предков, – напомнила Захира да Монтаг. – Но нет никаких семейных преданий о шауттах. А может, их просто забыли за сотни лет. Сейчас нам это мало чем поможет.

В дверь постучали, и герцог рывкнул:

- Я же сказал! Не беспокоить!
- Это моя вина. – Герцогиня порывисто встала. – Попросила одну из дам дать мне знать, когда в замок приедет та женщина.
- Ты не отказалась от столь ветреной мысли. – Властитель был не слишком доволен новостью.

Его жена произнесла тихо и ровно:

- Мои старший и средний сыновья мертвы. И, чтобы выжил Эрего, я воспользуюсь любой возможностью. Даже такой нелепой, как крестьянка.

– Вот именно, что нелепой. Мошенницу надо гнать собаками, а не привечать в доме!

– Не волнуйся об этом, – сказала женщина. – Если я пойму, что она меня обманывает, то накормлю ее плотью твою свору.

Дэйт увидел, что Тэлмо, смотрящий в пол, словно стесняясь происходившего разговора, едва заметно улыбнулся. По мнению и опыту начальника охраны, улыбаться таким обещаниям не стоило. Внучка герцога Эш-Тали без колебаний осуществит свою угрозу.

– Рассуди нас, советник, – обернулся герцог к лаву.

– Простите, ваша милость. У меня нет мнения на этот счет, – скромно заявил тот.

– Да ну?! Или ты просто не хочешь вызвать недовольство одного из нас!

– Я слишком стар для таких потрясений. – Он оперся на подлокотники кресла, встал и поклонился неловко. – С вашего позволения, я вас оставляю.

Герцог вздохнул, махнул рукой, украшенной перстнями:

– С глаз моих. Пусть твои шпионы будут начеку и следят за трактами. Если мой кузен захочет воспользоваться ситуацией, я самолично сброшу его в водопад. Ну а ты, Дэйт?

Начальник охраны порядком их удивил:

– Если я вооружил людей дубовыми палками и дал им флаконы с козьей кровью, то почему бы ее милости не воспользоваться помощью крестьянки? Она права, сейчас нам надо хвататься за любую возможность, даже если на первый взгляд та кажется глупой.

На мгновение ему почудился слабый отблеск благодарности во взгляде Захиры да Монтаг.

– Хорошо, – поджал губы герцог. – Двое против одного. Сходи за ней и приведи сюда. Развлечемся.

Дэйт легко поклонился, развернулся на каблуках и вышел. В приемном зале ее милости, где толпился народ, сказал двум гвардейцам:

– Ревон, Шаг, за мной. Остальным смотреть в оба.

Она ждала их в холле замка, возле Сонной калитки, подставив красивое лицо солнечным лучам, падающим через витражное окно.

Женщина была одета по-дорожному, на ее плечах висел тонкий плащ, который вряд ли мог согреть даже мыш в такую суровую погоду. Он оценил ее наряд – опрятный и чистый. С ее уродством содержать себя в таком аккуратном виде было непросто.

Кожа у незнакомки оказалась белая-белая, темные волосы короткими, плохо подстриженными. Довольно высокая для женщины, худощавая, но не хрупкая. Щеки впалые, без всякого румянца, а губы бледные, точно несколько мгновений назад от них отхлынула вся кровь.

Ее глаза скрывала ярко-алая повязка, сделанная из простой ткани.

Слепая, услышав шаги нескольких человек, встала с каменной скамьи, взяв дорожный посох, прислоненный к стене.

– Ты женщина, которая пришла к герцогине? Та, что знают как Лиз?

– Да, господин. – Ее лицо повернулось к нему. – Люди обычно называют меня Рукавичкой. Как мне называть вас?

Гостья говорила без акцента, хотя он мог бы поклясться, что перед ним уроженка южных герцогств.

– Дэйт. – Он не захотел произносить свое полное имя. – Я начальник охраны герцога.

– Рада познакомиться, господин Дэйт. – Ее рука по привычке поднялась, как видно, Лиз захотела узнать, какое у него лицо, но, вспомнив, где находится, опустила ее и, похоже, смутилась из-за своей бесцеремонности.

Он помолчал несколько мгновений, разглядывая ее:

– Кто тебя привел?

– Привел, господин? – Казалось, женщина удивилась вопросу. – Никто. Я сама пришла. Дорога от Шаруда недолгая.

Вот только подъем к замку – настоящий серпантин, и незрячему надо быть очень осторожным, чтобы не упасть в пропасть.

– И калитку ты тоже сама нашла?

Она впервые улыбнулась:

– Я потеряла свои глаза, господин. Но с моим языком и ушами все в порядке. Я умею задавать вопросы и слушать ответы. Добрые люди сказали мне, где я нахожусь.

– Шаг, осмотри ее посох. Ревон – сумку. Мне придется обыскать тебя, прежде чем ты получишь аудиенцию.

Та, поколебавшись, кивнула.

– Да. Конечно. Я понимаю.

Он быстро проверил карманы и одежду, не особо церемонясь, чувствуя под пальцами ее тело. Особое внимание уделил застёжке на плаще, показавшейся ему подозрительной. Затем обнаружил серебряную цепочку под воротником, потянул на себя, вытаскивая дешевый кулон, сделанный из какого-то мутного, неизвестного ему камешка.

– Просто старая палка, мастер, – отчитался Шаг, возвращая женщине посох.

– В сумке ничего подозрительного, – сообщил Ревон.

– Сними повязку, – приказал Дэйт.

– Господин хочет посмеяться над калекой? – тихо спросила гостья.

– Желаю убедиться, что ты точно та, за кого себя выдаешь.

Это была лишь половина правды. Еще он хотел быть уверен, что не приведет в личные покои властителей Горного герцогства женщину, чьи глаза окажутся зеркальными.

Рукавичка двумя руками развязала узел, и, когда повязка упала, Дэйт молчал несколько мгновений. Потом произнес ровным тоном, отведя взгляд от пустых глазниц:

– Хорошо. Можешь вернуть ее на место.

Он посмотрел на своих людей и подумал: хорошо, что она не видит их лиц. Уродовать столь красивое лицо могли только настоящие мерзавцы.

– Ревон, поможешь ей идти.

– Не утруждайте себя. Я прекрасно слышу, а он не даст мне упасть. – Женщина легко стукнула посохом по полу и склонила голову, слушая слабое эхо. – Я не отстану.

– Как хочешь.

Дэйт дал знак солдатам двигаться вперед, сам пошел последним.

Гостья действительно не задерживалась и шла за провожатыми точно зрячая. И даже лестница, ведущая наверх, ее не смутила.

В одном из коридоров им попался слуга с подносом, нагруженным пустыми тарелками. Он распахнул дверь прямо перед гостьей, но та не врезалась в преграду, остановилась в шаге от нее.

Начальник охраны приблизил свою руку к ее лицу, и женщина улыбнулась:

– Что вы делаете, мастер Дэйт?

– А как ты считаешь?

– Воздух сказал, что вы почти что коснулись меня. – Она подняла левую руку, безошибочно нашла его запястье, и он почувствовал холод ее пальцев. – Еще одна проверка?

– Ты ведешь себя как зрячая.

Она склонила голову, сочтя его слова за похвалу.

– Я привыкла слушать и чувствовать. Открывшаяся дверь не станет для меня неожиданностью. Мы можем идти?

В покоях мало что изменилось. Владелец продолжал пить вино, ничуть не пьянея, а герцогиня, когда они вошли, заканчивала писать письмо, но отвлеклась на поклонившуюся женщину.

– Встань ровно, – попросила Захира да Монтаг. – Дай мне тебя рассмотреть. Я много слышала о тебе за последние дни.

– Мне печально знать, что это случилось при таких обстоятельствах, моя госпожа.

– Ты слепа. От рождения?

– Нет, моя госпожа. Меня ослепили, когда я была совсем юной. Не в вашей стране. В Ириасте.

– Кто это сделал?

Легкое пожатие плечами было почти незаметным.

– Добрые люди. – В ее ответе не было иронии. – Во всяком случае, я надеюсь, что они раскаялись и стали добры. Хотя бы к самим себе.

– Ты очень милосердна к своим мучителям. – Тон герцогини говорил о том, что она считает такое поведение слабостью.

– Милосердие? Скорее благодарность, ваша милость. Эти люди забрали у меня глаза, но подарили новые.

– Вот как?

– Я лишилась красок мира и света солнца, но благодаря беде прозрела. Увидела истинную правду мира.

– Ты говоришь о своем ложном божестве. – Герцог в первый раз заговорил. – Знаешь ли ты, что в Даворе тебя бы уже казнили?

Гостья не испугалась:

– Да, ваша милость, знаю. Но он не бог. Асторэ не были богами. И Шестеро тоже.

Владелец хотел прервать ее, но остановился, видя, что жена подняла указательный палец, прося его повременить.

– Продолжай.

– Шестеро – первые великие волшебники. Все это знают. В герцогствах почитают их за то, что они подарили человечеству волшебство, которое у нас потом забрал Тион. Когда я ослепла, потеряла себя, то заблудилась во мраке, и тогда Вэйрэн вышел ко мне. Он дал мне силы жить без страха. И надежду. В служении ему, служении скромном, я вижу свою цель.

– И какова она, твоя цель?

Дэйт видел по лицу Захиры да Монтаг то, что не могла видеть Рукавичка, – от ответа на этот вопрос будет зависеть весь дальнейший разговор.

– Уничтожать тьму в нашем мире. Спасать людей. Дать им свободу от страха перед ночной тьмой. Ведь Вэйрэн направляет меня, защищает и дает слово свое.

– Темный Наездник! – фыркнул герцог. – Асторэ! Предатель, устроивший самую страшную войну, по сравнению с которой Война Гнева – мышьяная возня!

– История исказила правду, ваша милость. То, что не являлось злом, стало им в умах людей.

– И ты хочешь исправить ситуацию? Обелить имя мятежника?

– Нет, ваша милость. – Ее ответ порядком удивил его. – Как я уже говорила, моя цель – бороться с тьмой. Вэйрэн говорит со мной...

– И что он говорит сейчас? – с иронией поинтересовался герцог.

– Я слышу его лишь тогда, когда он сам хочет этого, ваша милость. Я всего лишь его вестник. Поводырь слов, если угодно.

– Поводырь. – Герцог посмаковал это слово. – Довольно цинично слышать подобное от незрячей. Впрочем, оставим твои заблуждения. На время оставим. О тебе говорят в Шаруде. Что ты единственная, кто смог выжить на постоялом дворе, когда туда пришел шаутт, убивший моих детей.

– Это так.

– Еще говорят, что ты убила его, – тихо произнесла герцогиня.

Женщина помедлила с ответом:

– Я надеюсь, что он мертв.

– Как ты это сделала? Зеркалом? Козьей кровью? Дубовой щепкой? – не выдержал Дэйт, но никто из правящей четы не осудил его за эти вопросы.

– Я... простите, мастер, но я не знаю. Каждый раз, когда такое происходит, то я не я. Вэйрэн во мне. Он помогает. Я лишь орудие его воли.

Кивел да Монтаг скептически поджал губы, затем обратился к жене:

– Это, по-твоему, чудо-оружие, способное спасти нашего сына? Она слепа и безумна, раз верит во все, что говорит.

Герцогиня щелкнула пальцами, заметив то, на что не обратили внимания двое мужчин:

– Ты сказала «каждый раз».

– Простите, ваша милость? – не поняла Рукавичка.

– «Каждый раз, когда такое происходит». Вот твои слова. Значит, тот, на постоялом дворе, не был первым. Скольких шауттов ты убила?

– Трех.

Это слово прозвучало в залитой солнцем комнате так просто и буднично. Дэйт смотрел на незрячую, совсем еще молодую женщину и не верил, что она сумела сделать то, что не получилось ни у кого из гвардейцев.

– Я не верю тебе, – произнес порядком ошеломленный герцог.

Дэйт знал этот тон и понимал, что еще немного, и это неверие превратится в раздражение, а затем в ярость. И лучшее, на что может рассчитывать Рукавичка, что ее просто вышвырнут из замка. Но если его милость сочтет слепую мошенницей, последствия будут гораздо хуже.

– У тебя есть какие-нибудь доказательства твоих слов? – поинтересовался начальник охраны.

– Нет, мастер. Хочу лишь сказать, что пришла сюда по приглашению ее милости. Я не искала встречи.

– И я помню об этом. – Герцогиня положила ладонь на плечо мужа, прося его не судить слишком поспешно. – Ты сможешь защитить моего сына от шаутта?

– Да. – Она не колебалась. – Смогу.

Герцог и герцогиня переглянулись.

– Надеюсь, что мне не представится возможности проверить, насколько ты уверена в этом, – с горечью произнес владетель.

– Этой надежде не суждено сбыться. Они вернутся.

– Твоя уверенность подкреплена хоть чем-то кроме голоса в твоей голове?

– Шаутты долгие годы спали, не могли покинуть ту сторону. Что-то изменилось в последние месяцы, они начали появляться в разных местах нашего мира. Слухи о приходе демонов множатся. Их можно услышать и на рынке, и на постоянных дворах. Лавы разносят новости по трактам, гонцы подхватывают на своих плащах и доставляют в города. Шаутты вернулись. Если вас наметили целью, то зло не отступит, ваша милость.

– Поступай как знаешь, – сказал герцог жене. – Я не стану тебе мешать.

– Ты можешь остаться, – приняла решение Захира да Монтаг. – Посмотрим, пригодятся ли мне твои услуги.

– Благодарю, госпожа, – поклонилась гостя. – Ваше доверие льстит простой женщине. Но я не хотела бы, чтобы между нами осталось недопонимание. Есть кое-что, что вам следует знать обо мне.

– И что же это?

– Я понимаю, что сейчас день, но не мог бы мастер Дэйт зажечь свечу?

Начальник охраны посмотрел на герцога вопросительно, но тот, хмурясь, жестом приказал оставаться на месте. Огонь зажег самостоятельно, не став задавать наводящих вопросов, и выругался.

Дэйт выхватил кинжал, приставил его к шее женщины, сильно прижав натянувшуюся под кадыком кожу. Смотрел он только на пляшущее на фитиле ярко-синее пламя.

– Стой! – резко приказала герцогиня, вскакивая с места. – Стой, мастер Дэйт!

Локоть, уже было начавший опускаться, застыл, и полотно клинка лишь оставило бледную розовую полоску на коже.

– Объясни. Огонь горит синим. Дай ей сказать!

Последние слова были обращены к Дэйту, и он, державший женщину в тисках, недовольно ворча, чуть отвел клинок от шеи.

– Не только когда шаутты рядом, пламя горит синим, госпожа.

– Да. Но ты не заблудившаяся, а здесь не Летос! – Герцог держал руку на оружии.

– Я асторэ.

Повисла гнетущая тишина, и Рукавичка, понимая, что ей не верят, продолжила:

– Кто-то из моих предков был им. Когда я ослепла и Вэйрэн указал мне путь, я поняла, какая кровь течет во мне. Такая же, как и в нем.

– Асторэ или шаутт, какая разница? – Дэйт очень хотел перерезать ей горло.

– Они сражались друг с другом, – напомнил ему герцог. – Асторэ знают, как убивать демонов.

– Демоны – это бывшие асторэ. Одного поля ягоды, которых убивали таувины. Она не человек!

– Я человек, мастер Дэйт, – возразила Рукавичка. – Я родилась человеком,

воспитывалась людьми и остаюсь им. А сила предков, что живет во мне... я не просила о ней. Таувинов, чтобы справляться с шауттами, давно нет. А асторэ перед вами. И я могу и умею изгонять зло.

– А если ты все же шаутт и лжешь нам?

Она ответила ровно, хотя ее лицо стало еще белее, чем прежде:

– Тогда, ваша милость, этот кинжал не остановит меня. И у меня уже несколько минут была возможность убить вас всех. Но я не шаутт. И вам придется поверить в это. Или убить меня. Но тогда я не смогу спасти ни вас, ни вашего ребенка, когда зло вернется сюда на крыльях лунного света и подковах теней.

Герцог развел руками, вновь сказал жене, все еще ошеломленный увиденным:

– Твой выбор, Захира.

Герцогиня несколько мгновений смотрела на гостью, затем задула пламя на свече.

– Мастер Дэйт, отведи ее в комнаты, смежные с комнатами моего сына. Поставь охрану. Позаботься, чтобы слуги не беспокоили ее ночью и она никуда не выходила. И чтобы огонь не горел рядом с ней в то время, когда поблизости люди. Скажи кастеляну, чтобы снабдил ее всем необходимым.

– Благодарю, моя госпожа, – тихо сказала Рукавичка. – Вы не пожалеете.

– Я уже жалею. Ступай с миром.

Глава седьмая

Чужие

В первые месяцы после Катаклизма для кого-то пламя стало спасением, а кому-то принесло смерть. Слишком многие приходят на огонь, но не все из них хорошие люди. Убийцы, мародеры, каннибалы. Я успел повидать многих. Люди отчаялись и превратились в животных. Подумать только, всего лишь десять лет назад наш мир казался незыблем. До чего же мы докатились?

Автор неизвестен

– Бесполезно, – сдался Тэо. – У меня просто не хватает сил.

Его лицо блестело от пота и заострилось, стало совершенно незнакомым, надломленным. Лишь глаза цвета темного меда лихорадочно горели, отражая белое пламя.

Огромные камни, завалившие дверной проем, не сдвинулись даже на толщину волоса.

– Вижу. – Голос у Шерон охрип, так долго она тщетно пыталась докричаться до Мильвио

и Лавиани. – Вижу.

Девушка села у огня, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями.

– Слушай, – Тэо присел рядом, – мы не сможем пробраться к ним. Никто не сможет. Случилось по крайней мере три обвала. Но это не значит, что все потеряно. Из зала был и другой выход. Наверняка они найдут новую дорогу.

Глаза у Шерон остались сухими.

– Пол под Лавиани провалился, Тэо. А она, при всех ее способностях, не такая ловкая, как ты. И не умеет летать.

Акробат не опустил взгляд:

– Сойка скользкая как угорь. И бывала в переделках похлеще этой. Уверен, что с ней все в порядке, если только провал сразу не ведет на ту сторону. Дай, пожалуйста, воды.

Он пил долго, затем вытер мокрые губы рукавом и предложил:

– Возле лестницы, по которой мы сюда спустились, был ход в западную часть башни. Вдруг там найдется второй путь в зал с фресками. Надо проверить.

– Да! – Шерон порывисто встала. – Так и поступим. Мы не можем уйти и оставить их, пока не испробуем все варианты.

– Тсс! – Тэо поднял руку, хмурясь. – Слышишь?

– Шаги! Шаги на лестнице! – В ее голосе послышалось облегчение. – Они сами нас нашли!

Указывающая застыла, когда в зале появились трое в засыпанной снегом одежде. Шарфы закрывали нижнюю половину их лиц.

– Ну и метет, – произнес один из гостей, оказавшийся женщиной, вооруженной коротким роговым луком. – Мир вашему очагу.

– И вам мир, – спокойно сказал им Тэо, выходя вперед и закрывая девушку.

Женщина сняла шарф, шапку. У нее были короткие соломенные волосы, неаккуратно подстриженные, липнущие к некрасивому бледному лицу. Она была чуть старше Шерон и отличалась от нее, как луна отличается от солнца.

– Я Мардж. – По выговору она казалась уроженкой Давора, слишком протяжные гласные и яркое «а». – Простите, если помешали вам и если вдруг напугали. Мы заблудились в ущельях, потеряв несколько дней. Пришлось бросить лошадей. А теперь еще буран застал нас в пути. Надеюсь, мы не очень вас стесним.

– Нисколько. – Шерон думала о костре, который разожгла. Решая, как придется выкручиваться.

– Странное у вас пламя. – Мужчина, вооруженный топором, через ремень переброшенным за спину, вышел вперед. У него были впалые щеки, казавшиеся темно-синими из-за проступающей щетины. – Что это?

– Камни Ут. Купил у одного торговца, который привез их из Черной земли. Хорошо заменяют дрова, пока не прогорят, – беззаботно ответил Тэо, сочиняя на ходу.

– Никогда не слышал. – Воин с некоторой опаской протянул к огню руки в шерстяных перчатках с обрезанными пальцами, греясь. – А я уж подумал, какая-то темная магия.

– Не мели ерунды, Квир. – Женщина сбросила свой рюкзак, положила на него лук и отстегнула с пояса деревянный футляр, в котором хранились стрелы. – Магии давно не существует.

– А хотелось бы. Достань еды, угостим хозяев.

Третий мужчина прошел мимо, не произнеся ни слова, и начал изучать каменный обвал.

– Мы слышали грохот. Крепость дрожала, точно сошла лавина. – Мардж доставала продукты, выкладывая их на расстеленную тряпицу. – Я даже испугалась, что стена рухнет. Как вас зовут?

– Я Шерон, – представилась девушка. – А это Тэо.

– Тоже убегаете от ловчих? Значит, не одним нам повезло вырваться из окружения. Куда смотрят Шестеро, раз допускают, чтобы дикари убивали почтенных и добропорядочных путников? Квира вы знаете, а этот молчун Бух-Бух. – Она махнула рукой в сторону здоровяка. – Он мой муж.

– Бух-Бух? – Тэо поднял брови.

– Это прозвище, – прогудел тот. – Я не люблю свое имя.

– Нам надо уйти. Камни завалили наших друзей. Хотим поискать, вдруг в башне есть другой ход.

– Шестеро защити! – опечалилась Мардж. – Тогда и мы поможем. Так, Квир?

Худой мужчина согласно кивнул:

– Конечно. Почему нет?

– Но я не могу просить вас...

– Глупости, Шерон. – Мардж уже раскручивала сверток, в котором оказались факелы. – Помочь попавшим в беду – это правильно.

Ее муж вернулся от завала, скинул подбитую мехом куртку, снял шапку-ушанку, и Тэо прищурился, разглядев на лысой голове татуировку каторжника. Мардж увидела его реакцию, улыбнулась, и в ее голосе послышалось неловкое извинение:

– У каждого из нас есть грехи. Но все это в прошлом. Вам не стоит опасаться.

Коридор за лестницей заканчивался тремя комнатами. Такими же пустыми и пыльными, как и все остальные помещения в башне. В самой дальней оказалась вертикальная круглая шахта, уходящая вниз.

Во мрак.

Бух-Бух швырнул в нее факел, и они проследили, как пламенный шар, освещая гладкие отполированные стены и редкие поперечные балки, становится меньше, падая все ниже и ниже, пока окончательно не превратился в оранжевую точку.

А затем и вовсе погас.

Все было ясно без слов.

Они вернулись к огню.

– Нам очень жаль, что с вашими друзьями случилась такая беда. Бух-Бух, если мы все возьмемся разбирать завал, сможем добраться?

Каторжник, уже улегшийся на плащ, приподнялся на локте и отрицательно покачал головой.

– Слишком тяжелые блоки, Мардж. Нет на свете человека, способного сдвинуть их с места. Жизнь этих людей в руках Шестерых.

– Врагу не пожелаю оказаться в такой ловушке. – Лучница печально вздохнула. – И что вы намерены делать дальше?

– Добраться до следующей башни, как рассветет и буран пройдет. – Тэо уже принял решение. – Попробуем найти дорогу оттуда.

– Не самая лучшая идея. – Квир, севший у стены, во мраке, сказал это негромко. – Говорят, внутри Тропы Любви запутанные коридоры, и заблудиться там ничего не стоит. Часть крепости спрятана глубоко в недрах гор. Не советовал бы туда лезть.

– Мы не оставим их.

– Понимаю. Но хотя бы девушку с собой не бери. Зачем рисковать двоим?

Шерон, сидевшая с отсутствующим видом, натянуто улыбнулась:

– Спасибо, господин Квир, что беспокоитесь. Но мы пойдем вместе.

Им незачем было знать, что она с каждой минутой теряла надежду.

Указывающая медленно погасила огонь, чтобы создалось впечатление, что камни прогорели. Она убрала их в сумку, легла на свою лежанку, однако уснуть так и не смогла. Новые знакомые расположились в противоположной части зала и, кажется, не представляли никакой угрозы, но Шерон все равно беспокоило такое соседство.

Тэо тоже долго не спал, она чувствовала это по его дыханию, но, когда его все же сморил сон, девушка стала размышлять о Тионе. Это было лучше, чем каждую минуту вспоминать о Лавиани и Мильвио.

Лицо великого волшебника отпечаталось в ее памяти до мельчайших деталей. Она надеялась, что тот не изменился, не превратился в дряхлого старика, в котором нельзя будет опознать первого из учеников Скованного. А еще Шерон задумалась о том, что будет, если она все-таки найдет его. Что скажет? Как убедит пойти с ней к тому, кого он давно считает мертвым? Раньше это не приходило ей в голову, потому что цель казалась недостижимой, и девушка отправилась в путешествие лишь из-за безнадёжного отчаяния и своей железной воли. Она знала, что лучше умрет, чем вернется в Нимад одна.

Внезапно все ее мысли словно развеял ветер, и теперь Шерон лежала во мраке, прислушиваясь. На краткое мгновение ей почудился тихий всхлип. Пытаясь определить, откуда пришел звук, девушка осторожно села, склонив голову. Ей потребовалось довольно много времени, чтобы понять: этот всхлип она различила отнюдь не ушами, а своим даром. Где-то далеко-далеко, очень далеко спала магия, опасная для нее.

Холодеющими пальцами она подтянула к себе сумку, перебросила через плечо, осторожно

встала. Посмотрела на спящих, перешагнула через укрытого курткой Тэо.

Остановилась возле лестницы, пытаясь понять направление, поднялась на несколько ступеней вверх. На улице продолжал выть ветер все еще не унявшегося снежного бурана.

Нет.

Это не там.

Указывающая вернулась назад и начала проверять комнаты.

Прикладывала ладонь к каждой холодной стене, пытаясь понять угрозу. В помещении с вертикальной шахтой она остановилась, услышала негромкие шаги, а затем на камни упал оранжевый блик маленького потайного фонарика.

– С тобой все хорошо? – спросил Квир.

– Да. Просто не спится.

– Я так и подумал. – Он поднял свой фонарь повыше, тени вокруг скакнули, запрыгали по стенам, и довольно произнес: – Сразу тебя раскусил, Шерон.

– Что? – опешила девушка.

– То, как ты на меня смотрела, как намекала. Понятно, что я тебе понравился.

– Это не так. Ты ошибся. – Указывающая шагнула вперед, но Квир стоял в дверном проеме, закрывая выход.

– Ошибся? – Он зло рассмеялся. – Я знаю. Но свое все равно возьму.

– Уйди с дороги.

– А не то что? Закричишь? Ты вроде умненькая. Думаешь, твой друг прибежит? Правильно думаешь. Прибежит. Если раньше его Бух-Бух не остановит. Убить человека довольно легко. Так что давай утром расстанемся добрыми друзьями, и у нас будет общая маленькая тайна.

– Я не стану кричать и звать на помощь. – Шерон левой рукой вытащила из ножен кинжал.

– О как, – ухмыльнулся Квир, ставя фонарь на пол. – Решила поиграть сперва? Я не против. Могу даже побить, если так уж нравится. А затем возьму с тебя немного ласки. Я слишком соскучился по женщинам в этих проклятых горах.

Он был быстрым, а она ловкой и опередила его руку на долю секунды, поднырнув под ней. Но ударить не успела и отступила назад, ощущая спиной, как жадно дышит пропасть.

Глаза Квира горели:

– Ты быстрая. Для горожанки. И, наверное, очень сладкая? Сейчас узнаю!

Он вновь бросился на нее и на этот раз перехватил руку с оружием, сжал так сильно, что кинжал со звоном упал на пол. Легко поднял девушку в воздух. Шерон почувствовала, как ноги отрываются от земли, попыталась лягнуть его, отчаянно рванулась назад, и Квир издал вопль, зашатавшись на краю ямы. Он тут же разжал пальцы, стараясь восстановить равновесие, избавившись от ее веса, тянущего его

вниз, но указывающая не дала ему этого сделать.

Ее едва ли не впервые в жизни захлестнула бесконечная ярость. Из-за того, что он собирался сделать с ней. Мысли, желания, цели, мечты, память, надежды на будущее – все исчезло. Она хотела только одного – забрать его вместе с собой, раз уж больше нет никаких вариантов. Отправить на ту сторону. А потому, вцепившись обеими руками, несмотря на проснувшуюся боль в правой, отчаянно, самозабвенно, неукротимо, точно раненая загарпуненная косатка, сражающаяся с маленькой рыбацкой лодкой, рванулась назад, увлекая человека за собой.

В глубину.

Громкий вопль, ударивший в потолок, заставил Тэо мгновенно проснуться.

– Что, шаутт побери, происходит? – рявкнул Бух-Бух, приходя в себя после сна. – Зажги огонь, женщина! Живо!

Вспыхнуло, через несколько секунд занялся и зацадил факел. Сперва слабо, затем все сильнее разгораясь.

Мардж отдала его мужу, подхватила лук и пару стрел:

– Это был Квир. Где Шерон, Тэо?

– Не знаю, – встревоженно произнес тот.

– Опять идиот взялся за старое! – выругалась женщина.

Они выскочили из зала первыми, Тэо поспешил за ними, видя, что из дальней комнаты льется мягкий, пускай и тусклый свет. Но вопреки его надеждам здесь никого не было. Лишь стоял оставленный фонарь, да на полу валялся брошенный кинжал. Каторжник поднял его:

– Это девчонки. Они оба рухнули. Тьма заberi Квира!

Когда Мардж резко повернулась, вскидывая лук, Тэо отпрянул назад, за стену, опередив стрелу на четверть секунды. Широкий наконечник ударил о камень, выбив искру.

Пружина пронесся по коридору, запрыгнул на лестницу, и вторая стрела, задев оперением куртку, отклонилась в сторону. Перескакивая через три ступени, он слышал ругань и топот ног за спиной.

Выскочил в галерею, на мгновение задохнувшись от холодного ветра, ударившего в лицо снежным кулаком. Взлетел на перила, изогнулся и прыгнул, на мгновение оказавшись в воздухе над пропастью. Вцепился руками в камни, подтянулся, полез по шершавой, выщербленной временем стене башни. Все выше и выше, как можно дальше от чужих глаз.

Руки без перчаток лизал холод, и пальцы, касающиеся ледяной поверхности, стыли, становились менее ловкими. В окно бойницы Тэо протиснулся с трудом, едва не застряв плечами.

Он оказался в маленькой, темной комнатке, привалился к стене, слушая шум ветра и рассерженные голоса внизу.

Его потеряли.

Сунув руки в карманы, Пружина сжался, словно замерзший воробей, пытаясь собраться с мыслями. И сам не заметил, как усталость, холод и переживания этой ночи отправили его в беспокойный сон.

Акробат открыл глаза, когда рассвело. Снег все еще шел, но падал спокойно, не тревожимый ветром. Горы казались мороком, из облаков появлялась то черная, острая грань хребта, то белая, не отличающаяся от дымки поверхность ближайшего склона.

Тэо тяжело вздохнул, встал, потянулся, пытаясь пробудить застывшие от холода мышцы. Он несколько раз взмахнул руками, обернулся и застыл, глядя на того, с кем пришлось провести ночь.

Теперь в маленькую комнатку через бойницу проникал свет, и мертвец, скрючившийся в углу, стал прекрасно различим. Он умер уже давно, очень давно, одежда истлела, и через лохмотья виднелись беловатые кости и остатки темной, высушенной плоти.

Покойник, возможно, как и Пружина, переживавший здесь непогоду, наклонился вперед, его лица видно не было, спутанные волосы оказались достаточно длинными, чтобы скрыть оскал черепа и взгляд мертвых глазниц.

Тэо грустно подумал о том, что останки оказались куда лучшим соседом, чем ночные гости. Он ощущал полнейшее бессилие оттого, что Шерон мертва. Если для Лавиани и Мильвио в нем еще сохранялась надежда, то для указывающей ее уже не нашлось.

Сейчас ему ничего не хотелось. Лишь сесть рядом с неизвестным. И... все. Но это малодушное чувство владело им недолго. Он знал, ради чего стоит жить. Если Лавиани и Мильвио живы, то им требуется его помощь. Поэтому нет времени для слабости.

Спускаясь, он несколько раз прислушивался, опасаясь засады. Перегнулся вниз, посмотрев на галерею, заметил цепочку свежих следов в ночном снегу, уводящих на восток.

Путь по лестнице пришлось преодолевать аккуратными шагами, держась рукой за стену, чтобы не заблудиться во мраке.

Оказавшись на нижней ступеньке, Тэо увидел, что слева из комнаты, где находилась шахта, все еще льется тусклый свет. Со стучащим сердцем он подошел и заглянул туда.

Мардж и Бух-Бух не потрудились забрать фонарь, и тот стоял там же, где и прежде. Масло еще оставалось, но его оказалось так мало, что огонек едва горел. Счет шел на минуты, и поэтому Пружина не стал мешкать.

К своему удивлению, он обнаружил большую часть вещей на месте, хоть и раскиданных по полу. Каторжника и его жену заинтересовали лишь деньги да сумка Мильвио. Вещи Лавиани и Тэо остались. Сумка Шерон тоже пропала, но он не знал, брала ли девушка ее с собой.

Пружина быстро сложил все, что успел, подхватил фонарь, и тот погас, стоило выйти в коридор. Обратно, к свету, циркач поднимался на ощупь.

Однажды, еще в детстве, она упала с высоты. В то время вместе с Димитром и другими мальчишками Шерон носилась по Нимаду, участвуя в играх, которые любой нормальный взрослый счел бы рискованными.

Как-то раз, когда они играли в «убеги от заблудившегося»[9], Шерон залезла на крышу

заброшенного дома. Шел мелкий дождь, черепица оказалась скользкой и, не удержавшись, будущая указывающая сорвалась.

Падение длилось краткое мгновение, но показалось ей вечностью – она видела каждую черточку, каждый полутон облаков. Чувствовала запахи так ярко, как никогда их не ощущала до этого.

Дождь и море. Соль и холод.

Дождевые капли вокруг нее двигались так же медленно, как и проползающая мимо стена дома с глазницами пустых окон. Как белое лицо Димитра, отдаляющееся от нее. Как и его рука, не успевшая схватить Шерон.

Ей было не страшно. Весело. И удивительно. В этот миг она открыла, сколь медленен мир, окружавший ее. В будущем это «замедление» повторялось не раз, спасая ее во время схваток с заблудившимися.

Ее падение частично смягчили ветви дерева, и она отделалась лишь ушибами.

Но то мгновенное падение из детства не шло ни в какое сравнение с этим. И ее тело, и ее мозг познали, что такое падать бесконечно. Когда ты находишься в ничто, когда ни руки, ни ноги не могут найти никакой опоры под собой, а ветер свистит в ушах, заглушая даже вопли Квира, падавшего рядом.

Первая поперечная балка едва не размозжила Шерон голову. Ей просто повезло не оказаться на дюйм левее. От второй она смогла уклониться, поняв, что телом можно управлять – это было похоже на то, как стоит вести себя под водой.

Квир, в отличие от нее, понять ничего не мог и был скован паническим ужасом. К тому же окружающий мир для него казался чернильным мраком, и он попросту не заметил опасность.

Он врезался в балку, раздался громкий хруст, крик оборвался, и теперь Шерон в ее падении сопровождал труп.

Через два удара сердца внизу полыхнуло алым, и она почувствовала, как чья-то невидимая рука отталкивает ее от себя, назад, вверх.

Тело покойника, не сдерживаемое никакой силой, улетело далеко вниз.

Но этой силы хватило лишь для того, чтобы замедлить падение. Стены больше не мелькали перед глазами, а едва ползли. Но все равно, когда появился пол, указывающая больно ударилась о него и тут же отскочила в сторону, шипя, точно кошка, чувствуя, как невидимый ожог охватывает сердце, пытается поработить дар.

Она отпрянула назад, все еще ошеломленная. Как можно дальше от мощного, широкого меча, находящегося в руках потемневшего, все еще облаченного в доспехи скелета.

Клинок горел болезненным, алым светом, испускающим силу, от которой Шерон начало мутить. Она знала, что это такое.

Легенда.

Настоящий меч таувина, по рукоять наполненный магией великих волшебников и, возможно, последний из существующих в мире.

Меч чувствовал дар, доставшийся ей от некромантов, врагов, против которых он был когда-то выкован. Его хозяин молчал, не отдавал приказа нападать, и клинок, не имея возможности разить, делал лишь то, на что был способен, – отталкивал опасного

человека прочь, чтобы защитить владельца, пускай тот мертв уже десять веков.

Именно эта защита невольно и спасла Шерон в падении.

Указывающая побежала, юркнув в первый же коридор, подталкиваемая жгучими ударами в спину, и не останавливалась до тех пор, пока алое свечение не погасло, а огонь, жегший ее изнутри, не отступил.

Только после этого девушка осознала сразу несколько вещей.

Она жива.

Находится в самом сердце Тропы Любви, куда не ступала нога человека вот уже тысячу лет.

И совершенно одна.

Глава восьмая

Тропа теней

Ученики, поступившие в этот год в Талорис, вне всякого сомнения, очень талантливы. Их дар можно развить в нечто потрясающее, и я уже предвкушаю, как много выиграет Единое королевство от их способностей. Трех отмечу особо. Кам из восточных долин, мрачный, точно грозовая туча, и крепкий, как скала. Он кажется нелюдимым, немного грубым, его тело больше подошло бы воину, а не волшебнику. Он выше всех, даже наших гвардейцев. Настоящий великан. Лавьенда прекрасна не только своим даром. Но и красотой. Она достойна внимания. Третий из них довольно неугомонен. Если рядом что-то случается, значит, искать причину следует в нем. У него невероятная предрасположенность находить себе друзей. Тион. Пожалуй, стоит запомнить это имя.

Из преподавательского дневника

Падение продолжалось лишь мгновение, но за этот миг Лавиани успела подумать, что ее жизнь подошла к концу.

Высота оказалась небольшой, сойка приземлилась вместе с каменными остатками пола на пологую поверхность и попала в водосток, под крутым углом отводящий воду куда-то в недра горы.

– Проклятье! Рыба полосатая!

Она не смогла удержаться и со все возрастающей скоростью поехала вниз.

Ей хватило времени, чтобы увидеть приближающуюся рваную дыру и каменный мостик под ней, переброшенный через мглу пустого пространства. Сойка не могла похвалиться такой же ловкостью, как Тэо, но ее навыков вполне хватило, чтобы не пролететь мимо спасительной площадки.

Она рухнула на нее, перекатилась, тут же сжавшись и закрыв голову руками. Камни, летевшие следом, ударили вокруг, подобно смертельному граду. Один больно угодил по запястью, и Лавиани зашипела, чувствуя, как по коже течет кровь. Большинство пролетело мимо моста, отозвавшись гулким стуком снизу через несколько десятков секунд. Вместе с камнями кануло и ее выроненное во время падения копье.

Лавиани не была склонна жалеть об утраченном. Пошевелила пальцами, убедившись, что нет перелома и рука слушается, как и прежде, села на пол, достав из кармана тряпку, перевязала рану, зубами затянула узел.

Осмотрелась.

«Мост» оказался участком необвалившегося пола, каким-то чудом удержавшегося между двух стен огромного зала.

– Рыба полосатая, – пробормотала она. – Ну почему я вечно влипаю во все это?

– Лавиани! – Голос, долетевший до нее, был слабым, но она узнала Мильвио. – Ты жива?!

– Сама удивляюсь этому обстоятельству, – буркнула она и крикнула громко, сложив ладони: – Да!

– Там высоко?!

– Недостаточно, чтобы ты хоронил меня!

– Иду к тебе!

– Что?! – опешила сойка и тут же заорала: – Стой, придурок! Стой!!!

Он грохнулся рядом, довольно сильно приложившись о камни. Застонал.

– Шаутт и все его страхи! Могла бы предупредить!

– Ты даже глупее, чем я думала, Фламинго! – обрушилась она на него. – Какого шаутта ты делаешь?! Вы, долбаные южане, вечно устраиваете сплошные безумия! Если ты не переломал себе кости, но очень хочешь это сделать, просто попроси меня!

– Ослабь напор, сиора. Мне нужна минута, чтобы восстановить дыхание. – Он сел, потряс головой, все еще оглушенный. – Ну и темень здесь. Не вижу даже собственных рук.

– Так зачем ты все это устроил? Решил стать моим спасителем?

– Да нет, – спокойно сказал он. – Просто ты выбрала единственно возможный способ покинуть зал. Потолок обвалился, выходы перекрыты.

– А наши друзья?

– Они успели выбежать. Что ты видишь?

Ей показалось смешным, как он водит глазами и ощупывает пространство вокруг себя руками. Точно слепой.

Впрочем, сейчас он именно им и являлся.

– Мы где-то внутри башни. В трех шагах от тебя пропасть, так что не надо лишних

движений. Это вроде моста без всяких перил. И, кстати говоря, я бы с него ушла. Шаутт знает, сколько он продержится.

– Как пойду я?

– Всегда знала, что поводырь – мое призвание. – Она взяла его за руку, ощутив, как сильны его кажущиеся изящными пальцы. – Просто следуй за мной.

– Разумный план, – одобрил тот.

– Не стоило мне оттирать фреску. Либо кто-то из древних устроил ловушку, либо время все же подточило камень. В любом случае, не прояви я лишнее усердие, такого дерьма бы не случилось.

Они миновали мост, войдя в анфиладу комнат, которые раньше использовались как кладовые. Две спиральные лестницы уводили наверх лишь на два пролета, заканчиваясь свежими завалами.

– Все довольно безнадежно, – зло сказала сойка. Злилась она в первую очередь на саму себя. – Здесь мы не пройдем.

– Надо вернуться, – предложил Мильвио. – Проверим, что с другой стороны моста.

– Фламинго, твой план не слишком хорош. Мы уже потратили час, пока здесь бродили и...

– И нам нужны ступени к свету.

– А если там они тоже разрушены?

– Давай не будем гадать, сиора. Сейчас уже середина ночи. Хотелось бы к рассвету оказаться наверху и продолжить наш путь.

– Везет мне в последнее время на оптимистов. Если пойдем вместе, то опять провозимся. Ты как слепой крот. Я проверю дорогу сама.

– Хорошо, – ответил мечник. Нащупав стену, он сел, прислонившись к ней спиной. – Это разумно.

– Удивлена, как ты легко согласился.

Парню даже на мгновение не пришла мысль, что она может его бросить и оставить среди вязкого, холодного мрака.

Мильвио посмотрел на сойку, ориентируясь по звуку, улыбнулся:

– Я не боюсь темноты. К тому же в сумке есть трут и огниво. Если станет совсем грустно, выбью несколько искр. Были бы поблизости деревяшки, разжег бы целый костер.

– Хорошо. Я быстро. Сейчас ты в коридоре. Слева, в шести шагах от тебя начинается провал. Если решишь походить, смотри не свались.

– Как ты получила этот дар, Лавиани? Видеть в темноте.

– Достался в подарок от старого друга.

Он рассмеялся. Не зло, искренне и легко.

– Что же. Когда мы выберемся отсюда, определенно стоит выпить за старых друзей. Не

всегда от них одни лишь неприятности.

Она поспешила назад, прекрасно помня дорогу, быстрым шагом проходя мимо заброшенных комнат и альковов с давно сгнившей мебелью. Без Мильвио действительно вышло быстрее. По пути сойка искала хоть что-то, что могло бы послужить факелом, но несколько более-менее целых на первый взгляд досок, стоило пальцам лишь коснуться их, рассыпались в труху.

Мост она перешла быстро, не задерживаясь, и снова оказалась в очереди комнат, зеркальных близнецов тех, что уже были исследованы вместе с южанином. Вместо тупика ее ждала вертикальная круглая шахта, уносящаяся на недостижимую высоту и уходящая на неведомую глубину. Поперек нее торчало несколько горизонтальных каменных балок – то, на что должна была крепиться лестница, если бы строители озаботились доделать свою работу.

Она подумала крикнуть, на тот случай, если Тэо и Шерон где-то рядом, но передумала, почувствовав себя довольно глупо. Шанс, что ее услышат, – невелик, а ее внутреннее чутье говорило: не стоит вопить там, где ты являешься незванным гостем, пускай все хозяева умерли уже тысячу лет назад.

Она отвела душу, бормоча проклятия себе под нос, и направилась обратно. На середине моста не удержалась, встала на самый край, опасно наклонившись вперед, посмотрела вниз, надеясь разглядеть дно и, чем шаутт не шутит, собственное копье. Но остроты ее зрения не хватало на такое расстояние, и сойка разочарованно вздохнула, отступив назад.

– Твой план коту под хвост, парень, – сказала она, вернувшись. – Там нет подъема вверх. Мы вернулись к тому, с чего начали. Вверх подняться не сможем.

– Печально. Но не смертельно. Найдём другой выход. Почему ты в первый раз прошла мимо? Не нашла нужный поворот?

– Эм... – протянула та и нахмурилась. – В смысле прошла?

– Я слышал, как ты ходила в соседних комнатах. Вон там. – Треттинец махнул направо.

– Так чего не позвал, коли уж решил, что я заплутала?

– Эхо. – В серо-свинцовых оттенках ее зрения лицо Мильвио казалось гораздо старше и резче, чем было на самом деле. – Оно смущает. Ты могла пойти совсем в другую сторону.

– Не могла. Потому что я никуда не сворачивала и не плутала. И там не проходила. Как тебе такое откровение?

Мечник задумался на мгновение:

– Хотел бы я сказать, что мне показалось. Но уши не обманывают. И если это была не ты, то кто?

– Шерон. Тэо. Еще какие-нибудь идиоты, решившие провести здесь ночь. Шаутт, мэлг, призрак погибшего при обороне, а может, сам Тион вместе с Арилой и всей их помпезной свитой. Не имею ни малейшего понятия, Фламинго. И уж точно я не стану бегать во мраке, заглядывая в каждую комнату в надежде найти того, кого, возможно, не существует. Людям, оставшимся в одиночестве, во мраке чудятся разные вещи. По себе сужу. Лучше поделись идеями, что нам делать дальше. Ты, в отличие от меня, здесь уже бывал.

– Здесь, – Мильвио специально выделил слово, – давно никто не бывал. Не удивлюсь,

что со времен Катаклизма эти камни не видели гостей и порядком успели нас подзабыть. Внутрь Тропы Любви никто не суется, ходят либо по тракту, либо по внешней галерее. Идея у меня одна. Сторожевая башня обязательно должна соединяться со стеной. А в ней проложены пути. В прошлую эпоху так перебрасывались большие отряды для помощи оборонявшимся на разных участках крепости. Нам надо найти дорогу и дойти до следующей башни. Там подняться наверх и встретиться с Шерон и Тэо.

– На словах звучит действительно просто. – Бодрости в голосе Лавиани было куда больше, чем она рассчитывала. – Тогда давай руку, Фламинго. Здесь ступеньки, не хотелось бы, чтобы ты расквасил нос или сломал шею.

– Думаю, я могу идти самостоятельно, – сказал Мильвио.

Лавиани тут же разжала пальцы:

– Не хочешь ощущать собственную беспомощность? Понимаю.

– Дело совсем не в этом. Просто мы пойдем быстрее. Мне достаточно слышать звук твоих шагов, чтобы приноровиться к темпу. Только предупреждай меня о поворотах и ступенях.

Действительно, так оказалось куда быстрее. Мильвио шел, точно зрячий, слушая ее шаги. Дважды за час они останавливались, чтобы перевести дух, а потом продолжали путь по прямому сводчатому коридору, в котором иногда были ответвления, ведущие в пустые комнаты. Четырежды им попадались лестницы, но все вели вниз, поэтому Лавиани их игнорировала, проходя мимо, и ничего не говорила мечнику.

Воздух здесь стал прохладным и очень сухим. От него першило в горле, хотелось кашлять и пить. Но воды у них не было, фляга Лавиани осталась вместе с ее вещами, наверху.

– Мы довольно далеко ушли. Как думаешь, когда доберемся до опорной башни?

– Не могу сказать тебе ничего обнадеживающего. Приходится признать, что в темноте я потерял представление не только о пространстве, но и о времени. Я просто иду вперед. Рано или поздно мы окажемся возле нее. И спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты рядом. Без тебя и твоего зрения я бы вряд ли смог выбраться из мрака.

– Хм, – проворчала та. – Что-то хочешь спросить?

– Если ты ждешь, что я вновь начну любопытствовать, почему ты видишь там, где обычные люди чувствуют себя словно слепые котята, то я вынужден разочаровать тебя, сиора. Дождусь того дня, когда ты сама захочешь рассказать свою историю.

– Рассчитываешь на то, что это случится?

– Нет.

– Вот и правильно. Люди не любят рассказывать о себе.

Мильвио рассмеялся.

– Что тут смешного? – удивилась Лавиани.

– Твои слова, разумеется. Я вот частенько встречаю болтунов в своей жизни. Слова не

дают вставить, говорят и говорят. Всегда можно узнать много нового, но пользы от подобной информации даже на медяк не наберется.

– А ты будто бы прямо и горишь желанием поведать про свою жизнь первому встречному.

– Я? Встречному? Нет. А тебе – пожалуйста.

– Да ну? С чего такое доверие?

– Тебя нельзя назвать первым встречным. Мы уже знакомы какое-то время.

– Так только кажется, Фламинго. Ты меня совсем не знаешь.

– Ну вот, – с наигранной грустью вздохнул треттинец. – Ты сплошное противоречие, сиора. Конечно же я тебя не знаю. Потому что ты не спешишь про себя рассказывать.

– Начни первым.

– Легко. Что ты хочешь знать?

– Как богатенький мальчик знатной крови стал скитаться по дорогам и владеть жизнью бродяги, например?

Он задумался на мгновение:

– Настоящее слишком сильно связано с прошлым, Лавиани. Чтобы рассказать тебе о том, как я докатился до этой жизни, придется начать с того, что было до этого.

– Сколько тебе? Двадцать пять?

– Двадцать семь.

– Не так уж много, мальчик. Не думаю, что твоя история займет много времени. Она должна выйти достаточно короткой, чтобы мне не наскучить.

– Порой история ребенка сложнее и длиннее истории старика. Весь вопрос – как он живет.

– Твои родственники богаты?

– Мой род древний, но давно обедневший. Один из моих предков четыреста лет назад даже мог стать герцогом, но не сложилось.

– Отчего?

Мильвио усмехнулся:

– Если ты считаешь себя самым умным и хитрым, то всегда найдется тот, кто докажет тебе ошибочность этого заблуждения. Его обошли. Он проиграл в игре за власть. С тех самых пор мы стали не так богаты, как прежде.

– Земли не хватило на тебя?

– Отчего же? В моей собственности чудесное место, недалеко от Лазоревого моря. В месяц Единорога в саду цветут апельсины. Вполне уютный, пускай и очень маленький, уголок.

– Но тебе там не сидится, как я посмотрю.

– Раньше меня вполне устраивал. Я не видел ничего иного, был мал и считал, что так будет продолжаться вечно. Но ты ведь знаешь удел младших сыновей из обедневших дворянских родов?

– О да. Дорог для взросления у вас не так уж и много. Или в разбойники, или в солдаты. Ну, еще есть возможность послужить богатому покровителю или герцогу. В любом из перечисленных мною вариантов есть реальный шанс разбогатеть и выбиться в люди.

– Что-то вроде того, – скучным голосом подтвердил Мильвио. – Разбойник – слишком большой вызов для моей семьи. Надругательство над памятью предков, позор роду и все такое. Так что солдат – лучшее, на что я мог рассчитывать.

– Разумное решение. Хороший меч никогда не будет валяться на дороге, – одобрила Лавиани. – Он многим нужен.

– Отец подумал так же. Сперва меня учил мой дядя, потом нашли другого учителя. В Рионе. Я покинул семейный дом и вернулся туда лишь раз, когда хоронил отца. И знаешь что, сиора. Я был очень удивлен, что за прошедшие годы вдали от родины этот мир показался мне...

Мильвио замолчал, и Лавиани, прекрасно понимая его, спросила:

– Маленьким? Незначительным? Пустым? Скучным? Ты осознал, что не хочешь влачить свою жизнь, любуясь лишь морем да апельсиновым садом и старым, с каждым годом ветшающим домом?

– Ты отлично обрисовала мои чувства.

– Не сомневаюсь. Запереть себя в сельской дыре, на земле, принадлежащей предкам, пускай и сильно заросшей сорняками, – не слишком веселая перспектива в жизни. Особенно после сверкающей Рионы. Вино, женщины, золото, слава.

– Хм...

– Неужели не так?

– Не основная причина. Хотя когда я был неопытен...

– Это называется юношеской глупостью, – внесла уточнение Лавиани.

– Пусть так, – весело согласился мечник. – Когда юношеской глупости во мне было гораздо больше, чем жизненного опыта, слава, деньги и красотки с ночными попойками казались довольно важны. Но я быстро вырос.

– Стоит поблагодарить судьбу.

– Каждый день только этим и занимаюсь.

– Тебя взяли в гвардию герцога?

– Нет.

– Меч оказался не так уж и хорош? – поддела она его, но он ничуть не обиделся.

– Моя любовь к вольной жизни – вот основная причина. В какой-то момент я решил, что не хочу служить. Не хочу быть с этими людьми, все время танцуя по лезвиям и участвуя в игре куда более опасной, чем бой в полном доспехе на палубе тонущего корабля. Я осознал, что передо мной лежит целый мир, полный загадок, тайн и

прекрасных вещей.

Лавиани расхохоталась, и эхо ее смеха загуляло, отпрыгивая от стен, словно перепуганный заяц.

– Мы об одном и том же мире говорим, Фламинго? Прекрасных вещей? Это ты о развалинах, оставшихся после Катаклизма? Право, судьба к тебе благосклонна, подарив столько оптимизма. Тэо и Шерон говорят то же самое. Сплошной оптимизм!

– Тебе бы он тоже не помешал.

– Ха-ха. Смешно. И многое ты увидел?

– Многое. И ничуть не жалею. Я люблю путешествовать и не собираюсь останавливаться в ближайшие годы.

– Жизнь благородного бродяги? Не могу тебя осуждать. Это куда лучше того, как существуют другие. А что же твой меч? Отец бы тобой гордился?

Мильвио ответил с некоторой заминкой:

– Надеюсь на это. Фэнико дает мне возможность не думать о деньгах. Во всяком случае, большую часть времени.

– На наемного убийцу ты не похож. Служить более богатым не хочешь. Значит, остается один вывод: наемник.

– Всякое бывало, но война за деньги в прошлом. Предпочитаю преподавать школу клинка тем, кто готов платить.

Это удивило ее:

– Чтобы преподавать, Фламинго, нужно иметь репутацию. О тебе должны знать.

– Некоторые знают, – равнодушно ответил Мальвио. – И приглашают в гости. Мне не жалко делиться секретами мастерства с другими.

– Да ты вообще, как я посмотрю, добрая душа.

– Разве это плохо? – удивился треттинец.

Лавиани не ответила, остановившись, и тот, слыша это, спросил, положив руку на меч:

– В чем дело?

– Дорога дальше перекрыта. Дверь, – сухим тоном известила Лавиани и дернула ручку.
– Заперто. Она сильно проржавела, но все равно еще надежна.

Мильвио нащупал преграду, провел пальцами по шершавому металлу:

– Были какие-то другие пути?

– Они вели вниз.

– Это лучше, чем ничего.

– Ты прав. Вернемся к ближайшей лестнице, спустимся на уровень и попробуем пройти там.

Коридор нижнего уровня оказался куда более узким, с грубо обработанным потолком. То и дело перемежающийся залами, в которых властвовали сквозняки, влага и ржавчина, пожравшие все, до чего могли дотянуться. Уцелел лишь камень, такой же незыблемый, как горы.

Один раз они вновь услышали шаги, но настолько слабые, что даже Лавиани сомневалась, что они ей не почудились. Звук пришел из вентиляционной шахты.

– Какая разница, что это или кто?! – отмахнулась Лавиани от Мильвио, который долго ждал, не повторится ли звук. – Еще один заблудившийся в этом тьмой забытом месте. И я буду последняя, кто побежит вниз, чтобы спасти его. Самим бы выбраться, Фламинго.

– Забавное ты мне выбрала прозвище.

– А ты против?

– Отнюдь. Меня называли куда худшими именами, чем это. К тому же фламинго у алагорцев считается символом рассвета и спокойной жизни.

– Ну, твою жизнь явно нельзя назвать спокойной и размеренной. Осторожно. Впереди две ступени. Входим в зал.

На стенах и потолке были фрески, но она даже не стала к ним приглядываться. Прошла мимо, покосившись на десяток скелетов, лежащих в разных позах и уже порядком заросших пылью. Все в доспехах и при оружии. К сожалению, последнее было столь ржавым, что у нее не возникло соблазна разжиться подходящей железкой.

– Здесь мертвые. И лежат уже довольно давно. Возможно, это те, кто штурмовал Тропу Любви. А быть может, защищал ее. Кости уже черные от времени.

Останки встречались им и в следующих помещениях. Было понятно, что здесь шло сражение, люди пытались удержать переходы.

– Целый могильник. Жаль, что ты не видишь.

– Я жалею лишь о том, что их не похоронили.

– Думаю, хоронить было некому, мальчик. Шла Война Гнева, а потом случился Катаклизм. Мертвецов и без этих ребят было предостаточно. Не успевали закапывать, как они тут же выскакивали обратно.

– Все равно так неправильно.

– В мире много чего неправильно, Фламинго. И оставленные на растерзание кости тех, кто уже мертв и не может чувствовать, меньшая из плохих вещей, что ежедневно происходят вокруг нас. – Она перешагнула череп, а Мильвио, не увидевший его, пнул и, поняв, что покатилося под ногами, поморщился.

– Я вижу свет, – внезапно сказал он.

Лавиани тоже различила в свинцовых и графитовых оттенках мрака бледное пятно.

– Да. Верно. Странно. Мы же на нижних уровнях, разве тут может быть выход наружу?

– Сейчас узнаем.

Коридор впереди был перегорожен огромным камнем. Влетев сюда, тот разрушил внешнюю часть стены, раздробил каменные блоки и застрял, перекрыв дорогу так, что теперь осталась узкая кромка между ним и пропастью, шириной не больше стопы. Она была вся в снегу, но при должной аккуратности по ней можно было пройти.

Выглянув через пролом, Мильвио увидел верхушки белых елей, потом поднял голову, пытаясь разглядеть вершину стены.

– Уже почти утро.

Лавиани, держась обеими руками за край огромного камня, осторожно перебралась на ту сторону, ощущая спиной пропасть.

– Справишься?

Мильвио улыбнулся и легко перемахнул к ней.

– Ловко, – одобрила сойка. – Ума не приложу, откуда здесь взялась такая глыба. Наследие великих волшебников, не иначе.

– В смысле магия? – уточнил треттинец. – Не думаю. Всего лишь огромный требушет.

– Требушет? – Лавиани скептически изучила густой лес, тянувшийся через всю долину до следующей горной цепи. – Здесь?

– Ну, тысячу лет назад, наверное, все было иначе. Стену обстреливали, это несомненно.

Подняться наверх здесь было невозможно, им пришлось вновь войти в темный коридор, и Мильвио оглянулся несколько раз на бледный утренний свет, прежде чем тот совсем исчез и их вновь окутал вязкий мрак.

– Странное место. – Голос Лавиани звучал глухо, точно из могилы.

Южанин, болезненно щурясь, провел рукой по камням, сияющим бледно-лимонным, мертвенным светом, и тот остался на подушечках его пальцев.

– Какая-то плесень, – сказал Мильвио. – Интересно.

Обнажив меч, он стал натирать длинный клинок, пока тот не засиял.

– Это обязательно? – неодобрительно спросила Лавиани.

– Надоело быть слепым, сиора. Не факел, конечно, но полный мрак разгонит.

Они стояли на балкончике, выступающем далеко вперед, над темной рекой, затопившей величественный зал. Из воды, точно грибы, росли расширяющиеся колонны, с потолка все время капало, а внизу, в глубине, то и дело мягко вспыхивали белесые искры – странные создания, похожие на угрей, величественно и неспешно проплывали, тыкаясь слепыми утиными носами в стены, пачкая их лимонной, фосфоресцирующей плесенью, и тут же уходили на дно, пока их тела не гасли в глубине.

Чтобы перебраться, пришлось повозиться. Они перелезли через перила и пошли по узкому карнизу, опоясывающему зал со всех сторон, держась за выступы. Иногда из-под ног сыпались каменные крошки, падали в воду, и тогда та вскипала, а бледные туши начинали всплывать на поверхность и биться, словно потревоженные рыбы.

– Чувствую себя обезьяной. – Лавиани с ненавистью посмотрела вниз и добавила: – Но лучше быть мартышкой, чем попытаться переплыть водоем. Кажется, местные обитатели настроены не слишком дружелюбно. Встречал таких раньше?

– Я не любитель рыбалки. – Руки Мильвио, как и ладони сойки, светились. – Одно могу сказать: лучше туда не падать.

Когда они преодолели путь и оказались на ровной поверхности, Лавиани с омерзением вытерла пальцы об одежду и тут же пожалела об этом – та тоже начала сиять.

– Мерзость какая! – Запах свежих грибов, который здесь витал, ей не нравился.

– Радуйся. Мы в башне. Где-то в самом ее основании. Ниже только подвалы и пещеры. Нам осталась малость – найти дорогу наверх, и будем считать, что почти выбрались.

Но залы с тускло сияющими стенами сменялись один за другим, а подъема наверх все не встречалось. Они почти отчаялись, когда наконец-то увидели его, выйдя в огромное помещение.

Лестница ползла по прямоугольным каменным блокам, сменяясь широкими пролетами, и терялась в темноте, уходя гораздо выше той границы, на которой росла источающая свет плесень.

– Рыба полосатая, – пробормотала Лавиани. – Это же настоящий склеп.

Мильвио отстранил ее, вышел вперед, стараясь не наступать на кости. Здесь лежали по меньшей мере несколько сотен скелетов. Сойка скривилась, словно попала в прошлое, – некоторые из мертвых были в такой же белой броне, как и те, кого она видела на Талорисе. Кто-то из личной гвардии Тиона.

– Здесь шел бой, и бой ожесточенный. – Мильвио склонился над одним из тел и выдернул из-под сочленения то, что раньше было толстым арбалетным болтом. Отстранился, когда от останков стало подниматься облако пыли вперемешку с прахом. – Эти нападали. А те защищались и стреляли.

Лавиани уже и сама видела, что мертвые расположены по залу не хаотично. И тех, что обороняли лестницу и выход из зала – огромный темный проем, ведущий в глубину, было больше.

А еще она заметила то, на что не обратил внимания Мильвио, – стены и часть лестницы были деформированы и оплавились. Здесь использовали не только сталь, но и магию.

– Что ты делаешь? – удивилась Лавиани, когда треттинец склонил голову и начал произносить клятву воинов, распространенную в южных герцогствах в качестве эпитафии павшему товарищу.

– Отдаю им долг памяти. Уж этого-то они точно заслуживают.

Сойка не стала смеяться. Прошла мимо, чуть не задев его плечом, встала возле лестницы, задрала голову и пытаясь понять, сколько придется взбираться наверх. Даже по самым скромным предположениям выходило, что довольно долго. Внезапно она резко повернулась в сторону темного провала «ворот», ведущих в подвалы.

– Фламинго! – позвала она негромко и, когда тот не услышал, гаркнула резко, зло, на треттинском: – Рапи вьеро кьи! [10]

Эта фраза прозвучала как удар хлыста. Он вздрогнул, отвлекся от дела, которым занимался.

– Что? – Мечник увидел, как в ее руке появился нож.

– Ш-ш-ш! Слушай!

Гулкие шаги раздавались из мрака провала, и становилось понятно, что кто-то приближается к ним. Мильвио не стал мешкать:

– Наверх! Живо!

Умом она понимала, что это, скорее всего, еще один из тех, кто пересекал горы и в силу каких-то обстоятельств оказался в сердце Тропы Любви. Но, памятуя о Талорисе и своем «друге» шаутте, не горела особым желанием встречаться с неизвестным. Пускай даже это будут Шестеро с сотней куриных яиц в качестве божественного дара.

Она преодолела двенадцать первых ступеней, обернулась назад и, не сдержавшись, сказала громко, с чувством:

– Ох ты ж рыба полосатая! Тьма вам всем в печенку!

Мильвио, поднимавшийся сразу за ней, остановился и тоже посмотрел вниз.

Человек, вышедший на свет, оказался очень высок. В два раза выше Лавиани. Настоящий великан. Его доспех – рваная кольчуга, мягко звенящая кольчужная юбка, стальные шипастые наплечники, наголенники и составные пластины, закрывающие предплечья, – выглядел тускло и неряшливо. Шлем с забралом в виде орлиной маски, защищавшим лицо, делал воина похожим на чудовище с той стороны.

– Забери меня шаутт, – потрясенно прошептала Лавиани, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом от суеверного ужаса.

Ей самой стало стыдно за свой мимолетный страх, но сойка ничего не могла поделать. Она увидела золотую цепь с горящим орлом, сильно потускневшую, но знакомую. А также тяжелую алебарду, лежащую на правом плече воина. И поняла, кто перед ней.

Кам.

Хозяин Тропы Любви. Один из учеников Скованного. Великий волшебник.

– Не останавливайся! – Голос у Мильвио был точно у мертвого – пустой, ничего не выражающий.

И в тот же момент мертвец прыгнул, приземлился перед ними, закрывая дорогу. Алебарда, новенькая, блестящая, словно и не было всех этих лет забвения, рухнула на голову Мильвио и с гулким звоном встретилась с полуторником, выставленным плашмя.

Южанин подсел под ударом, двинул запястьями, отводя от себя кривой крюк обуха, и скользнул назад, разрывая дистанцию. Вновь оказавшись на полу.

Лавиани сделала то же самое, чувствуя, как бешено колотится у нее сердце.

– Уходим в коридоры!

– Нет! – возразил южанин. – Выход только здесь. Станем убегать, он загонит нас в какой-нибудь тупик, и тогда мы пропали. В узком пространстве против алебарды я ничего не смогу сделать.

Кам покрутил головой из стороны в сторону, развернулся и стал неспешно спускаться по ступеням к ним, держа алебарду обеими руками. Он походил на медведя, вырубленного из цельного куска базальта, столь несокрушимого, что становилось

неуютно.

– Я отвлеку его, сиора. Заману подальше. А ты уходи. Лестница станет свободна. – Мильвио медленно отступал, и его лицо, казалось, сковало холод, а голос стал хриплым и низким, потусторонним, словно шепот призрака.

– Я что, похожа на юную герцогиню, которую надо спасти? – огрызнулась та, стараясь взять себя в руки, прогнать дрожь. Она следила за приближением высоченного противника. – Завалим эту гадину. Видишь? Ты не прав. Я бываю полна оптимизма.

Парень улыбнулся краешком рта, повел мечом, и тот оставил за собой в воздухе тусклый желтый свет.

– Хорошо. Тогда следи за его оружием. Он может быть очень быстр.

Сойка уже поняла это по тому, как Кам оказался на лестнице. Эта обманчивая медлительность могла закончиться в мгновение ока.

Так и случилось.

Он прыгнул. Подлетел. Взмыл в воздух.

Мгновенно. С места. Даже не напрягая ноги. Со скоростью, невероятной для такого роста и комплекции. Словно сойка, использовавшая свой талант.

Лавиани откатилась вправо, Мильвио сделал точно такой же кувырок влево, и Кам, гремя доспехом, приземлился на том месте, где они только что стояли. Алебарда вылетела вперед, шестигранный наконечник остряя едва не пронзил мечника, словно вертел кабана.

– Ах ты, тварь! – Лавиани попыталась атаковать ножом.

Неудачно.

Ей пришлось выгнуться дугой, избегая удара в ребра пяткой древка.

Мечник вступил в схватку, отвлекая на себя, ударил из низкой стойки. Первая же атака удалась – полуторник сбил наплечник, оставив на нем глубокую вмятину.

Впрочем, треттинцу сразу же пришлось уйти в оборону. Ученик Скованного едва не подцепил его ногу крюком на обухе в обратном движении.

Среди костей Лавиани увидела копье. Дерево было хрупким, растрескавшимся, широкий наконечник потускнел. Но это было лучше, чем ничего. Она с силой швырнула его, благо расстояние до противника было всего шестнадцать шагов.

Крутясь вокруг своей оси, точно выпущенное из баллисты, оно врезалось в бок Кама, смяв звенья кольчуги, и тот пошатнулся от удара, упав на одно колено. Мильвио снова атаковал, еще раз обрушив меч на наплечник, оставляя вторую вмятину.

Следующий удар Кам принял на древко алебарды, выставив ее перед собой двумя руками, и тут же, не вставая с колена, попытался проткнуть южанину сердце. Мильвио не успел парировать, отшагнул в сторону, и это дало Каму возможность встать. Он попробовал вырвать из своего бока копье, но лишь сломал древко, лопнувшее под его костлявыми пальцами.

Алебарда взмыла вверх, распоров воздух, и Лавиани выругалась, когда увидела, что громила легко бежит к ней. Мильвио устремился следом, но было件нятно, что он не успевает.

Бабочка на левом плече выгорела, и ладони, на миг ставшие прочнее любого металла, встретили лезвие. От силы удара она отшатнулась, тут же прыгнула вперед, юркнув под длинным древком, ножом нанесла два быстрых пореза.

Первый пропал втуне, его остановила кольчужная юбка, зато второй прошел, и она почувствовала, что достала. Сделала кувырок. Обух-крюк врезался в каменный пол так, что зал загудел, а осколки раздробленных человеческих костей брызнули во все стороны.

Древко алебарды описало круг в почерневших, истлевших руках, и длинный выпад вновь был направлен на Мильвио. Кам легко сдерживал атаки сразу двоих, больше уже не подпуская к себе.

– Найди себе что-нибудь потяжелее ножа, сиора! – крикнул южанин и снова начал отступать под силой ударов вражеского оружия.

Лавиани, ругаясь, кинулась прочь, слыша, как за спиной громко звенит сталь. Она наклонялась над мертвыми, двумя руками отбрасывая в сторону иссохшие костяки, переворачивая тяжелые доспехи, то и дело оборачиваясь, чтобы проверить, как там Мильвио.

Тот держался и действовал из предельно закрытых высоких стоек, полностью уйдя в защиту, содрогаясь от напора и пережидая сотканную из металла выюгу, обрушивающуюся на него, точно стоя воронья на брошенный в поле труп.

Кам, забыв о Лавиани, все так же не произнося ни звука, напирал, и мечнику приходилось нелегко. Алебарда была не только длиннее, но и тяжелее полуторника. Лавиани не сомневалась, если бы Мильвио противостоял обычный противник, тот бы справился, но когда сражаешься с мертвым...

Бывший великий волшебник не знал усталости и обладал бычьей силой. Алебарда в его руках порхала точно перышко. Подернутые тлением руки постоянно меняли хвататы на древке, и оружие то падало сверху, то змеей скользило снизу, а стремительные уколы чередовались с сокрушительными ударами. Он наступал с тем же напором, что и камнепад, летящий по склону.

Эта смертельная пляска с чудовищем, которое сотни лет должно быть мертво, затягивалась. Лавиани нашла меч, отбросила в сторону, подняла топор с изломанной кромкой по лезвию, выкинула. Копья, кинжалы, секиры – вся эта старая рухлядь была ни на что не годна. Простого человека конечно же можно было убить куском ржавого металла, но их противника нельзя было назвать простым.

Наконец Каму удалось провести удачную атаку. Меч Мильвио попал между древком и крюком секиры. Ученик Скованного рванул оружие на себя, и сила этого рывка была такова, что Фэнико вырвался из пальцев, отлетел на добрый десяток ярдов, а алебарда начала свой последний замах.

Предпоследняя бабочка покинула плечо Лавиани. Мир застыл, и она бросилась назад, через весь зал, к Мильвио. На бегу она подхватила тяжеленный осадный прямоугольный щит. У него не было кожаных ремней, лишь две рукояти и подпорка, чтобы скрываться за ним во время стрельбы из арбалета. Но сейчас это было совсем не важно.

Она успела. Ее таланта как раз хватило, чтобы встать перед Мильвио, загородить его. Удар был такой силы, что ее зубы клацнули, а в глазах троилось – так громко гудело в голове.

Она дрогнула под этой мощью, выглянула из-за защиты лишь для того, чтобы увидеть

направление следующей атаки и вновь выставить щит. На этот раз отшатнулась, удивляясь, как выдержали руки.

Из-под орлиной маски на нее смотрела сама тьма.

– Открой рот! – рявкнула она поднимающемуся на ноги Мильвио. – Лежи!

Сойка не стала проверять, выполнил ли он ее приказ. Им обоим нужна была передышка, а проклятый Кам не собирался ее давать. Последняя бабочка исчезла с ее плеча, и во все стороны от Лавиани ударила невидимая, оглушающая, беззвучная волна.

Кама снесло несуществующим молотом, как и останки, разбросанные по полу. Южанина тоже оглушило. Пытаясь встать, двигался он неловко, замедленно, точно жук, попавший в патоку.

Лавиани отбросила от себя тяжеленный щит, кинулась к валявшемуся Фэнико. Взяла его обратным хватом, держа за собой, точно стальной хвост, в четыре удара сердца оказалась перед нашарившим алебарду Камом.

И обрушила на него смертельный град, рубя, вкладывая в движение весь свой вес и силу инерции. Первый удар легко прошел, врезался в многострадальный наплечник и наконец-то сорвал его. Второй разрубил звенья кольчуги и ключицу. Третий Кам встретил, подставив под него бронированный щиток на предплечье левой руки.

Лавиани тут же ушла ему за спину, избегая костлявых пальцев, пытавшихся схватить ее за шею, но он проворно повернулся следом, алебарда метнулась параллельно земле, намереваясь подрубить ноги. Сойка подлетела над ней и обрушила полуторник прямо на голову.

Полотно врезалось в орлиную маску и сорвало крепления, удерживающие ее на шлеме. Женщине пришлось броситься прочь и в сторону от длинного выпада. Алебарда прошуршала совсем рядом.

Кам грозно поднялся, взяв оружие широким хватом. Отступать мертвый не собирался.

– У тебя еще есть чудесные фокусы в кармане, о полная сюрпризов сиора? – подбежал южанин.

– Нет, – с сожалением ответила та. – Кончились.

– Тогда верни мой меч. – Голос у Мильвио был таким же спокойным, как прежде.

Он, как и Лавиани, не спускал глаз с ученика Скованного. Под маской оказался череп, обтянутой темно-коричневой кожей, с провалившимся носом, пустыми глазницами и деформированной, полуоткрытой челюстью. Но, несмотря на столь неприглядный вид, Лавиани легко узнавала черты, которые совсем недавно видела на фреске.

Она отдала клинок Мильвио, вновь взяла в руки тяжелый, почти ростом с нее щит.

– У меня есть план. Знаешь о водомерке и черепахе?

– Слышала, Фламинго. Только безумные треттинцы могли придумать ставить в парные схватки тяжелого латника и подвижного воина. Я не знаю техники, но подсоблю, чем смогу.

– Тогда двинемся.

Это был безумный, сумасшедший бой. Они действовали сообща, сдерживая сокрушительные атаки гиганта. Треттинец плел сложное кружево мечом, стараясь уйти с боя на длинной

дистанции – на среднюю, достать ноги Кама, лишить его невероятной подвижности.

Ученик Скованного каждый раз препятствовал этому, взламывал защиту, вклиниваясь в атаки мечника, и напирал. В такие моменты Лавиани останавливала его напор, сбивала атаку и темп боя, подставляя под алебарду крепкий щит, отшатываясь от ударов назад, постанывая от натуги, но давая Мильвио краткую передышку.

Кам без труда сражался с ними двумя, оттесняя все дальше от лестницы. Несколько раз он стремительно взлетал в воздух, и им приходилось отбегать и тут же уходить в глухую оборону, спасаясь от ловких змеиных выпадов.

Один раз крюк алебарды уцепился за край щита, но вырвать его из рук сойки не вышло, ей удалось избавиться от хвата.

Но все же Лавиани начала чувствовать усталость. С каждой минутой осадный щит становился все более неподъемным и громоздким. Принимая последние удары, она была вынуждена приседать, упирая его в пол.

– Держи крепко! – внезапно крикнул Мильвио.

Он прыгнул за ее спиной, приземляясь на верхнюю часть щита, тут же оттолкнулся от него, точно от трамплина, а Лавиани, предугадывая это движение, толкнула щит от себя, придавая напарнику еще большую скорость.

Южанин легко взмыл в воздух, занося меч над головой. Кам попытался парировать удар обратным движением древка, но не успел, и Фламинго проник в узкую брешь, разрубив нижнюю челюсть мертвеца.

Она, вместе с разрушенными зубами, разлетелась в разные стороны.

Кам зашатался, и Лавиани швырнула ему в колени щит, заставляя потерять равновесие. Ученик Скованного отклонился назад, и Мильвио, приземлившись за его спиной, представился великолепный шанс.

Он вложил в этот удар все свои силы, полуторник прошел в четверти дюйма над латным воротником, перерубая высохшие мышцы и шейные позвонки.

Голова в шлеме откатилась в сторону, а Кам, еще несколько секунд простояв на ногах, звеня кольчужной юбкой, рухнул на колени, да так и остался сидеть, опираясь руками на алебарду, теперь служившую подпоркой мертвецу, не давая тому упасть.

Лавиани, чувствуя боль во всем теле, села прямо на человеческие останки, думая о том, что много бы отдала за флягу, полную воды. Пить хотелось невыносимо, пот ручьем тек по спине, охлаждая тело, сердце стучало, точно бешеное, руки дрожали.

– Ублюдочный Тион! – с чувством произнесла она, сплюнув кровь, – она сама не заметила, как прикусила язык. – Криворукий урод! Мало того что устроил Катаклизм, так еще и убить приятеля не смог нормально. Какого шаутта мы с тобой, парень, должны были приканчивать то, что и так давно обязано было быть мертво?

Мильвио задумчиво глянул на голову и внезапно рассмеялся.

– Что смешного? – спросила сойка.

– Ничего, сиора. Совсем ничего. Но я так долго искал интересное приключение и в итоге получил. Теперь сам не рад. – Он посмотрел на несколько зазубрин на мече, которые придется править, и убрал клинок в ножны. Сел рядом с ней, дыша так же тяжело. – Убил самого Кама. Точнее, то, что от него осталось. И самое смешное, что, если я начну рассказывать об этом, мне никто не поверит. Даже барды не споют песню.

Треттинец говорил весело и непринужденно, но по лицу его было видно, каким нелегким был для него бой.

– Дались тебе певцы, мальчик. Я постараюсь забыть о нем и его алебарде, как о страшном сне. Будь Кам живым человеком, ему хватило бы пары тычков моим ножом.

– Не сомневаюсь. Способности сойки – хорошая вещь.

Лавиани мрачно посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Мудрое молчание, сиора. Я слышал о людях, умеющих останавливать падающий меч голой рукой и двигаться быстрее ветра. Таувинов давно нет, но вот сойки вполне себе существуют. Хотя в них почти никто не верит.

– Ну и не верь дальше, мальчик.

– Шерон и Тэо, как я понимаю, знают?

– Да, – неохотно ответила та.

– Ты спасла меня. Спасибо. И за помощь в бою тоже. Будь ты юной девой, мне пришлось бы на тебе жениться. Во всяком случае, именно так случается в сказках, которые рассказывают на юге.

Она фыркнула:

– Выходит, мне повезло. Что я не юна и мы не в сказке. Надеюсь, законы дворян Треттини не требуют, чтобы спасшая твою шею пожилая женщина тебя усыновила?

– Не помню ничего подобного.

– Ну вот и славно. А насчет юных дев ты никого не обманешь.

– В смысле?

– Я не первый день живу и вижу, как ты смотришь на Шерон. Рыба полосатая! – Она уже была на ногах, заметив, как шевельнулись руки Кама.

В зловещей тишине, опираясь на алебарду, он встал с колен, покачнулся и сделал неловкий шаг в их сторону. Судя по всему, отсутствие головы его совершенно не смущало.

– Что за мерзкий день! – сказала Лавиани. Она понимала, что единственный способ остановить его – это расчленить, отрубить и руки и ноги, но здраво опасалась, что скорее, чем это случится, у них закончатся силы, и тогда он точно их прикончит.

– Уходи, сиора. – Фэнико снова покинул ножны.

– Только вместе. Лестница свободна.

– Не уйду, пока это живо.

– Не будь дураком, парень. Нельзя убить то, что и так мертво.

Кам прыгнул, алебарда ударила в то место, где находился южанин, оказавшийся теперь сбоку и рубанувший по голени мертвеца, не защищенной латным щитком.

Возле ног Лавиани двумя мышами юркнули белые комочки света. Она отшатнулась,

пораженная, не удержалась, споткнулась, упала. Две игральные кости покатались рядом с ее лицом, подпрыгнули вверх, стукнулись друг о друга, засияв так ярко, что из глаз сойки потекли слезы. Свет, точно выпущенный из арбалета болт, врезался в грудь Кама, оставив в ней дыру величиной с кулак.

Лавиани обернулась, тыльной стороной ладони вытирая веки, и увидела, что из мрака провала, откуда появился ученик Скованного, выходит Шерон.

Ее красивые брови были нахмурены, лицо напоминало восковую маску, а левая рука до локтя полыхала белым огнем. Будь сойка не тем, кем она являлась, она бы, пожалуй, испугалась своей знакомой.

Мильвио опустил меч, сделал шаг в сторону, открывая девушке дорогу. Та, не замечая его, прошла мимо, сжимая раскаленный добела стилос. Свет окутал Кама плотным коконом. Мертвец стал дергаться, биться на полу, точно вытащенная на лед рыба.

Шерон равнодушно подошла к нему, ничуть не боясь руки, все так же сжимающей алебарду, находящуюся всего лишь в ярде от нее. Она опустилась перед телом на колени, всадила стилос Каму в живот, и хороводы рун закружились вокруг головы указывающей, а затем стали падать, растекаясь по поверхности доспеха великого волшебника.

Мильвио и Лавиани остановились на границе белого света, наблюдая за тем, как множество белых искр, отрываясь от тела, взмывают вверх и гаснут во мраке.

Через минуту на полу лежали истлевшие останки того, кто когда-то правил большей частью севера и давно уже стал легендой. В воздухе отвратительно пахло паленой плотью и грозой. Шерон покачнулась, треттинец сделал шаг к ней, чтобы подхватить, но его остановил ее резкий жест.

– Не надо. Просто голова кружится.

Она села рядом с ними и щелкнула пальцами, подзывая игральные кости. Те закатились ей на ладонь, девушка сжала их в кулаке. Сильно-сильно. Стараясь дышать медленно и глубоко.

– Вы живы... – наконец произнесла она. – Я успела вовремя. Этот заблудившийся...

– Кам. – Сойка покосилась на доспех, в котором не осталось даже костей, все еще ожидая какого-нибудь подвоха. – Тот самый Кам. Так что ты действительно вовремя. Мы с Фламинго уже умаялись приканчивать это недоразумение.

Мильвио склонился над доспехами и на конце меча поднял тусклую золотую цепь с большим медальоном в виде горящего орла. Вид у него был задумчивый.

– Кам? – Девушка казалась сонной и очень уставшей. – Вот так удача.

– Удача? – изумилась Лавиани, видя, что южанин берет цепь в руку и, поразмыслив мгновение, убирает ее в карман куртки. – Ты, кажется, еще не пришла в себя, девочка.

– Как ты не поймешь? Если он существует, то и Тион тоже может быть жив. Скованный не ошибся.

– Если Тион такой же агрессивный мешок костей, то легче от этого нам не станет.

– Снова Тион? – меланхолично поинтересовался Мильвио. – И Скованный, который с тобой говорил? Никого не хочу обидеть, любезные сиоры, но все ли у вас в порядке?

– В смысле здесь? – Лавиани постучала себя пальцем по голове. – Не все в порядке, Фламинго. Иначе мы бы не ввязались во все это.

– История слишком долгая. Если хочешь, я расскажу ее тебе, когда выберемся, – пообещала Шерон, и Мильвио кивнул.

– Хорошо. Так и поступим.

– У вас есть вода?

– Ни капли.

Шерон выругалась, и Лавиани не поверила своим ушам, столь невероятно было слышать подобное от всегда сдержанной девчонки.

– Ого! – рассмеялась она. – Ты полна сюрпризов, указывающая. И шаутт заberi наш мир, если они мне не нравятся.

Если смотреть вниз, то бледно-желтое свечение было едва заметно, так высоко они поднялись. Шерон давно сбилась, считая ступени, которые она преодолела. У нее ныли ноги, голова была тяжелой, мысли то и дело путались. Указывающая чувствовала сонливость и, чтобы не упасть, держалась одной рукой за стену.

Она устала после долгого пути сквозь тьму, наполненную тенями и мертвыми. На нижнем ярусе их встретилось предостаточно. Девушка ощущала дыхание той стороны, витавшее в некоторых коридорах, и представляла, что случится, если она встретится с дремлющим злом. Но не останавливалась и не теряла времени на борьбу с ними. Понимала, что лишь растратит силы и в итоге останется среди мертвецов, заблудившихся в мире живых.

Даже сейчас она все еще была там. Во мраке. Среди осторожного шепота собственных шагов. Ощущала холод глубины заброшенной крепости на своей коже и сквозняк, то и дело касающийся ее отросших волос. Ей казалось, что она навечно заплутала во тьме и больше никогда не увидит солнечного света.

– Значит, меч таувина? Да? – вновь пробормотала сойка.

Мильвио, наблюдавший за прыгающими по ступенькам сияющими игральными костями, сказал не оборачиваясь:

– Ценная вещь. Я слышал, их ковали великие волшебники, и клинок без труда перерубал почти любую броню. Не говоря уже о плоти. Какой-нибудь герцог отдал бы за такой клинок... многое он бы отдал.

– А ты нет?

– Я? О нет, сиора. Мы с Фэнико слишком долго вместе, чтобы расставаться из-за такой безделушки.

– Безделушки?! – возмутилась Лавиани. – Неужели ты считаешь, что обычная железяка, наполненная сентиментальными воспоминаниями об убийствах всяких негодяев, стоит подобной верности? Разве ты бы не хотел владеть клинком, разбивающим латный доспех или щит?

Он рассмеялся искренне, весело, и Шерон, не удержавшись, улыбнулась. Присутствие Мильвио делало это мрачное место не таким ужасным.

– Чего мелочиться, сиора?! Почему сразу не мечтать стать великим волшебником? Чего проще, щелкнуть пальцами, призвать ветер, и вот уже перед тобой враг, чья плоть сорвана с костей послушным ураганом.

– Надо реально оценивать свои мечты, парень. Великим волшебником ты можешь стать только в прекрасных снах. А меч таувина находился в двух шагах от Шерон.

– И хорошо, что я его не трогала. Он все еще обладал силой...

– Знаю-знаю, – вздохнула Лавиани. – Вполне мог тебя треснуть, если бы ты взяла его в руки. Я просто жалею, что меня не было поблизости. Ш-ш-ш! Слышите?

Сверху раздавались слабые, прерывистые удары, словно кто-то что есть сил бил по металлу.

– Что за напасть на этот раз? – Клинок Мильвио все еще слабо светился от остатков желтоватой плесени.

– Скоро узнаем. Но двух великих волшебников за день я просто не вынесу. – проворчала сойка.

Чем выше они поднимались, тем чаще становились удары. Иногда они совсем затихали, но каждый раз возобновлялись, как показалось Шерон, с утроенной яростью.

Лестница сделала последний виток и уперлась в ржавую, запертую на три засова дверь.

– Это наш выход, – сказала Шерон. – Я открою. Засов проржавел, но не сильно.

– Сразу отходи. – Лавиани уже держала нож наготове.

Мильвио встал сбоку, опустив клинок вниз.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, потянула засов. Он поддался со скрежетом, и долбежка в дверь прекратилась. Второй засов скрипел не меньше первого. Третий застрял на половине пути, указывающая напрягла руки, но сил не хватило. Мечник оказался рядом, шепнул:

– Отойди, пожалуйста.

Она сделала, как он просил, спустившись на несколько ступеней вниз и сжимая в руке стилос за неимением лучшего оружия.

Дверь распахнулась, и указывающая зажмурилась от яркого, утреннего света. Ее ноздрей коснулся пьянящий, свежий воздух, пахнувший наступающей весной, а знакомый голос акробата произнес:

– Я уже отчаялся вас увидеть.

Глава девятая

Сила Вэйрэна

Он бился с ним, путая тени, закрывая луну и сжигая свои таланты. Я помню этот бой, ибо был за стеной щитов, смотрел на воина и не мог побороть в себе страха выйти вперед, сразиться за Единое королевство. Я всего лишь человек, и слаб. Как я мог сравняться с таувином? Как я мог драться с шауттом?

Откровения стражника.

За пятьсот лет до начала Катаклизма

Полная луна стремительно летела в облаках над Гребнем Арилы, и рожденный ею свет отражался на ребристых холодных гранях. Казалось, она заглядывает в окна и проверяет, все ли уже уснули.

Дэйт шел по коридору в одиночестве, поглядывая по сторонам. Начальник охраны давно уже должен был находиться в постели, но решил проверить посты.

Исключительно для собственного спокойствия.

С момента прихода странной незрячей, искренне считавшей себя асторэ, миновало несколько недель. Вопреки ожиданиям Дэйта та не покидала комнат, не искала встречи с герцогиней и не спешила обращать в свою веру кого бы то ни было.

Разумеется, ее появление не прошло незамеченным. Особенно для слуг. Слухи о женщине, победившей шаутта, распространились по замку довольно быстро. У некоторых появилась надежда, что теперь все будет хорошо. Большинство не верило в то, что какая-то слепая нищенка способна предотвратить беду.

Дэйт так и не понял, к какой из двух категорий этих людей он относит себя.

Один день сменялся другим, и страх, который, казалось, поселился в замке, постепенно растворялся в обыденности дел и мрачных новостях, приходящих с востока и юга.

Шаутты появлялись в городах по всему миру. Внезапные рейды мэлгов, оказывающихся в самом центре герцогств, разоряли целые области, и никто не знал, откуда взялись эти твари и куда ушли, угоняя с собой уцелевших людей. В Фихшейзе и Ириасте вновь завели старую песню о пересмотре Брокаванского мира[11], и в Велате все чаще стали шептать герцогу о реванше за поражение его деда.

Возле дверей, ведущих в герцогские покои, дежурил усиленный отряд. Здесь несли стражу не только люди Дэйта, но и младшие сыновья дворян страны, не имевшие права на наследование земель и надеявшиеся получить их на службе у владетеля.

Он кивком ответил на нестройное приветствие, вышел на открытый балкон, тянувшийся по фасаду дворцового корпуса, над великолепным садом, сейчас голым и заснеженным.

Дэйт увидел тень караульного, двигавшегося по стене, перевел взгляд направо, на противоположную часть укреплений внутреннего двора, и убедился, что и там есть люди.

Он направился на открытую галерею, увитую сухим плющом. Двое солдат, заслышав его шаги, повернулись, хватаясь за оружие.

– Все тихо?

– Да, мастер Дэйт.

– Смена через полчаса.

Возле сторожевой башни один из воинов уснул, и начальник охраны несильно ударил его в плечо. Тот вздрогнул, побледнел, поняв, кто перед ним.

– А если бы это был герцог? – поинтересовался Дэйт.

Ответ не требовался. Из подобной встречи ничего хорошего бы не вышло.

В саду ярко светила луна, отражаясь от снега, лежавшего на кустах и клумбах. Горело несколько костров и по крайней мере двадцать факелов. Дэйт распорядился освещать все подступы к внутренним покоям с начала сумерек и до самого рассвета. Кастелян ворчал из-за непредвиденных расходов, но не перечил, понимая, что сейчас не время экономить.

Дэйт посмотрел на окна дворца, нашел те, что в комнате Рукавички. Они были темными, и мужчина остался доволен этим. Никто не заметит никаких синих отблесков. Он похвалил себя за то, что запретил зажигать фонари рядом с ее дверью.

Начальник охраны закончил проверку постов, вернулся к себе. Ему до смерти хотелось напиться, еще с того утра, когда из Шаруда в охотничий замок прискакал гонец с черными вестями. Но Дэйт понимал, что вино сейчас такой же враг, как страх и сомнения. Стоит один раз поддаться, и он не будет готов, если случится беда.

Потому, покосившись на полный графин, он отпустил слуг, погасил свечи, подбросил дров в камин, чувствуя босыми ногами, как дует из-под двери, и рухнул на кровать.

Ему показалось, что он не спал. Просто закрыл глаза, начал проваливаться в дрему и тут же вынырнул из нее.

Приподнявшись на локте, Дэйт целую минуту прислушивался, надеясь различить в ночной тишине хоть какой-то посторонний звук. Но все было спокойно.

Ступая по ледяному полу, воин подошел к окну. Луна скрылась за пришедшими с запада облаками. Они выплевывали на долину снег, и мрачные башни Калав-им-тарка почти скрылись в морозной круговерти.

Там не горело ни одного огонька. С тех пор как умер отец нынешнего герцога, селиться в них никто не желал, предпочитая более комфортабельный дворец, а нижние этажи уцелевшей башни использовали только в качестве складов.

Факелы на стене замигали из-за поднявшегося ветра, а затем погасли один за другим, словно на них дунул великан. Стекла задребезжали, и Дэйт ругнулся. Он вернулся к кровати, взял лежавшую на ней безрукавку, затем кинул дров в слабый огонь, не став будить слугу. Поколебался, подхватил графин с вином, сделал глоток, чувствуя терпкость красных, созревших на юге ягод.

Затем снова взглянул в окно и нахмурился. Факелы так и остались погашенными, хотя уже прошло несколько минут, но солдаты не спешили возвращать свет.

– Сукины дети, – буркнул начальник охраны. – Уснули вы там все, что ли?

Он прижался лбом к стеклу, сложил ладони домиком, чтобы не бликовал огонь в камине, попытался сквозь мрак и метель разглядеть, что там творится.

Не получилось.

Теперь воин начал тревожиться. Вернувшись, оделся, сунул голые, уже порядком успевшие замерзнуть ступни в ботинки, затянул шнуровку и подхватил стоявшую возле изголовья кровати секиру.

В распахнутой рубахе он вышел в полутемный коридор. Встретил одного заспанного слугу, менявшего свечи в тяжелых канделябрах. Тот посмотрел немного испуганно.

– Что-нибудь странное видел?

– Нет, мастер. Все тихо.

– А патрули?

– Прошел три минуты назад. – Человек махнул рукой в противоположную сторону коридора и, поняв, что вопросов больше не будет, занялся своим делом. Доставал из коробки, висящей на поясе, толстые свечи, а в сумку, лежавшую возле ног, выбрасывал огарки и воск.

Четверых гвардейцев, в легкой броне и шлемах с плюмажами, он нашел там, где и рассчитывал. Они сторожили комнату, в которой хранилась Большая герцогская печать.

– Все в порядке?

– Да, командир. Ничего подозрительного.

– Вы двое – за мной. А вы смотрите в оба.

– Что случилось, мастер? – позволил себе спросить один из них.

– Огни на участке Окуня не горят. Надо проверить, почему охрана мешкает.

Солдаты переглянулись, и Дэйт, знавший своих людей как облупленных, грозно приказал:

– Выкладывайте!

– Сегодня на стену отправили Ирвета.

– Дайте угадаю: с ним его подружка – бутылка. И, скорее всего, он поменялся сменой так, чтобы оказаться вместе со своими приятелями из второй роты.

Гвардейцы отвели глаза.

– Тьма вас всех задери. Идем! Возьмите огонь.

Гвардеец снял с крюка закрытый масляный фонарь, освещавший эту часть коридора.

На стене дул ветер, и снег сыпал за шиворот, холодя спину, таял, впитывался в рубашку. Под ноги Дэйту попала недопитая бутылка вина. От касания она покатилась по камням, звеня, а затем ударилась о стенку и остановилась, не разбившись. Все трое смотрели на нее несколько мгновений, словно встретили говорящую крысу.

– Обычно они ни капли не оставляют, – пробормотал гвардеец.

Дэйт потянул носом воздух, отстегнул секиру от ремня, высвобождая лезвие из чехла, и указал на проем, ведущий в маленькую караулку:

– Посвети-ка сюда. Живее.

Солдат выполнил приказ и выругался. Тело человека с разорванной шеей валялось за бочкой, полной новых факелов. Кровь, растекшаяся под трупом и забрызгавшая стену, казалась чернилами, такой темной она была.

– Здесь еще один! Миллс. Его сапоги... – Солдат указал на ноги, торчавшие из караулки.

Дэйт ловко выудил из бочки факел, зажег его с помощью фонаря и передал солдату:

– Труби тревогу! Живо!

Воин замешкался лишь на мгновение и побежал по стене, туда, где находился сигнальный рог.

– А нам что делать, мастер?

– Искать того, кто это сделал.

– Думаете, они по пьяни что-то не поделили?

– Недопитая бутылка на троих. Слишком мало вина, чтобы лишить их мозгов.

– О, Шестеро нас спаси!.. – не сказал, а простонал гвардеец, огонь в фонаре начал менять цвет и за несколько секунд стал синим.

Из тьмы караулки вышел человек. Его лицо пряталось во мраке, но, судя по нашивкам на форменной куртке, это был кто-то из второй роты. Оставшийся с начальником охраны солдат вытянул руку с фонарем, поднимая его повыше, и они узнали Ирвета. Он почти не изменился, вот только глаза были точно черное зеркало.

Солдат швырнул в Ирвета фонарь, и тот разбился, вспыхнув вокруг человеческого тела синим огненным ореолом. Это на несколько мгновений ошеломило шаутта, и Дэйт шагнул вперед, вскидывая, а затем опуская секиру в могучем диагональном ударе.

Месяцеобразное лезвие, не встретив на пути никакого сопротивления, врезалось в шею, развалило ключицу, прошло по груди и остановилось лишь в нижних ребрах и позвонках, практически развалив тело на две неравные части.

Начальник охраны потянул древко на себя, но секира застряла намертво. В следующий миг он получил сильный удар в грудь горячей рукой, отлетел назад, к бортику и, не удержавшись, рухнул со стены во внутренний двор.

Его спасла крыша сарая, а затем глубокий снег. Несколько секунд он лежал, приходя в себя, открывая рот, словно выброшенная на лед рыба. Через противный звон в ушах пробивался басовитый рев рога, поднимавшего гарнизон.

Сев и тихо постанывая сквозь сжатые зубы, он посмотрел вверх, на стену, и увидел, что, перегнувшись через нее, на него смотрит гвардеец, который меньше минуты назад швырнул фонарь. Глаза у него оказались зеркальными.

Демон перешел из уничтоженного тела в новое.

Скривил губы в оскале, который, должно быть, означал усмешку, и, метнувшись, исчез.

Дэйт поднялся и побежал через двор к лестнице, на ходу вытаскивая кинжал.

Коридоры и залы превратились в мясную лавку. Точнее, в тюрьму, где всем заправлял ненормальный палач, считающий себя художником, а человеческую кровь и плоть своими красками. Тяжелый, приторный, вызывающий рвоту даже у опытных воинов смрад мяса и внутренностей поселился в герцогском дворце.

Оторванные конечности висели на люстрах, кровь тягучими каплями падала с потолка, собираясь в лужи.

Солдаты, слуги, благородные. Все, кто не успел спрятаться и попался на глаза шаутту, отправились на ту сторону.

В свечах, фонарях, факелах, каминах и жаровнях горело зловещее синее пламя, придавая картине бойни еще более жуткий вид.

Дэйт спешил по коридорам вместе с отрядом из девяти уцелевших гвардейцев, встреченных им по пути. Потерянную секиру он заменил протазаном, подобранным рядом с одним из тел. Когда впереди стали слышны душераздирающие крики, двое солдат не выдержали и отказались идти. Они не хотели умирать. Он их не винил. И даже не спорил. На это не было времени.

– Ваша жизнь и ваша совесть, – сказал им Дэйт на прощанье.

Остальные лишь облизывали пересохшие губы да молились Шестерым.

Шаутт нашел их сам. Возможно, это был тот же, что и прежде, вновь поменявший оболочку, но Дэйт подозревал, что демон во дворце не один. Тело, в котором была тварь, воин узнал. Видел эту невысокую светловолосую девчонку раньше. Она мелькала во дворце по утрам, растапливая камины, а все остальное время помогала на подсобных работах на кухне или во дворе. Скромная, милая и стеснительная малышка, устроенная на эту работу каким-то сердобольным родственником из города.

Сейчас она уже не выглядела тихой мышкой, и держаться от нее хотелось подальше. Окровавленный рот, подбородок и руки. Этот взгляд мог испугать кого угодно.

– Сколько желающих умереть, – сказала она голосом, от которого мороз пошел по коже, таким низким и жутким он был. – Наемся до отвала.

– Вместе! – крикнул Дэйт.

Протазан в его руках метнулся вперед в стремительном выпаде, и длинный широкий наконечник вошел под грудину, выйдя из спины, разбивая позвонки маленького тельца.

Шаутт, повисший на оружии, точно бабочка проткнутая иголкой, лишь расхохотался, а затем ударом ребра ладони перерубил древко, ничуть не смущаясь, что оно оковано.

– Железо?! Ты решил, что это меня убьет, человеке?!

Со всех сторон в него полетели склянки с козьей кровью. Большая часть не разбилась, отскочила от тела, лопнув алыми пузырями на плитах пола, но несколько снарядов угодили прямо в лицо, и шаутт, ошеломленный напором, зашатался, смахивая угодившие на глаза капли.

Дэйт крутанул сломанное древко над головой и нанес секущий удар под колени. «Девчонка» рухнула плашмя, разбив лицо, тут же начала подниматься, опершись на ладони, но начальник охраны всем своим немалым весом упал на нее, видя краем глаза, как подозрительно зашевелились тени в углах, взревел:

– Не спите, заберите вас тьма!

– Заберу! – пообещал демон, и даже здоровяк Дэйт, хоть и старался, не сумел прижать его к полу. Сил в этой твари было на десять человек.

Гвардейцы напали одновременно, и дубовые колья ударили в плоть. Шаутт взвыл, точно пес, ошпаренный кипятком, рванулся так, что сорвал хватку Дэйта, отбросив того в сторону.

Удары сыпались на него со всех сторон, люди колотили по нему с перекошенными лицами, превращая тело в бесформенное кровавое месиво. Когда у твари перестали дергаться даже пальцы, отдышавшийся Дэйт сплюнул вязкую слюну, повисшую в бороде, приказал:

– Сожгите его на хрен! Чтобы снова не ожил или не переместился в другого покойника.

Один из солдат, совсем еще мальчишка, посмотрел на мертвое лицо несчастной девчонки, затем на свои окровавленные по локоть руки, державшие казавшуюся бесполезной деревяшку, отвернулся, и его вывернуло наизнанку.

Остальные лишь глотали горькую слюну и, не веря в то, что произошло, стояли над мертвым демоном, точно оглушенные.

– Не спите! Сожгите тело!

Наконец кто-то из них очнулся, снял факел со стены, кинул на ошметки, другой солдат плеснул масло из погашенного фонаря, отшатнулся назад, когда синий огонь взметнулся вверх.

– Пошевеливаемся!! – Дэйт хлопнул в ладони. – Слышите? В западном крыле идет бой.

Они действовали по той же схеме, хотя склянок с кровью осталось всего три штуки. Одна из них разбилась о голову шаутта, ошеломив на несколько мгновений. Этого хватило, чтобы повалить его и истыкать кольями.

Затем в дело вновь пустили огонь.

В этой схватке тварь забрала с собой пятерых. Еще один гвардеец, тот самый, молодой, оказался тяжело ранен – демон оторвал ему руку возле самого плеча. Кроме начальника охраны на ногах держался лишь один солдат, и его пришлось оставить с раненым.

Бой продолжался, и вскоре Дэйту удалось собрать вокруг себя новых людей. Это были гвардейцы первой роты, которые выбежали из казармы после того, как поднялась тревога. Их раскидало по всему дворцу в скоротечных схватках, и теперь отряд почти в двадцать человек во главе со своим командиром прорывался в крыло герцога, оскальзываясь на крови и видя вокруг себя отблески синего пламени.

Возле покоев герцогини они встретили троих израненных молодых дворян. Их товарищи, разорванные на части, лежали по всему помещению. Впрочем, шаутт, сделавший это, оказался здесь же – плоть, оставшаяся от него, горела и таяла, точно воск.

– Отличная работа, господа, – оценил Дэйт. – Где ее милость?

– Уведена тайным ходом, как только поднялась тревога. Мы сделали все, как вы приказали. О Шестеро!

Три шаутта вышли в круглый зал из трех разных коридоров, перекрыв людям путь к

отступлению. Один был в теле слуги, другой – женщины, третий – первого секретаря герцога.

Дэйт даже не успел отдать команду, когда вокруг него, точно внезапная гроза, забушевала магия.

Темная магия.

Это напоминало жгуты тьмы. Черные, непроницаемые, стремительные. Один из них ударил горизонтально, по тому месту, где стояла большая часть людей. Он, точно огромный меч, прошел сквозь тела, превращая их в кровавые ошметки, походя схватив одного солдата и вышвырнув его в окно вместе с осколками стекла, впуская в помещение лютый ветер и снег.

Дэйт избежал этого страшного удара, но что-то оплело его вокруг пояса, дернуло вверх, отдавшись болью в позвоночнике. Кроме него в зале осталось лишь двое живых – потрясенный солдат, от макушки до пяток залитый кровью товарищей, и молодой дворянчик в некогда щегольском, а теперь порванном плаще.

Именно он бросился на ближайшего шаутта, с отчаянным криком, замахиваясь кинжалом. Демон дал ему ударить себя, клинок вошел глубоко в тело. Затем движением руки тварь свернула человеку шею.

Солдат упал на колени, вытянул руки, моля чудовищ о милости. Шаутт в платье благородной дамы, лицо которой было изуродовано так, что сквозь рваные щеки виднелись белые зубы, встал на колени напротив него, глядя на человека, точно на забавную игрушку.

Она надоела ему почти сразу и была сломана, а потом и разорвана, словно тонкая мутская бумага.

Начальник охраны висел в ярде над полом, связанный по рукам и ногам, будто муха, попавшая в ловушку паука. Он ничего не мог сделать с этим, а потому сыпал проклятиями.

Шаутт в теле секретаря усмехнулся:

– Все твои люди мертвы. Никто не придет спасти тебя. Время предаться отчаянию, человеку!

Дэйт десятком слов объяснил, куда может отправляться тварь со своими дружками и что там должна делать. Он забился, пытаясь вывернуться из пут, но держали его крепко.

Демон с рваными щеками, посмеиваясь, склонился над телом собрата, прогоревшим почти до костей. Оторвал от подола платья большой кусок ткани, обнажая прекрасные стройные ноги, никак не сочетающиеся с изуродованным лицом и выдавленным глазом. Обмотав руку, он выдернул из трупа обугленную дубовую палку. Кости сухо треснули, острыми осколками разлетелись по залу, чудом не задев Дэйта.

Тени в помещении удлинились, зашевелились и поползли, словно змеи. Одна из них коснулась дворянина в разорванном плаще.

Тот распахнул зеркальные глаза, глухо рыча, поднялся, причем его голова все еще продолжала смотреть за спину, повернутая в совершенно неестественном положении.

Мерный стук, раздавшийся в окровавленном дворце, был столь чужероден и нелеп, что привлек всеобщее внимание. Деревяшка стучала о плиты не ускоряясь, но и не замедляясь. Рукавичка, опираясь на посох, вышла в зал и остановилась. Дэйт хотел крикнуть ей, чтобы она бежала, но сгусток тьмы заткнул ему рот, точно кляп. Шаутты

заулыбались. Они предвкушали веселье.

– Есть здесь кто? – спросила женщина. – Помогите. Мне страшно. Я заблудилась.

– Я помогу тебе, – сказал демон. – Протяни руку. Я здесь.

– Спасибо, добрый человек, – искренне поблагодарила она его, следуя на голос. На мгновение гостья герцогини замешкалась, когда посох попал в лужу крови и звук удара изменился, но почти сразу же сделала следующий шаг.

Во всех ее движениях сквозила неуверенность, присущая слепцам, оказавшимся в незнакомой обстановке. Дэйту оставалось лишь в бессилии смотреть на то, как она идет навстречу своей смерти.

Четверо шауттов взяли ее в кольцо, беззвучно посмеиваясь.

– Что произошло? Я слышала крики. На дворец кто-то напал? – И через несколько секунд добавила: – Почему вы молчите?

Демон с разорванными щеками внезапно прищурился, подался вперед и резко крикнул:

– Ее кровь!

Посох ударил ему в лицо. Так быстро, что глаза Дэйта не успели отследить движение. Человеческая оболочка пошла складками, черный дым вырвался из множества трещин на лопнувшей коже.

И снова начальник охраны не понял, что она сделала. Ему показалась, что дотронулась до тьмы, нежно и аккуратно, проведя по ней кончиками пальцев, но эффект от этого, казалось бы, невинного движения был поразительным.

Тьма рассеялась, а из-под обездвиженного тела стала растекаться блестящая серебром лужа, так напоминающая ртуть. На открытом воздухе от нее шел пар, и на поверхности появлялись пузыри, точно жидкость кипела.

В руках трех шауттов появились тонкие антрацитовые клинки, больше похожие на несуразные бритвы. Слепая предугадывала их удары, хотя казалось, что двигается она неспешно и неловко. Но каждый раз вместо плоти мечи резали только воздух.

Дэйт следил за тем, как перемещается женщина, и пребывал в замешательстве.

Ее движения были далеки от тех, что присущи бойцам и опытным фехтовальщикам. Проявлялось в ее шажках, отступах и уклонениях что-то совершенно нелепое, казалось бы, неуклюжее, но невероятно действенное против демонов, обладающих змеиной грацией. Станный, сбивающий с толку ритм, который менялся так стремительно и внезапно, что ошеломлял атакующих.

Он бы никогда не поверил, что слепая может противостоять тварям, перед которыми пасуют зрячие, опытные воины. Но именно это сейчас происходило у него на глазах.

Вновь легкое, нежное касание пальцами, словно она имела дело не с чудовищем-людоедом, а с ребенком. И снова шаутт рухнул, а из его ушей потекла серебряная ртуть, закипающая на открытом воздухе.

Черный жгут метнулся через весь зал, собираясь поразить ее в спину, но женщина отбила эту атаку двумя круговыми движениями посоха. Тот издал сухой треск, точно ветка, и тиски, сковывающие Дэйта, развеялись, будто тень, попавшая на яркое солнце.

Падая, он сумел удержаться на ногах, а когда поднял глаза, еще один шаутт был повержен. Последний, тот самый дворянин со сломанной шеей, обратился в бегство, нырнув в ближайший коридор.

Дэйт кинулся за ним, но дорогу ему преградил выставленный посох:

– Оставьте. Его уже нет в нашем мире. Он ушел.

– Есть и другие.

Рукавичка повернула к нему лицо с повязкой на глазах:

– Мастер Дэйт? Так и поняла, что это вы. Знаю. Я чувствую их присутствие.

– Надо помочь его милости и ребенку. Дорога каждая минута.

– Уже помогла. Они в безопасности. Не волнуйтесь. – Дышала женщина тяжело, и Дэйт с некоторым облегчением подумал, что она тоже не всесильна, несмотря на то что обладает таким могуществом. – Отведи меня к тем, кто заперт в человеческих телах.

Она протянула к нему руку, и он взял ее в свою ладонь, вновь почувствовав, насколько холодны пальцы той, кто называет себя асторэ.

– Спасибо, – сказал Дэйт, и брови над повязкой поднялись в жесте удивления.

– За то, что спасла вам жизнь, мастер? Это не стоит благодарности. Мой долг и обязанность перед Вэйрэном – поступать именно так. Изгонять тьму. Защищать людей.

– Я благодарил не за свое спасение. За то, что в живых остался герцог и его семья.

Ее бледные губы на мгновение сжались, и женщина печально вздохнула:

– Да. Они выжили. Но вокруг нас слишком много тех, кто не увидит новый день. Я чувствую запах крови. Мне не удалось спасти всех, кто этого заслуживал.

Рассвет был тягостным и снежным. Над замком, над башнями Калав-им-тарка, над Шарудом и снежными пиками поднимался дым от огромных погребальных костров.

Дэйт бросил взгляд выше вершин, отмечая, где находится спрятавшееся за густыми облаками солнце, вздохнул и, отойдя от окна, постучал в дверь. Ему открыли, и караульные встали навытяжку.

– Пора, – коротко сказал он.

Пошел первым, показывая дорогу, слушая мерное, успокаивающее постукивание посоха. Начальник охраны чувствовал странное умиротворение, а еще надежду от того, что Рукавичка рядом.

И не только он один.

Дворец приводили в порядок после Ночи Синего Огня. Дэйт даже не стал гадать, кто ее так называл, но название с огромной скоростью распространилось по замку. Впрочем, как и слухи.

Люди знали, кому они обязаны своим спасением. Напряжение, что властвовало здесь почти месяц, схлынуло, и вокруг витало ощущение пробудившейся надежды.

Их провожали взглядами, шептались за спиной. Но никто не смотрел мрачно или с испугом. Хотя, казалось бы, они должны бояться чуждого, отличного от них. Ту, кто на самом деле не человек, а асторэ. Нищенку, калеку, женщину, способную остановить шауттов.

Дэйт подозревал, что, возможно, когда эйфория пройдет, они начнут бояться, считать ее злом. Но сейчас, после того как наступило утро, а все девять шауттов, пришедших в замок герцога, убиты, они радовались. Ибо избавились от вгрызающегося в кости страха, и у них появилась вера в победу над чудовищами.

Один из дворян, встретившихся на их пути, с повязкой на голове и перевязанной ладонью левой руки, поклонился, приветствуя ее и даже не думая о том, что та не может видеть его.

Фрейлина герцогини бросилась к ним:

– Госпожа! Простите. Позвольте.

Прежде чем кто-то успел опомниться, она поцеловала руку слепой.

– Я недостойна, – произнесла Рукавичка, но улыбнулась. – Вам не за что меня благодарить. Я всего лишь служу Вэйрэну.

Дэйт увидел, что и другие, осмелев, начали подходить к ним, чтобы выразить свою благодарность и почтение.

– Не сейчас! – сказал он, повысив голос. – Ее милость ждет свою гостью!

Герцогиня была бледной, с темными кругами под глазами, и выглядела уставшей. Бессонная ночь и переживания сделали свое дело. Герцог сидел в глубоком кресле, мрачный и осунувшийся. На правой половине его лица красовался огромный кровоподтек и множество глубоких царапин из-за разбившегося стекла, на которое он упал, защищая сына. Смотрел его милость на мир волком и грел ладони кружкой с горячим вином и специями.

Герцогиня тоже налила вина и, к немалому удивлению Дэйта, протянула кубок ему. Это было впервые на его памяти, и он, несмотря на раннее утро, не стал отказываться, чтобы не обидеть ее.

Наверное, на его лице все же что-то мелькнуло, потому что госпожа без всякого намека на улыбку произнесла:

– Мой дед был великим человеком. Стилетом Пустыни называли его друзья. Палачом Эль-Аса и Убийцей сотен жен – враги. Он сказал то, о чем я всегда помню: лишь верные люди делают тебя тем, кто ты есть. Даже если они не всегда тебе нравятся. Я исправляю свою ошибку.

Уголки губ герцога тронула победная ухмылка. Впрочем, он тут же занялся вином, спрятав ее за кружкой.

– Мне рассказали, что ты сделал этой ночью. – Ее черные, красивые брови приподнялись едва заметно. – И как сражался за мою семью... Что же касается тебя, Рукавичка, то наша благодарность несоизмерима всем словам, которые мы скажем. Есть что-то, что мы можем сделать для тебя?

– Мне ничего не надо. Я следую воле того, кого вы называете Темным Наездником. Если я больше не нужна вашей милости, то хотела бы попросить довести меня до города.

Герцог развел руками:

- Будь на твоём месте кто-то иной, он уже требовал бы денег, влияния и земель.
- Слепым это не нужно, ваша милость. Я сделала то, для чего была рождена.
- Ты знаешь, почему они приходили? Почему мы? Почему мои дети?
- Да, ваша милость. Все дело в крови, что есть в вашей супруге.

Герцогиня нахмурилась:

- И что не так в моей крови?

Гостья выглядела удивленной:

- Я думала, вы знаете. Она такая же, как моя. Ваши предки были асторэ, и сила, которая есть в вас, спит, но вот в ваших детях она может проснуться, а шаутты... шаутты не любят таких, как мы. Асторэ опасны для них.
- Ты хочешь сказать, что мой сын может стать таким же, как ты? Уничтожать тьму той стороны?
- Да, – просто и уверенно произнесла та. – Через пять или десять лет. Когда вырастет. Мир изменился. Демоны снова среди нас. И древняя кровь начала пробуждаться. Есть лишь одно «но». Без помощи Вэйрэна, любви и верности ему магия продолжит спать.
- А значит, ему опять грозит опасность, – заключил герцог. – Я не стану поклоняться новому богу. У меня есть Шестеро. Но я не против, если ты начнешь учить моего сына. И я хотел бы, чтобы ты осталась.
- Если таково желание вашей милости. Я благодарю за кров и пищу. Но должна предупредить вас, что у шауттов есть и слуги. Вэйрэн говорит со мной об этом. Враги окружают вашу страну. И в скором будущем сражаться придется не только с чудовищами мрака, но и с обычными людьми. Лишь с помощью Вэйрэна можно спасти этот мир и удержать свет. Вам придется готовиться к войне, ваша милость. Она рано или поздно случится.

Герцог долго молчал, а затем произнес сурово:

- К войне я всегда готов.

Глава десятая

Новый путь

Наших моряков считают суеверными, но их традиции не идут ни в какое сравнение с суевериями южан. Особенно этим славятся живущие на Дельфине, в Соланке. Однажды я застрял в порту Филгама на два месяца, потому что корабли просто перестали ходить. Гадалки, которые там имеют очень большое влияние, все время пророчили то плохой ветер, то туманные ночи, то шауттов в воде. С этим народом решительно ничего нельзя было сделать. Ни уговорить, ни заплатить. В итоге, когда я вышел в море, на

середине пути капитан изменил курс. И вместо Пубира мы отправились в Вьено, на другой конец Лазоревого моря. Для южан изменить путь как нечего делать. И плевать им на убытки честных людей.

Жалоба купца первой гильдии господина Эр Ленца Торговому Союзу Давора.

923 год после Катаклизма

Запах весны опьянял. Шерон никак не могла к нему привыкнуть и полной грудью вдыхала хрустальный воздух, наполненный запахом прогревающейся земли и пробуждающейся листвы.

Небо было высоким, с перистыми облаками на закате, горящими пурпуром в лучах заходящего солнца. Вода казалась девушке вкуса меда и фиалки, а ветер был столь ласков и нежен, что время от времени ей приходилось напоминать себе о том, что сейчас лишь конец месяца Ворона.

Лавиани, видя, как ошеломлена указывающая, лишь посмеивалась, а Мильвио однажды сказал:

– Это последствия Катаклизма. Хоть что-то от него хорошее. Бывают годы, когда на западе лютует зима, а за Мышиные горы она словно забыла дорогу. Здесь осень превращается в раннюю весну, растянутую на несколько месяцев.

– Период долгой весны востока худшее время для цирковых. Даже хуже, чем зима и дождливая осень. Фургоны по бездорожью ползут неделями, – посетовал Тэо.

Шерон готова была ползти годами, лишь бы никакой вьюги и сугробов. Зима, едва успев начаться, глубоко ей опротивела. Она с содроганием вспоминала переход через горы.

Теперь вершины остались далеко позади, и видно их было лишь в очень хорошую погоду, на самом горизонте. Ровная белая линия, которую можно спутать с облаками.

Когда они только спустились в долину, указывающая не удержалась и обернулась. Последняя из опорных башен Тропы Любви нелюдимым горбатым великаном выглядывала из-за скалистого склона, провожая их. Девушка подумала, что романтическое название крепости совершенно не подходит тому мрачному кошмару, с которым им довелось столкнуться в сердце тьмы.

Когда она увидела, с кем сражаются Мильвио и Лавиани, то сразу поняла, что это такое... кто такой, и испугалась. Что ее сил и опыта не хватит остановить древнее создание.

Ее друзья так и не поняли, чего ей стоила скоротечная схватка. Он был невероятно силен. Сильнее шаутта на Талорисе, сильнее дробителя костей и всех заблудившихся, которых она уничтожала до этого. Еще несколько месяцев назад Шерон бы не смогла отправить подобное создание на ту сторону, но после Талориса, с тем, что иногда пробуждалось в ней, все изменилось.

Тэо слушал их историю, округлив глаза, а затем сказал:

– Кам... Тот самый Кам, которого называли Горящим Орлом, Властителем Севера? Немыслимо. Вы уверены?

Мильвио протянул ему золотой медальон, снятый с ученика Скованного:

– Ты интересуешься старыми вещами. Что скажешь об этом?

– Как на фреске. Да. Кажется, вы победили великого волшебника.

– Мы победили то, что когда-то было великим волшебником, – поправила его Шерон. – Остается порадоваться, что Тион забрал магию из нашего мира. Если бы мертвый использовал не только алебарду, но и волшебство, боюсь, с нами бы ты точно уже не разговаривал. Вы не задумывались, почему он тысячу лет бродил в подземелье, когда в любой момент мог выбраться наружу?

Мильвио провел рукой по отросшей щетине, которая уже начала превращаться в бороду:

– Кто поймет, что в голове у мертвого? Быть может, его что-то держало? А может, он ожил лишь после того, как в башне произошел обвал, и это его разбудило. Скажи, Тэо, сколько может стоить эта золотая безделушка?

– Не знаю, – повертев в руках трофей, ответил Пружина. – Много. Чистое золото, довольно тяжелая. И к тому же древность. Видно, что сделано ювелирами до Катаклизма. Я сталкивался лишь с одной штукой подобного качества. Золотым кольцом. Его продали коллекционеру за девяносто марок. Кому-то таких денег хватит на восемь лет безбедной жизни. Этот же... он куда больше кольца, и работа очень качественная. Думаю, легко может потянуть на пару сотен. Но найти того, кто заплатит такую цену, будет непросто. Подобные деньги есть не у всех. Лишь вельможи, возможно.

– Вельможи скорее отождут его, а тебя бросят в реку. Особенно если сказать, что эта вещь принадлежала великому волшебнику, – фыркнула Лавиани.

– Сказать можно все что угодно, сиора. В мире полно вещей, которые принадлежали великим волшебникам. В любой лавке, в любом городе найдутся башмаки Тиона, или пуговица Войса, или заколка Лавьенды. А если надо, то продавец и бумагу нужную выдаст, вместе с мечом таувина в нагрузку.

Сойка расхохоталась:

– Понимаю, к чему ты клонишь. Такой важный документ можно повесить над камином и хвастаться перед знакомыми, что ты владелец любимого исподнего Скованного. На мой взгляд, лучший вариант – расплавить эту побрякушку, превратить в обычное золото и сбавить скупщикам краденого. Вопросов меньше и внимания.

– И денег, – не согласился Тэо. – За расплавленный кусок золота ты не получишь две сотни марок.

– Ну, тогда отправляйся в ближайший герцогский дворец. Если там тебе не отрежут язык, сочтя лжецом, можно здорово нажиться. Только монеты будешь таскать сам. Я не нанималась волочить на своем хребте лишний вес. Да еще такой.

– Вам не кажется, что Мильвио решать, что сделать с этой вещью? – тактично намекнула Шерон.

– Вот уж дудки! – возмутилась Лавиани. – А я что, по-твоему, напрасно уродовалась, убивая эту поганую тварь?!

Мильвио рассмеялся:

– Не волнуйся, сиора! Деньги мы поделим честно. Вам понадобятся монеты для долгого путешествия.

– Вот, девочка. Полюбуйся. Мальчик разумен и справедлив. Не то что ты.

Тэо с улыбкой протянул медальон южанину, но тот отмахнулся:

- Ты в этом разбираешься лучше. И знаешь покупателей. Тебе и продавать.
- Такое не сбудешь в ближайшей деревне. Я знаю хорошего антиквара в Мерени.
- Пойдешь продавать, не забудь позвать нас с собой, – предупредила Лавиани, шедшая по обочине дороги.

Тэо покосился на нее:

- Уж ты-то не думаешь, что я сбегу с деньгами?
- Я никогда не считала тебя плутом, мальчик. Но наивным дураком – да. Не хочу, чтобы у тебя отобрали эту штуку вместе с головой. Или просто не дали денег. Поэтому если такое случится, то я и Фламинго объясним нехорошим людям, какие они гадкие и нехорошие.
- Ты вознесла мою самооценку на недостижимую высоту.
- Всегда пожалуйста.

Шерон и Тэо переглянулись, словно ослышались, а Лавиани, поняв, что сказала «пожалуйста», слово, которым она себя не часто обременяла, недовольно поджала губы.

На этой стороне Мышиных гор про рейд ловчих слышали лишь краем уха от тех счастливиц, кто успел преодолеть перевалы. Беспокоились о случившемся в соседнем герцогстве мало – в Накун дикари никогда не приходили, а оттого ворота в маленьких приграничных городках всегда оставались открыты.

Мирная жизнь шла неспешно, как и всегда в подобных местах.

В первом же городке Мильвио купил себе сумку взамен утраченной в крепости. Перебрасывая ее через плечо, он сказал:

- Ничуть не хуже прежней.
- Мне очень жаль, что ты потерял ее. – Шерон отправилась за покупкой вместе с ним, оставив Лавиани и Тэо на постоялом дворе.
- Это мелочь по сравнению с настоящими бедами человечества. Я потерял лишь часть личных вещей, старую кольчугу да немного монет. Ничего такого, без чего бы не смог жить дальше. Я рад, что это всего лишь барахло, а не твоя жизнь или жизнь Тэо. Судя по вашим рассказам, люди, с которыми вы столкнулись, очень опасны.
- Надеюсь, мы никогда их больше не встретим.

Он улыбнулся Шерон и подал ей руку, предлагая прогуляться по улице.

- В нашем большом мире часто попадают те, кого лучше не знать. Особенно в больших городах. Летос, несмотря на жестокость ночи, милое место. Люди там добры к чужакам и, оказываясь на большой земле, остаются все так же... – Мечник помолчал, подбирая слово. – Наивны. Но город – жестокий край. Ничуть не менее жестокий, чем тракт, на котором промышляют разбойники. Или лес, в котором живут чудовища. Ты должна помнить об этом. Пообещай мне.

Она посмотрела на него немного удивленно:

– Хорошо. Обещаю помнить. У тебя есть повод беспокоиться?

– Конечно, – уверенно ответил он. – Я всегда беспокоюсь за своих друзей.

– Не думаю, что мне грозит опасность, когда ты и Лавиани рядом. Что? – Она заметила, как изменилось его лицо. – Я что-то не то сказала?

Мильвио грустно улыбнулся:

– Рядом я буду не всегда.

Она сразу поняла и не стала скрывать огорчения:

– Тебе пора уходить?

– К сожалению, наши пути расходятся. – Треттинец отвел взгляд. – Вы двигаетесь на восток, к Лоскутному королевству. Мне же надо переплыть Бренн. Пора отправляться на юг.

– Но разве ты не собирался к Рубежу?

– Собирался. А еще в Туманный лес и на границу с Северным смерчем, а потом в Алагорию, Дагевар и Кариф. Но всегда приходится выбирать из множества вариантов.

Шерон вздохнула:

– Я понимаю. Именно поэтому ты отдал золотого орла Тэо? Ведь ты не будешь с нами до Мерени.

– Прости.

– Но деньги...

– Деньги, моя дорогая сиора, не самое важное в жизни. Я всегда могу их заработать мечом, дав несколько уроков детям благородных господ. А вам они понадобятся. Путешествие выйдет длительным и чем дальше на восток, тем более опасным. Поэтому я и прошу тебя быть осторожной и беречь себя.

– И вновь я обещаю.

Они остановились рядом с кондитерской лавкой, и Мильвио, достав из кармана мелочь, купил огромный крендель с засахаренными абрикосами и с улыбкой протянул ей:

– Это хоть как-то послужит извинением моему уходу?

Девушка рассмеялась, принимая угощение:

– Даже не знаю, что тебе сказать. Ты никогда не спрашивал про Тиона и наши цели. Почему?

Его зеленые глаза скользнули по едва начавшим распускаться цветам, растущим в горшочках на балконах вторых этажей:

– Я очень любопытен, Шерон. Поверь, ты еще не встречала более любопытного человека, чем я. Но меня воспитали так, чтобы мой порок не мешал другим. Так что я не досаждаю своим знакомым.

- А если знакомые рады тебе рассказать? Ведь я обещала это сделать еще на Тропе.
- Секреты я хранить умею.

- Да послушай же ты его! – не выдержала указывающая, повысив голос.

Это было так ей несвойственно, что Лавиани прикусила язык. Тэо сидел на подоконнике, глядя на свое бледное отражение в открытой створке окна, и покачивал ногой.

- Спасибо, – откашлялся Мильвио. – Повторюсь. Если все, что сказала Шерон, правда...

Лавиани тут же скривилась, и мечник поправился:

- Если Шерон думает, что все рассказанное – правда и Тион действительно жив...
- Жив. Как Скованный. Или Кам, которого мы с тобой пытались прикончить, Фламинго!

Она поймала раздраженный взгляд указывающей и вновь замолчала.

- Ну так вот. Если все так и есть. Если великий волшебник до сих пор бродит по трактам нашего мира, то я не понимаю, почему ты выбрала Рубеж как отправную точку?

- Он меня специально выводит? – спросила у потолка Лавиани тоном почти умоляющим.
- Откуда этот парень вообще свалился на наши головы? Чем я провинилась, а? Ну убила парочку злодеев, украла несколько монеток, побила кой-кого, когда была в плохом настроении, но это ведь не повод наказывать меня столь жестоко и неотвратимо!

Она несколько раз громко щелкнула пальцами, привлекая внимание Мильвио:

- Для тех, кто парит в небе, – вопрос не ко мне. Я не знаю всяких дурных сказок про Тиона, Шестерых или асторэ. Поэтому путь выбирала не я, Фламинго. Не имею ни малейшего понятия, где может болтаться ученик Скованного.

- Существует много легенд о том, что случилось сразу после Катаклизма. В разных герцогствах, у разных народов, – негромко сказал Тэо, обращаясь к Мильвио. – Тиона после случившегося видели во многих местах. Он помогал бороться с пожарами в Севуре[12], сражался в Битве Восьми Камней[13] под Лентром, усмирал огненный ветер на стенах Эль-Аса. Тион отказался от магии, но ничто не уходит мгновенно и бесследно. Пока у него оставались силы, ученик Скованного пытался помогать людям, выжившим после Катаклизма. Но все легенды сходятся в одном – затем он ушел на восток. К Рубежу. Бился плечом к плечу с последними таувинами против шауттов и мэлгов. Всегда говорили, что именно там он и погиб. На Рубеже. Хотя некоторые считали, что в Пустыни.

- Погиб? – поднял брови Мильвио.

- После Рубежа его больше не видели. И не было никаких историй. – Шерон села на старый стул, не желая стоять в дверях. – А значит, именно оттуда следует начинать поиски. Искать его следы, возможно, какие-то свидетельства в замках Белого пламени.

- Уцелевших замков двадцать четыре. И больше пятидесяти в руинах. И первый от последнего в сотнях лиг. Иголka в стоге сена.

- Что ты предлагаешь? Сидеть тут и чесать языком? – беззлобно полюбопытствовала Лавиани. – Историю девочки ты теперь знаешь. Судя по твоему лицу, веришь ей. Так какой у нее выход? Либо все бросить и оставить своего выкормыша на милость

Скованного, либо искать следы великого волшебника на Рубеже.

– Читали «Хронику Золотого королевства»? – Мильвио увидел, что все отрицательно покачали головами. – Автор пережил Катаклизм и был одним из летописцев той страны.

– Золотое королевство? – нахмурилась Лавиани. – Впервые о таком слышу.

– Почти двести лет Накун, Алагория и Нейкская марка были единой страной, которую современники называли Золотым королевством, – объяснила ей Шерон.

– Все так, – подтвердил мечник. – Самое могучее государство севера после Единого королевства.

– Пока его не расколола междоусобица.

– Правильно, Тэо. Так вот, автор «Хроник» утверждал, что лично встречался с Тионом через долгих десять лет после того, как Рубеж был укреплен и угроза вторжения темных тварей миновала.

– Писака, – презрительно скривилась сойка. – Все писаки те еще вруны. Чего всего лишь Тион? Сразу бы написал, что к нему на бокальчик вина нагрянули все Шестеро вкупе с асторэ. И принесли клубничный кекс. Ты же знаешь, сколько в книгах лжи.

– Знаю, – не стал отрицать Мильвио. – Но эта книга уважаема среди историков. Каренский университет, библиотека Туреса, не говоря уже об ученых мужах Рионы – все они считают ее важным историческим документом, а человека, написавшего ее, крайне честным и скрупулезным.

– Что так? – Лавиани его слова не очень убедили.

Треттинец усмехнулся:

– Потому что именно он составил самый подробный перечень случившегося за время долгой Войны Гнева. Догадайся, от кого он узнал о тех событиях?

Осененный догадкой Тэо едва не подскочил на подоконнике:

– Ему рассказал Тион!

– Так считается.

– Эту книгу можно найти?

– Если отправиться в Карен или Риону. Там есть копии. На старом наречии.

– Карен? – Вид у Лавиани был такой, словно она съела лимон. – Это переть в обратном направлении, вновь через горы, опять через зиму. Что-то не слишком радует подобная перспектива в моей жизни.

– Не требуется никуда ехать, – утешил ее Мильвио. – Пока я служил герцогу Рионы, успел перечитать много интересных вещей из его библиотеки.

– Странно. Ты не похож на книжного червя.

– Ну и ты на первый взгляд не похожа на человека, способного противостоять Каму.

– Это он тебя здорово поймал, – одобрил Тэо.

– Заткнись, – без всякого раздражения попросила Лавиани. – Ты что, знаешь старое

наречие?

– Да.

– Ладно. Предположим, что твой историк не врет, Фламинго. И он на самом деле видел человека, и тот на самом деле был Тионом, а не самозванцем, который обвел писаку вокруг пальца. Выходит, Рубеж не последнее место, где встречали великого волшебника. И именно поэтому ты посоветовал Шерон изменить наш путь. Только вы так и не успели сказать, куда же нам идти. Надеюсь, это не Проклятые острова и не Черная земля?

– Шой-ри-Тэйран, – негромко произнесла указывающая.

Тэо протяжно присвистнул и, видя, что сойка не понимает, о чем идет речь, пояснил:

– Последний из городов, отстроенный эйвами в позапрошлую эпоху. Он в запустении еще с тех пор, как дети асторэ ушли глубоко под сень леса.

– То есть сейчас от него осталась пара камней, если повезет.

– Отчего же? Он цел. Хотя там редко кто бывает, места дикие, и нормальных дорог нет. – Акробат вздохнул. – Чтобы найти его, потребуется много сил и времени.

– Опять заброшенный город, – проворчала сойка. – Мало нам было Талориса?

– Там нет зла, – произнес Мильвио.

– А ты как будто там был, Фламинго, чтобы утверждать подобное!

– Всем известно, – заметил мечник, – что созданное эйвами отталкивает зло.

– Ты готов за это поручиться? Вот приходим мы туда, а ты такой – извини, Лавиани, я не учел, что чудовище, которое тебя пережевывает в кашу, не знало о том, что оно боится каких-то тысячу лет назад сдохших эйвов!

Тэо кашлянул в кулак, чтобы скрыть смехок:

– Он прав. Риния построена на развалинах города эйвов, и ни один шаутт за почти десять тысяч лет не подошел к ее стенам ближе чем на лигу. Значит, Шой-ри-Тэйрана это тоже касается.

– Уже хоть что-то. – Оптимизма в голосе вечного скептика прибавилось. – И где нам искать эти безопасные развалины?

– Где-то между Лоскутным королевством и Нейкской маркой. На правом берегу Бренна. Это все, что я знаю, – развел руками Тэо. – Про Шой-ри-Тэйран сложено много песен. Кристальный город, прекрасный на рассвете и закате, где эйвы жили веками и куда приходили люди, в том числе и волшебники, чтобы насладиться красотой этого необычного места. Город, где Нейси встретила и потеряла свою первую любовь.

– Оставим слащавые песни для походных костров, – отмахнулась сойка. – «Между Лоскутным и Маркой» это разговор ни о чем. Точно так же я могу сказать: ищите меня в Соланке. Есть что-то более конкретное?

– По легендам я знаю, что этот город в лесу, – сказала Шерон.

– Тут выйди за городские стены – везде лес. Нам это мало чем поможет.

Тэо покосился на Мильвио. Теперь тот улыбнулся:

- Вообще-то она говорит про довольно конкретный лес. Тэй-ри-Велинта.
- А на человеческом языке?
- Мы называем его Туманным.

Она уставилась на Пружину, чувствуя, как от нахлынувшего раздражения внутри нее закипает буря, и произнесла почти что по слогам:

- Я была в Туманном лесу. Там сотни лиг деревьев, он растет на территории четырех герцогств. Как ты предлагаешь, умник, искать в нем город эйвов? Если эти самые эйвы прячутся в нем от нас уже тысячу лет и их никто не видит? Если, конечно, еще не передохли с тоски.

- Есть ориентир – Бренн. Город, поглощенный деревьями, недалеко от реки, – напомнил ей Мильвио.

Шерон с сожалением провела рукой по своим волосам:

- В том-то и беда. А если лес тянется вдоль берега десять лиг? Двадцать? Пятьдесят? И это «недалеко» может быть в десяти минутах пути, а может – в двадцати днях.

- Везде живут люди. Кто-то что-то может помнить. – Тэо поймал скептический взгляд Лавиани. – Ну должны же мы хоть от чего-то отталкиваться.

- Шаутт с тобой, мальчик, – сдалась та. – Тион вас точно там ждать не станет. Не понимаю, что вы рассчитываете найти в заросших корнями развалинах, но ладно. Давайте голосовать. Меняем Рубеж на новую цель?

- Да, – высказала свое мнение Шерон. – Меняем. Тэо?

- В любом случае это ближе Рубежа. Я – за. А ты, Мильвио?

- Кхм... – смутился мечник.

- У него иные планы, – чувствуя его неловкость, ответила Шерон. – Мильвио уходит.

Лавиани скривилась и сказала со странной миной:

- Все вы, южане, одинаковые, Фламинго. Вечно у вас появляются дела в самое неподходящее время.

Когда Лавиани собиралась на улицу, Тэо, вцепившийся пальцами в потолочную балку и равномерно подтягивающийся на ней, бросил:

- Ты как будто расстроена тем, что он уходит.

Лавиани посмотрела вверх, подавив желание схватить его за ногу и дернуть вниз, хорошенько шмякнув головой о мебель.

- Нельзя быть расстроенным оттого, что заноза, впившаяся тебе в задницу, благополучно извлечена. Я не из тех сентиментальных личностей, кто печалится по расставанию с малознакомыми людьми. Но стоит признать, что я порядком раздражена. Исключительно из своих шкурных, низменных, человеческих интересов, которые шепчут мне в оба уха, что терять хороший меч всегда неразумно. Даже если его владелец болтливый южанин.

– Не сказал бы я, что он так уж болтлив. – Акробат закончил разминку, легко прыгнув вниз.

– Ну, если сравнивать с тобой, то Фламинго молчалив точно камень. Не скучайте без меня.

– Не будешь с ним прощаться?

– В моих планах нет пункта: «Помахать платочком вслед уходящему герою». – Она сражалась со шнурками куртки, а затем ушла, что-то бормоча, на ходу заплетая белые волосы в косу, а акробат, вздохнув, сел прямо на пол.

Он уже несколько дней чувствовал странное онемение в спине, которое часто распространялось теперь не только на руку, но и на левую ногу. И сны опять вернулись, хорошо хоть не прежние кошмары.

Снова водопад, но на этот раз не чудовищный Брюллендефоссен. И башен Калав-им-тарк там тоже не было. Ни их, ни натянутой золотой струны, ни ветра, ни горящего одинокого окна.

Вокруг лишь приглушенный зеленоватый свет, тенистые укромные уголки, шершавые корни, пахнущие влажной землей и дубом.

Пружина шел босиком по старым листьям, слыша журчание воды. Она широким потоком стекала со стены, покрытой густым слоем влажного мха, и падала в круглый бассейн.

Сверху, с потолка, сквозь листву деревьев лился изумрудный солнечный свет. Он, точно расщепленные лучины, играл на воде, и камни, которыми было выложено дно бассейна, то и дело посверкивали золотыми искорками вкраплений драгоценного металла.

Блики плясали на каменных стенах лесного грота, и Тэо чувствовал умиротворение. Он понимал, что находится в безопасности. И знал, что кроме него здесь есть кто-то еще. Там, в дальней тенистой нише, скрытой от его глаз занавесью из плюща, опускающейся до самой земли. Кто-то большой, странный, незнакомый и, возможно... не существующий на самом деле.

Странно, но Пружину этот некто совершенно не беспокоил. Все его внимание занимала вода в бассейне. Он хотел опустить туда зудящую от боли левую руку и не сопротивлялся своему желанию. Как только Тэо это делал, наступало облегчение, боль в спине стихала, и циркач, счастливо вздохнув, просыпался.

– Хорошо бы и в жизни так было, – прошептал акробат, вставая с пола после того, как приступ слабости миновал.

Следующие несколько часов он сидел на улице, забравшись на вершину поленницы и щурясь от яркого солнца, предавался безделью, просто наслаждаясь моментом, вполне здраво понимая, что с каждым днем их у него будет все меньше.

Порой Тэо сам себе удивлялся – он любил жизнь и теперь, понимая, что потерял ее, не чувствовал ужаса от того, что умрет. Страх, поселившийся в нем и просыпавшийся в самый мрачный час, был лишь о том, что он потеряет себя. Станет пустым. Его личность исчезнет. Не останется ни опыта, ни памяти, ни любви, ни радости. Не будет того, что делает его самим собой.

Он превратится в чудовище.

И именно это пугало его до холодных мурашек. А еще то, что он может причинить вред

своим друзьям и всем тем, кто окажется рядом с ним.

Иногда Тэо замечал, как на него смотрит Лавиани. Он понимал этот взгляд гораздо лучше, чем ей бы хотелось.

Довольно часто сойка вела себя невыносимо, точно раздраженный еж, норовящий ткнуть своими иглами в любого оказавшегося поблизости. Но вместе с тем акробат знал, что на нее можно рассчитывать и, несмотря на всю свою нелюдимость, Лавиани не допустит того, чтобы он стал пустым. Убьет его прежде, чем он кому-нибудь причинит вред.

Это вселяло в него уверенность в завтрашнем дне.

Мильвио появился с собранной в дорогу сумкой. Шерон стояла возле ворот постоянного двора, наблюдая за тем, как отряд солдат в цветах гвардии накунского герцога на запыленных лошадях возвращается в свои казармы. Один из них заметил, что девушка смотрит на него, улыбнулся. Но улыбка получилась усталой. Люди, как и лошади, выглядели измученными долгим переходом.

Мильвио тем временем переговорил с Тэо, крепко пожал ему руку и направился к указывающей. Он избавился от своего теплого плаща с воротником, продал не торгуясь, словно вещь не представляла для него никакой ценности, и вновь был в своей короткой кожаной куртке рыжеватого цвета, со стальными заклепками и двумя рядами крупных медных пуговиц. Той самой, с надорванным и плохо зашитым рукавом, в которой она увидела его в первый раз на пароме Скелы. Черная лента, перевязывавшая его светлые волосы, сейчас показалась ей траурной.

Они стояли несколько минут, провожая взглядом колонну всадников.

– Откуда они приехали? – спросила Шерон, чтобы хоть как-то нарушить молчание.

– С охраны границ вдоль Северного смерча, я полагаю.

– Разве в тех землях есть жизнь? Разве бродящий ветер не снимает плоть с костей тех, кто окажется у него на пути?

– Я никогда не забирался так далеко на север. Но по своему опыту могу сказать, что везде есть жизнь. Люди приспосабливаются ко всему, даже к кошмару Смерчей. Но охраняют границы вовсе не от человека. В море Скованного проходит сильное течение. Если бросить на восточном берегу Пустыни щепку, то ее принесет к побережью Накуна, как раз недалеко от границы с Северным смерчем. Иногда мэлги пользуются этой дорогой, чтобы отведать человечины. Гораздо менее рискованный вариант, чем пытаться пройти охраняемый Рубеж. Кое-кто из них строит плоты, кто-то плывет на бревне. Большинство, слава Шестерым, погибает, не успев достичь обжитых земель, но единицам везет. И если их не остановить, то они могут причинить множество бед в деревушках, на фермах и в охотничьих лагерях.

– И часто такое происходит?

Последний из всадников скрылся за домами.

– Полноценных рейдов не было давно, но солдаты все равно обходят побережье и если кого-то находят, то сразу убивают. Как я понимаю, новости о том, что случается на берегу, остаются среди морской пены, водорослей, камней и чаек. Советники герцога считают, что подданные должны жить спокойной жизнью и не стоит тревожить их темными вестями.

– Глупо говорить ребенку, что синий фонарь горит возле дома только для красоты, –

неодобрительно произнесла Шерон. – Желание спрятать правду ради спокойствия других приведет к большой беде. Рано или поздно ребенок выйдет на улицу ночью, откроет дверь дома, в который не стоит заходить без указывающего, и заблудившийся растерзает его.

– Я понимаю твою аналогию. – Мильвио положил руку ей на плечо. – И ты конечно же права. Лучше знать о зле, что прячется за твоим забором, и быть готовым противостоять ему, чем испытывать удивление в последние секунды жизни.

– Но?... – Она почувствовала недосказанность в его фразе.

– Но меч обоюдоострое оружие, Шерон. Иногда честность приносит зла куда больше, чем неведение. Я ничуть не оправдываю то, как ведутся дела в Накуне, но верное решение всегда дается непросто. Очень тонкая грань между добром и злом. И порой мы не знаем, какое действие приведет к злу, а какое к добру.

Она задумалась на мгновение:

– Разве истина не дает человеку больше возможностей в его жизни, чем ложь? Разве факел в руке в ночном лесу это не благо? Ведь только свет спасет путника от камня под ногой, споткнувшись о который он упадет в овраг.

Мильвио убрал руку, вздохнул, глядя куда-то в сторону:

– Свет, к моему сожалению, Шерон, не является таким же полноценным благом, как и правда. В ночном лесу он может как спасти, так и приманить тех, кто во мраке тебя никогда бы не заметил.

Шерон нахмурилась:

– Так какой же вариант ты предлагаешь? Сидеть дома?

Он хмыкнул:

– Сидеть дома – это точно не для нас с тобой, сиора. Мы как раз из тех людей, что пойдут в ночной лес с огнем или без огня ради наших целей. И для спасения тех, кто нуждается в помощи. Так что я не предлагаю тебе никаких вариантов. Каждый из нас должен сам выбрать, с чем, как и когда он ступит на лесную тропинку. И те последствия, которые повлечет наше решение, будут с нами до конца жизни. Длинной или короткой, это уже как повезет.

Они помолчали, слушая щебетание птиц на крышах. Каждый знал, что будет дальше, и не слишком-то хотел этого. Тэо слез с поленницы и ушел, решив, что сейчас он здесь абсолютно лишний. А остальные люди, приезжающие и уезжающие с постоянного двора, не обращали внимания на пару.

– Останься. – Шерон сама не поняла, как решилась произнести это.

Мильвио грустно улыбнулся, но не успел ответить, как она продолжила. Отчаянно. С напором.

– Останься! Ты же сам говорил недавно, что тебе все равно, куда ехать. А нам... мне... ты нужен. Я знаю, как это звучит. Очень эгоистично. Словно ты какая-то вещь, и я пользуюсь твоей помощью в своих интересах. И я признаю: так и есть. Твои знания, твоя компания, твой меч нужны мне. Без тебя все будет куда сложнее.

– А Лавиани? – Его глаза были точно два драгоценных камня. В них отражался свет, и девушка не могла прочесть в них никаких эмоций. Ни в них, ни на лице. Словно южанин выставил перед собой щит, желая спрятать за ним любые чувства.

– Ей тоже требуется помощь, пускай она никогда и не признается в этом. Открытость – не самое сильное ее достоинство.

– В отличие от тебя.

Шерон вздохнула с облегчением, видя в его глазах намек на слабую улыбку.

– Ты сам сказал, что каждый должен выбрать свой путь. Ты хороший человек, я не стану тебе врать. Поэтому говорю прямо. Я хочу спасти ребенка, который никогда не был моим. Хочу вернуть Найли в Нимад. Чтобы она оказалась как можно дальше от чудовища Талориса.

– И я был бы полезен, сиора?

– Да, – просто ответила она. – Поэтому останься, если можешь.

Он отвернулся от нее, и налетевший с улицы ветер принес с собой запах костров и миндаля. Отросшие пряди волос попали ей на щеки, и Шерон убрала их за уши.

– Мой учитель говорил, что меня всегда находят большие неприятности и я умею вовлекать в них людей, которые подбираются ко мне слишком близко, – сказал треттинец, когда девушка уже и не ожидала услышать ответа. – Надеюсь, ни я, ни ты не пожалеете о своих решениях, если придет такое время.

Сказав это, Мильвио отправился в путь.

Назад.

В сторону трактира.

Глава одиннадцатая

Живая легенда

– Признаешь ли ты, что знал о том, что твой друг носил метку той стороны?

– Да.

– Признаешь, что не сказал об этом ни старосте деревни, ни кастеляну замка, ни своему господину?

– Да.

– Признаешь, что из-за твоего предательства в нашей провинции появилось чудовище, уничтожившее и деревню, и замок, и присланных солдат?

– Признаю.

Из протокола допроса на дыбе жителя деревни Лушки. 653 год после Катаклизма

– Не ожидала от тебя такого упорства. – Лавиани сказала это Шерон на следующий день.

– Упорства? – обернулась девушка, убирая разложенные на кровати вещи в сумку. – Я всего лишь попросила.

– Так и хочется щелкнуть тебя по носу, – с чувством сказала сойка. – Но сегодня я добрая.

– Щелкнуть по носу? За что?

– За твою наивность, девочка. А, ладно. Не бери в голову.

– Хочешь сказать, что у него была причина остаться?

– Ну что ты, – фальшивым тоном произнесла Лавиани, закидывая вещмешок на плечи. – Конечно же нет. Жду тебя внизу. Давай побыстрее.

Она вышла за дверь и, идя по коридору, пробурчала:

– Святая простота! Меня окружают сушие дети. Если бы ты почаще думала хоть о чем-то кроме дороги, то видела бы, как он на тебя смотрит. Ему нужен был лишь повод, чтобы остаться, и ты, судя по всему, его предоставила. Пф!

Тэо и Мильвио уже находились внизу и вместо того, чтобы спокойно дожидаться спутниц, помогали хозяину постоялого двора разгружать воз, на котором лежали мешки с мукой.

– Силы девать некуда? – поинтересовалась она у проходящего мимо акробата, кряхтевшего под тяжестью ноши.

– Людям надо помогать, Лавиани, – укорил ее тот.

– Скажешь мне это, когда он выставит нам полный счет за стол и жилье, – сказала сойка ему в спину.

– Мы уже договорились о скидке, сиора. – Плечи Мильвио были белыми от муки.

– Отрадно видеть благородную кровь, столь экономящую деньги нашей безумной компании. Наверное, именно поэтому ты и остался с нами.

Он ответил легкой улыбкой, поправил мешок и понес к амбару, в котором уже скрылся Тэо.

– Кто на этот раз наступил тебе на мозоль? – мило поинтересовалась Шерон, выходя на улицу.

– Обстоятельства. Накун – не самое лучшее место для комфортных путешествий. Равнины огромны, дороги часто пусты, а карету нам никто не торопится предложить.

– А лошади? Мы же можем купить лошадей?

– О. Тебя озарила дельная мысль, девочка. Даже не могу представить, почему я сама не придумала такое. Но проблема в том, что лошади стоят денег, и на четверку мы не наберем. Если только благородный мальчик не продаст свой меч. И то купим кляч.

– Уверена, нам хватит марок. Особенно с теми, которые ты ukrала по ту сторону Мышиных гор.

– Твоя уверенность мало что значит в большом мире, если ты в нем плохо разбираешься. Эй, Тэо! Почему мы не можем купить лошадей?

– Потому что они дороги, – сказал акробат, на ходу отряхивающий свою одежду. – Это же Накун.

Мильвио, видя, что Шерон все еще не понимает, объяснил:

– Раньше Накун славился своими всадниками, и те доставляли массу проблем соседним герцогствам во время множества войн, последовавших после раскола Золотого королевства. Так что когда Накун проиграл последнюю войну, соседи заставили герцога подписать договор о том, что страна не станет восстанавливать кавалерию в объеме, который мог бы иметь перевес во время боевых действий.

– А чтобы они уж точно соблюдали договор, уничтожили все табуны, – пояснила Лавиани.

– Не уничтожили, а забрали, – поправил мечник. – Никто не станет убивать ценных скакунов. Даже спустя столетия в Накуне действует ограничение на лошадей и владение ими. Поэтому ты и видишь на дорогах в основном волов. Кони здесь большая ценность, и никто тебе их не продаст.

– Есть и другие способы, – негромко произнесла Лавиани.

Тэо решительно отменил ее предложение:

– Никакого конокрадства! У нас уже было достаточно неприятностей, и не стоит их множить. Здесь тебе скорее спустят воровство пяти марок, чем одной лошади. Доберемся своими силами.

– Как скажешь. – Сойка легко уступила и, видя, как подозрительно сузились глаза у Шерон, хмыкнула: – Да я серьезно! Неужели моя покладистость выглядит столь необычно?

– А ты сама как думаешь?

– Ну, если вам так проще, то в следующий раз стану спорить с вами до хрипа и доказывать свою правоту. Так что? Будем и дальше молотить языками или отправимся наконец в дорогу? Тион нас самостоятельно точно не найдет. – Возражений не последовало, и сойка закончила: – Ну, тогда давайте в путь. До Бренна идти несколько недель.

Шерон часто приходилось напоминать себе, что сейчас зима, пускай и довольно похожая на середину весны Летоса. Днем, на припекающем солнце, она об этом забывала и вспоминала лишь к ночи, когда начинало тянуть холодом от ближайших водоемов и приходилось поддерживать яркое пламя до самого рассвета.

Указывающая просыпалась раньше всех и встречала пробуждение солнца. Каждое утро небо над равнинами становилось невероятным, точно крылья фламинго, и на несколько минут девушка теряла представление о том, где на самом деле находится.

Она словно смотрела через колодец на другой мир и едва не падала в него. Облака играли всеми оттенками розового, и в них угадывались горы, долины, замки и крепостные стены.

Затем над горизонтом появлялся край солнца, и магия рассеивалась. Вокруг оставался «всего лишь» огромный, бесконечный и удивительный для нее мир, который каждый раз приносил ей что-то новое.

Шерон с неким затаенным страхом ловила себя на мысли, что ничуть не скучает по ледяному, истрепанному штормовыми ветрами Нимаду. Она не вспоминала ни улицы, влажные от бесконечных дождей, ни пустоши, по которым рыскал пахнувший горечью лишайников ветер, ни даже свой дом. Девушка ощущала себя птицей, вырвавшейся из клетки, и это... смущало.

Ей всю жизнь говорили о долге перед соотечественниками, о самопожертвовании и той боли, которую порой приходилось терпеть, чтобы Нимад и дальше спал спокойно.

Этот долг остался в крови. Йозеф хорошо воспитал ее. Шерон знала, что ее ждут и ей придется вернуться. В маленький город на краю света, где самыми важными событиями в году являются весенняя и осенняя ярмарки, а также начало рыбной ловли.

Они продвигались на юго-восток больше недели, держась тракта, проходящего мимо деревень и небольших сонных городков. Иногда им везло и кто-нибудь брал их на телегу, подвозя до ближайшего хутора.

Часто Лавиани путешествовала в одиночку, уходя утром и встречая их под вечер на месте, которое присмотрела для ночевки. Порой это был старый сарай, крайне редко постоянный двор, но частенько случалось так, что ночь заставляла их в дороге, и тогда приходилось спать под деревьями.

– Сколько нам идти до реки? – как-то спросила Шерон, когда они все вместе старались убежать от наползающей с севера темной тучи. Первый в этом году дождь прилагал все усилия, чтобы дотянуться до путников.

– Чуть меньше месяца, я полагаю, – подумав, ответил Тэо.

– Так долго? – удивилась девушка.

– Накун – большая страна. Если идти напрямик, то мы выйдем к Бренну уже через две недели. Но в тех местах сплошные пороги, река безумствует. А берега слишком скалисты, чтобы нормально идти. Ниже по течению начинают ходить лодки, – ответил ей Мильвио. – Город Талт. Туда свозят кедры из Восточного Предела и Медовых пущ, а затем отправляют их к границе Нейкской марки. Там и продают. Найдем плотогон, если с баржей не повезет, будем спускаться вниз по течению, пока не увидим Туманный лес на правом берегу.

– Зачем сплавлять деревья из такой дали, когда у Нейкской марки под боком лес эйвов? – нахмурилась Лавиани. – Это как покупать еду в соседнем городе, хотя есть собственный рынок.

– Речь идет о накусском кедре. Кедре Медовых пущ. Тех самых, которые посадила Лавьенда, привезя семена из Черной земли, самой южной колонии эйвов. Это великие деревья, и мастера создают из них прекрасные корабли.

– Не интересуюсь плавающими по морю деревьяшками.

– Они прекрасны, – мечтательно протянул Мильвио. – Словно миф пленительны. Быстроходны и маневренны. Говорят, в таком дереве живет магия.

– Магия, – скривилась Лавиани. – Стоит только присмотреться, так она живет чуть ли не в каждом ночном горшке. Куда ни ткни, везде какая-нибудь, шаутт ее заberi, магия. У Шерон – магия, кто бы что ни говорил про это. В деревьях – магия. Тот же

дохлый Кам – еще одна магия. И Голиб – магия. И шаутты и их сила – самая что ни на есть магия. Даже мои умения все равно основываются на магии. И после этого люди говорят, что Тион забрал волшебство. Бред! Как вообще его можно забрать? Это ведь не конфета, не монета и даже не дом! Магия везде, существует вместе с нашим миром со времен асторэ. Как солнце или воздух! Их же нельзя взять и украсть.

– На меня не смотри, – поднял руки Мильвио. – О столь сложных вещах мироздания я ничего не знаю.

– Магия прошлого была иной. – Тэо оглянулся на приближающуюся тучу, протянул руку Шерон, помогая ей перебраться через грязь на дороге. – То, что сейчас тебе кажется волшебством, наши предки считали обычным явлением. Недаром их называли великими волшебниками. Они могли почти все. Как боги.

– Звучит немного невероятно. – Треттинец был настроен довольно скептически. – Если они могли почти все, то не допустили бы Катаклизма. На мой взгляд, люди остаются людьми, несмотря на всю ту силу, какой могут обладать.

– Катаклизм случился, когда в живых осталось лишь двое великих волшебников. Скованный и Тион. – Шерон, ощущая холодный ветер, завязала вокруг шеи темно-зеленый платок, купленный два дня назад на маленьком рынке какой-то деревушки. – И оба они были ослаблены долгой битвой. Думаю, никто из них не мог ничего поделаться с изнанкой темной силы, которую они использовали для победы.

– И мир содрогнулся, – грустно произнес Мильвио.

– Ну и ладно, – беспечно отмахнулась Лавиани. – Лучше один раз пережить Катаклизм, чем каждую тысячу лет выкрутасы надменных придурков, его устраивающих. Хотя я все равно не понимаю, как можно забрать магию?

– Тион отказался от нее, – напомнила ей Шерон.

– Отказаться можно от коровы. Отдать ее соседу. На крайний случай – от своей руки. Если хорошенько приложиться по ней топором. Но как можно отказаться от самого себя?

– И все же он так и сделал, – упрямо произнесла девушка. – Тион был последним великим волшебником и расстался с даром. Та сила, что была у него, ушла.

– Кто это сказал?

– Кто сказал? – немного растерянно переспросила Шерон. – Легенды. Сказки.

– Угу. То есть народ. Сплетники. А потом их сплетни стали этими самыми мифами, в которые мы теперь, как дурачки, верим.

– Сиора слишком скептически. Со времен Катаклизма в мире не появилось ни одного великого волшебника. Миновала тысяча лет, но прошлое и его чудеса не вернулись к нам. А это что-то значит. Значит, что он не взял учеников, не передал свой дар дальше.

Тэо хмыкнул, соглашаясь с этим утверждением, а указывающая, чувствуя на лице первые капли холодного дождя, произнесла:

– Тион воспользовался знанием асторэ, чтобы победить Скованного, владевшего мощью шауттов. И тот и другой были обречены на медленную смерть и безумие. Но Тион нашел выход. Убил двух зайцев. Сохранил жизнь, лишив себя волшебства, и защитил мир от новых катаклизмов. Несмотря на то что он сделал, подобный поступок достоин уважения и... сожаления.

– Сожаления? С чего бы это?

– Поверь, Лавиани я знаю, что это такое – лишиться самой себя. Мой дар, пускай он и в подметки не годится дару тех людей из прошлого, что когда-то ковали эпохи, часть меня. Важная и главная. Я не представляю, что было бы со мной, как бы я жила, если бы стала обычным человеком. От такой пустоты внутри можно сойти с ума.

С неба, все ускоряясь, потоками полилась вода, и им пришлось прервать разговор и искать место, чтобы переждать непогоду.

В последние дни близкое соседство с Тэо слишком сильно стало тяготить ее. Внезапные волны ненависти, пробежавшие по телу, заставляли сойку все время держать себя в руках. Она не раз и не два радовалась своей железной воле и тому, что разум сильнее ее чувств. А они шептали ей на ухо, что акробат меняется, пускай внешне и остается прежним веселым, добрым и неунывающим парнем.

Стоило ей закрыть глаза, мысленно потянуться к нему, как она видела болезненные искры, проносящиеся по его сосудам, и бледно-желтую студенистую субстанцию, что жила под левой лопаткой, где-то близко к позвоночнику, пульсируя в такт ударам сердца. Он спал так же крепко, как и раньше, но плотину, созданную с помощью отвара из цветов, собранных на Талорисе, могло прорвать в любой момент.

И это сойка тоже чувствовала.

Она не стала держать столь важную информацию при себе и, улучив момент, пока Тэо и Мильвио сворачивали лагерь, поделилась своими мыслями с Шерон.

Та, затягивая шнурки на высоких ботинках, внимательно выслушала, сказав лишь:

– Я поняла.

– Поняла? – негромко переспросила сойка, косясь на акробата, который скатывал одеяло. – И все?

Шерон подняла на нее глаза, отвлекшись от своей обуви:

– Чего ты хочешь от меня?

– Какой-нибудь реакции.

– Думаешь, я не переживаю за него? Переживаю. Он мой друг. Почти семья. Как и ты. Но ни ты, ни я ничего не можем сделать с его недугом. Мы обе испробовали все возможные варианты. Ведь так?

Лавиани пришлось согласиться.

– А если так, то мы лишь можем надеяться, наблюдать и ждать.

– Чего ждать?

– Самого худшего.

– Ты очень спокойна.

– Хочешь, чтобы я заплакала? Я заплачу. Когда придет время, хотя слезы не вернут нам его, так же как не вернули мне моего мужа. Метка той стороны сжирает его, и мы все трое это знаем. Я последняя из тех, кто желает Тэо плохого. Но не уговариваю

себя, что подобного не случится.

– Не случится. Я не дам ему стать пустым.

Шерон неожиданно очень по-детски шмыгнула носом, резко встала:

– Думаешь, я не догадалась? Или он? Но, пока у нас есть такая возможность, мы должны поддерживать его. Как он поддерживает нас.

– Именно для этого я и здесь, девочка.

Ничто не предвещало беды.

Они шли сквозь утренний туман, легкой пеленой стелющийся над трактом и пустыми полями, когда Тэо внезапно споткнулся и растянулся на земле. Лавиани бросилась к нему первой, уже понимая, что видит припадок, который не повторялся с тех пор, как она нашла у парня метку, но добежать не успела.

Пальцы на левой руке акробата скрючились, точно в судороге, а затем это произошло. Она не поняла что, но в груди у нее словно горшок с маслом над огнем разбился.

И вспыхнул.

Сойка рухнула на колени, ощущая, как жар ненависти захватывает ее, оплавляет кости и заставляет ослепнуть.

Поэтому она пропустила тот момент, когда маленькая Шерон с разбегу врезалась в Мильвио, склонившегося над Тэо. Мечник, не ожидавший нападения, отшатнулся в сторону. Кожа на левой руке акробата надулась пузырями, а затем из пор стала сочиться кровь.

– Не подходи к нему! – сурово сказала указывающая Мильвио, и тот осторожно кивнул.

На акробата он смотрел с прищуром.

– Лавиани, ты как? – Шерон тоже не спускала глаз с потерявшего сознание человека, видя, как под его рукой собирается небольшая лужица крови из невидимых ран. – Лавиани?!

– В порядке, – раздался надтреснутый голос за ее спиной. – Только хочется кого-то убить. Я буду не я, если в этом парне на мгновение не проснулась магия.

– И дар таувина дал о себе знать, – понимающе сказала девушка. – Ты считаешь это разумным?

Последний вопрос указывающей относился к тому, что Лавиани встала на колени перед Тэо, взяв его руку. Волдыри сходили с кожи, исчезая на глазах. Кровь больше не сочилась из пор.

– О ком ты больше беспокоишься, девочка? Обо мне или о нем? – с неприятной усмешкой спросила сойка. – Я спокойна, что же касается нашего друга, в нем больше нет опасности. Помогите-ка мне, Фламинго, перенести его на обочину. А еще лучше вон туда, за деревья. Негоже ему валяться, когда кто-нибудь может увидеть.

Мильвио взвалил потерявшего сознание акробата на плечи.

Место, присмотренное ими, оказалось рядом с ручьем, все дно которого было в ярко-

голубых круглых камушках. Вода прыгала по ним, петляла и то и дело ныряла под торчащие из земли древесные корни.

Шерон поспешно раскатала одеяло акробата.

– Девочка, займись костром. И сделай ему отвар. Кидай все лепестки, что остались.

– Ты уверена? Их еще на несколько заварок.

– Мне нужно эффективное лекарство, а не водица. Или мы его сейчас поднимем, или...

Она не закончила и начала снимать с Тэо куртку, буркнув Мильвио:

– Помоги мне.

За курткой последовала рубашка, и южанин, увидев то, что было на спине, плече и предплечье Пружины, негромко присвистнул.

– То есть воплей «спасайтесь!» можно не ждать? – бросила на него взгляд Лавиани. – Или ты просто не знаешь, что это такое?

– Этикеттаре иль латрэ. Знак той стороны. Водоворот тьмы. Я видел подобный в книгах. Кто ему его нарисовал?

– Нарисовал? Если бы все было так просто, то художника можно было поймать и оторвать, к шаутту, его проклятые руки. К сожалению, перед тобой не татуировка. – Лавиани вытащила из маленькой поясной сумки склянку, вылила ее прямо на изуродованную кожу Тэо, ощутив пряный, едкий запах трав. – Знаешь, что говорят о людях, у кого такая метка?

– Их называют пустыми. Болезнь съедает человека изнутри и если не убивает, то превращает в чудовище. Так говорят легенды.

– Ну так познакомься с живой легендой. Пока еще живой.

Глава двенадцатая

Тени из Пубира

Язык Единого королевства теперь, после Катаклизма, все чаще называют старым наречием. Новым всеобщим диалектом стал даворский. Теперь на нем говорят многие. А прежнее забывается с каждым поколением. Пройдет пятьсот лет, и знать его будут лишь единицы. Ученые, поэты, любопытствующие дураки. Красивейшая речь, которой нас учили эйвы, забудется. Не это ли самая большая печаль нашего мира?

Мастер Нил Эрвейс, придворный историк герцога Савьята. 150 год со времен Катаклизма

Мерени не впечатлил Сегу ни издали, ни вблизи. Город, расположенный на ветреной

равнине, напоминал угрюмого медведя. Серо-бурый, приземистый и совершенно невыразительный.

По красоте ему было далеко до южных столиц. Уж точно не Риона, Вьено или Пубир. Первое поселение появилось здесь уже после Катаклизма, когда бегущие от огня и воды люди Запада основали на обширных травяных пространствах новый город. Поэтому в нем нельзя встретить никаких осколков прошлой эпохи, говорящих о величии поколений, живших во время Единого королевства. Дворец герцога, если смотреть на Мерени с холма, единственного на пять десятков лиг вокруг, ничем особым не выделялся среди других построек. Такая же унылая крепость, как и сотни опорных пунктов, раскиданных по бескрайнему востоку континента.

Над городом висел сизый дым, рождавшийся из множества каминных труб домов и постоянных дворов. Шел бесконечный дождь, превративший землю и дороги в рыхлую грязь и сделавший столицу Накуна еще более унылой, чем она обычно была.

Сегу, родившегося в Кулии – таком же захудалом герцогстве, как это, – обстановка совершенно не удивляла, но вот Шрев, южанин до мозга костей, смотрел на все, что его окружало, с плохо скрываемым презрением.

Стены и опорные башни оказались невысокими – сложенные из грубого, серого, плохо обтесанного камня, они выглядели более жалко, чем издали. Хуже, наверное, были лишь города Летоса, но, слава Шестерым, так далеко Сегу никогда не забирался.

Сейчас испачканными в грязи стали не только его сапоги, но и штаны до середины колен. Он шел по глубоким лужам, кипящим от падающей с неба воды, завернувшись в плащ, не обращая внимания на то, что рано поседевшие волосы и борода вымокли и холод пробирает до костей.

Улицы были пусты, запутанны и грязны, словно мысли извращенца с самого дна Пубира. В Мерени тоже существовало дно. Район рядом со старой бойней, куда старались не заходить, – кварталы негласно принадлежали людям Ночного Клана, и они не жаловали чужаков.

И, несмотря на отсутствие людей вокруг, Сегу ничуть не сомневался, что за ним наблюдают внимательные глаза. Оценивают, насколько он опасен или беззащитен и какой кллок шерсти можно состричь с этой овцы. В Мерени, в отличие от дна Пубира, его никто не знал, поэтому прогулка выходила немного забавной.

Обычно Сегу стриг овец. Точнее, резал их. Даже если те пребывали в обличье волков и из-за собственной глупости перешли дорогу Боргу.

Он обернулся и увидел, что двое каких-то забулдыг в низко надвинутых на глаза широкополых шляпах, с полей которых стекала вода, следуют за ним. Они не спешили нагнать Сегу, а потому ему до них не было никакого дела. Пока его просто сопровождали и следили, чтобы он не свернул не туда.

Перед бойней раскинулся пустырь, который, как и вся эта часть города, превратился в грязевое болото. Под навесом слева стоял старый ослик, укрытый попоной, чуть дальше, возле сарая, лицом вниз валялся какой-то пьянчуга. Его совершенно не беспокоила непогода, и Сегу подумал, что, возможно, этот тип уже отправился на ту сторону, захлебнувшись в жиже.

Ворота при входе оказались распахнуты, и незванный гость, никем не остановленный, прошел в прямоугольный двор, где разворачивалась красочная погоня за визжащей свиньей. Огромная туша, как видно сбегавшая из-под ножа мясника, вовсе не горела желанием превращаться в окорок, грудинку и бекон. Свинка носилась по лужам, надсадно вопя. Попытки двоих бугаев поймать ее закончились грязевой ванной, злостью и отборными ругательствами.

– Держи ее! Держи! – крикнул один из них Сегу, но тот разумно посторонился, пропуская животное, которое по весу было вдвое больше его. Оно, прибавив прыти, ломанулось прямо к воротам.

Сопровождавшие Сегу парни в широкополых шляпах тоже отскочили в стороны, но один из них поскользнулся и шлепнулся задницей в то, что в Мерени явно считали своим самым большим достоянием, – грязь и навоз.

Погоня пробежала мимо, и никто даже не задал незнакомцу ни одного вопроса. Словно присутствие здесь чужака дело само собой разумеющееся.

Внутри бойни пахло не так, как в богатых кварталах Пубира. Кровь, свежая плоть, не слишком свежие потроха, застарелое отсыревшее сено, навоз и грязь.

Снова грязь.

Сегу подумал, что отмываться от нее теперь предстоит целую неделю. Он восславит тот день, когда Шрев закончит все свои дела и отправится на юг. Подальше от слякоти и мерзкой погоды северян.

Несмотря на середину дня, в помещении тускло горели фонари, висящие на массивных деревянных опорах, удерживающих крышу.

Чуть дальше, от поперечной балки спускалась цепь с крюком, на котором висела половина свиной туши. Вторая половина лежала на дубовом столе, и костлявый мясник в кожаном фартуке, вооружившись пилой, отделял голяшку от окорока.

Мелкое полотно громко пело, соприкасаясь с костью, и человек, занятый делом, даже не поднял головы. Зато его помощники вышли вперед. Трое – все крупные мужики в возрасте, с суровыми лицами и мертвыми глазами, смотревшими столь равнодушно, словно к ним пришла вещь на двух ногах. Сегу готов был поручиться, что услышал, как во мраке раздался скрип натягиваемой тетивы легкого арбалета. Он сосредоточился, стараясь определить, сколько еще человек на бойне, кроме тех, кого он видел. По всему выходило, что лишь одиночка-стрелок. Ну и конечно же та пара в шляпах, что встала сейчас возле двери на тот случай, если он надумает уйти раньше, чем с этим согласятся остальные.

Они молчали, но и Сегу не спешил. Ждал, когда закончит работать пила.

Будь на его месте Квинт или Лавиани, эта специальная задержка и пренебрежение мясника здорово бы вывели их из себя. Но Сегу был сделан чуть из другого теста и оставался спокоен, даже когда люди плевали ему в лицо, не говоря уже о таких мелочах, как нежелание общаться с ним.

Многие не хотели. Но рано или поздно они приходили к мнению, что лучше поговорить, чем вопить и умолять сжалиться.

Наконец мясник вытер большие руки сухой белой тряпичей, впервые посмотрев на Сегу.

– Ты слишком молод, чтобы быть седым.

Сам он был в возрасте, с морщинистым лицом и кустистыми бровями. Когда говорил, чуть-чуть растягивал слова.

– Мне не повезло. – Голос у Сегу оказался необычайно высоким, тонким. Почти что женским. Он знал, что людям тяжело воспринимать его из-за этого серьезно. Что же. Пускай сделают над собой усилие. В конце концов, Шестеро советуют быть терпимыми к недостаткам других, а не насмехаться над ними.

Мясник не насмехался, и Сегу про себя добавил деду несколько очков, если вдруг возникнет ситуация и они не договорятся. Умрет мясник без боли.

– Всем нам в чем-то не везет, – сказал старик, откладывая в сторону окровавленную тряпицу. – Тебя я ждал?

– Да.

– Ты не спешил.

Сегу не собирался оправдываться и не сказал ничего.

– Мне стоит подозревать, что тебе не так важны твои друзья, как они меня убеждают?

– Они мне не друзья, – равнодушно ответил Сегу. – Наемные работники. И я бы хотел получить их назад, так как они все еще полезны для моего дела.

– Тогда, как хозяин, ты должен нести ответственность за своих людей.

Эта фраза означала довольно много и подавала сигнал, что Сегу вступает на зыбкую почву. Ответственность могла быть разной, и лишь от ума и жадности старика зависело, какую цену тот готов назначить. И что в результате приобрести. Или потерять.

Поэтому сойка вновь промолчал, предоставляя тому решать собственную судьбу. Он никогда не подгонял людей в столь важных вопросах.

– Как тебя зовут? – Старик оперся на разделочный стол.

– Имена не важны. Надеюсь, наше общение пройдет скоротечно, мы завершим дело и забудем друг о друге.

Одному из помощников эти слова не понравились, он нахмурился, посмотрел на хозяина, но тот никак не прореагировал на невоспитанность, и охрана не стала ничего предпринимать, хотя теперь они смотрели на Сегу куда как менее благосклонно, чем прежде.

– Забыть? Довольно тяжело, безымянный гость. Они убили моего человека и живы только потому, что у женщины быстрый язык. Она заявила, что ты из Пубира. Чуть ли не Боргу подтираешь задницу. Или наливаешь ему вино. Не слишком-то я вдавался в подробности.

– Сложно поверить. Раз ты решил дожидаться подтиральщика задницы и говорить с ним, – равнодушно сказал Сегу.

Мясник понимающе улыбнулся:

– Мне нет резона ссориться с Пубиром. Но и отдать я их так просто не могу.

Сегу сделал шаг вперед, и тут же двое охранников оказались на пути, закрыв старика. Сойка посмотрел на них равнодушно, сказав в пустоту:

– Если бы я желал зла, то оно давно бы уже случилось.

– Не многовато ли на себя берешь? – на языке дна спросил один из мордоворотов, но резкий приказ старика заставил его отойти.

Сегу благодарно склонил голову, встал рядом со столом, и между указательным и безымянным пальцами у него появился желтый кругляшок. Стоило первой марке лечь на

столешницу, как в руке сойки появилась следующая монета. Он доставал деньги как будто из воздуха, и все напряженно следили за тем, как растет толстый золотой столбик.

– Законы Ночного Клана предписывают договариваться между своими. Даже если они живут и работают в разных странах, – наконец сказал Сегу. – Надеюсь, правила все знают?

– Предлагаешь компенсацию, – на мгновение прикрыл глаза старик, словно тусклый блеск драгоценного металла его ослепил. – Считаешь, десяти марок достаточно.

– Так считаю не только я, но и тот, кому служу. Ты потерял рядового бойца. Денег хватит не только чтобы компенсировать твои затраты, но и на помощь семье погибшего. Все честь по чести.

– Все честь по чести, – помедлив, повторил мясник, и напряжение, висящее в помещении, спало. – Приведите наших гостей.

Охранники не шевельнулись, но во мраке раздался шорох, кто-то открутил фитиль, и вспыхнул огонь фонаря.

Ждать пришлось минут десять. Мясник вновь занялся разделкой мяса, сойка скучал. Наконец на свет вывели пленников. Мардж выглядела целой, чего нельзя было сказать о ее муже. Лицо Бух-Буха представляло собой один сплошной кровоподтек. Глаза превратились в щелочки, нос сломан, губы разбиты. Руки связаны грубой веревкой, оставившей на запястьях красный след.

Сойка посмотрел на мясника, и тот правильно расценил этот взгляд:

– Ребята были очень злы. Скажи спасибо, что не убили его сразу.

Лицо Бух-Буха перекосило, но Мардж цокнула языком, и великан ничего не сказал.

Сегу взял со стола одну марку.

– Мой человек целый и мой человек неделю непригодный для работы, это разная сумма компенсации.

Старик немного подумал, вытер предплечьем вспотевший лоб, удерживая в окровавленной руке разделочный нож:

– Справедливо.

– Справедливо?! – возмутился один из его людей. – Да мы...

– Заткнись, – не повышая голоса, приказал мясник. – Если тебе не нравится, найди себе другую работу. Мы договорились, незнакомец.

Он перерезал веревку, стягивающую руки Бух-Буха. Сегу указал каторжнику в сторону двери.

– Наши вещи. Мой лук и моя сумка. – Мардж говорила спокойно, но Сегу, как и все присутствующие, понимал, насколько та зла и как желает их всех убить.

– На выход! – приказал сойка, и она, тихо зашипев, больше не спорила. Он же посмотрел на обитателей бойни и отвесил легкий поклон. – Господа, мне приятно иметь дело с разумными людьми. Живите в мире. Да не погаснет огонь в вашем очаге.

Снова выйдя под дождь, он пошел по чавкающей грязи, и двое спасенных поплелись

следом. Их никто не остановил, и троица довольно быстро оказалась в более спокойных кварталах Мерени.

– Вы не слишком торопились, мастер, – проворчала Мардж, по лицу которой, точно слезы, текли дождевые капли. Короткие соломенные волосы липли к вискам.

– Оставь свое недовольство при себе, – равнодушно произнес Сегу. – Он решал, стоит ли вас вытаскивать. И если бы не я, вас бы давно уже подвесили на мясницких крюках вместе со свинными тушами.

Мардж переглянулась с мужем. В ее тоне появились нотки вины:

– Все случилось очень быстро, и ситуация вышла из-под контроля.

– Расскажешь об этом не мне, а Шреву.

Звук, который издала лучница, нельзя было назвать радостным. По ее виду становилось понятно, что она бы с большим удовольствием отказалась от столь сомнительной чести. Лучше бы переспала с мэлгом или выковыривала пальцем мозги из глазниц трупов.

– Почему вы их просто не убили? – проворчал Бух-Бух, и в его грубом голосе слышалась обида.

– Убить? – удивился Сегу. – За что? Они вели себя по правилам, никто на нас не напал, и удалось договориться за цену, которая меня устраивала. Оставь свои привычки каторжника. Во всяком случае, пока работаешь на нас. Я не убиваю каждого прохожего из-за того, что он косо посмотрел на меня.

– Большие деньги...

– Шрев вычтет их из вашего гонорара, – перебил его сойка. – Считаю это справедливым. А ты?

– Так и есть. – Мардж не дала мужу открыть рот. – Лучше потерять в деньгах, чем жизнь.

– Разумные слова, – одобрил Сегу. – Надеюсь, больше от вас проблем не будет и Шрев не пожалеет, что нанял вас, а я – что рекомендовал.

– Проблем не будет, – подтвердил Бух-Бух. – Обещаем.

Скрепляя его слова, в небе громыхнул гром.

Проклятый кашель донимал Лоскута уже третий месяц. Застудился в долинах, когда помогал перегонять лошадей через стремнину Белой. В месяц Ворона водица оказалась студеной, несмотря на то что снег в этом году так и не появился.

Кашель... В некоторые моменты ему казалось, что он выплюнет собственные легкие, и перед глазами у него разбегались розовые нити, словно расшитые цветущим вереском пустоши на границе Северного смерча.

Горькие настойки, которые варила жена, горячие камни и медовые бани помогали мало. Он все равно продолжал кашлять. Не так часто, как прежде, но внезапно, мучительно, сотрясаясь всем телом, почти задыхаясь, истекая слезами.

Ему было сорок девять, и, пока не доходило до кашля, Лоскут казался крепким дубом, выпестованным суровыми ветрами долин. Как это и пристало разведчику, а в прошлом

командиру отряда герцогских следопытов.

Лоскут сплюнул тягучую мокроту и, восстанавливая дыхание, посмотрел на ладони, медленно сжал кулаки. Затем поднял с пола бракемар[14], который правил, и не глядя кинул на верстак. Поплотнее запахнул расстегнутую на груди куртку. После дождя, да еще к вечеру, стало холодно, а переохладиться ему не следовало, иначе жена вынесет весь мозг, заставит выпить ведро ее горького пойла и даст жевать какую-нибудь траву, точно он корова.

В сарай заглянул Крейт.

Сыну недавно исполнилось шестнадцать. Он был такой же высокий, светловолосый и светлоглазый, как отец. Если парня еще год поучить, то его без проблем возьмут в отряд герцога. Хорошие следопыты и разведчики всегда ценились.

– Отец, у ворот какие-то люди. Спрашивают тебя.

– Опиши. – Он неспешно встал.

– Двое мужчин и женщина. Чужеземцы. Опасными не выглядят. Женщина красивая.

– Мать вернулась?

– Нет.

– Хорошо. Возьми арбалет и побудь здесь. Только не суетись. И не маячь, как в прошлый раз. Тебя из Соланки было видно.

Люди ждали его возле ворот.

Высокий, худощавый и смуглый южанин с ярко-голубыми глазами смотрел на него открыто и приветливо. Савьятец, судя по белой ленте, вплетенной в волосы, собранные в хвост. У него была легкая седина на висках, но Лоскут не смог угадать, сколько человеку лет. Одет богато и аккуратно, хотя нельзя сказать, что своим костюмом он смог переплунуть даже самого захудалого франта из герцогского дворца. Скорее платье отличалось практичностью, но ткань, из которой оно было сшито, говорила, что человек при деньгах.

Женщина, стоявшая с ним рядом, оказалась статной. Он задержал на ней взгляд, разглядывая привлекательное, пухлятое и веснушчатое лицо. Светло-рыжая. И судя по тому, как себя держит, из аристократов. Она не стала скрывать свои чувства и посмотрела на него со смесью презрения и отвращения.

Следопыт ее не осуждал. Знал, как выглядит его правая половина лица. Их патруль слишком далеко зашел в Северный смерч, и ветер настиг их. Содрал кожу, изуродовал плоть, высосал глаз. До сих пор ночами возвращалась боль, да такая, словно его сунули головой в жаровню.

Третий мужчина, единственный, кто носил при себе оружие, стоял за спиной женщины, точно телохранитель. Этот был из алагорцев – их бледную кожу ни с какой другой не перепутаешь. Даже если отправить алагорца в пустыню Карифа на год под палящее солнце, он все равно останется таким, словно его всего обмазали сметаной.

– Я Лоскут. Слушаю.

Черноволосый легко поклонился:

– Меня зовут Шрев, мастер Лоскут. Мои спутники – госпожа Бланка и ее личный слуга...
– Южанин сделал паузу, словно забыл имя, и женщина проронила:

– Это совершенно не важно.

Ухо следопыта различило варенский акцент. Интересная компания. Савьятец, алагорец и варенка.

– Я хотел бы предложить вам работу.

Лоскут подвигал челюстью, размышляя, и сказал:

– Заходите в дом, поговорим.

– Благодарю.

– Крейт! – громко крикнул следопыт. – Принеси гостям вина и хлеба!

Телохранитель встал у входа, его подопечная села на край лавки, к вину не притронувшись. Шрев, наоборот, выпил с видимым удовольствием, хотя Лоскут знал, подобное вино не для его глотки – слишком дешевое и молодое.

Он почувствовал щекотку в горле и едва сдержался, чтобы не закашляться.

– Слушаю вас, господин Шрев.

– Тебя рекомендовали люди. Из дворца и... не только. Отзывались как о надежном человеке, знающем страну. А также сказали, что ты можешь говорить на старом наречии.

– Могу и на старом, – подтвердил Лоскут. – Но это мертвый язык. Он мало кому нужен.

– Н'еверриенн ивис дуенн ваей?[15] – внезапно спросила Бланка.

Он удивился. Сильно удивился и ответил куда более резко, чем хотел:

– Мидивервайе, слэд вуатхе дуентс[16].

В повороте головы Шрева читался явственный вопрос, и женщина кивнула:

– Достаточно хорошо для обычного человека, господин Шрев.

– Обычного? – нахмурился Лоскут.

– Не ученого, – с извинительной улыбкой сказал ему мужчина. – Не учившегося в Каренском университете в отличие от госпожи Бланки.

– С кем вы собираетесь разговаривать на языке, который остался лишь в старых книгах?

– А с кем разговариваешь ты?

Лоскут развел руками:

– Меня научил отец. А отца дед. А деда прадед. Мои предки помнили прошлое, которое было еще до Катаклизма. А я научил этому языку сына. Возможно, когда-нибудь он пригодится кому-нибудь из нас.

– Уже пригодился. Это одна из причин, почему я хочу нанять тебя. Зачем мне потребуются твои способности, я расскажу после. Если согласишься на работу и тебя устроит цена. Мне нужен хороший проводник, лучший, а что самое главное – уже

бывавший в местах, куда лежит мой путь.

– И что же это? Граница с Северным смерчем? Или побережье моря Скованного?

– Нет. Не настолько сложно и опасно. – Южанин сверкнул белоснежной улыбкой. – Меня интересует Туманный лес. Если точнее, то Шой-ри-Тэйран. Говорят, ты был в городе Эйвов.

– Был, – не стал отрицать Лоскут. – Еще молодым.

– Это значит, что ты не найдешь дорогу?

– Дорогу найду. И довести до развалин смогу. Но места там не менее дикие, чем на востоке герцогства. Нужны припасы и лошади, до Талта, если только вы не хотите оказаться там к началу лета.

– Все будет к завтрашнему утру. Просто составь мне список.

– Я возьму с собой сына.

– Если госпожа Бланка берет своего слугу, то не вижу проблем в том, чтобы ты взял родственника.

Лоскут подивился, как богат и влиятелен этот человек, если так легко может достать лошадей.

– Зачем вам нужен Шой-ри-Тэйран?

– Тебе важно знать цель моего путешествия?

– Да. Я должен рассчитывать опасность. Одно дело приехать и поглазеть, другое – нажиться.

– И как можно нажиться на развалинах, которые пожрал лес еще до гибели Скованного, скажи на милость?

– Например, сбивать кристаллы со зданий, чтобы потом их продать.

Бланка спросила с пренебрежением:

– Тебе так важна целостность руин?

– Мне плевать на камни, но той силе, что живет в Туманном лесу, – нет. Когда я был там с отрядом, некоторые из наших сбили себе несколько камушков. Уж больно красивые. Ночью лес пришел и забрал их. Только их.

Шрев задумчиво откинулся на стуле, вертя опустевший стакан в пальцах.

– Я не верю в чудовищ, – решительно произнесла женщина. – Все они умерли до Катаклизма или же попрятались в Пустыни.

Кашель все же настиг Лоскута, и он почти минуту захлебывался им. Крейт налил воды в грубую глиняную кружку, и тот выпил.

– Ты болен, – констатировал Шрев, взглянув на следопыта как-то странно, словно видя его насквозь и изучая, что у него внутри.

– Да. Но проблем для путешествия это не вызовет.

Человек помедлил мгновение, и его взгляд перестал быть колючим:

– Охотно верю.

– Не было никаких чудовищ, госпожа, – между тем сказал Лоскут. – Мы остановились на ночевку, а утром никого из тех, кто ломал город эйвов, не было.

– И сразу чудовища? Есть более разумные объяснения – они сбежали, чтобы не делиться с вами добычей.

Лоскут коснулся чудовищного шрама, который теперь был его лицом:

– Возможно, что и так, госпожа. Возможно, мой брат и отец так и поступили, оставив меня, а также мать и сестру ради сокровищ. Но все же позвольте мне верить в чудовищ. И если вы едете ради богатств, просто скажите мне об этом. И мы с сыном оставим вас до наступления ночи.

Шрев поставил стакан на стол, провел по ободку пальцем, улыбаясь:

– Вполне честно. Но мы отправляемся в экспедицию не ради денег, а чтобы узнать прошлое.

– Кроме вас будет кто-то еще?

– Моя охрана. Три человека.

Лоскут быстро провел расчеты:

– Итого восемь человек. Хорошо.

– Ну, значит, договорились. – Шрев положил тяжелый, пузатый кошелек на стол. – Здесь задаток. Столько же дам, если доведешь нас до развалин.

Следопыт развязал тесемки, посмотрел на золото и не стал говорить о том, что этой суммы достаточно для того, чтобы отвести их хоть на край света, а не только в старый город эйвов.

Сегу медленно жевал шестую по счету полоску вяленого, хорошо просоленного мяса, запивая его из глиняной бутылки, в которой оставалось пиво. Оно было страшно горьким и крепким. Отличный выбор для тех, кто неприязнителен, желает быстро напиться и работает в каком-нибудь коровнике. Но сойку подобное обстоятельство ничуть не заботило.

Он пил эту дрянь точно воду, меланхолично уничтожая закуску.

Сегу стоял в начале переуллка, на неосвещенной стороне улицы, слыша, как где-то за его спиной в старой рвани возятся и попискивают крысы. Одна хотела пробежать мимо, и он раздавил ее каблуком сапога, сломав череп, а затем ударом ноги отправил обратно во тьму, на пищу ее подругам. Крыс Сегу ненавидел с детства. С тех самых пор, как эти тьмой проклятые грызуны обглодали в Пубире первые фаланги пальцев левой руки одного брошенного младенца.

Специально он за ними никогда не охотился, но, если выдавался случай, всегда убивал. Это давно вошло у него в привычку.

На противоположной стороне улицы произошло движение. Калитка открылась, и из дома вышли трое. Женщина что-то тихо сказала. Слишком тихо, чтобы даже Сегу услышал. А

затем, в сопровождении телохранителя, зажегшего висящий на поясе фонарь, пошла прочь.

Мужчина постоял, провожая их взглядом, и направился к Сегу. Тот сделал шаг навстречу, выходя из укрытия.

– Ну? Как прошло? Он тот, кто тебе нужен?

– Да, – ответил Шрев, забирая у подчиненного бутылку пива. Хотел сделать глоток, но предварительно понюхал и поморщился. – Иногда твои предпочтения ставят в тупик. Ты вытащил их?

– Мардж не горит желанием говорить с тобой. Если честно, то она напугана.

– Напугана? Хорошо. Значит, разговора не понадобится. А ее муж?

– Он слишком туп, чтобы ощущать... нюансы. Мы могли нанять любых других. Почему тебе нужны они?

Шрев хмыкнул:

– Женщина очень хорошо стреляет. У нее талант. А Бух-Бух хоть и грубоват, но исполнитель. Хотя, если честно, не было никаких особых причин, чтобы вытаскивать их. Считай это мимолетным капризом. Как они себя вели?

Сегу понял, что он спрашивает о мяснике и его людях. Сказал искренне:

– Честно. Нет причин к ним возвращаться и учить правилам хорошего тона, как ты это любишь.

– Тем лучше для нас всех. Завтра мы выступаем.

Сегу кашлянул, и Шрев, зная, что это означает, легко кивнул, позволяя говорить.

– Ты уверен, что мне следует отправляться с тобой? Лавиани...

– Клеро и Квинт занимаются ею. Сейчас вокруг Летоса бушует море, и до конца весны мы все равно не получим от них никаких новостей. Ну и ты не прорвешься на острова. Застрянешь в Приграничном.

Сегу скривился:

– Прости, но эти двое не могут жить без проблем.

– Точно. Однако это не значит, что ты опять должен вытаскивать их головы из теплой навозной кучи. Справятся сами.

– С навозом? Не сомневаюсь. Но с Лавиани...

Шрев поднял руку, прося ученика замолчать:

– Борг получит ее голову. Рано или поздно. Но сейчас наша цель Шой-ри-Тэйран. После уже займемся ею.

Сегу щелкнул языком:

– Подозреваю, что ты просто считаешь, что я с ней не слажу.

Белки глаз Шрева блеснули в полумраке, и сойка почувствовал, что учитель смеется

над ним.

– Ты дурак, если недооцениваешь ее. Она опасна, хотя и слабее тебя или меня. Но это не значит, что ее можно так просто убить.

– Клеро и Квинт...

– Их двое. Они сработанная пара. Их таланты дополняют друг друга. В бою против двоих одновременно Лавиани проиграет в семи случаях из десяти. А ты один и, несмотря на все твои возможности, слишком плохо знаешь женщин. Точнее, совсем в них не разбираешься. – Шрев хлопнул ученика по плечу. – Извини, что так прямо, но с Лавиани подобная небрежность будет стоить тебе жизни. Потому что твоя сила может не справиться с ее хитростью.

– Никогда не задирай старую суку.

– Вот-вот. Запомни это и начинай собираться в дорогу. И выкинь нашего хорошего друга из головы. Сейчас она – не главная задача.

Сегу вздохнул и опустил плечи, признавая право учителя отдавать приказы:

– Неужели эта статуэтка столь важна для тебя?

– Рано об этом говорить. До тех пор пока мы не посетим старый город эйвов. Но если я прав, перед Ночным Кланом откроются грандиозные перспективы.

– Что же. Помолимся Шестерым об этом. – Сегу не стал скрывать скептицизм в голосе.

– Я редко ошибаюсь.

– Знаю. Поэтому и не спорю. А что эта Бланка?

Шрев прищурился:

– Она-то тебя чем не устраивает?

– Обычное недоверие. Знаю, что ты искал знатока древнего наречия и ее рекомендовали люди из Гранита. Она образованна лучше, чем я, но чувствую... с ней что-то не так.

– Ее рекомендовали люди, вызывающие доверие.

– Она слишком большая недотрога.

– Пф! Весь мир состоит из недотрог, особенно много их среди женщин. И благородных вдов.

– То, как она смотрит на нас, то, как ведет себя. За этим стоит нечто большее.

Шрев похлопал ученика по плечу:

– Бланка не дура. Она подозревает, кто мы такие. А когда увидит Бух-Буха, то точно поймет. К тому же женщина не из простых, она достаточно богата и знает себе цену.

– С ней могут быть проблемы.

– Со всеми могут быть проблемы. Ее в первую очередь интересует город эйвов, именно поэтому она согласилась сотрудничать. Госпожа Бланка нужна мне, Сегу. И она, и этот Лоскут. Два голоса. Мужской и женский, знающие старое наречие. И поэтому ты будешь с ними вежлив, даже если они нет. И проследишь, чтобы Бух-Бух с Мардж также вели

себя... – Шрев хмыкнул, – ...мило.

– Я поступлю, как ты хочешь.

– Именно этих слов я и ждал от тебя. А уже после, когда будет сделано дело, ты можешь убить. Их всех.

Глава тринадцатая

Артисты

Если попали в беду, если устали, если вам холодно или вы хотите есть... Если вам просто нужна помощь, запомните эту фразу: «Легкого пути вашим фургонам». Люди в бродячих цирках не всегда кажутся дружелюбными, но они не отказывают, если ты попал в беду. На дороге так не поступают. Даже с чужаками.

Совет опытного путешественника

Лес все еще оставался голым, почки только-только начали набухать, наконец-то пробуждаясь от спячки. Под ногами пыльным слоем лежали бурые прошлогодние листья, а также множество веток. От маленьких, толщиной в пальчик младенца, до мощных крепких чудовищных суков, способных прихлопнуть человека, если упадут ему на голову.

Ветви сорвал недавний шквалистый ветер. Путники здорово натерпелись от него и лишь чудом не пострадали в сердце разыгравшегося ненастья.

Птицы уже начинали вить новые гнезда, приветствуя внезапную весну, до календарного начала которой было еще довольно далеко. Лавиани даже подумала, что неплохо бы поторопить события, и тогда можно пожить яйцами. Она соскучилась по нормальной еде, последние полторы недели им пришлось идти бесконечными и совершенно пустыми равнинам, на которых жили лишь облака да ветер.

Найти грибы тоже не представлялось возможным, еще слишком рано для них, и это, конечно, достойно сожаления. Ей бы пригодилась парочка, чтобы закончить снадобье. А так пришлось довольствоваться почками волчегородника и корой мирзинолистной ивы.

– Ну хоть что-то, рыба полосатая, – пробормотала сойка, убирая найденное в сумку.

Позади хрустнула ветка, и она резко обернулась, одновременно нащупывая рукоятку ножа. Но это был лишь Мильвио.

– Что ты делаешь так далеко от лагеря, Фламинго?

– Ищу тебя, сиора. Шерон беспокоилась, и я решил убедиться, что с тобой все в порядке.

Его щеки и подбородок давно скрывала длинная щетина, такая светлая, что глаза южанина стали ярче, чем прежде. Бриться он явно не собирался, в отличие от того же

Тэо, который каждые два дня старательно скоблил кожу одолженным треттинцем кинжалом.

– Думаю, если наш прекрасный некромант попросила бы тебя достать меня с той стороны, ты бы и это сделал.

– Ради нее – все что угодно, – серьезно согласился тот.

– Даже печально, что она этого не знает.

– Ты так в этом уверена? – Он улыбался открыто и дружелюбно. – Считаешь ее глупее себя?

– Что ты, мальчик. Шаутты с тобой. Шерон умница. Но иногда очевидные вещи бросаются в глаза лишь тем, кто смотрит со стороны. Открой мне тайну, когда она тебе понравилась? – Увидев, что тот лишь приподнял брови, показывая, что ее вопрос не слишком уместен, махнула рукой. – Ладно. Можешь и не отвечать. Мне до этого нет никакого дела. Ты куда?

– Назад. Я убедился, что тебя не съели волки, сиора, и, судя по всему, моя помощь тебе не очень нужна.

– Я уже закончила. Пойдем.

Возвращались они вместе, больше не произнеся ни слова. Ей это нравилось в Мильвио. Он мог молчать часами, не лезть к ней в душу, лишь наблюдать за ней, да и то ненавязчиво. Не вызывая раздражения, в отличие от Тэо. Впрочем, Лавиани признавала, что ее раздражают отнюдь не взгляды, а природа той силы, что живет в Пружине. Силы, которая противна ее таланту.

Шерон и Тэо они нашли в маленьком лагере, возле уже потушенного огня, с собранными вещами. Те беседовали о природе магии, что, на их взгляд, была у великих волшебников.

– У каждого свои особенности, – услышала Лавиани красивый голос акробата. – Арила могла управлять пчелами, Войс – ветром, Лавьенда отлично ладила с водой, Гвинт – с животными.

– А Тион? – полюбопытствовала Шерон. – Насколько я помню, он был лучшим в азартных играх.

– Вряд ли это связано с магией. – Тэо кивнул подошедшим спутникам. – Действительно, говорят, что Тион был способен обыграть в карты или кости даже шаутта, несмотря на коварство этого племени. И у него был волшебный веер.

– Веер создал для него Войс, – не согласилась указывающая. – В этом нет заслуги Тиона.

– Про это я не слышала, – сказала Лавиани. – Тот самый веер, что помогал ему в сражениях с шауттами, создал мальчишка?

– Войс любил ветер, а ветер любил этого ученика Скованного. Во время Войны Гнева Войс направил ветер, призванный с помощью магии той стороны, на армии Алагории, выступившие в союзе с противником.

– И что случилось? – полюбопытствовала сойка.

– Ничего хорошего, – мрачно ответила Шерон. – Черный вихрь снял плоть с их черепов, выел глаза.

– Неплохое оружие.

– Плохое, – не согласился Мильвио. – Это как меч, который тебе не подчиняется. Потому что Войс потерял над ним контроль. Магический ветер не исчез, а пронесся по миру и теперь все еще среди нас.

– Ты о Северном и Южном смерче? – догадалась Лавиани. – Разве они не последствия Катаклизма?

– Кто-то говорит так, кто-то иначе. Все зависит от того, какую историческую книгу ты прочитал раньше.

Они вышли на лесную тропу, миновали несколько залитых солнцем прогалин, приветствуя новый день, обещавший быть чудесным.

– И где правда?

– Правда? Правда, сиора, вещь довольно хрупкая. Стоит ее чуть исказить и чуть перевернуть, и нам, потомкам, остаются лишь размышления да теории о прошлом. Понимай ее как хочешь.

– Ты уверен, что жизнь бродяги и фехтовальщика это твое, Фламинго? В Каренском университете всегда нужны ученые мужи, говорящие загадочными фразами, которые не объясняют ничего, но показывают профанам, как умны их учителя.

– Я очень удивлюсь, если ты была в Каренском университете.

– Была, – с вызовом ответила сойка, вспоминая свои двадцать пять лет и ту безумную ночь с беготней по скользким во время дождя крышам главного корпуса.

Шерон даже остановилась и заглянула ей в глаза:

– Только не говори, что сойки проходят обучение в лучшем учебном заведении нашего мира.

– Не скажу. Хотя такой соблазн был, не скрою. Ты так доверчива, что порой очень хочется пошутить. Я была там по делам.

Все тактично не стали задавать вопросы, какие дела могли быть у убийцы Ночного Клана. Совершенно очевидно, что приезжала она туда не для того, чтобы приобщиться к рукописям, хранящимся в Подземной библиотеке еще со времен Эпохи Процветания.

– Говорят, Каренский университет невообразимо красив, – мечтательно протянула указывающая. – Что башни его алые, как кровь, а воздушные фонтаны точно перекинутая по небу радуга.

– Есть такое. Целый прекрасный мир для богатых оболтусов, которым седовласые старцы пытаются впихнуть замшелые знания.

– Ты не права. – Тэо поднял лежавшую на дороге улитку и положил ее на обочину, чтобы никто не раздавил. – В Каренский университет берут не только тех, кто имеет деньги или знатное происхождение. Там учатся разные люди, в том числе и из простонародья. Если у человека есть способности, то родословная ничего не значит.

– Может быть, и так. Но я встречала одних лишь богатых оболтусов, – упрямо заявила Лавиани. – А если бы жила тысячу лет назад, увидела бы и волшебников. Их вроде там же учили до Талориса. Дрессировали все их: таланты, способности и повеление ветрами, которые теперь убивают людей, стоит лишь зазеваться. Ведь не только же в

Смерчах такая опасность. Иногда из этих земель вырываются простые вихри – и гуляют по долинам и горам.

– Довольно редкое явление, – отмахнулся Тэо. – Проще умереть от того, что хрюль упадет на тебя с неба, чем встретить Бродягу[17].

– Вот только не надо мне о редких явлениях, – попросила сойка. – Встретить человека с меткой той стороны – тоже редкое явление. Представляешь, как нам всем повезло?

Тэо ухмыльнулся, признавая ее правоту.

– И как от него спастись? – спросила Шерон, слушая, как над ее головой тихо перешептываются осины.

Ответил Мильвио:

– Как остановить град? Как схватить и спрятать в кармане радугу? Никак. Если ты встречаешь Бродягу, то тебе просто не повезло. Шестеро выбрали для тебя такую судьбу.

– Едрить их колотить, твоих Шестерых и их глупые шутки, – проворчала Лавиани. – С удовольствием спрошу Тиона, какого шаутта он думал, когда затевал все это.

– Мне нравится твой оптимизм, – рассмеялась Шерон.

– Должен же он быть хоть у кого-нибудь, девочка. Вы все трое такие кислые, словно кто-то умер. Взбодритесь. Неприятности будут впереди, а сейчас радуйтесь жизни, пока есть такая возможность.

Указывающая покачала головой:

– Иногда я думаю, что я поступила неправильно, взяв вас с собой.

– Тебе не кажется, что поздно терзаться сомнениями? – здраво поинтересовался Тэо. – Я ценю, что ты беспокоишься о том, что с нами может случиться, но мы все взрослые люди и сделали свой выбор.

– Действительно, – поддержала Пружину сойка. – Хватит вести себя как побитая собака. Если бы мы не хотели идти, то остались бы на Летосе, гнить в этой скуке и покрываться мхом изнутри и снаружи.

– Вы даже себе не представляете, как я благодарна.

– Замечательно! – хлопнула в ладоши Лавиани. – Буду меркантильной и жду выражение твоей благодарности в виде чудесной яичницы из как минимум двенадцати яиц, едва только мы доберемся до ближайшего трактира.

– Идет, – рассмеялась Шерон, чувствуя, что на душе становится немного легче.

Бой длился не одну минуту, сойка потеряла представление о времени. Пригнулась, сжимая губы и неотрывно следя за клинком Мильвио. Острие того чуть опустилось, и мышцы на ногах у женщины напряглись, но тут же расслабились. Было понятно, что появившаяся брешь это всего лишь ловушка. Проклятый южанин заманивал ее.

Рыба полосатая. Второй раз она на такую ерунду не попадется. Кем он ее считает?!

Она шагнула влево, ее противник вправо, сохраняя дистанцию. Он уже понял, что

подпустить женщину ближе – чревато большими неприятностями. На подшаге[18] он ей проигрывал в скорости. Мильвио старался удерживать ее подальше от себя, благодаря длине бастарда.

Связываться с мечом было себе дороже, парировать тяжеленный клинок ее ножом не имело никакого смысла – в лучшем случае она бы выбила себе запястье. В худшем – проиграла бой.

Внезапно Мильвио оказался рядом, меч, шурша, распорол воздух, целясь ей под подбородок. Лавиани отклонилась на пятках, пропуская клинок рядом, тут же контратаковала. Локоть, левая ключица и точка под углом челюсти. Два рубящих удара и один укол. Для последнего ей не хватило буквально четверти дюйма. Мильвио, словно угадывая ее намерения, продолжил движение, а затем ткнул рукояткой в лицо.

Сойка, порядком раздраженная тем, что бой не удалось закончить, поднырнула под нее, пропуская в опасной близости от виска. Врезалась плечом южанину в бок, подставила бедро и, широко взмахнув рукой, точно раскидывая зерно, опрокинула потерявшего равновесие парня на совсем недавно появившиеся из-под земли ростки мать-и-мачехи.

Мильвио оставил меч, схватил обеими руками ее запястье, не давая ножу поразить сердце. Она подивилась, как он силен, постаралась освободиться от хвата, нависая над ним, и тут же оказалась в воздухе, отброшенная прочь.

Приземлилась, сгруппировавшись, пружинисто вскочила на ноги, прыгнула назад. Но проклятый треттинец уже вновь завладел оружием и встретил ее, не вставая с колен.

Точно охотник, сбивающий палкой неловкую, жирную, глупую птицу.

Меч плашмя ударил ее по плечу, и сойка выругалась.

Легла на теплую землю, чувствуя ноющую боль от удара, глубоко вздохнула, глядя на плывущие над ней облака.

– Поздравляю.

– Ты не выглядишь разочарованной, – донесся с края поляны голос Тэо. – Проиграла в первый раз за пять схваток.

– Воспринимаю это как тренировку. Мильвио вон вообще не может отдышаться.

Треттинец хохотнул:

– Ты заставила меня попотеть, сиора. Не ожидал сегодня от тебя такой прыти.

– Многие не ожидают, Фламинго. Стоит признать, что ты неплохой противник. Хотя если бы мы сражались по-настоящему, я бы давно тебя прикончила.

Мильвио вежливо улыбнулся, но спорить не стал. Шерон принесла им котелок набранной в ручье воды, чтобы они напились:

– Что заставляет тебя быть такой уверенной?

– Я бы использовала таланты, девочка. – Лавиани покачала головой так сокрушенно, словно Шерон только что расписалась в собственной беспомощности.

– Всегда есть шанс проиграть. Даже используя магию. – Мильвио сделал несколько глотков.

– Конечно. – Лавиани поднялась с земли, потянувшись, довольная днем. – Вся жизнь

состоит из случайностей, Фламинго. У меня при себе шесть метательных ножей, и если бы я начала бой с них, то какой был бы шанс, что ты бы увернулся от всех?

– Зависит от твоего мастерства, – дипломатично ответил тот, стягивая с себя промокшую от пота рубашку. – Если честно, я не очень-то хочу проверять.

Лавиани оглядела его торс, отметив количество белых шрамов. Их было достаточно.

– Ты словно со стаей взбесившихся кошек дрался, парень.

– Это было давно.

– А вот этот недавний. – Шерон указала на розовую полосу на груди.

– Память о твоей прекрасной стране.

– Ты шутишь?! – огорчилась указывающая. – У нас редко когда случается...

– О, не беспокойся. Твои соотечественники здесь ни при чем. Просто одна неожиданная встреча вылилась в недопонимание.

– Недопонимание... – Лавиани покрутила это слово на языке и так и эдак. – Недопонимание, это когда ты в трактире заказываешь тарелку похлебки, а тебе приносят кружку пива. А тут... желание убить. Впрочем, порез не такой уж и глубокий, хотя выглядел для нежных дамочек, наверное, страшновато.

– Был бы глубже, но меня спасла кольчуга, потерянная на Тропе Люви.

– Я считала, что ты более ловок. И, если честно, ожидала увидеть у тебя на плече золотого карпа.

– Метка мастера клинка знаменитого цеха? Сиора льстит мне.

– Так из-за чего случилось это «недопонимание»? – Шерон все еще беспокоило то, что произошло на Летосе.

– Один приезжий господин хотел убить девушку. А я как раз проходил мимо.

– Ты величайший герой современности, – вздохнула Лавиани. – Наказал мерзавца?

Мильвио вытащил из сумки аккуратно сложенную чистую рубаху из льна, сказал неохотно:

– К сожалению, он не услышал разумных доводов, и пришлось вступать в безобразную драку. Впрочем, это дело прошлое.

– Я же говорю – настоящий герой. Не хвалится собственными подвигами.

Тэо откашлялся и осторожно произнес:

– А скажи, Лавиани. Твоя магия...

– Таланты. У соек это называется талантами, мальчик.

– Хорошо. Твои таланты. Получается, ты их бережешь и используешь очень осторожно. Не в каждом тренировочном бою.

Сойка щелкнула пальцами:

– Ты уже спрашивал у меня как-то о количестве татуировок. Используя талант, мы теряем одну из картинок. Чтобы она восстановилась, требуется время. Не день. И не два. Глупо тратить ценный ресурс на ерунду, мальчик. Потому что если случится неприятность, стоит быть к ней готовой, а не хлопать глазами, надеясь на лучшее. В нашем мире лучшее никогда не случается. Только худшее. Это как стрелы из колчана. Выпустив их по белке, ты останешься безоружным, когда встретишься с медведем.

– Не день и не два, – задумчиво повторила Шерон. – А сколько?

– Тебе это зачем? – В душе сойки пробудилась привычная подозрительность.

– Путь долгий. Мало ли что случится. Я хотела бы знать возможности каждого из нас.

– Возможности, – проворчала та, втыкая нож в дерн. – Они ограничены. Все зависит от того, какой талант используешь, какая луна – растет или убывает... Много что влияет. Но еще ни разу татуировка не возвращалась раньше чем через четыре дня. Обычно шесть... девять.

– А я слышал, что таувины сражались днями напролет и все время использовали свои возможности. На тех же Огненных болотах[19]...

Сойка прервала Пружину громким цоканьем языка:

– Так иди к таувинам. Найди их в какой-нибудь могилке да допроси, как старушке Лавиани побыстрее восстанавливать свои таланты. Я первая скажу тебе спасибо за такие секреты.

– Таувины были воинами, Тэо, – напомнил Мильвио. – Они те, кто сражался и останавливал тьму. Сойки иные.

– Верно. Таким, как я, не надо биться в строю много часов. Мы потеряли большинство возможностей тех, о ком говорится в твоих любимых сказках, циркач.

– Это к счастью, – серьезно сказала Шерон. – Если бы у Ночного Клана оказались люди со способностями рыцарей света, я даже боюсь представить, что бы случилось с миром.

– Ничего бы не случилось, – пренебрежительно дернула плечом Лавиани. – Десяток убийц со способностями никогда не переплюнут Катаклизм и великих волшебников. Вот уж кто славно покуролесил.

– Магия все равно остается магией. Какой бы малостью она ни казалась. И, попав не в те руки или выйдя из-под контроля, даже ее капля может причинить множество неприятностей. Ты ведь понимаешь это.

Сойка вынуждена была кивнуть. Действительно, понимала. К примеру, ее жизнь сложилась бы иначе, не будь в ней Шрева. Или вот Шерон... которая не всегда может контролировать свои способности. В будущем это может привести к очень плачевным последствиям.

– А сколько у соек талантов? – внезапно спросил Тэо.

Лавиани посмотрела на него, словно на тучу, испортившую солнечный день:

– И зачем мне это тебе рассказывать?

– А почему нет? – удивился акробат. – Вряд ли ты обязана хранить внутрицеховые тайны, раз Ночной Клан тебя разыскивает и хочет убить.

– Даже так? – поднял брови Мильвио.

Лавиани закатила глаза, сказав в пространство:

– Здорово, что мы не спрятали кубышку с золотом, украденным из спальни какого-нибудь злодея. Ты бы всенепременно рассказал о кладе каждому проходящему, добавив для полного счастья биографию своих родственников до седьмого колена.

– Я не знал даже отца с матерью.

– Иронии ты тоже не знаешь, парень.

Тэо рассмеялся, взъерошив свои непослушные волосы:

– Только когда мне это удобно. Ну, так что насчет талантов?

Она помолчала, видя заинтересованные взгляды спутников:

– Их какое-то количество. У каждого есть свой, присущий только ему уникальный талант. – И, предвосхищая вопросы, добавила: – Я, к примеру, могу чувствовать других соек, если они поблизости. Клеро, чей труп вы имели счастье лицезреть, могла сращивать кости всего лишь касанием. Что касается других возможностей, то они просто проявляются, когда приходит их время.

– Ты об этом не думаешь?

– А ты думаешь, какой прыжок совершить, как приземлиться и как балансировать на канате? А Шерон думает, как обуздать заблудившегося? А Мильвио – в какую стойку встать и какой удар нанести? Возможно... а может, тело, привычки и инстинкты сами нам подсказывают, как действовать. Перечислять все умения я не собираюсь. – Она хлопнула себя по ноге, встала. – Хватит болтать! Пора в дорогу. Мы и четверти пути не прошли до Бренна.

– А татуировки? – Шерон не собиралась терять шанс воспользоваться словоохотливостью сойки. Такое случалось не каждый день, и в любой момент та вновь могла замкнуться в себе. – Кто делает их?

– Мои мне набил учитель.

– У него были какие-то способности?

– В смысле? А! Их может сделать любая сойка. Человек с даром.

Тэо закинул вещмешок на плечи, поправил перекрутившуюся лямку и спросил небрежно:

– То есть и ты можешь? Например, мне?

Лавиани ехидно улыбнулась:

– Конечно, мальчик. Правда, художник из меня хреновый. Но сделать цветную картинку могу. Честь по чести. Только если ты считаешь, что способности сойки скрыты в рисунке на спине, то глубоко ошибаешься. Человек, у которого нет дара, получит лишь разноцветный кусочек кожи.

– И сколько ты сделала татуировок?

– Нисколько, циркач. У меня не было учеников. И я ничуть об этом не жалею.

– Вас много? Соек, – уточнил Мильвио, видя, что Лавиани не поняла вопроса.

Та вытянула губы в трубочку, изучая его лицо и размышляя, стоит ли отвечать. Затем приняла решение:

– Я знаю о двенадцати. Возможно, нас больше, дети со способностями появляются время от времени, я в эту часть жизни Пубира давно не лезу. Предпочитаю держаться подальше. Но если говорить о двенадцати, то после того, как была Клеро, нас одиннадцать. Если, конечно, еще кто-нибудь не отбросил копыта.

– Вас десять, – помолчав, произнес Мильвио, и все посмотрели на него непонимающе, а он ткнул пальцем в рубашку, под которой скрывался свежий шрам. – Полагаю, мне оставил его кто-то из твоих друзей.

– Сомневаюсь, что кого-нибудь из соек я могу назвать другом. Впрочем, как и в том, что ты встретился с кем-то из нас. А уж тем более прикончил.

– Не ты ли совсем недавно сказала мне, что вся жизнь состоит из случайностей, сиора? Мне повезло, а ему – нет.

– С чего ты решил, что встретился с сойкой, Фламинго? Может быть, это был просто хороший фехтовальщик?

– Одно не исключает другое. Он действительно оказался очень хорош, хотя по первому впечатлению этого не скажешь. Вот тебе и верность поговорки, что внешность бывает обманчива. После того как я узнал, кто ты, начал думать о том бое. Фэнико должен был разрубить человека на две половины, но прошел сквозь него без всякого вреда и... – Южанин театрально развел руками. – Меня спасла кольчуга.

Лавиани прищурилась и внезапно спросила:

– Как выглядел твой противник?

– Ниже меня. Толстяк с неприятной улыбкой.

Тэо присвистнул.

– Что? – не поняла Шерон.

– Посмотри на лицо нашей общей знакомой. По нему все ясно без слов. Мильвио, старина. Ты действительно победил сойку. В настоящем бою.

Лавиани мучительно размышляла, глядя в только ей видимую точку, расположенную над правым плечом треттинца. Затем тряхнула головой, точно отгоняя наваждение:

– Кажется, теперь я понимаю, почему крошка Клеро была одна. Фламинго, ты либо везучий сукин сын, либо не так прост, как кажешься. Пожалуй, я буду еще внимательнее присматривать за тобой.

Он с обворожительной улыбкой отвесил ей легкий щегольской поклон:

– Я весь внимание, сиоры. И спешу заметить, что больше не горю желанием встречаться в бою с такими, как ты. Слишком уж вы утомительные противники – сойки.

Мелкая кудлатая собачонка выбралась на грязную дорогу, увидела путников, несколько раз копнула задними лапами, а затем, подняв длинную морду к небу, тоненько залаяла, подпрыгивая на одном месте.

– Эк ее распирает, – с уважением сказала Лавиани. – Кажется, вот-вот оторвется от

земли. Дикая какая.

– На ней ошейник, – заметил Мильвио.

Шерон подошла поближе, сказала ласковым тоном:

– Иди сюда, мой хороший. Мы не обидим.

Но псину она не убедила, и та, решив, что против четырех противников не устоит, с воем бросилась по дороге прочь.

– Паскудная шавка, – вынесла Лавиани свой вердикт. – Потерялась она, что ли?

– Не думаю. – Тэо потянул носом воздух. – Пахнет костром.

– И на дороге полно следов колес и копыт, – сказал Мильвио. – Кто-то встал лагерем совсем недалеко.

Возле речного берега они увидели шесть фургонов. Четыре были выкрашены зеленой краской, один бледно-голубой и еще один ярко-красной. Их собрали в неполный круг, лошадей отвели поближе к деревьям.

Тэо рассмеялся:

– Нам везет! Это цирк!

Лавиани посмотрела на него как на дурака:

– Считаешь, мы должны упросить их показать нам представление?

– Не говори ерунды. У них фургоны! И лошади! Этот тракт ведет в Талт. У нас есть возможность сократить путь и доехать с комфортом.

– Какого шаутта им быть такими добрыми к чужакам?

– Если ты не станешь встревать со своими комментариями и замечаниями, то все пройдет гладко. Я уверен. Так что, пожалуйста, просто помолчи.

– Молчать? Я лучший молчун в этом мире после любого покойника и немного. Печать Темного Наездника тебе в руки, мальчик. Посмотрим, что получится.

Их увидели издалека, но заинтересовались лишь после того, как путники сошли с тракта и направились к фургонам. Шерон во все глаза смотрела на настоящий бродячий цирк, отметив про себя, что эти люди не испугались незнакомцев. Многие продолжали заниматься обустройством стоянки и уходом за уставшими лошадьми, так что встречать чужаков вышли лишь двое взрослых, четверо любопытных детей разного возраста, в разноцветной одежде и все та же черная кудлатая собачонка.

Она вновь залаяла, и сухая пожилая женщина с желтой кожей, темными глазами и множеством косичек, приказала:

– Салатик! Успокойся!

Песик послушался, лег у ее ног, поглядывая на незваных гостей с подозрительностью, отсутствующей у людей. Спутник встречающей, высоченный мужчина с необъятным пузом, рассматривал их с плохо скрываемым интересом.

– Легкого пути вашим фургонам, – бодро произнес Тэо, поприветствовав коллег по цеху так, как это обычно делают цирковые.

Женщина, услышав это, заулыбалась, посмотрела на мужчину, и тот благосклонно кивнул:

- И вам ветра в спину. Нужна помощь?
- Хотелось бы поговорить с владельцем о том, чтобы присоединиться к вам.
- Он перед тобой. И зовут меня Ирвис, – прогудел мужчина.
- Я Тэо, это Шерон, Лавиани и сиор Мильвио. Вы направляетесь на юг?
- Допустим, парень. Что дальше?

Лавиани заметила, что остальные циркачи, больше не скрывая своей заинтересованности происходящим, постепенно подходят ближе, чтобы лучше слышать беседу.

- Мы идем в Талт, и если вы направляетесь в ту же сторону, то, быть может, пойдем одной дорогой?

Ирвис глянул на него, перевел взгляд на спутников, задержавшись на мече Мильвио. Ответить не успел, так как невысокая конопатая девушка с двумя смешными косичками соломенного цвета сказала, показав на Тэо:

- Если возьмешь его даже на время, не пожалеешь.

В ее голосе была такая уверенность, что толстяк полюбопытствовал:

- Знаешь его?
- Видела. Однажды. А ты, без всякого сомнения, слышал о нем. Это Тэо Пружина. Тот самый.

Кто-то присвистнул, среди циркачей раздались шепотки, и Лавиани негромко бросила Шерон:

- А наш мальчик, кажется, довольно известен.
- Пружина, – понимающе произнес Ирвис. – Парень, танцевавший над водопадом, а затем плюнувший в протянутую руку герцога Треттини.
- Справедливости ради хочу сказать, что ни на кого я не плевал.
- Отказать герцогу вступить в его труппу все равно что плюнуть в него, – сказала женщина, успокоившая собаку. – Так что Ирвис по сути дела прав.
- Ты ведь начинал с цирком Квио? – продолжил хозяин. – Жаль старика. И что его детище растащили вороны по герцогствам. Хорошая была труппа. Слаженная. Ну а ты? Что делает звезда в глухомани? В одиночку. Без труппы и цирка? Разве птица твоего полета не должна лететь на юг, в Турес? Фестиваль, который устраивает тамошний герцог, через полтора месяца. И уверен, тебя, в отличие от таких пропыленных дорогой тараканов, как мы, ждут там с распростертыми объятиями.
- Я предпочту пропыленных дорогой друзей беднякам в золотой клетке.
- Хорошие слова, – одобрила девушка с косичками, выходя вперед, и протянула ему руку. – Я Мьи. Эквилибристка. И считаю, что отец...
- Я еще ничего не решил! – оборвал ее Ирвис. – Не торопи фургоны.

– Мы найдем им место. И не думаю, что они нас стеснят, – поддержала девушку женщина с собачкой.

– Акробата, пляшущего на канате, у нас не было уже полтора сезона, – вступил в разговор мускулистый карлик с большими, печальными глазами. – Публика будет в восторге.

– Ну хорошо, Пружина. С тобой все понятно. Но твои друзья не из нашего братства. Они заплатят за проезд? Я не вижу, чтобы вы особо нуждались, так что извини, просто так любого желающего с собой не повезу.

– Мы тоже готовы выступать, – внезапно сказала Шерон, чем до крайности удивила в первую очередь Пружину. – Лавиани прекрасный метатель ножей.

Сойка точно воды в рот набрала. Стояла не шевелясь, хотя сейчас ей очень хотелось взять и встряхнуть девчонку так, чтобы у нее глупая голова отвалилась.

– А это публика еще больше любит, – потирая рукой подбородок, задумчиво протянул карлик.

– Перестань, Рико! – нахмурился Ирвис. – Какая из нее, к шауттам, метательница?! Она если в цирке и была, то по другую сторону сцены!

Эти слова вызвали еще большее раздражение у Лавиани, и та предложила:

– Мне не сложно продемонстрировать свои умения.

– Среди нас ты не найдешь глупца, который согласится ассистировать незнакомому человеку, – развел руками толстяк.

Прежде чем Тэо успел вызваться, Шерон негромко сказала:

– С этим не будет проблем. Куда мне встать?

Лавиани глянула на нее, пожала плечами, не желая показывать, что ей приятно это доверие.

– Наконец какое-то зрелище, – потер руки алагорец с алым носом пьяницы. – Не только нам валять дурака, а, Гит?

Его товарищ, рыжеватый сухопарый фихшейзец, вытащил изо рта зубочистку и, прежде чем сунуть ее обратно, изрек:

– Угу.

– Стенка фургона тебя устроит? – спросил Ирвис, указав на ближайший, голубого цвета.

– Если тебе ее не жалко, – пожала плечами сойка. – Эй! Ты! Мелкий! Принеси мне топор.

Карлик глянул на нее исподлобья:

– «Пожалуйста», я явно от тебя не дождусь, женщина. Меня звать Рико, а не мелкий. Потрудись это запомнить, если хочешь остаться среди нас.

Качая головой, он скрылся за фургонами, а Лавиани, взяв Шерон под локоть, отвела в сторонку.

– Раз уж вызвалась устраивать представление, то, ради всех своих соотечественников, не дергайся, когда я буду бросать ножи. Если испугаешься, я могу и попасть... не туда, куда хотелось бы.

Шерон негромко произнесла:

– Ты все время считаешь меня слабой и ранимой девочкой, Лавиани. Я понимаю, что мой возраст и моя внешность производят ошибочное впечатление, но я не нежная юная госпожа из сказок. Я с самого детства сражаюсь с заблудившимися и не дрогну из-за брошенного ножа. Особенно если его кидает опытный человек.

Сойка прочистила горло:

– Этих олухов надо впечатлить, иначе толстяк будет продолжать ломаться до вечера, а я слишком устала, чтобы так долго оставаться терпеливой.

Девушка сняла куртку, оставшись в рубашке с расстегнутым воротом и юбке, и направилась к фургону под взглядами циркачей. Женщина с собакой улыбнулась Шерон, и та улыбнулась в ответ.

Лавиани вздохнула, с печалью посмотрела на Тэо и Мильвио:

– Ну? А от вас мне ждать каких-нибудь комментариев?

– Не думаю, что это уместно, сиора.

– То есть никто из вас за нее не переживает?

– Хочешь услышать, что мы доверяем твоему мастерству? – Пружина переглянулся с треттинцем. – Если это вселит в тебя уверенность...

– Не бери на себя много, мальчик. Моей уверенности хватит на всех герцогов нашего мира. А наглости еще и на всех шауттов. Я, рыба полосатая, не фермерша какая-нибудь. Просто не хватайте меня за руки, если вдруг перепугаетесь. Лучше отвернитесь и порывайте друг у друга на плече.

– Этот настрой мне нравится гораздо больше, сиора.

– Хм... надеюсь, он не пропадет, когда ты узнаешь, что, чтобы произвести на них впечатление, стоит завязать глаза? – осторожно произнес Тэо.

Сойка скривила губы:

– Спасибо, что в ваших традициях нет правила, что я должна презентовать себя голой.

Все уже ждали, расположившись полукругом перед фургоном, дав Лавиани достаточно пространства. Но она удивила их, попросив отойти еще на десяток шагов назад и встав далеко от мишени.

– Легких путей она себе не ищет, – оценив ситуацию, произнес усатый смуглый силач из Кадира, и парень с ясными голубыми глазами и блестящей бляхой на красиво расшитом поясе усмехнулся, но как-то криво и нервно, тревожно поглядывая на Шерон.

Указывающая, чувствуя спиной шероховатость досок, раскинула руки и замерла. Лавиани огляделась, сняла с шеи Мьи платок. Девчонка удивилась, но не возражала, видя, как та завязывает себе глаза.

– Ого! – сказал карлик, бросая под ноги сойки принесенный топор с короткой

рукоятью. – Женщина решила прыгнуть выше своей головы?

Ему никто не ответил, воцарилась оглушающая тишина. Все смотрели на сойку, а Шерон смотрела на всех, с удивлением видя напряженные, неуверенные лица. Лишь Тэо, стоявший позади, сложил руки на груди и в ус не дул. Да Мильвио, находящийся чуть сбоку, поймал ее взгляд и подмигнул зеленым глазом.

Лавиани взяла первый из метательных ножей обратным хватом:

– Девочка! Скажи что-нибудь!

– Что-ни...

Шерон не уследила за движением, лишь ощутила удар. Нож глубоко вошел в мягкие доски, так близко к ее щеке, что она ощутила кожей холод металла.

Следующие два ножа Лавиани бросила без паузы. Первый, шурша, вошел рядом с запястьем указывающей, второй, который, казалось, должен был попасть ей в лицо, вонзился рядом с правым виском, прибив к дереву прядку ее волос.

Кто-то ахнул, смуглокожая женщина с луноподобным лицом не выдержала, отвернувшись.

Тусклые, большие метательные ножи, брошенные за лезвие, размывались в воздухе, а затем, дрожа, застывали в цели.

Четвертый едва не поранил ей ухо. Пятый пробил рукав рубашки. Шестой воткнулся чуть выше макушки так, что, если бы Шерон захотела встать на цыпочки, у нее бы это не получилось – голове мешала преграда.

Лавиани сняла повязку, глянула на указывающую, которая за все это время даже не подумала зажмуриться. Сойка подняла с земли топор, и Ирвис сказал:

– Достаточно! Мы все увидели твои способности. Побереги наши нервы до своего выступления.

Тэо улыбнулся, жестом показав, что лучше делать так, как просят, и она положила топор обратно, внезапно услышав, как вокруг раздаются аплодисменты. Цирковые рукоплескали и ее мастерству, и смелости Шерон.

– Отлично, заberi меня та сторона! – воскликнул алагорец с пропитым лицом. – Все с ума сойдут, когда такое увидят.

Рыжеватый фихшейзец вновь вытащил изо рта порядком изгрызенную за минуту представления зубочистку, посмотрел на сойку удивленно, точно не понимая, как она это сделала, и промолвил:

– Угу.

– Мастерство хорошее, – признал хозяин цирка. – Раз уж даже моих вы смогли впечатлить. Но артистизма у тебя совсем нет, женщина.

Лавиани собралась сказать этому хомяку-переростку что-нибудь резкое, но женщина, отпустившая песика на траву, произнесла:

– Артистизм это наживное, муженек. Я живо научу их обеих. Никто в толпе глаз с них не спустит.

– А костюмы?

Лавиани вновь хотела заявить, что в жизни не натянет на себя блохастые тряпки какого-то артиста, но Тэо, ловко оказавшийся впереди, загородил ее от Ирвиса:

– Мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Хорошо, – кивнул тот, и все вокруг заулыбались, точно семья, в которую вернулись надолго пропавшие, но любимые родственники. – Контракт, как я понимаю, вы подписывать не станете?

– Мы выступаем за ночлег, еду и дорогу до Талта. Это наша плата. Обойдемся без денег и ударим по рукам.

– Так не пойдет! – наконец не выдержала сойка.

– Пойдет! – возразила ей Шерон. – Мы согласны.

Ирвис переглянулся с женой:

– Вполне честно. Ну а вы, сиор? Что умеете? Карточные фокусы? Чревовещание? А может, глотаете огонь?

По тону владельца цирка становилось понятно, что он не верит ни в одну из перечисленных способностей.

– Не стану тебя разочаровывать, добрый хозяин, – сказал треттинец. – У меня всего лишь есть меч, и в цирковом ремесле я не силен.

– Как и все благородные сиоры. Простите меня, но меч нам ни к чему.

– Да что на тебя нашло?! – не выдержала женщина с собакой. – Дороги бывают опасны даже в Накуне. Сиор, разумеется, едет вместе со своими друзьями.

– Непонятно, кто здесь владелец цирка – я или моя дочь и жена? – вздохнул Ирвис. – Шаутт с вами со всеми. Добро пожаловать в «Радостный мир».

Глава четырнадцатая

«Радостный мир»

– Смотри, указывающая, – сказал шаутт. – Я дам тебе золото, дам власть, дам вечную жизнь. Лишь стань мне женою.

– Мне не нужно золото, не нужно власти и не надо вечной жизни, – ответила указывающая демону. – Я хочу то, чего ты никогда не сможешь мне дать.

– Что же это?

– Радость.

Сказка герцогства Летос

Гит и Ливен были два сапога пара. Рыжеватый молчаливый парень и болтливый, любящий выпить алагорец – прекрасно дополняли друг друга. В том числе и во время игры в карты.

Лавиани, лежа на теплой крыше фургона, наблюдала за тем, как они медленно, но верно очищают Рико, закидывая с двух сторон карточными раскладами.

Карлик никак не мог догадаться, что двое сговорились и играют против него, пускай при этом Ливен терпит неудачу за неудачей, но сойка жила не первый год, крутилась в самых гадких кварталах Пубира и знала, какими способами действуют мошенники.

Вот прямо как сейчас.

Один поддавался, второй изображал неуверенного дурака, но затем случалось «внезапное везение», и улты уходили от Рико. Рядом с Гитом стояло уже несколько стопок выигранных медных монеток.

– Три таувина. – Гит выложил на стол, которым служил старый бочонок, карты.

– Удачный день у тебя сегодня. – Ливен с наигранной печалью сбросил карты, посмотрел на Рико. – Ну а ты?

Карлик был чернее тучи, и на его высоком лбу появилось множество морщин:

– Не понимаю. Откуда красный таувин? Их сбросили! Вы, клоуны, шельмовать вздумали?

– Эй-эй! – возмутился Ливен и погрозил пальцем. – А вот не надо... Я попрошу без оскорблений! Да, мы клоуны, но это не значит... – Он хлебнул из жестяной кружки вина. – Что мы занимаемся шулерством. Напряги память, балда! Я сбросил указывающую, а не таувина! Гит, покажи ему!

Рыжий сунулся в колоду использованных карт, вытащил нужную, и даже Лавиани, следившая за руками, не успела заметить, в какой момент произошла подмена. Красную указывающую предъявили подозрительному взору Рико.

Тот разочарованно ругнулся и поднялся:

– Шаутт с вами. Сегодня с меня хватит! Почти весь дневной заработок тут оставил!

Он ушел, а Гит и Ливен ухмыльнулись друг другу.

– Я думала, что циркачи не воруют у товарищей, – сказала им Лавиани.

Ливен вздрогнул, поднял голову, заметив ее, лежавшую на крыше фургона.

– Цирковые, – машинально поправил он. – Давно ты здесь?

– Достаточно, чтобы понять, что и как вы сделали.

Гит пожал плечами:

– Это мелкое развлечение между друзьями. Никто особо не страдает.

– Ну вы-то точно нет. – Сойка положила голову на руки, вытянулась.

– Может, и ты хочешь сыграть? – Ливен начал тасовать колоду.

– Всегда «за», – произнесла сойка, впрочем не спеша спускаться. – Я обдеру вас как липку. Но если будете мухлевать, то проткну вам ладони своим ножом. И отрежу большие пальцы. А может, еще и уши.

Клоуны переглянулись, и Ливен, даже отставивший вино от таких слов, произнес с уверенностью, отвечая сразу за двоих:

– Нечего связываться с бабами. Никогда не знаешь, когда они шутят, а когда говорят серьезно. Эй! Лин! – окликнул он лунолицую женщину, которая была кукольной, а сейчас разворачивала завернутое в тряпки фальшивое чучело эйва.

Последний, на взгляд Лавиани, больше напоминал дохлую собаку, к которой пришили голову не менее дохлого оленя. Хотя на самом деле часть этой страхолюдины имела не только животное происхождение – неизвестный мастер использовал тряпки, краску, воск и паклю. Сойка бы ни в жизнь не стала таскать за собой сей образчик природы, но, к ее удивлению, он привлекал зрителей. Люди готовы были платить деньги, чтобы хоть одним глазком увидеть самого настоящего эйва. Мильвио не преминул предложить Ирвису сшить еще и асторэ. Тот оживился и поблагодарил за хорошую идею. А Лавиани, не удержавшись, попеняла треттинцу на плохое воображение:

– Надо было подкинуть ему идею создать Скованного. Это же так просто. Выкопал на ближайшем кладбище покойника, заковал в цепи. Очередь желающих взглянуть на великого волшебника растянется до Летоса.

Южанин лишь посмеялся:

– Мне далеко до твоей творческой жилки, сiora. Но не думаю, что Ирвис согласится. Цирковые знают грань, которую лучше не переступать.

– Угу. Я уже успела заметить, что они суеверные ребята.

– Все мы суеверны.

– Даже ты?

Он хмыкнул:

– Что тебя так озадачивает? Я верю в Шестерых. И в шауттов. И в ту сторону. Хотя... в наше время никого из вышеперечисленных нельзя отнести к суевериям.

Кукольная между тем подошла к клоунам, и Ливен протянул ей выигранные у Рико монеты. Женщина улыбнулась, чмокнула пьяницу и его друга в щеки.

– Она же вроде жена мелкого? – Лавиани покрутила в воздухе пальцем.

– Дошло. – Гит достал из кармана новую зубочистку.

– Мы для нее и старались, женщина. – Ливен с чувством выполненного долга налил себе еще вина из порядком опустевшей бутылки. – У старины Рико вечная проблема – после представления он просаживает денежки в карты. И лучше он проиграет их нам, чем какому-нибудь городскому уроду. А мы их надежно сохраним и вернем в семью. У жены Рико они всяко будут целее.

– Хм... – Сойка взглянула на эту парочку другими глазами и сказала Гиту: – Готова поставить монету, что раньше ты обводил вокруг пальца не только карликов.

– Не хочу проигрывать, – помолчав, ответил он.

– О! Сиор! Не желаете ли поиграть в «Шесть ветров»? А может, вас более интересует «Некроманты и Таувины»? – Ливен окликнул Мильвио.

Тот покачал светловолосой головой:

– Мне не везет в азартные игры. Так что я обхожу их кругным путем.

– С нами обязательно удача будет на вашей стороне, сиор!

Тот расхохотался:

– Удача! С такими ловкачами? Я собираюсь потратить свои монеты как-нибудь иначе.

Ливен вздохнул, закашлялся и вытащил у себя изо рта куриное яйцо, с наигранной печалью сказав приятелю:

– Кажется, среди новых друзей мы успели заслужить сомнительную репутацию. И с чего бы это? Пойдем, брат. Натянем рыжие парики да красные носы. Скоро веселить людей.

Они ушли.

– Не видела Тэо, сиора?

– Был с Мьи. В последние дни он проводит довольно много времени с этой девчонкой.

– Они оба акробаты, и им есть о чем поговорить. Тебя это беспокоит?

– Лишь в том случае, если ее папаша выскажет недовольство, застав их голыми, и вышвырнет нас до того, как мы окажемся в Талте. Впрочем, может, это даже к лучшему. Мне до реберной боли достало развлекать деревенщин.

– И получать от них цветы и аплодисменты? – В его голосе не проскользнуло даже нотки иронии.

Лавиани зыркнула на него сверху, перевернувшись на спину, глядя в небо:

– Ступай себе мимо, Фламинго. Я не в настроении.

– Удачного выступления, сиора.

Она слышала, как он уходит, и думала о том, как забавно шаутты размешали котел с варевом, где плавала ее судьба.

Лавиани в цирке.

Выступает.

Просто обхохочешься.

Сойка была удивлена, как их приняли. Как своих. Как равных. Никто не косился. Никто не шептался за спиной и не прекращал разговоры, когда она появлялась. Циркачи были открытыми, веселыми и неунывающими людьми. Раньше ей бы это показалось либо странным, либо наигранным, но теперь, после знакомства с Тэо, она гораздо лучше понимала их.

Их жизнь не являлась карамельной дорожкой, но они держались вместе, оставались семьей и конфликты, если те и возникали, старались гасить в самом начале. Труппа «Радостного мира» знала друг друга уже много лет и последние шесть путешествовала по Накуну, Лоскутному королевству, Нейкской марке и северу Алагории, давая

представления в деревнях и небольших городках, куда обычно не заезжали крупные и известные артисты.

Они были маленьким цирком, без звезд и возможности покорять лучшие площади Рионы. Но люди довольствовались тем, что им давала судьба, и не унывали. Вечерами у костра звучал смех и песни. Они рассказывали истории, и Лавиани за те дни, что фургоны двигались на юго-восток, узнала больше сказаний, чем за всю свою жизнь.

Их было девятнадцать, включая четверых детей.

Владелец цирка и бывший силач Ирвис.

Его жена Вьет, дрессировавшая пару собак и умеющая жонглировать.

Карлик Рико, часто выступавший в комических номерах, на подхвате у двух клоунов – Гита и Ливена, развлекавших публику в антракте. Также эта троица помогала жене Рико – Лин – в кукольных представлениях. Впрочем, клоун Ливен за ширмой частенько напивался, и тогда помощи от него было немного. В основном только проблемы.

Во время предпоследнего выступления он испортил куклу Тиона, оторвав той руку, за что получил крепкую взбучку от Лин. Тут же. На сцене. Зрители решили, что это постановка, очередное комичное шоу с участием пьяницы, карлика и сварливой бабы. Их провожали аплодисментами.

Мы, дочь Ирвиса и Вьеты, акробатка, тут ее называли эквилибристкой. По канату она не ходила, но прыгала ничуть не хуже Тэо. Маленькая и ловкая, она умела очаровывать толпу. В особенности всем нравилось, когда девушка балансировала, ходила или стояла на руках на шаре, выточенном из дерева.

Парень с красивым цветным поясом откликался на прозвище Ремень (кто бы сомневался) и был фокусником. Раньше, пока не погибла обученная лошадь, он радовал публику вольтижировкой[20] на ней, а также немного жонглировал и мог выступать в паре с Вьет или Мы.

Усатый силач Алин был кадирцем. Он дружил с Рико и сох по тощей глотательнице шпаг и огня – Молике.

Ее брат, копия сестры, только с бородой, был предсказателем судьбы и, пожалуй, самым мрачным типом в труппе. Никто не знал его имени, так как мужчина считал, что это испортит его дар. Поэтому все называли его братом Молике.

Красавица Велина, уроженка Соланки, играла на лютне и чудесно пела. Все заслушивались ее балладами о таувинах. О Джеве Пламенное Слово, влюбившемся в королеву Асторэ и отправившемся за ней на ту сторону, после того, как Катрин Золотая Искра убила врага человечества. О Юзель Вонзающей Копье, спасшей Эльган от шауттов. О Виле Серебряном Гневе, который на пороге столетия влюбился в юную великую волшебницу и отправился искать молодость в мир Трех Солнц и Двадцати Лун, куда не знали дорогу даже Шестеро. О Громе Грозе Великанов, последнем из легендарных таувинов, отказавшем Скованному в своей лояльности, и той ужасной мести, что упала на всю семью великого рыцаря.

Песен было много. Лавиани, обычно сидевшая в стороне от основной компании, слушала их под звездным небом, прижавшись спиной к колесу фургона. Ей нравились баллады Велины и те эмоции, что они вызывали. Во время выступлений сойка видела, как люди, слушая соланку, смеются или плачут.

Рехар, с трудом ходящий старик, в прошлом канатоходец, сорвавшийся во время представления, переломавший себе ноги, таз и ребра, больше не веселил публику. Он был старинным другом Ирвиса, жил в одном фургоне с его семьей. Рехар оказался

хватким малым, въедливым и внимательным, и был правой рукой хозяина цирка, часто участвуя вместо него в переговорах с городскими и деревенскими советами. Он собирал все деньги после выступлений, распределял их между артистами и являлся незаменимым человеком во время организации представления.

Чик и Тик – близнецы из Дарии. Они выступали с акробатическими номерами, прыгая через скакалку, вертя обручи и делая сальто на узкой доске, которую обычно держали Алин и Ирвис. Их постоянно путали, потому что женщины носили одинаковую одежду, одинаковые прически и то и дело называли себя именем сестры.

Лавиани заслужила их уважение – она не ошиблась ни разу, обращаясь к ним. Для сойки это было довольно простым ребусом. У близнецов все же имелось одно различие – у Тик сердце располагалось справа, а не слева, как у большинства людей. Такое встречалось, хотя и довольно редко, но, кажется, в труппе мало кто об этом догадывался. А Лавиани и не надо было гадать.

Она просто слышала.

Оставшиеся участники цирка – дети от трех до девяти лет. Имена четверки сойка даже не удосужилась запомнить – они ее совершенно не интересовали.

Шерон и Лавиани достались верхние полки в одном из зеленых фургонов, где жили Чик, Тик, Молике и трое их сыновей. Довольно тесно и порой шумно (хотя детские вопли не выводили сойку из себя так, как долгое соседство с Тэо), но ей было не привыкать ютиться в узких пространствах.

Часто сойка не возвращалась в фургон до поздней ночи, предпочитая путешествовать на крыше и большую часть времени проводя в одиночестве и наблюдая за окружающим миром.

Наступил месяц Снегиря, но здесь он ощущался так, словно уже заканчивался месяц Единорога. Деревья вокруг стояли зелеными, пахло черемухой, и вот-вот должна была расцвести яблоня.

До Талта оставалось совсем немного, и за то время, что они путешествовали с цирком, сойке довелось поучаствовать в шести представлениях.

Больше всего споров вызвал наряд сойки. Его сшила Мьи, из старых сценических костюмов, хранившихся в одном из мешков с реквизитом. Лавиани уперлась рогом и собиралась сразаться с костюмом до победного конца, и только Шерон смогла ее убедить.

– Я похожа в этом на старую ворону! – злилась сойка, изучая в зеркале свой угольно-черный наряд с бахромой на рукавах, которая действительно походила на крылья.

– Давай поменяемся? – предложила указывающая.

Новоявленная метательница ножей скептически осмотрела девушку в лимонно-желтом обтягивающем трико.

– Ну уж нет. С таким же успехом можно выступать голой. Как ты вообще согласилась на эту кожу?

– Не стану спорить с Вьет из-за таких пустяков. Они говорят, что зрители должны глазеть на меня.

– Тебя это не смущает?

Шерон рассмеялась:

– Меня куда больше смутит, если они все превратятся в заблудившихся, а при мне не будет моей сумки. Слышишь? Гит и Ливен заканчивают. Сейчас наша очередь выходить. Ты готова?

Сойка кивнула.

На первом выступлении она едва все не испортила, собравшись избавиться от своих ножей за первые десять секунд. Но увидела Вьет, стоявшую в первом ряду, и вспомнила все то, чему ее учили. Неловко поклонилась, театрально показала публике: ножи, топор и серп. Последний был позаимствован на близлежащем поле, после сражения с одиноким пугалом.

Сперва Лавиани бросала ножи без повязки, затем Чик, ассистирующая ей, закрыла сойке глаза.

Когда последний нож задрожал в опасной близости от головы Шерон, публика разразилась аплодисментами и восторженным свистом. Сойка, сама того не желая, почувствовала, как ее губы растягиваются в улыбке. На сцену дождем стали падать мелкие монеты, и Чик, вооружившись шляпой, стала собирать заработок.

В тот день их вызывали выступить еще четырежды. Ирвис потирал руки и восторженно шептал:

– Успех! Спасибо Шестерым, какой успех!

Люди оценили ее мастерство и смелость Шерон, а это было, вне всякого сомнения, приятно. В двух городах им подарили цветы, а начальник стражи, впечатлившись действием, расщедрился на целую рен-марку.

У указывающей, красоту которой мгновенно заметили, появились поклонники. Один даже последовал за цирком в соседний город. Но и Лавиани досталась толика внимания. Какой-то пьянчуга после выступления схватил ее за задницу. Прежде чем опешившая сойка сломала ему шейные позвонки, за спиной хама возник невозмутимый Мильвио.

– Сиор ошибся, – сказал он, возвышаясь над ухажером.

Тот оценил южанина, в особенности его меч, и послушно повторил:

– Сиор о-шибся.

– И приносит даме извинения.

– Большие извинения, – согласился быстро трезвеющий человек.

– И ему надо домой.

– Очень надо, – просящим тоном сказал пойманный, точно провинившийся пес жалобно заглядывая в глаза Лавиани.

– Пшел, – смиростивилась та.

Неудачливого поклонника и след простыл.

– Он даже не знает, что ты спас ему жизнь.

– О, уверен, что мне совершенно не нужны его благодарности, сиора. – Мильвио старался не показывать, как его рассмешила ситуация, но сойка видела этот затаенный смех в том, как он говорит и щурится, точно довольный кот. – Я вмешался, чтобы помочь даме.

– Даме... Опять ты наслушался сказок Велины, мальчик. Играй в эти игры с Шерон. Я слишком стара для столь галантного обхождения. Того и гляди, стошнит.

– Как сиоре будет угодно.

– И кстати! Не вздумай никому сболтнуть, что здесь случилось.

Тэо легко мог описать те три основных чувства, что появились у него, когда они связали себя с «Радостным миром».

Во-первых, умиротворение. Он вернулся домой и только теперь понял, как скучал. По вечерам возле костра, по песням, смеху и историям цирковых. По тесноте, жесткой спальной полке, запаху старых вещей, скрипу колес. Это был его мир, его жизнь.

Во-вторых, радость. Он был счастлив вернуться к настоящим выступлениям, плясать на канате, развлекать толпу, задиравшую головы, не отрывавшую от него взглядов, не желавшую упустить ни одного его движения. Там, в танце между небом и землей, Пружина жил особенно ярко, и ненадежная опора была его лучшим другом.

В-третьих, страх. Он появлялся лишь ночью, в редкие минуты одиночества, когда Мьи засыпала под его одеялом или же уходила ночевать в фургон родителей. В такие моменты Тэо возвращался к тому злополучному дню, когда с ним вновь случилось это.

Он ничего не почувствовал. Просто мир померк, словно кто-то задернул плотные шторы на солнце. А когда пришел в себя, увидел над собой встревоженные лица друзей. Услышал новости о припадке.

Пружина понимал, что это означает. Затаившийся в нем пустой вновь пробудился. Отростки метки оплели его локоть словно шипастая лоза, вцепившаяся в кладбищенскую ограду. Акробату приходилось следить, чтобы никто не видел его спину.

Лишь Мьи, единственная из цирка, знала правду. Она не испугалась, и Тэо был благодарен ей за смелость и за то, что та не смотрит на него точно на чудовище.

Вездесущая Лавиани, самая первая, кто догадался, что акробат и дочка хозяина цирка делят одну постель, на следующее утро отвела его в сторонку, во время стоянки на берегу какого-то пруда, сказав:

– Я не поборник нравственности, мне все равно, чего у вас там происходит. Но, судя по твоей довольной роже, вы зашли гораздо дальше, чем просто держать друг друга за руку при луне.

– Мы вроде как взрослые люди. И просто проводим ночь. Без обязательств друг перед другом. Если ты считаешь, что я разобью ей сердце, когда уйду...

Сойка фыркнула, покосившись на проходящего мимо брата Молике:

– Вот еще я должна переживать за сердца малознакомых мне девиц. Я о твоей метке. Она ее видела?

– Да. Тебе не о чем беспокоиться.

Лавиани посмотрела на акробата как на полного придурка и передразнила его противным голоском:

– Тебе не о чем беспокоиться, кричал глупый акробат, когда его привязали к двум

фургонам, чтобы разорвать на кусочки. Ты в своем уме? То, что знает один человек, знают все девятнадцать, включая этих мелких орущих спиногрызов!

Тэо улыбнулся и, подавшись к ней, шепнул:

– Не волнуйся. Ты ведь не слышала визга вчера? Мы цирковые. Мы другие. И правила у нас иные. Никто никого не сдаст. И не выдаст. Я ей доверяю.

– Доверяешь, – вздохнула сойка, поняв, что спорить бесполезно. – Рыба полосатая...

Сокрушенно качая головой, она ушла, даже не став продолжать спор.

Ее предсказания не сбылись, и Мьи так ничего никому не сказала.

– Надо ли мне знать твои тайны? Нет, – обмолвилась она как-то во время тренировки.

Акробат смотрел, как она достала из сумки, переброшенной через плечо, шесть алых мячиков и начала жонглировать, ногами продолжая подгонять под себя так и норовивший выкатиться тяжеленный деревянный шар. Две ее смешные косички соломенного цвета были закручены вокруг головы, обнажая шею и открывая непроколотые мочки ушей.

– Мне уже не восемнадцать, Тэо, и я давно растеряла свою наивность. Через две недели ты оставишь «Радостный мир» и уедешь за горизонт, возможно ни разу не обернувшись. Чем меньше мы знаем друг о друге, тем менее болезненно будет наше расставание. Ты мне нравишься. С тобой интересно и хорошо. Но я не хочу в тебя влюбляться... – Мячики превратились в два каскада. – Или... боюсь. Мы хоть и артисты, но птицы разного полета. Моя жизнь связана с маленьким цирком, ты же можешь попасть в любую труппу, стоит тебе только назвать свое имя. Ты не останешься здесь, а я не брошу отца и мать и не уйду с тобой.

– Довольно цинично.

– Ты считаешь, что я не права?

– Права. Лучше быть честными друг с другом и с самими собой.

Она нравилась ему, а он ей с первого дня знакомства, и они не считали нужным лгать, а тем более терять понапрасну скоротечные часы.

Дочь Ирвиса казалась сильной и независимой. Она, а не ее мать, была первой помощницей отца, решала возникающие проблемы. Но в то же время Тэо знал, насколько она ранима. Видел это в ее глазах. Мьи не хотела, чтобы он уходил, но никогда не попросит остаться.

Возможно, при других обстоятельствах Пружина бы задержался в «Радостном мире» на полный сезон, а может, и дольше, а там уж... как пойдет. Мьи чем-то напоминала Монику, оставшуюся в золотой клетке герцога Треттини. Хотя внешне акробатка с соломенными косичками и черноволосая воздушная гимнастка были совершенно не похожи.

Но он не хотел привести к этому цирку беду. Поэтому ушел бы в любом случае, даже если не было Шерон и его обещания ей.

Несколько раз ему снились кошмары, что он становится пустым прямо во время выступления перед сотнями зрителей, а затем глаза застилала кровь, и он уже оказывался на пепелище. Среди спекшейся земли, полыхающих домов, фургонов и обугленных трупов.

Тэо не знал, почему в его снах все время присутствовал огонь. Он слышал, что магия той стороны не обладала такими свойствами, нигде в сказках не упоминалось, что у

асторэ и шауттов было в подчинении пламя. Но вся та сила, что росла в нем, в кошмарах всегда превращалась в огонь, готовый уничтожить даже его.

Поэтому акробат, несмотря на то что ему нравилось в «Радостном мире», с каждым днем все больше и больше хотел как можно быстрее добраться до Талта и попрощаться. Чтобы все эти девятнадцать замечательных людей оказались как можно дальше от него.

Канат между часовой башней и шпилем храма Шестерых натянули еще прошлым вечером, как только цирк приехал на городскую площадь. Ирвис, Алин, Гит и Ливен провозились до самой темноты, надежно закрепив его. После этого Тэо проверил, что получилось, а утром, перед началом выступления, сделал это еще раз.

Шерон нравилась его обстоятельность и серьезное отношение к работе. Сейчас она, как и все находящиеся на площади, следила за его выступлением. Указывающая видела подобное уже не в первый раз, но все равно не могла пропустить пляску канатоходца.

Это было завораживающее зрелище. С одной стороны, невероятно прекрасное, с другой – щекочущее нервы.

Шерон знала, насколько талантлив ее друг. Видела его тренировки, то, как он крутит сальто, или жонглирует, или разыгрывает пантомиму, заставляя улыбаться даже Лавиани. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что Тэо творил на канате.

Он шагал по нему с такой уверенностью, легкостью, пластичностью и грацией, словно под его ногами был центральный тракт, а не опора шириной в половину стопы. Высота и риск его совершенно не смущали. Ловкость и баланс были главными помощниками Пружины, который во время выступлений не использовал шест.

Он легко мог остановиться на середине пути и сесть на канате, поглядывая вниз, а затем взлететь в воздух и приземлиться на него обеими ступнями. Завязать глаза, сделать обратное сальто под дружный вздох толпы. Жонглировать кольцами. Иногда он мог и «упасть». «Сорваться», успевая «в последний момент» ухватиться рукой за канат, повиснув между небом и землей, в нескольких секундах от той стороны.

Самые впечатлительные зрительницы падали в обморок. Толпа снова ахала, от ужаса. Шерон, увидев это представление в первый раз, едва не сошла с ума, переживая за Тэо. Но тот как ни в чем не бывало подтягивался, вставал и продолжал выступление.

Вот и сейчас девушка стояла за сценой, глядя, как акробат, точно водомерка, скользит по своей ненадежной дорожке.

– Любуешься? – Мы подошла неслышно, встала рядом.

– Скорее наслаждаюсь. – Она не отрывала взгляда от маленькой фигурки в черном на фоне ярко-голубого неба.

– Его талант достоин аплодисментов. Даже Канатный Плясун оценил бы Пружину.

– Канатный Плясун? – Девушка впервые слышала это имя.

– Тион, – пояснила Мы. – Спасая Арилу и Нейси, он проявил чудеса ловкости. Могу я тебя попросить?

Шерон замешкалась на мгновение, склонила голову:

– Конечно.

– Если с ним что-нибудь случится... – Акробатка прервалась, тоже посмотрела на Тэо, и Шерон видела, что та волнуется. – Сможешь сообщить мне?

– Как?

– Скажи об этом в любом цирке, который когда-нибудь встретится тебе. Они передадут следующему, и рано или поздно новость меня найдет.

– Хорошо. Я это сделаю.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Мьи, намереваясь уходить, но указывающая задержала ее, опустив ладонь на предплечье.

– Почему ты не скажешь Пружине, что беспокоишься о нем?

Та грустно улыбнулась, покачав головой:

– Опасные слова для многих мужчин, Шерон. Я вижу его и понимаю, что сейчас он живет лишь целью. Не знаю какой. Наверное, той, к которой вы, все четверо, стремитесь. Я не скажу ему ничего, иначе это выбьет опору из-под его ног, свяжет и заставит сомневаться в правильности своего выбора. А быть может, сожалеть о том, что потерял, вне зависимости от того, какой выбор сделает. Я так не поступлю с ним. Не отберу его цель. Ты должна понять меня.

– Понимаю. Главное, чтобы ты не жалела о том, чего не сказала.

Мьи внимательно посмотрела на Шерон:

– Тебе пора. Сиор уже ждет.

Мильвио стоял неподалеку, чтобы провести ее через толпу к сцене. Сейчас там выступали Гит и Ливен, но совсем скоро ей предстояло встать к мишени.

– Ты готова? – спросил треттинец.

– Да.

– Пора.

Он пошел первым, разрезая людское море, точно китобойный баркас. Шерон держалась сразу за его спиной, надежной, как щит алагорской панцирной пехоты.

Мильвио нравился ей. Он был веселым, ироничным и внимательным. Когда надо – серьезным и забавным. Треттинец прекрасно знал историю, географию, старые легенды, и их разговоры, порой затягивающиеся до поздней ночи, радовали ее ничуть не меньше книг, которые она так любила и ценила.

Несколько раз Шерон ловила себя на мысли, что в беседах с ним забывает о том, что осталось на Летосе. О своем доме, своем долге, о смерти Димитра и похищенной Найли. Она не сразу поняла, что нравится ему. Не сразу осознала, почему Мильвио приходит на каждое выступление и смотрит, как в воздухе вращаются ножи.

В такие моменты в отличие от большинства зрителей он всегда сохранял невозмутимость. Лишь раз, когда внезапный бой башенных часов отвлек Лавиани и нож поранил Шерон ухо, маска спокойствия на мгновение исчезла с его лица. Указывающая сперва даже не поняла, почему его щека дрогнула.

В следующую секунду, поймав ее взгляд, Мильвио ободряюще улыбнулся, и только теперь девушка ощутила слабую тупую боль и как что-то капнуло ей на плечо.

Лишь сойка да треттинец знали, что случилось. Зрители ничего не замечали, хлопали и улыбались. Выступление пришлось чуть ускорить, и Шерон ушла за ширму прежде, чем кто-то успел разглядеть кровь. На ее счастье, пряди волос скрыли раненое ухо.

Позже она сидела на ступенях фургона, а кукольница Лин и Вьет хлопотали над ней. Лавиани выглядела виноватой, а потому ругалась сквозь зубы непонятно на кого. Мильвио стоял неподалеку, складывал из бумаги птицу и казался самым невозмутимым.

– Моя вина, девочка.

– Перестань, – сказала она, поморщившись, когда Лин нажала на ранку слишком сильно.
– Это всего лишь царапина. Риск был оправдан. Где Ирвис? Пусть он нас поставит еще раз, в самом конце представления.

– Ты уверена? – осторожно спросила сойка.

– Вьет сказала мне, что я не должна бояться. И я не боюсь.

Она действительно не боялась, отдавая свою жизнь в руки Лавиани. И больше ошибок та не допускала. А Мильвио больше ни разу не выказывал своей тревоги. Улыбался, шутил, тренировался вместе с цирковыми по утрам, находя это полезным и немного забавным. У него никак не получалось колесо.

Вечерами он, как и все, слушал баллады Велины, пускал вместе с детьми бумажных пташек с крыши фургона, а иногда убивал вместе с Рико, Гитом и Ливеном пару бутылок вина.

Девушка тряхнула головой, прогоняя воспоминания, потому что Мильвио довел ее до сцены, встав, как всегда, возле ступенек, сложив руки на груди и сказав:

– Удачи, сиора.

Клоуны уже объявляли их номер, а затем скатились по лестнице, с огромным, сделанным из войлока молотком, все обсыпанные пудрой и мукой, едва не сбив Лавиани с ног.

Метательница ножей и ее ассистентка поднялись на маленькую, грубо сколоченную сцену. Представление, поклоны, демонстрация метательных орудий. Все было как всегда. Привычно и не ново.

Шерон встала к щиту, распахнув руки, отмечая про себя, что ее сердце бьется так же ровно, как и прежде. Она поймала взгляд Мильвио, оставшегося внизу, в первом ряду, и треттинец подмигнул ей. Девушка с трудом сдержала улыбку, оставаясь серьезной.

Ее взгляд пробежал по толпе, заполнившей главную городскую площадь. Целое море лиц. Одно ей показалось знакомым, но в этот момент врезавшийся в доску нож отвлек ее. И она забыла о том человеке.

Началось выступление.

Глава пятнадцатая

Крабы на песке

Говорят, один из командиров Вэйрэна завел ручную змейку. Асторэ всегда любили этих существ, приписывая им бесконечную мудрость и пользу. К тому же не боялись змеиного яда. Но в тот год многое изменилось. Шестеро сделали так, что змеи стали опасны не только для людей. Змея укусила Темного Наездника, и война едва не закончилась. С тех пор он взял себе за правило с осторожностью обращаться с этими созданиями. Думаю, всем надо последовать его примеру. Если перед тобой змея – не надо оставаться беспечным.

Найденный отрывок «Хрониста Каренского университета»

Бланка, приподняв голову, посмотрела на спящего. Осторожно села, подложив подушку под спину. Простыня сползла с ее груди, и женщина рассеянно убрала светло-рыжий локон, упавший ей на лицо.

Они спали довольно долго. Бледно-синие занавески пропускали свет солнца, которое никак нельзя было назвать утренним.

Шрев не просыпался, и женщина с интересом разглядывала татуировку на его левой лопатке. Не сказать, что большая, легко можно было накрыть обеими ее ладонями.

Интересный рисунок.

На желтом, крупном, зернистом песке (такой часто встречался на морском берегу Варена) ползли восемь ярко-алых крабов с лимонными клешнями. Они выглядели настоящими. Осязаемыми. Казалось, еще секунда – и созданные художником существа оживут, поспешат по своим делам.

Чем дольше Бланка на них смотрела, тем сильнее у нее крепло убеждение, что крабы шевелятся, слышен шум прибоя, а песок тревожит налетающий с моря ветер.

Она почувствовала внезапную тошноту, отвернулась, подставляя лицо вечернему солнцу, продолжавшему заглядывать в окно постоянного двора. Дурнота медленно отступала.

Шрев глубоко вздохнул во сне, и женщина перевела взгляд на его шею. Стиллет, пропитанный ядом алой тихони, лежал в ножнах на тумбочке, стоило лишь руку протянуть. Она с удовольствием представила, как погружает трехгранный клинок прямо под основание черепа. Мужчина, который подпустил ее к себе слишком близко, умрет.

Справедливая расплата за то, что он сделал с ее отцом и братьями.

Бланка глубоко вздохнула, гася ненависть, прогоняя красную пелену, начавшую застилать ей глаза.

Смешно.

Она ругала старшего брата за вспыльчивость, хотя сама недалеко от него ушла.

Нет. Не время. Не сейчас. И не важно, что говорит ей Гренн. Она понимала, что телохранитель прав, стоит со всем покончить и уехать, но женщина тянула с убийством уже несколько месяцев. Ей надо понять причины, докопаться до истины.

Быть уверенной на все сто. Что перед ней действительно тот человек.

Благодаря связям Гренна в преступных кругах Гранита и огромной, невероятно огромной плате человеку из Ночного Клана, они смогли подобраться к Шреву.

Узнали, что тот ищет в городе кого-нибудь, знающего старое наречие, – и женщина искренне порадовалась, что по настоянию отца получила образование в Каренском университете. Бланка легко читала на забытом языке, хотя всегда считала свое умение бесполезным. Но Шестеро посмеялись над ней вместе с отцом, который словно предугадал, что пригодится его дочери для совершения мести.

Человек из Ночного Клана, взявший ее деньги, дрожал точно осиновый лист, но условия выполнил. Шепнул кому надо о ее талантах, и Шрев сам пришел к ней.

Он не был похож на убийцу, в одиночку способного справиться с ее братьями и охраной. Как и на того, кто связан с Ночным Кланом. Перед ней стоял богатый любитель древностей, немного эксцентричный, но и только. Оружия при нем не было, даже кинжала. Манеры безупречные, тон обходительный и вежливый.

Пороком Бланки было любопытство, как пороком ее младшего брата Иана являлась страсть к коллекционированию предметов прошлой эпохи. Она хотела разобраться, понять, кто перед ней, что им движет, прежде чем уничтожить его. Чтобы он умирал с тем же сожалением, с каким она сейчас живет.

Поэтому после встречи с ним согласилась на авантюру – отправиться в Шой-ри-Тэйран, где потребуются ее услуги переводчика.

В пути к ним присоединился еще один человек. Он был молод, но уже седовлас, с пронзительными светло-кариими глазами, край радужки которых на свету порой казался зеленым. Сегу, так его называл Шрев, обладал странным, высоким голосом. Из его седельной сумки торчала рукоять короткого меча, но он тоже не казался опасным человеком. По сравнению с ними Гренн выглядел форменным душегубом.

Позже к их четверке примкнули еще трое. Отвратительная баба, дувшая пиво на любом постоялом дворе в таком количестве, что оставалось только удивляться, как она после всех этих кружек стоит на ногах, оказалась лучницей.

Ее муж – великан с лысой головой, на которой выделялась татуировка каторжника, был молчаливым грубым мужланом. А их друг – мерзкий хореk то и дело бросал на Бланку сальные взгляды.

От этой троицы просто веяло неприятностями, и даже всегда спокойный Гренн раздраженно ворчал, когда Квир оказывался поблизости. Вновь прибывшие подчинялись приказам Шрева и Сегу.

Беспрекословно. Мгновенно. Не выказывая ни тени неудовольствия.

Точно гвардейцы горного герцога, а не люди, способные прикончить родного отца из-за пары дырявых башмаков.

Это повиновение вызывало вопросы и сомнения. Бланка день за днем билась в догадках, пытаясь понять, что за человек скрывается за личностью ее нанимателя. Верны ли сведения, которые она получила? Действительно ли он убил ее семью или просто покрывает настоящего убийцу?

Из-за рейда ловчих возле Мышиных гор им пришлось разделиться, и встретились они уже в Мерени, где Шрев искал мужчину, знавшего старое наречие. Когда она спросила его, не скрывая недовольства, зачем им еще кто-то, раз есть она, он улыбнулся и заверил, что рано или поздно все расскажет.

Бланке жизненно важно было узнать тайны Шрева, и если для этого требовалось залезть

к нему в постель, чтобы он доверял ей, то... с этим у нее не было никаких проблем. Рано или поздно придет время для ее стилета и...

В дверь постучали. Шрев, как будто все это время не спал, сел на кровати, натянул штаны и пошел открывать, сказав ей:

– Извини. Появилось дело.

– Не страшно. – Она натянула повыше простыню, не чувствуя никакого разочарования, что он уходит из ее комнаты.

Сегу бросил на нее взгляд, небрежно поклонился, но пялиться не стал. Бланка вообще подозревала, что седовласого не интересуют женщины. Дождалась, когда они уйдут, и, не одеваясь, юркнула к двери, надеясь услышать хоть что-нибудь.

– У тебя не слишком-то счастливый вид.

Сегу отозвался хмуро:

– Гонец едва нас нашел. Срочное. Из Пубира.

Они оба посмотрели на закрытую дверь, переглянулись, усмехнулись и отошли в другой конец коридора.

Шрев молча сломал печать, достал из конверта бумагу, развернул ее, прочитал. Затем посмотрел на ученика поверх листа и протянул ему:

– Ознакомься.

Тот после недолгого изучения скривился:

– Борг недоволен тем, что ты не поймал Лавиани. Назначил награду. Тысяча марок за ее голову.

– Цена достойная головы герцога. Наша знакомая нашла бы эту новость довольно забавной. – Шрев взял из рук ученика письмо, смял бумагу. – За такими деньгами придется приезжать на телеге, и в Пубир со всего света потянутся люди, которые ради тысячи марок привезут ему тысячу седовласых голов разных старух. Вот только Лавиани среди них не будет. Как я уже говорил тебе ранее – она не важна для нас на данном этапе.

– Как скажешь.

– Ты не согласен.

Сегу махнул рукой:

– Это не важно. Ты говоришь, я исполняю.

– Меня радует, что ты понимаешь это. И все же у тебя есть право высказаться.

– Борг, – неохотно произнес седовласый. – После того, что она сделала, он как бешеный пес. Это вредит общему делу.

– Совсем немного, – признал Шрев. – Я вернусь к нему уже летом, и мы поговорим.

– Тебе решать. Пойду разберусь с Мардж.

- Что с ней не так?
- Злая, как старая сука. Влепила Бух-Буху в глаз.
- Бедняга, – без всякого сочувствия пробормотал Шрев. – Чем он ее опять разозлил?
- Не дал прикончить какого-то акробата на глазах у всего честного народа. Вот был бы номер, если бы парень свалился с каната со стрелой в печенке.
- О, уверен, его бы тогда запомнили надолго. Заработал бы славу.

Сегу почесал бороду:

- По крикам на площади, ее у него должно быть предостаточно. Говорят, этот парень прошел над Брюллендефоссеном. Что?

Он заметил, как глаза Шрева прищурились.

- Внезапный сюрприз там, где я не ожидал. Осади бабу, будь рядом. Я спущусь через минуту.

Мардж помнила своего первого.

Тогда они охотились на кроликов, и Каша, который был старше на три года, смеялся над ней. Говорил, что она из своего лука не то что в кролика, даже в корову не попадет. Обязательно промажет. Потому что она девчонка.

Девчонка. Девчонка. Мерзкая недалекая девчонка. Плакса и кривляка.

Мардж сносила оскорбления молча, лишь краснела все сильнее, ощущая, как нечто горячее шевелится у нее в груди. Когда Каша вновь начал издеваться и изображать довольного кролика, избежавшего попадания в суп, потому что на него охотилась косорукая девчонка, она выстрелила.

Даже подумать не успела, что делает.

Для двенадцатилетней она обращалась с луком превосходно. Стрела попала Каше в живот, он вскрикнул и упал. Следующие полчаса мальчишка только и делал, что кричал, обещал убить ее, грозил карами от взрослых и просил скорее бежать и привести помощь. Потом он заплакал, а после лишь стонал от боли.

Она не стала приближаться. Испугалась. Испугалась до тошноты, до дрожащих пальцев, до пота, текшего по спине.

В деревне его не искали, Мардж, добывшая своего кролика, наврала, что Каша убежал на ярмарку в соседний городок. А на следующий день вернулась к месту преступления, хотя и не хотела этого. Боялась до полуобморока.

И испугалась еще сильнее, когда увидела, что парень жив. И продолжает едва слышно стонать. Каша уже не замечал ее, все время находясь в бреду.

Он умер только на четвертый день, когда от раны уже мерзко пахло. До реки она волокла его еще два дня, тело оказалось слишком тяжелым для нее, и за то время, пока оно валялось в траве, его порядком успело объесть зверье.

Легко на душе ей стало, только когда течение унесло Кашу и она крикнула ему:

– Я прекрасно стреляю! Убедился?!

С тех пор прошло столько лет, она многих убила, но страха, как в тот раз, больше не испытывала. Ни в дарийских полях, когда они нападали на усиленные караваны купцов, ни в Пубире, ни в ножевых схватках, ни даже в тюрьме Лентра, где ей посчастливилось встретить Бух-Буха.

А вот сейчас она боялась. До той самой уже забытой тошноты и обморока. Боялась так, что ей казалось, весь трактир слышит, как стучат ее зубы.

Шрев предупреждал ее, что после провала в Мерени больше не потерпит никаких выкрутасов, а он, как правило, слов на ветер не бросал.

Мардж приходила в ужас от того, что сойка может быть недоволен. Его недовольство она видела несколько раз, в Пубире. Крайне неприятное зрелище для тех, кто провинился. И всегда последнее в их жизни.

– Погуляй, – сказал Сегу Бух-Буху.

Тот недовольно засопел, и Мардж, возможно спасая ему жизнь, выдавила:

– Делай, как говорят.

Он ругнулся, но перечить не стал. Она следила за тем, как муж поднимается по лестнице в комнату, и гадала, обернется тот напоследок или нет.

Обернулся. И у нее появилась хоть какая-то надежда за этот чудовищный, неправильный день. Впрочем, она тут же исчезла, стоило появиться Шреву. Тот мило улыбнулся владельцу постоянного двора, сказал ему что-то и забрал лукошко, полное куриных яиц.

Шрев сел напротив Мардж, поставив лукошко рядом.

– Господин, я... – начала было она, но он остановил ее движением руки, не желая слушать оправданий.

Она заткнулась, ощущая все тот же липкий, тошнотворный страх. Шрев вскрыл первое куриное яйцо, выпил залпом, прищурился довольно, точно кот. Когда он пальцами раздавил пустую скорлупу, Мардж, не таясь, вздрогнула от этого хруста, словно это ее череп лопнул.

За первым яйцом последовало второе, затем третье. Каждый раз скорлупа сминалась, и каждый раз женщина вздрагивала. Комок ужаса подкатывал к горлу, и она чувствовала, что вот-вот ее вырвет прямо на стол. Потому что лучница слишком хорошо знала человека, который сидел перед ней. Знала, что стоило ему протянуть к ней руку, сдавить голову, и ее глаза вытекут по ее же щекам.

Когда двенадцатое, и последнее, яйцо было уничтожено, она уже не могла сдержать слезы. Плакала беззвучно, не привлекая к себе внимания посторонних. Мардж ненавидела себя за эти слезы, но ничего не могла с собой поделать. Чувствовала себя старой сукой, которую из-за неуместного лая, разбудившего хозяина, собираются отправить к душегубам.

И никто-никто ей не поможет. Никто не спасет. Маленькая, дурацкая ошибка. Всего лишь из-за одного придурка, которого она пыталась убить. Что с того? Одна смерть. Пустое событие, не стоящее внимания. Как будто речь шла о герцоге, а не о каком-то канатном плясуне.

– У нас был разговор. И по тому, как от тебя смердит виной, я склонен считать, что

ты помнишь его.

– Простите, господин Шрев. – Мардж не узнала своего голоса, таким он был надтреснутым. – Я виновата.

– Виновата? – Сойка произнес это мягко, даже нежно. – Что-то новое. Обычно говорят обратное.

Она осмелилась поднять на него глаза:

– Вы не тот человек, которому бы я стала лгать, господин.

Сегу переглянулся со Шревом:

– Я говорил, что она небезнадежна.

– Но ее лесть довольно груба.

– Это не лесть, господин, – произнесла лучница. – Я сказала правду.

– Мне хватило, что на Тропе Любви ты потеряла нашего следопыта и знатока старого наречия, и пришлось заворачивать в Мерени, чтобы найти нового. Ты и твой муженек повели себя в городе совершенно неподобающим образом и мало того, что вляпались в неприятности, так еще и потребовали внимания Сегу, чтобы он вас вытаскивал. А теперь здесь, на юге Накуна, где вешают и за меньшее, ты решила досадить мне и привлечь внимание властей, задержав нас неизвестно насколько.

Сегу вздохнул:

– Не подумай, что я ее защищаю, но справедливости ради стоит отметить, что ничего не случилось. Бух-Бух остановил ее.

– Так возблагодарим же дурака за умный поступок. – Шрев равнодушно посмотрел на четверых горожан, входивших в питейный зал. – В этот раз тебе не о чем беспокоиться, Мардж. Но еще один прокол, и мы расстанемся.

Она с шумом втянула в себя воздух, чувствуя, как дрожит ее горло, и стараясь не разрыдаться от облегчения.

– Я не подведу, господин Шрев.

– Не в твоих интересах подводить меня. А теперь расскажи мне об акробате.

Мардж удивилась, что его это вообще хоть как-то интересует.

– Он очень быстрый, господин. Первый, кто смог опередить мою стрелу. Проклятый циркач так же быстр, как вы и Сегу.

– Он не мы. Просто у тебя выдался неудачный день. С ним в горах была женщина?

– Да.

Шрев подался вперед:

– Опиши ее.

– Невысокая, черноволосая, смазливая. Звали Шерон.

– Ложный след, – с разочарованием вздохнул Сегу.

- К сожалению. - Шрев встал из-за стола. - Все равно пойду прогуляюсь.
- Представление уже закончилось. - Сегу сразу понял, куда направляется учитель.
- Но акробат никуда не делся. Останься. Найди Лоскута, скажи, что завтра выезжаем до рассвета.

Площадь все еще пахла нагретым солнцем, лошадиным навозом и людским потом. Был вечер, представление закончилось, и зевак осталось совсем немного. Большинство из зрителей уже разошлось по домам или окрестным кабакам, а самые любопытные глазели на то, как двое мужиков, опасно балансируя на крышах, снимают канат, натянутый над площадью.

К циркам Шрев относился равнодушно. Предпочитал менестрелей и художников, оставляя более примитивные развлечения для людей, не способных ценить высокое искусство. Но, разумеется, не имел ничего против этих перекати-поле. От всех может быть польза. Лишь бы под ногами не путались.

Циркачи тоже разбрелись, и фургоны казались пустыми. Идя через площадь, Шрев увидел лишь трех человек, что крутились возле них, да несколько стражников, которых город поставил охранять имущество труппы.

Благодаря респектабельному виду его даже не подумали остановить. Богатые господа не зеваки, им было доступно многое из того, чего лишены простые горожане. Один из стражников даже кивнул ему и, прислонив алебарду к стене аккуратного, украшенного цветами домика с расписными стенами, начал отстегивать опостылевший за день латный воротник.

Карлик в оранжевой курточке и красных шароварах, пыхтя от натуги, тащил к корыту до краев наполненное ведро. Вода то и дело выплескивалась из него и попадала на голые щиколотки в расшнурованных ботинках с ободранными блестками.

- Любезный! - окликнул его Шрев. - Я ищу канатоходца.

Недомерок посмотрел на чужака с любопытством, поставил ведро, вытер рукавом пот с высокого, гротескного лба:

- Могу я полюбопытствовать, зачем он вам, добрый господин?

- Можешь, - любезно разрешил Шрев, но причину назвать не успел. Из-за зеленого фургона выступил молодой, крепкий мужчина, сказав:

- Я канатоходец.

- Но... - протянул карлик удивленно.

Акробат отмахнулся от него:

- Все в порядке! Иди погуляй, Рико. Я разберусь.

Недомерок посмотрел на коллегу внимательно, словно пытаясь понять, что происходит, сдался, пожал плечами:

- Тебе лучше знать.

- Господин искал меня? - Голос у циркача был певучий и мягкий, как у многих южан,

родившихся на побережье. Шрев оценил его рост, ширину плеч и то, как человек, о котором он только слышал, двигается. Было в его осанке нечто от благородного. Что-то, а держать себя он умел.

– Да. Хотел бы задать тебе пару вопросов. Разумеется, за ответы я заплачу.

Тот не удивился, показав на фургон:

– Давайте побеседуем.

– Лучше снаружи. Вопросов у меня не так много. А значит, это не займет наше время.

Шрев сел прямо на ступеньку, сказав небрежно:

– Ты похож на аристократа. И манерами, и чистым эввю.

Тот сверкнул улыбкой:

– Я простой цирковой, господин. Но мне приходится соответствовать. Мы не всегда выступаем перед обычной публикой, а в дворцы Рионы и Пинии не пускают сброд, которым мы для многих являемся. Маска и костюм порой слишком сильно въедаются в нас.

– Есть с золотого подноса гораздо лучше, чем из глиняной миски?

– Зависит от качества еды и от того, что придется за нее отдать. Как видите, чаще я предпочитаю глиняную миску. Она беднее на яства, но куда как... свободнее.

– Понимаю тебя. Но к делу. Меня зовут Шрев, и я представляю деловых людей юга. Один из наших очень ценных работников, которому мы доверяли, обманул нас, причинил ущерб нашему предприятию и сбежал. Мне поручено найти и вернуть его для суда.

– На юге я не был уже полтора года, и у меня нет друзей среди купцов Великой Руки.

– И все же ты можешь мне помочь. Во всяком случае, так говорят мои информаторы. Ты встречал ее в Варене. Это женщина с седыми волосами, которые часто заплетает в косу. Она уже немолода, хотя и выглядит младше своих лет.

– А еще у нее мерзкий характер, и она так быстра, словно всю жизнь выступала в цирке. Не стану отрицать, господин. Я встречал ее в конце прошлого лета. Она вытащила меня из неприятностей, но, не скрою, я рад, что мы расстались. Слишком уж неуживчивая дама.

Шрев понимающе улыбнулся:

– Не смогу оспорить это утверждение. Значит, мои источники не врал. Могу я узнать, в чем состояла ее помощь?

– Это не такая уж тайна. У меня возникло недопонимание с одним господином, и он решил со мной покончить. Его люди пытались меня задержать, но ваша знакомая этого не позволила.

– Женщина смогла остановить мужчин? Как?

– Я не знаю, – искренне ответил акробат. – В тот момент на моей голове находился мешок. Я до сих пор гадаю, зачем она это сделала. Но, как вы понимаете, грех было жаловаться и отказываться от ее доброты.

– Доброты. – Из уст Шрева это слово походило на пепел сгоревшей травы. – Чего у

этой женщины в избытке, так это доброты. Тут ты прав. Знаешь, что с ней было дальше?

– Нет, – равнодушно ответил тот. – Мы расстались тем же вечером. Но уходила она по тракту, ведущему к Прибрежному. Возможно, искала корабль в Дарию.

– Возможно.

– Простите, что не смог вам помочь.

– В этом вопросе – не смог. Зато в другом, надеюсь, мне повезет больше.

– В другом? – удивился акробат.

– Я начал наводить справки о тебе, когда узнал, что наша беглянка помогла в твоей беде, и дошел до того господина, с которым у вас возникло недопонимание.

Он увидел, как напряглись плечи циркача, и поднял руку в примирительном жесте:

– Меня не интересуют ваши отношения. Но моих клиентов очень привлекают вещи прошлых эпох. Я знаю, что ты продал статуэтку Арилы, и хотел бы услышать подробности. У кого ты ее купил и что о ней думаешь?

– И все? – Циркач решил, что его разыгрывают.

– И все. Я больше не буду тебя беспокоить.

– Мы с другом нашли ее в развалинах, в старом карьере, за городом. Я сразу понял ценность этой вещи и решил продать перекупщику. Через два дня мы от нее избавились, но в дело вмешался уже известный вам господин, и... мой друг погиб. Я выжил чудом. Вот, собственно, и все. Вы купили ее? Она теперь у вас?

– Купил? – Шрев не показал, что разочарован беседой. Он не чувствовал, чтобы акробат врал ему, а значит, все его ответы правдивы, и сойка зря потерял время. – Увы. Господин Эрбет отказался мне ее продавать.

Он полез в карман, достал четверть серебряной рен-марки, но циркач покачал головой:

– Вы мне ничего не должны, господин. Я ничем не помог.

– Как знаешь. – Он убрал монету и, попрощавшись кивком, отправился прочь.

Акробат сел на ступени фургона, взяв стоявшую здесь же недавно открытую бутылку вина, и сделал большой глоток. К нему подошел карлик, и циркач протянул ему выпивку:

– Спасибо, что не стал лезть с вопросами, Рико.

Тот отсалютовал, прежде чем попробовать:

– Всегда пожалуйста, сиор Мильвио. Что это был за хмырь?

– Не моя тайна, приятель. Извини.

Карлик усмехнулся, еще раз продегустировал вино, возвратил бутылку мечнику:

– Увижу его еще раз, сообщу.

Он ушел, оставив треттинца в задумчивости. Башенные часы ратуши пробили девять

вечера, и Мильвио спросил:

– Что теперь?

Лавиани спрыгнула с крыши фургона:

– Теперь уже моя забота, Фламинго. Ты свою роль исполнил, и исполнил хорошо. Остается благодарить тьму, что Тэо порой много болтает и рассказал тебе свою историю. Иначе бы ты точно не ответил на вопросы этого урода.

– Твой друг опасен.

– Очень верное замечание. Он старший среди нас. И не тот толстяк, которого ты завалил на островах. С ним не справиться.

– Даже тебе?

– В противном случае я бы не пряталась. Вовремя я почувствовала его приближение, иначе бы Тэо уже был покойником. Если уж у меня башку порой едва не сносит, когда его метка рядом, то на Шрева бы она подействовала как удар кулаком по осиному гнезду.

– Он может вернуться.

– Но акробат не вернется. Шерон увела его, и слава всем, кто слышит мои несуществующие молитвы, эти дети привыкли доверять моему мнению. Они дунули из цирка прежде, чем Шрев пересек площадь.

Она юркнула в фургон, вернулась с коротким плащом в руках:

– Завтра цирк уезжает, если не вернусь до утра, не ждите меня. Я вас сама найду. Встретимся в Талте в конце концов.

Он не возражал и смотрел, как женщина спешит через площадь в сторону улицы, за поворотом которой скрылся Шрев.

Глава шестнадцатая

Мокрый камень

Цирковые уснули. Гроза размывает следы разноцветных фургонов, попавшихся в хриплые сети, а небесный огонь холоднее небесной воды – не согреться лошадкам, бредущим по мокрой...

Обрывок забытой песни цирковых

Гроза рокотала в отдалении. Черное небо то и дело тяжело вздыхало. Подмигивало слепящими зарницами. Земля, насытившись влагой, пахла свежестью, а дороги

превратились в кошмар. Возницам пришлось придерживать лошадей и молиться, чтобы колеса не застряли в грязи.

Такое уже случалось трижды, и все устали, выволакивая фургоны из ловушек, устроенных непогодой. Ирвис костерил судьбу, и Салатик на каждое его слово отвечал одобрительным лаем, впрочем не спеша спрыгивать в лужи.

Лавиани, ехавшая вместе с Мильвио на крыше фургона, не замечала оставшейся после грозы прохлады. Ей было легко и спокойно с тех пор, как она увидела, что Шрев со своим отрядом покидает город. Теперь он с каждым днем отдаляется от них. Что не могло не радовать.

Треттинец лежал на спине и перебирал струны старой лютни, одолженной Велиной.

Странно, но сойку это бренчание совсем не раздражало. Она слушала его краем уха, поглядывая на запад, где скрытое облаками солнце совсем скоро должно было уйти за горизонт.

Тракт, по которому они ехали с раннего утра, был совсем пуст. Ирвис планировал доехать до Талта, но дождь смешал их планы, стало понятно, что до темноты они не успеют и цирку снова придется ночевать в чистом поле.

Лавиани подложила под голову сумку, легла рядом с Мильвио, ощущая всем телом, как покачивается крыша фургона. Через несколько минут к ним присоединилась Шерон, села на самом краю, взявшись рукой за поручень лестницы, чтобы не упасть.

Ветер трепал ее волосы, она смотрела на дорогу и бесконечные вспышки далеких молний.

– Приятная мелодия, – сказала девушка. – Что это?

– Не знаю названия. – Пальцы Мильвио на мгновение перестали бегать по струнам. – Какая-то очень старая песня. Обрывок легенды.

– Останавливаемся! – крикнул Ирвис с ведущего фургона.

– Красивая мелодия. Ты здорово играешь, – отозвалась Шерон.

Он рассмеялся.

– Мои жалкие потуги недостойны твоей похвалы.

– По крайней мере, не похоже на мучение кота, которого тянут за хвост. Знала я одного такого музыканта. Уши вяли, – поделилась Лавиани.

– Надеюсь, он остался жив, – усмехнулся Мильвио.

– Не поручусь, – охотно подхватила сойка. – С его игрой обязательно найдется человек, который сунет это бесталанное убожество головой в раскаленные угли.

– Но не ты.

– Не я. Я добрая и терпеливая женщина и не пихаю музыкантов в пламя, даже если мне не нравится их бренчание.

Шерон засмеялась, и Лавиани довольно усмехнулась, перекинув ноги через край, а затем спрыгнула вниз, не боясь высоты.

Цирк остановился прямо на дороге. В поле заезжать не рискнули – трава после грозы

напиталась водой, и к утру выбираться из болота пришлось бы с помощью волов.

Люди раскладывали костры, используя запас веток, привезенных с собой, распрягали лошадей.

Шерон помогла Вьет и Мьи установить тент для животных, чтобы укрыть их от возможной непогоды. Лавиани, как всегда, в общем обустройстве не участвовала. Как-то Рехар попытался загрузить ее делом, но получил в ответ такой взгляд, что больше не предпринимал подобных попыток.

Мимо прошел Тэо, несущий в руках целую охапку каких-то трав, которые дала ему Лин, подмигнул Мьи. Та ответила ему тем же. Шерон, видевшая это, улыбнулась.

Она все чаще смотрела на поле. За ним была небольшая роща, над которой возвышалось нечто непонятное. Отсюда, в лучах засыпающего солнца, эта штука напоминала голову с длинными острыми ушами.

– Что это? – спросила девушка у Алины.

Силач развел руками:

– Не знаю, красавица.

– Я там бывала как-то, – откликнулась Велина. – Хочешь, сходим?

– А это стоит того? – засомневалась Вьет. – К чему тревожить древние камни?

– Нельзя опасаться прошлого, – укорила бард жену владельца цирка.

– Дело не в страхе, а в бесполезности прогулок через поле, когда ночь стучится в окно, – отвернулась женщина.

– Я так не считаю. Так что, Шерон из Нимада? Ты со мной? – Черноволосая певица закинула лютную за спину.

– Конечно.

– Я тоже прогуляюсь, если у вас нет возражений, – сказала Лавиани, слушавшая беседу.

Велина приветливо кивнула:

– Здесь недалеко.

Возле дороги из-за ручья и дождя поле действительно больше напоминало заливной луг. Ботинки хлюпали по воде, но затем началась сухая земля, и женщины пошли быстрее. Трава здесь выросла и была чуть ниже колена. Только-только начинали расцветать маки, сейчас благодаря начавшему розоветь небу казавшиеся особенно красными.

– Я слышала, как играл Мильвио. – Велина на ходу срывала цветы, собирая букет. – Мало кто может правильно воспроизводить мелодию «Прощание с Нейси», пускай это всего пара куплетов.

– Ты знаешь ее?

– Конечно. Любой уважающий себя бард знает. Вот только почти никто не поет. Очень сложно попасть в настроение. Личная гвардия осталась без своей госпожи, плененной

Скованным. Они пошли вместе с Голибом Предавшим Род, чтобы отбить ее, еще не зная, что она уже мертва. Когда Лавьенда превратила кости гиганта в серебро, восемьсот человек в одиночку захватывали Лунный бастион и удерживали землю...

– Плацдарм, – поправила ее Лавиани.

– Пусть так. Удерживали плацдарм до прихода основных сил Тиона.

– Удержали?

– Нет. Все погибли, когда по ним ударили магией шауттов.

– Вот о чем я постоянно говорю, девочка, – поджав губы, произнесла Лавиани, обращаясь к Шерон. – Храбрые герои всегда отправляются в могилу в первую очередь. А потом от них остается только лишь песня.

– Я бы хотела, чтобы после меня осталась песня, – не согласилась с сойкой Велина. – Люди помнят других людей только благодаря балладам.

– Вы, барды, не от мира сего. Мне вот без разницы, будут ли помнить меня спустя сто лет или забудут. Костям не важно, что с ними станет. Когда человек мертв, то это навсегда.

– Человек жив, пока его вспоминают другие.

Лавиани скривилась:

– Прости, девочка, но это оправдание неудачников, боящихся той стороны. Я живу, дышу, люблю и ненавижу. А когда меня не станет, вся моя память, весь мой опыт, все боли и печали, радости и тревоги исчезнут. А те, кто будет и дальше вспоминать меня, не смогут поднять старушку Лавиани из могилы. Песни бесполезны для мертвецов.

– Мы смотрим с тобой на мир с совершенно разных сторон костра.

– А вот тут я согласна.

В роще было мрачно и гораздо темнее, чем в поле. Через просветы между деревьев Шерон видела небо, наливающееся красным, и бледный призрак молодой луны, уже появившийся на горизонте.

Когда они вновь вышли на открытое пространство, девушка поняла, что увидела с дороги. Это был огромный памятник, выточенный из бледно-зеленого камня – статуя женщины в тяжелых латах: блестящий нагрудник, шипастые наплечники, длинная кольчужная юбка, опускающаяся ниже колен. А то, что указывающая приняла за острые уши, оказалось крылатым венцом на распущенных волосах.

Лицо отнюдь не прекрасное – грубое и уже немолодое. В руках, на уровне груди, сжимая ладонями, незнакомка держала большой шар.

Шерон не узнала минерал – тусклый, точно выгоревший изнутри.

К ногам женщины вели три ступени, остальные скрывала земля, за века поглотившая постамент.

– Красиво. – Указывающая сама не поняла, почему понизила голос. – В нашу эпоху так уже не делают. Кто она?

Лавиани, задрав голову, изучала лицо, на котором горели красные блики заходящего солнца, делая его еще более мрачным и неприветливым.

– Так ли это важно, девочка? История, без всякого сомнения, грустная. По веселым поводам памятники в глуши не ставят. Стараются запихнуть на самую главную площадь.

– Вы обе знаете ее. – Велина положила к ногам воительницы собранные на поле маки. – Это Нэко, героиня битвы у Мокрого Камня, или Четвертая.

Лавиани взглядом дала понять Шерон, что хорошо бы получить разъяснения. И девушка сказала:

– Одна из учениц Скованного. Самая старшая. Великая волшебница и таувин.

– Хм... – Сойка взглянула на статую по-новому. – Сразу две способности в одном человеке. Так бывает?

– До нее считалось, что нет. Но она оказалась исключением из правил.

– Ты забываешь, что кроме этого Нэко считалась самым лучшим бардом своего поколения, а теперь – легендой эпохи. На западе исполнители называют ее своей покровительницей, жаль, что песен, которые она сочинила, сохранилось не так уж много.

– За несколько лет до Войны Гнева произошла битва у Мокрого Камня, где Тион, Арила и Кам возглавили великую армию и сражались против Южной тьмы – королевства некромантов, расширявшего свои границы на север. Волшебники столкнулись с волшебниками – и тысячи полегли на поле боя.

– На этом поле, – сказала Велина, и Шерон расширила глаза от удивления.

– Ты хочешь сказать...

– Вот Мокрый Камень. – Бард показала на женщину в латах. – После победы Арила создала из него памятник. Нэко пришла последней, прилетела на льве, когда фланги войска Кама оказались в смятении и вот-вот должны были быть опрокинуты. Четвертая великая волшебница вступила в тот день в бой. Ее щит сдерживал удары мрака, она переносилась в травяном вихре по всему полю, появляясь то тут, то там, сражаясь с теми, кто поднимал на свою сторону погибших солдат. Победа у Мокрого Камня – ее заслуга. Бой продолжался двое суток, но волшебникам удалось продержаться до прихода основных сил с Талориса. Войс, Нейси, Лавьенда, Гвинт и многие другие решили исход сражения.

– А Нэко погибла. Захватила магии больше, чем смогла удержать. Великие волшебники умирают, теряя силу.

– Так говорят, – согласилась Велина. – Некромантов тогда пленили и заточили в подвалах Талориса. Их освободил Тион за несколько часов до начала Катаклизма. Тело Нэко так и не нашли. Хотя искали неделю, хороня мертвых в братских могилах. Она была где-то среди них, но никто так и не смог ее опознать. Вот оно – истинное благородство настоящего рыцаря. Пожертвовать собой ради товарищей и победы.

В глазах Лавиани Шерон прочла, что это никакое не благородство, а форменная глупость.

– Говорят, когда-то там, где сейчас вон те холмы, стоял город. И шар в руках Нэко ночами сиял, точно целое звездное небо, а в начале Эпохи Упадка горел, как солнце, когда на них нападали мэлги. Каждый раз я пытаюсь слушать ветер и надеюсь, что он шепнет мне одну из песен, которые сочинила эта женщина.

Она сняла с плеча лютню.

– Ты собираешься играть?

– Да. Это моя дань памяти той, кто стал героем и легендой. Не ждите меня. Я вернусь лишь утром.

Ее пальцы пробежались по струнам, перебрались на колки, подкручивая их.

– Идем. – Шерон коснулась плеча Лавиани.

В молчании они миновали рощу, слыша, как сложная мелодия, звенящая под темнеющим небом, летит им в спину.

– Поэты... – Сойка обреченно махнула рукой. – Они еще более романтичны, чем ты и акробат. Дай им только волю играть рядом с чьими-то костями, и они будут брэнчать, пока не упадут без сил.

– Разве тебе не грустно от того, что ты узнала?

– Грустно? Грустно быть одной из самых влиятельных женщин мира, а затем оказаться в общей могиле, среди тел тысяч солдат. Но с учетом того, что я не Нэко, мне грустить пока рано.

Шерон оглянулась назад. На деревья и возвышающуюся над ними голову великой волшебницы.

Лишь раз за все время знакомства Тэо видел Лавиани испуганной. Это случилось в тот день, когда в цирк пришел сойка.

Она очень боялась. Акробат видел это в ее бледно-голубых глазах. Боялась не за себя, а за него. Боялась потому, что была не уверена, что сможет остановить врага, не дать тому убить Пружину.

Шерон увела Тэо, пока Мильвио играл его роль. И акробат так и не увидел человека, которого Лавиани называла Шревом.

Затем убийца из Пубира пришел к нему во сне, с лицом похожим на алую маску. Кожа содрана, ветки пробили щеки, нос сломан, изо рта текла кровь. Он выбирался из какого-то канала, шел к нему, несмотря на ранения. И с каждым его шагом на небе разгоралось солнце.

Оно было таким невыносимо ярким, таким обжигающим, словно Тэо вновь оказался с цирком Квио в Карифе, на берегу Лунного залива. Акробат опустил веки, но этот нестерпимый солнцепек доставал до его глаз даже сейчас.

А затем Пружина проснулся, и солнце никуда не делось. Пусть оно было слабее, чем во сне, но достаточно яркое, чтобы погасить луну и осветить поле, а также далекие холмы, поглотившие остатки древнего города.

Несколько секунд это странное обстоятельство – солнце в середине ночи – заставило его думать, что он все еще спит. Но Мильвио, склонившись над ним, довольно грубо встряхнул его, сказав неожиданно резко и властно:

– Вставай! Живо!

Шерон, обхватив руками плечи, босая стояла на траве, холодной от выступившей росы, и смотрела на далекую рощу, из-за которой лился солнечный свет.

Цирк просыпался, слышались удивленные возгласы, сыпались вопросы. Заплакал кто-то из детей, чувствуя смятение взрослых.

– Кажется, мне надо бросать пить, – пробормотал Ливен, неловко натягивая рубаху на голое тело.

Тэо прошел мимо него, к Шерон.

– Что происходит?

– Не знаю, – прошептала она. – Кажется, шар в руках Нэко пробудился.

– Считаешь, что из-за меня?

– Не думаю, мальчик. – Лавиани застегивала пояс с метательными ножами. – Если только ты не превращаешься в мэлга. Бард сказала, что только из-за этих тварей раньше шар светился.

– Велина! – ахнула указывающая. – Она все еще там! Ее надо вернуть! Немедленно!

Она бросилась в поле, но ее догнал Мильвио, схватил за руку:

– Нет! Слишком далеко!

– Я должна!

– Иди назад! – крикнула ей Лавиани. – Я съезжу!

Сойка пронзительно свистнула, рывкнув:

– Рико! Дай мне лошадь!

Меньше чем через минуту она уже неслась по полю на неоседланной лошади, правя коленями, точно заправский наездник Нейкской марки.

– Что, спаси Шестеро, здесь происходит? – Ирвис, в одних штанах, метался из угла в угол, совсем ничего не соображая.

– Рядом мэлги.

– Мэлги, сиор Мильвио? Здесь?! На юге Накуна?! В тысяче лиг от Рубежа!

– Что нам делать? – мрачно спросил Алин. – Вы единственный, кто знает, как правильно держать меч.

– Поставим фургоны в неполный круг, так чтобы оставался только один проход. Здесь же, на дороге. Сбрасывайте запасные борты и заваливайте всем, что попадет под руку, проходы под ними. Какое-нибудь оружие здесь есть?

– Мы цирковые, а не воины, – напомнил старый Рехар.

– У нас два лука и старый арбалет, – сказал Рико. – Луки не боевые, мы с ними охотимся на кроликов или ланей. А арбалет ладный, хоть и тяжелый. Я его четыре года назад в карты выиграл.

– А дети? – спросила Шерон и тут же предложила: – Им лучше оставаться в фургоне, за запертой дверью. А стрелков наверх?

– Нет, – возразил Мильвио. – Мэлги снимут тех, кто на крышах, в первую очередь. Лучники встанут позади и чуть сбоку от тех, кто станет удерживать проход. Слышите?

– А если тварей много? – с ужасом спросила Лин.

– Молись, чтобы это было не так, – сказал разом растерявший всю свою улыбчивость Гит.

Лошадей впрягать не стали, слишком много времени это бы заняло. Наваливались на каждый фургон всей труппой, передвигали, формируя неровное кольцо с единственным узким проходом, через который мог протиснуться только один человек.

Все тяжелое, весь нажитый скарб и реквизит летел на землю, а затем использовался, чтобы заткнуть бреши.

Фокусник Ремень притащил два плохоньких топора, Ливен – длинное копье с мелкими пятнами ржавчины на треугольном наконечнике, силач Алин вооружился грифом от штанги, утяжеленным на одном конце гирей. Это оружие в его руках казалось настоящей палицей, способной при должной удаче опрокинуть на землю рыцаря в латах.

Глотательница огня Молике расставляла бутылки со своей секретной восточной огненной смесью. Чик и Тик взяли за серпы и крышки от котлов, намереваясь использовать их как щиты, а брат Молике – за вилы.

Мы схватила лук, уступив арбалет коротконогому Рико. Тот, не слушая советов, забрался на крышу фургона, крикнув пытавшемуся остановить его Рехару:

– Мой рост и мой выбор! Отсюда я полезнее!

Тэо оказался рядом с гимнасткой, сказав:

– Пожалуйста, не лезь вперед.

Она криво улыбнулась одной половиной рта:

– К мэлгам? Об этом не беспокойся. Буду держаться как можно дальше.

– Ты умеешь стрелять?

Мы указала на Ирвиса, взявшего второй лук:

– Отец научил меня. Жаль, что они хороши только на тридцати шагах.

– Помни: мэлги это не кролики. Легкой стрелой остановить их не получится.

– Значит, я буду бить точнее. Береги себя.

– Ты тоже.

– Тэо! – крикнул Мильвио. – Сюда!

Рядом с ним уже стояли остальные мужчины.

– У меня единственного меч. Я стану вашим острием. Вы должны прикрывать мне спину. Стрелки смогут останавливать тех, кто прорвется. Гит, Ливен, вперед не лезьте. Посматриваете по сторонам, не подпускайте тех, кто обойдет нас, чтобы добраться до лучников. Они могут перелезть через крышу или сломать баррикаду снизу. Поняли? Не зевайте. Все время смотрите по сторонам.

Те кивнули.

– Алин, ты левша. Стой здесь, бей сверху, сбивай темп. Старайся не лезть вперед. Твое дело сдерживать их напор, все остальное я сделаю сам. Тэо. На минутку.

Они отошли, и южанин вручил ему копье:

– Прикроешь мне спину.

Это массивное и не слишком поворотливое оружие с наконечником длиной в локоть оказалось довольно тяжелым.

– Ты когда-нибудь убивал?

Тэо вспомнил Эрбета, падавшего с крыши.

– Приходилось, – глухо, с неохотой признался он.

– Значит, справишься. Одну руку сюда, вторую сюда. Хват шире, пальцы не так жестко, иначе не сможешь быстро поменять направление. Теперь подними руки, опусти наконечник вниз.

Тэо сделал так, как он просил. Левая рука согнута в локте, поднята чуть выше головы, правая на уровне груди, отчего копье оказалось под углом к земле.

– Отлично, – одобрил Мильвио. – Теперь сможешь наносить уколы из-за моего плеча, не выходя вперед. Вот так.левой направляешь, затем вкладываешься в удар.

Акробат попробовал, с удивлением понял, что длинное и громоздкое оружие легко подчинялось малейшему движению, словно часть его тела.

– Просто коли со всей силы. Вес древка и форма наконечника все сделают за тебя. Укол, и сразу вытягивай назад, прежде чем оно застрянет или его вырвут из твоих рук. Могу на тебя рассчитывать? – Он заглянул Пружине в глаза.

– Даже не сомневайся, – уверенно ответил тот.

– Замечательно! – Мильвио хлопнул приятеля по плечу и обратился ко всем: – Помните! Мы сможем продержаться, если не будем бояться! Если хоть один дрогнет, все развалится! Мэлги не чудовища, они такие же живые, как мы с вами. Их тоже ждет та сторона, и их тоже можно убить.

– А что делать мне? – спросила Шерон, вооруженная своим кинжалом.

– Не вступать в бой, если есть такая возможность. – Тэо опередил Мильвио. – Присмотри за фургоном, в котором дети.

Она, не возражая, подошла к Рехару:

– Идем.

– Что?! – возмутился старик. – Чем я хуже них?!

– Кто-то должен быть с детьми. Лин одна не справится.

Тик дала старику маленький топорик:

– Она права. Ты будешь последним рубежом. Охранять самое ценное, что у нас есть.

Тэо больше не слушал, о чем они говорят. Увидел всадника, несущегося к ним через поле.

– Она одна? – с тревогой спросил Алин.

– Не разглядеть. – Мы прищурилась.

– Двое! Их двое! – крикнул с крыши фургона Рико.

Лавиани остановила лошадь возле прохода в защищенный фургонами полукруг, соскочила вниз и подхватила съезжающую с животного Велину.

К сойке тут же подбежал Тэо, взял певицу на руки.

– Что с ней?

– Ранена! Шерон! Займись ею, девочка!

Акробат отнес барда, которая так и не рассталась с лютней, к колесам фургона, где спрятали детей. Чужая, как пальцы касаются горячей крови.

Ремень уже расстилал тонкое одеяло.

– Иди назад! – сказала ему Шерон. – Я справлюсь сама.

Он посмотрел на белое лицо певицы, на темные пятна, выступившие на ее платье, кинулся назад, туда, где Лавиани рассказывала об увиденном:

– ...большой отряд.

– Насколько? – Голос у Гита стал выше, чем прежде, и Тэо явственно различил в нем страх.

– За сотню голов. Может, двести. И очень много пленных. Три сотни, должно быть. Твари отяжелены ими и идут медленно, хотя и спешат.

Мильвио переглянулся с Тэо. Судя по лицам остальных, все понимали, зачем мэлгам пленные.

Для еды.

– Они что, разорили Талт? – догадался Ирвис. – Но это невозможно...

– Все возможно! – зло бросил Алин. – Надо убегать за тракт как можно скорее. Против такого числа мы не выстоим.

– Мэлги сами бегут. Скорее всего, их преследует армия. – Слова Лавиани на мгновение вселили во всех надежду. – Но лютня Велины привлекла передовой отряд. Я смогла прикончить двоих.

Только сейчас Тэо увидел, что в перевязи Лавиани отсутствуют четыре метательных ножа.

– Они погнались за тобой?

– Не исключаю такой возможности, Фламинго. У многих копья.

– Алин, бери топор. Ломаем внутреннюю стенку этого фургона.

– Что?! – вскричал Ирвис. – Какого шаутта...

– Слышал же, что она сказала! У них копыя! Нам нужен щит.

– А, проклятье! Год так хорошо начинался! – Ирвис пошел вместе с силачом разрушать собственный фургон.

Топор застучал за их спинами, мощно и часто.

– Сможем отбиться? – спросила Вьет.

– Конечно! – тут же ответила Лавиани.

Тэо слишком хорошо ее знал, чтобы понять, что она лжет, но не хочет вселять еще больший страх в сердца цирковых.

Всего лишь полгода назад сойка бы плюнула на все и сбежала. Бросила эту компанию и даже не вспомнила бы о них на следующий день.

В одиночку, без всякого сомнения, ей бы удалось уйти от мэлгов. Да что там! Она бы просто не сунулась к ним, скрылась десятой дорогой, затерявшись в полях и рощах.

Но с той минуты, когда она встретила Пружину, слишком многое изменилось. И она, кажется, тоже стала меняться. Хотя последнее обстоятельство радости ей совсем не доставляло.

Сойка не могла понять, что это – старческая сентиментальность или глупость? Но теперь ей даже в голову не пришло поступить по-свински, бросить людей, с которыми спала под одной крышей и ела из одного котелка. Они, не умеющие сражаться, обремененные детьми, выступающие на площадях бесконечных городков, завоевали ее уважение своей сплоченностью и силой духа.

Лавиани почти что стала одной из них. А цирковые не бросают своих в беде.

Глупая патетика? Она сама знала это, смеялась над этим, но верила в то, о чем думала.

Ей удалось вырвать Велину из лап собирателей мяса, пускай для этого и пришлось использовать один из четырех талантов.

– Идут! – крикнул Рико с крыши фургона. – Идут, мать их!

По полю, в их сторону, бежали две шеренги.

– Фламинго, что на мне?

– Играла в карифский шанг-жад? Ты – моя Игла. Будешь штопать дыры.

Значит, свободный игрок, отвечающий сам за себя. Быстрый, стремительный и не оглядывающийся на остальных. Ей придется присматривать за всем периметром.

Легче легкого.

– Договорились.

Мир сузился до смотровой щели в рыцарском шлеме. И сильно замедлился. Тэо даже не представлял, что такое возможно.

Он видел лишь маленькую часть полотна сразу после того, как арбалет Рико щелкнул и отряд мэлгов двинулся в атаку.

Пружина не знал, сколько штурмует проход, а сколько решили попытать счастья и пролезть под фургонами.

В воздухе прошуршали брошенные копыя. Четыре из них врезались в оторванную стенку, опрокинув ее назад. Два пролетели выше, не причинив никому вреда. Одно едва не задело Рико, но тот, кажется, этого даже не заметил, перезаряжая арбалет.

Второй раз карлик выстрелить уже не успел. Несмотря на свой рост, он был слишком заметной мишенью, и пущенный из пращи камень угодил ему куда-то в плечо, опрокинув с крыши фургона. Кажется, его оттащили к Лин и детям.

Началась схватка, и все случившееся потом стало для Тэо лишь чередой ярких и ужасных картинок.

Смутных, перемешанных и нереальных.

Из-за спины акробата вылетела стрела и канула в ночи. За ней последовала другая, на этот раз точнее. Она воткнулась в грудь врага, но из-за слабого натяжения лука вошла не глубоко и лишь легко ранила.

Мэлги – создания кошмара, порождения магии, с кожей бледной, словно у червей, не видевших солнечного света, звериными ушами, красными татуировками на лицах. Черные глаза, оскаленные рты, визг. Они ринулись вперед с отчаянным напором, надеясь сокрушить троицу защитников.

Тэо нанес удар первым. Копье мелькнуло над плечом Мильвио. Ширококонечный треугольный наконечник без всякого сопротивления вошел в живот первого мэлга. Акробат лишь почувствовал, как задрожало древко, точно удочка, на конце которой затрепыхалась крупная рыбина. Он тут же дернул копье на себя, чуть подворачивая левой рукой, как учил южанин, высвобождая его из плоти.

Следующего зарубил Мильвио. Он стоял широко расставив ноги, держа Фэнико двумя руками, без труда отражая сильные удары и нанося ответные.

Один из мэлгов попытался пролезть слева, и Алин с коротким рыком обрушил свою импровизированную дубину на него. Тварь закрылась коротким круглым щитом, но это ее не спасло. Не выдержав силы удара, мэлг упал, и стальная гиря расплющила ему голову, так что кровь и мозг плеснули во все стороны.

Тэо снова ударил копьем, и опять удачно, разворотив бледное лицо. Отдергивая, получил по древку топором, но смог удержать рвущееся из рук оружие, отшагнул и снова нанес укол.

Стрела на этот раз попала в глаз мэлгу, который только-только миновал узкий проход. Мы за спиной победно вскрикнула.

Мильвио пригнулся, подрубил ноги врагу, оставляя его на немилость дубины Алина. Тэо вовремя среагировал и подставил копье, парируя короткий меч, который должен был врезаться в голову южанина.

Мильвио перехватил Фэнико, нанес противнику удар перекрестьем, проломив висок, встретил упавший справа топор, держа оружие двумя руками за клинок, точно посох.

Теперь он действовал на короткой дистанции, используя лишь переднюю треть клинка. Не рубил, резал. По шеем, лицам, бицепсам, нанося страшные раны.

Южанин отступил назад, прежде чем мэлги осознали, насколько человек незащищен, и усилили напор. Руки Мильвио были по локоть в чужой крови, он взял передышку на несколько мгновений, доверившись Алину и Тэо, которые приняли на себя сдерживание противника.

Камень едва не разбил Пружине лицо, прошуршав в дюйме от скулы.

– Ирвис! – заорал Мильвио, надсаживая голос. – Прикончите прашника!

Аркан вылетел из мрака, оплел руки мечника, стянув их между собой. Но прежде, чем его сбили с ног и утащили во мрак, Алин, бросив дубину, схватил веревку и рванул ее на себя, выдергивая мэлга вперед. Тэо тут же опустил копье, пригвозждая врага к земле.

Появилась Чик, серпом перерезала пути Мильвио, вновь исчезла за спинами, избегав попадания камня в голову. Две стрелы задержали мэлгов, давая возможность вновь укрепить ряд.

Одна тварь все же проскочила мимо них, и Молике выплюнула в нее целую струю горячей жидкости, изрыгнув из себя пламя, словно мифическое огненное чудовище...

Копье, которое миновало щит и должно было убить Ремня, Лавиани поймала на лету. Инерция сбила ее с ног, заставила перевернуться.

С обретенным трофеем она ловко вскарабкалась на крышу фургона, как раз в тот момент, когда в Рико угодил камень, разворотив левую ключицу на множество осколков.

Она не стала терять время на помощь ему. Для этого есть другие.

Оценила ситуацию. Выругалась. Возле прохода бой уже начался, но почти половина отряда начала обходить фургоны с внешней стороны, разделившись на три группы. Несколько прашников собирались залезть наверх.

В следующую минуту она использовала все три оставшиеся бабочки. Ускорила и обрушилась на врагов, точно серп на колосья.

Первым делом она уничтожила тех, у кого были пращи. Положила всех пятерых. Твари оказались чувствительнее людей, и они видели ее, пытались сопротивляться, но не могли противостоят скорости.

Сойка резала и колола, выбирая своей целью шеи, уклонялась от медленно выстреливающих в воздух гейзеров крови, от падающих на нее мечей и топоров.

Как только Лавиани ощутила, что эффект таланта заканчивается, а мэлги начинают двигаться быстрее, сразу же сожгла предпоследнюю бабочку. А за ней и последнюю.

Она вертелась юлой, оббегая весь периметр оборонительного круга, и успела прикончить достаточно тварей, прежде чем отступить назад.

От такого частого, без всякого перерыва, использования талантов ее немного мутило, и мир покачивался перед глазами.

Она вернулась в круг в тот момент, когда прилетевшее копье насквозь пробило Молике, подавившуюся порцией не выплюнутого огня.

Звон стали, хрипы, крики людей были где-то за пределами ее мира, крошечного и неуютного. Кровь протекала меж пальцев, точно упорный ручей, пробивающий себе дорогу через прошлогоднюю листву.

Шерон никак не могла ее остановить. Две тряпки, которые она использовала, не помогли. Был задет важный сосуд, и горячая жидкость лилась из разрубленной груди, а вместе с ней уходила и жизнь.

Указывающая понимала это, видя бледность кожи Велины и то, как слабеет ее дыхание.

– Не смей уходить, бард! – зарычала Шерон. – Не смей! Слышишь?!

Но она ушла. Девушка снова ощутила, каково это, когда чужая жизнь вытекает из смертной оболочки. Почувствовала своим даром, новыми способностями, пробудившимися после Талориса.

Это было как обрыв струны на лютне, когда ты погружен в песню. Все разрушается в одно мгновение, и мелодия затихает.

Навсегда.

– Проклятье! – В сердцах Шерон ударила кулаком по кровавой луже. – Проклятье!

Они смогли разрушить баррикаду под днищем алого фургона, полезли оттуда, и Лавиани громко свистнула, привлекая внимание Мьи.

Та поняла и выпустила первую стрелу прямо в бледное лицо мэлга. Ирвис присоединился к дочери. Лавиани подхватила бутылку с горючей смесью, оставшейся от Монике. Подскочивший Ремень поднес ей огонь.

Сойка не стала швырять эту опасную жидкость под фургон, кинула по дуге, за него, так, чтобы скоротечно живущее пламя не успело добраться до досок. Где-то за пределами ее зрения громко рвануло, полыхнуло оранжевым, раздался вой тех, кто только собирался идти на штурм их маленького лагеря.

Брат Молике вилами бил под колеса с искаженным от ярости лицом. Гит и Ливен тащили обломки, чтобы залатать дыру.

Лавиани забрала у Вьет разряженный арбалет и полезла на крышу, где лежали оставшиеся болты, обороненные Рико.

Здесь ее ждал неприятный сюрприз. Мэлг встретил ее ударом клинка. Она не нашла ничего лучше, чем подставить арбалет. Затем отбросила испорченное оружие в сторону и взялась за нож.

Их начали теснить. Мэлгов было слишком много, и они напирали.

Сперва обороняющиеся сделали шаг назад. Затем еще. И еще. Мильвио попытался вернуть позиции, но двое мэлгов в броне, вооруженных топорами, мешали ему.

Четыре стрелы ударили им в доспехи, отлетели, не причинив никакого вреда. Мильвио изловчился, воспользовался ситуацией, перерубил твари кадык концом меча, вскрыв

гортань. Тэо пырнул копьем второго мэлга, но наконечник лишь скользнул по нагруднику. Зато Алин оказался удачливее, не промазал, и дубина смяла кирасу на груди чудовища, раздробив тому ребра.

Он упал рядом с телом Молике, и южанин, с ног до головы в чужой крови, добил противника, крикнув:

– Держаться!

Приземистая, тяжелая туша спрыгнула, казалось, с самой луны. Шерон подняла голову, увидев лицо ухмыляющегося мэлга. Внезапно он дернулся в сторону, словно хотел показать всем присутствующим изящное танцевальное па. В его шее торчал брошенный сойкой метательный нож.

Три арканские петли упали на Алину, рванули во мрак, и он рухнул на колени. Мильвио одним ударом перерубил веревки. Его бок оказался открыт, и Тэо оттеснил ближайшего мэлга копьем. Отступая, тот поскользнулся в крови, и через него сразу же перепрыгнули три людоеда.

Выбирая между силачом и канатоходцем, Мильвио прикрыл акробата, парируя выпад, а затем увлек Пружину за собой, назад, разрывая дистанцию, так как внутри круга было уже шесть мэлгов и все время прибывали новые.

Алина проткнула копьем, а затем зарубила топорами. Мы выпустила последнюю стрелу. Гит, Ливен, Ирвис, Вьет пытались противостоять тем, кто лез под фургонами справа.

Чик, Тик и Ремень, навалившись на доски, из последних сил удерживали баррикаду на дальнем конце лагеря.

Вездесущая Лавиани появлялась в разных местах, но ее сил не хватало, чтобы остановить их всех.

Оборона была прорвана, и Пружина понимал, что держатся они последнюю минуту.

Струны жизни лопались вокруг нее с пугающей частотой, оставляя противный звон в ушах и дрожь во всем теле. Шерон захватывало черное отчаяние. Люди гибли вокруг нее, и не было возможности это остановить.

Один из фургонов загорелся, его все же смогли поджечь, и теперь к свету шара Нэко примешивались оранжевые отблески пожара.

Брат Молике, выронив вилы, мешком повалился на землю, когда никем не остановленный мэлг выдернул меч из его спины.

Указывающая посмотрела на окровавленную Велину с погасшими глазами. На ее обострившиеся скулы и приоткрытый рот.

Смерть. Вокруг была лишь смерть, и она должна была захватить не только Шерон, но и всех ее друзей.

Девушка отрешилась от всего. Забыла о том, где находится и что происходит вокруг. Она погрузилась глубоко в себя, в свои воспоминания, вызывая в себе то чувство голода, что терзало ее недавно.

С резью в желудке, с той болью, от которой хочется избавиться. Потянулась в поисках подходящего тела.

Мизинец на руке Велины дрогнул, она тихо вздохнула и неловко встала на колени, глядя на указывающую пустыми глазами. А вокруг них, в кострах, в разгорающемся фургоне, бесновалось белое пламя.

Шерон, сознание которой словно расщепилось, не знала, как следует поступать дальше. Поэтому просто сказала мертвой:

– Защити меня!

Та, что полчаса назад была бардом, проворно, точно обезьяна, бросилась вперед, волчьими зубами вцепившись в плечо мэлга, уже собравшегося зарубить Тик.

Чувствуя кровь на губах, ощущая одновременно бешеный восторг и тошноту от содеянного, она закричала в звездное небо, закричала чужим, высоким, хриплым и испугавшим даже ее голосом:

– Защищайте нас! Сражайтесь за нас!

И Алин, Молике, ее брат поднялись с земли и бросились на мэлгов. А огонь продолжал гореть белым.

До самого утра.

Глава семнадцатая

Бренн

Это величайшая из рек. И самая протяженная. Она пересекает всю восточную часть континента, впадая в море Радости[21]. В месяцы Щита и Тени здесь до сих пор можно встретить ходящие к Лунным скалам корабли эйвов, почитающих тех, кого они называют дхенне и о ком теперь говорить не принято. Королевство этого народа тянется по правому берегу много дней, и корни Туманного леса пьют из Бренна. Я мечтаю проплыть когда-нибудь весь этот долгий, многомесячный путь, от истоков, берущих свою жизнь с ледников Мышиных гор, через пороги Эрхайма, мимо водопадов Великого круга и до дельты Асворта, где стоит один из величайших городов Единого королевства.

История Единого королевства. 123 год до начала Катаклизма. Эпоха Процветания

Дым от догорающих пожаров на опустевших улицах стелился над рекой, подобно туману.

Дым запросто можно было с ним спутать, если бы не горечь, ножом режущая горло. Этот вкус причинял почти физическую боль, щекотал ноздри и заставлял слезиться глаза.

Однажды, путешествуя по западу Дарии, Тэо со своим цирком оказался в крае,

страдающем от летних пожаров. Тогда было точно так же, с той лишь разницей, что там горели торфяники, а здесь – большой богатый город.

Мэлгов никто не ждал. Сотни погибших горожан остались на улицах, некоторых угнали с собой, точно скот. Что не смогли разорить и разбить, сожгли, и теперь на месте северных кварталов, вплотную подходящих к лесу, осталось дымящееся пепелище.

Бургомистр отправил гонцов в ближайшие замки, прося помощи. Те снарядили отряды для погони за мэлгами.

– Ушла? – Лавиани появилась неслышно, встав за его спиной.

– Да.

– Она умная девочка. Не пропадет.

– Не сомневаюсь. Цирк отправился дальше, на запад. В Талте помощи не дождешься. В двух днях пути отсюда находится Вист, там можно остановиться надолго и починить уцелевшие фургоны.

– Не грусти, мальчик.

Он взъерошил свои непослушные волосы:

– Не в моих правилах грустить. Быть может, мы еще встретимся с Мьи. Дороги цирковых часто пересекаются. Жаль лишь погибших.

– Их было бы еще больше, если бы не девочка.

Тэо согласно хмыкнул:

– Да. Если бы не Шерон, мы бы все остались у Мокрого Камня. Теперь-то ты, наверное, сто раз ей напомнишь, кто она такая.

Лавиани рассмеялась:

– Наоборот. Во мне еще живо чувство самосохранения, и постараюсь злить настоящего, живого некроманта как можно меньше.

Тэо даже не улыбнулся. Слишком свежи были воспоминания о той жуткой ночи, когда по приказу Шерон жизнь во второй раз покинула тела людей, с которыми они рядом путешествовали не один день.

Цирковые не сразу поняли, что и почему произошло. И не сразу осознали, кто перед ними. И не сразу приняли это. Пружина был уверен, некоторым из них пришлось сделать над собой усилие, чтобы оставаться с указывающей хотя бы... вежливым.

Не бежать прочь, не кричать от ужаса.

Он был благодарен им за то, что никто не посмотрел косо, не плевал через плечо и не шарахался в сторону. Знал, что люди обычно забывают о благодарности, если испытывают страх. Но в цирке Ирвиса со страхом умели справляться.

– Шерон волнуется, что с ними будет дальше.

– Пусть девочка лучше о себе беспокоится. Третий день ходит по стеночке, словно ее по голове дубинкой ударили. С цирком все будет в порядке. Особенно после того, как Фламинго всучил Ирвису нашего золотого орла, а ты дал адрес скупщика реликвий в Мерени. Купит взамен двух поврежденных фургонов двадцать новых и наймет артистов.

- Им эти деньги нужнее, чем нам. Но они не вернут людей.
- Не вернут, – признала Лавиани, глядя сквозь дымку на противоположный берег – далекую темную полосу на горизонте. – Поверь, меня это печалит не меньше, чем тебя. Темнеет. Пора возвращаться.
- Узнала что-нибудь?
- Кроме того, что лодка теперь стоит как торговый корабль, так как пристань сгорела, а лодочники переправляют всех желающих на ту сторону за четверть рен-марки, и свободных посудин просто нет? Ничего.
- Неудивительно. Люди бегут подальше от неприятностей.
- Мэлги ушли. Их преследует армия. Чего они боятся?
- Повторения. Страх перед чудовищами не исчезает, даже когда чудовище уже убито. Никто не хочет превратиться в мясную похлебку.

Они пошли по кварталу, заливаемому светом оранжевого, закатного солнца.

- Бояться так же бесполезно, как прятаться от заразы. Мэлги появились из ниоткуда. Наверное, шли со стороны Рубежа не один месяц, лесами, избегая крупных городов. Половина востока – дикие места, и предугадать их появление попросту невозможно. Сам же слышал слухи – за последние полгода эти твари появлялись уже во многих герцогствах, и везде после них лишь пепелище да трупы. Ты вообще размышлял, что за глупость мы затеяли? Ведь если остановиться, не бежать, как мы, и просто подумать, то ситуация смешная до шауттов, которых можно обнаружить на дне винной бочки.
- О чем ты?
- О Тионе конечно же. Я уже говорила и снова повторю: считаешь, он нас будет ждать в Шой-ри-Тэйране с накрытым столом и в клоунском колпаке? Ни один нормальный человек, пускай он даже великий волшебник, не станет торчать в диколесье тысячу лет, ожидая, что некромант, таувин и попрыгун заглянут к нему на огонек!
- Не хочешь обсудить это с Шерон?

Сойка надула щеки:

- В принципе я обожаю расстраивать людей и портить им настроение, но буду снисходительна к девочке. Она и так много чего пережила. Но вот честно, положи руку на сердце, хоть кто-нибудь из нашей четверки думает, что мы найдем в городе эйвов хоть какое-то упоминание о нем? Не говоря уже о записке примерно такого содержания: «Дорогая Шерон и остальные, ушел в Билгам. Проживать буду в трактире «Стезя смерти», жду с нетерпением, ужин стынет. Ваш Тион».

Тэо посторонился, пропуская всадника на ослике:

- Сегодня ты довольно желчна.
- Обстановка этому способствует, – любезно объяснила она.
- Так давай решать проблемы по мере поступления. Не найдем никаких зацепок в Шой-ри-Тэйране, отправимся к Рубежу. Или в Каренскую библиотеку. Конечно, глупо звучит, но если мы остановимся, то не уверен, что сможем идти дальше. Не хватит сил.
- Перестань, мальчик. Уж таких, как мы, невозможно сбить с пути. Хотя бы потому,

что мы сами не знаем, куда направляемся. – Она засмеялась, довольная сказанным. – Я поговорила с людьми. Туманный лес начинается не так далеко от этой сожженной дыры. Но никто, слышишь, никто из тех, кто согласился со мной почесать языком, слухом не слыхивал, где находится город эйвов. Половина считает это сказкой, вторая половина верит в него, но не слишком-то горит желанием бежать и искать. Мол, город-то, конечно, есть, но где – это, извини, не в курсе. Дед деда рассказывал, что дед его деда говорил со своим прапрапрадедом, и тот как будто бы знал человека, дед деда которого когда-то побывал в Шой-ри-Тэйране. Понимаешь, куда я клоню?

– Понимаю. Быть может, Мильвио повезло больше, чем нам.

Южанина до сих пор не было. На маленькой веранде, рядом с цветочными горшками, расположилась Шерон и неспешно бросала на стол свои игральные кости. Те катились, останавливались, ударяясь о солонку.

– Яичницу! – крикнула Лавиани хозяину, выглянувшему на звон дверного колокольчика. – А этому парню... тоже что-нибудь. Привет, девочка. Смотрю, ты весело проводишь время.

– Пытаюсь решить загадку. Тэо, – Шерон протянула ему кости, – брось их, пожалуйста.

Пружина в первый раз взял в руки кубики указывающей и подивился тому, насколько они холодны и как тяжелы. Словно золотые.

– Ну... ладно. – Он бросил их, и костяшки легли тройкой и двойкой. – В чем странность? Кроме того, что они могут сиять, бегать за тобой, словно два щенка, и совершать еще много чего, о чем я не знаю?

Шерон вздохнула, кинула, и те легли шестерками. Еще раз. И еще.

Каждый раз выходили шестерки.

– Ну... Я бы не жаловалась. – Лавиани плюхнулась на соседний стул. – Теперь можно с легкостью обувать идиотов и зарабатывать на честную жизнь.

– Присмотрись, – тихо сказала девушка. – Неужели не видишь?

Сойка оперлась на локти, наклонившись вперед и приблизив нос к костям так, что едва их не касалась.

– Ничего я не вижу, – с разочарованием наконец ответила та. – Что там? Все Шестеро мне машут платочками и благословляют на приятный ужин?

Девушка вздохнула, забрала кости и сжала в кулаке:

– Воздух вокруг подрагивает. С тех пор... с тех пор как я это сделала, в них что-то изменилось. Появилась сила. И не только в игровых костях. Когда мы въезжали в Талт, то оказались рядом с погостом. Стилос бился в сумке, словно сардина в сетке. Надо сказать, что подобные изменения меня тревожат. Не всегда понимаю, что я делаю и как. И к чему это может привести.

Тэо вспомнил ночной бой, страшное, залитое кровью лицо Алина с волчьими зубами и то, как он рвал мэлгов, а затем «умер» по одному приказу Шерон, упав прямо в костер, и, наверное, это воспоминание отразилось на его лице – девушка помрачнела еще больше.

– Я чувствую смерть. Как она приходит. Забирает человека. Уводит на ту сторону. А еще когда она рядом. Кладбища... Это как голодный зуд. Он сводит с ума, и от него больно. В желудке.

– Так поешь.

– Нет, Лавиани. Еда, которую хочет мой дар, это не то, чего бы я желала в здравом рассудке. В Каренской библиотеке ведь должны быть книги из прошлого?

– По некромантии? – догадалась сойка. – Сильно в этом сомневаюсь, девочка. Таких, как ты, в прошлые эпохи не очень-то жаловали и вряд ли хранили вещи, способные стать в руках некромантов оружием. Скорее уж сжигали. Ну, я бы именно так сделала. Лучше убить змею, чем спрятать ее под подушкой. Но учитель бы тебе точно не помешал.

– С этим точно будут проблемы. – Она невесело улыбнулась, убрала кости в сумку, потеряла ладонь, и Тэо заметил, что на ней остались следы от ребер кубиков. – Йозеф научил меня, как бороться с мертвыми, а не подчинять их себе. На счастье, в мире только один урод со способностями, как у меня.

– Не говори так! – резко сказала Лавиани. – Никакой ты не урод. И все тогда сделала правильно. Мы живы благодаря тебе. И все, кто выжил, это знают. Мэлги бежали, точно зайцы.

– Я понимаю. Гит и Ливен заходили сегодня. попрощались перед отъездом. Сказали мне примерно то же самое. Принесли лютню Велины.

– Да ну? – не поверил своим ушам Тэо.

– Она наверху, в моей комнате. В общем, они настоятельно просили ее забрать.

– И что ты намерена с ней делать?

– С учетом того, что я не умею играть, отдам Мильвио. Во всяком случае, узнаю, не нужна ли она ему.

Принесли еду, и Лавиани набросилась на яичницу. Ей следовало поесть, пускай она и не чувствовала вкуса.

– Могу я задать маленький вопрос? – орудая приборами, поинтересовалась сойка. – Про ту ночь?

Шерон сжала губы, но кивнула, соглашаясь.

– Почему люди? Вокруг было полно тел мэлгов. Фламинго нарубил их на целый воз, но...

– Я не смогла, – призналась указывающая. – Попробовала, но у меня не получилось. Они не отзывались на приказы.

– Ну... может, дело в практике.

Шерон мгновенно помрачнела:

– Я уже вроде сказала, что не планирую продолжать подобную практику. Это... отвратительно. Словно погружаешь руки в гниющую плоть, одновременно желая съесть ее, буквально умираешь от голода и захлебываешься слюной. Ты в какой-то мере становишься ими. Видишь мир их глазами. Я была и Велиной, и Алином, и Молике, и ее братом. И едва не сошла с ума.

Звякнул дверной колокольчик, вернулся Мильвио.

Лавиани посмотрела на его лицо, испачканное в копоты:

– Только не говори, что ты спасал котенка из горящего дома.

– Нет. Просто помогал добрым людям.

– Да восславим добрые дела, и зачтутся они тебе на той стороне, – закатила глаза сойка. – Надеюсь, старушек на тот берег Бренна ты не перевозил?

– Старушек поблизости не наблюдалось, сиора. Я помог хорошему малому, а он в ответ помог мне. У нас есть лодка.

– Отличная новость! – обрадовалась Шерон.

– Но она не в Талте. В дне пути, ниже по течению, за старой мельницей есть покинутый хутор. Там в сарае лежит хорошая лодка, для долгого пути. Как раз на четверых.

Лавиани отложила вилку, нахмурилась:

– Постой-постой! И ты поверил незнакомцу?! А если мы будем тащиться шаутт знает куда и там ничего не окажется, мне придется возвращаться назад и бить его голову долго и с удовольствием о ближайшие ворота? Это слишком сложно для моих старых ног, ходить впустую туда и обратно.

– Он говорил правду.

– Откуда ты знаешь?

Мечник посмотрел с сочувствием:

– Знаю. Людям стоит доверять. Хотя бы иногда. В противном случае мы будем сидеть здесь еще неделю или две, прежде чем найдем подходящую посудину. Можно, конечно, начать собирать плот, но на Белых порогах стоит иметь что-то понадежнее нескольких сколоченных досок.

Бланка пыталась понять свои чувства, когда смотрела на эту женщину. Восхищение и... некоторая доля зависти. Уж себе-то она врать не станет. Она завидовала ее красоте, волосам и невероятной привлекательности.

Она притягивала даже Бланку.

Не удержавшись, та протянула руку, коснулась пальцами губ женщины, заглядывая в глаза, провела по щеке, спускаясь все ниже и ниже.

– Вижу, вы уже познакомились.

Голос Шрева, раздавшийся за спиной, едва не заставил Бланку вздрогнуть. Ей пришлось приложить усилие, чтобы остаться бесстрастной. Очень некстати их потревожили.

Она повернулась не спеша, ответив спокойно:

– Прости. Я не смогла преодолеть свое любопытство. Увидела вас вчера вместе и поняла, что мне нужно познакомиться поближе.

Он, к ее удивлению, улыбнулся:

– Вполне понимаю твои чувства. Она – истинное совершенство.

Бланка вновь коснулась статуэтки.

– Сколько ты заплатил мастеру?

– Увы, он мертв по крайней мере последнюю тысячу лет. Это работа самого конца Эпохи Процветания. Арила.

– Великая волшебница? Без маски?

– В том и уникальность работы. Она ценна для меня.

– И ты носишь ее с собой, потому что...

Вопрос повис в воздухе.

Шрев сел рядом, похлопал ее по колену, и Бланка, чтобы скрыть раздражение, еще раз улыбнулась, надеясь, что по ее лицу не читается, как она его ненавидит.

– Потому что она основная причина нашего путешествия в Шой-ри-Тэйран.

Бланка почувствовала, как ее сердце дрогнуло. Вот оно! Горячо! Наконец-то горячо! Вот ради чего она здесь!

– Что ты знаешь о магии?

– То, что ее давно уже нет. – Вопрос удивил ее. – Тион забрал волшебство у людей. Больше волшебники не рождались.

– Все так. Но я предпочитаю считать, что ученик Скованного создал плотину, которая не дает воде пробраться в наш мир. Порой сюда просачивается несколько капель, но и только. Не беру на себя много, сломать ее ни у кого не получится, но зачерпнуть какое-то количество воды, на мой взгляд, возможно.

Ей показалось, что она ослышалась. Но нет. Шрев говорил серьезно, и не думая насмехаться над ней.

– И ты хочешь зачерпнуть? – осторожно поинтересовалась женщина, решая, кто перед ней – сумасшедший или же просто глупец.

– Хочу. Я много читал в молодости. У ученых мужей запада, в том числе и университета, в котором ты училась, существует гипотеза о трех городах эйвов. Разумеется, их было гораздо больше. От Багряного до Песчаного моря в Эпоху Света поселения этого племени встречались в каждом лесу. Но существовало три самых важных, первых города, которые эйвы, тогда еще молодой народ, строили под руководством асторэ. Первый был уничтожен после долгой осады шауттами. Он находился где-то на юге Дельфина, и от него не осталось ничего, когда там пробудились вулканы. Второй оказался на дне Жемчужного моря, когда бледные равнины Даула поглотила вода – самый прекрасный из городов эйвов исчез после победы Шестерых, одолевших Вэйрэна. Ну а третий город сохранился до наших дней. Это Шой-ри-Тэйран, в который мы направляемся.

– Все это замечательно, но как эта информация поможет выпустить магию?

– Во всех трех городах есть... двери. И они ведут туда, где магии бесконечное количество.

– Двери? – В ее голове забрезжила догадка. – Куда ведут эти двери? Не туда ли, куда Шестеро выбросили асторэ? Ты говоришь о той стороне, Шрев?

– Да.

– Но магия шауттов и асторэ не имеет ничего общего с магией великих волшебников. Она темна!

– И снова ты права, моя дорогая Бланка. Но, как говорится, не стоит пересчитывать зубы дареному коню. Эти двери были созданы асторэ, чтобы выбрасывать опасные вещи из нашего мира. Но теперь ими можно воспользоваться и попробовать получить выгоду.

Шрев говорил безумные вещи, и она даже была рада этому. Тому, что сказки так и останутся сказками и у него ничего не получится.

– Выгоду? Опасно заключать сделку с шауттами. Ни Вэйрэну, ни Тиону, ни Скованному это не принесло никакой пользы. Лишь беду.

– Поэтому надо быть очень осторожным. У меня есть ключ. – Сойка показал на статуэтку. – Фигурка Арилы отчего-то может вызывать шауттов. И если принести ее к двери, сказать правильные слова, то все получится.

– Надеюсь, что нет, – серьезно ответила ему Бланка. – Не хочу быть рядом, если демон действительно появится.

Тот вздохнул немного печально:

– Но, к сожалению, тебе придется. Без тебя и твоих знаний старого наречия мне не обойтись. Мужской и женский голос должны быть сплетены воедино. Но разве это все, что тебя интересует? Например, неужели тебе не интересно, где я взял Арилу? Или как я убил твоих отца и братьев, госпожа Эрбет?

Она всегда быстро соображала и никогда не терялась. Так что среагировала мгновенно. Выхватила маленький стилет, но не смогла даже поцарапать противника. Он блокировал удар предплечьем, а затем женщина вскрикнула, когда тот вывернул ей запястье и, отобрав оружие, бросил его в угол.

– По меньшей мере, очень наивно с твоей стороны думать, что я не задам вопросы нужным людям и не узнаю, кто ты такая. Беспечность мне не свойственна, и ты жива только потому, что обладаешь определенными способностями.

– Гренн! – в отчаянии крикнула она, одновременно пытаясь вырваться из стальной хватки, но лишь застонала от боли, пронзившей локоть.

Дверь распахнулась немедленно, но вместо телохранителя в комнату заглянул Сегу. Гренн лежал на полу.

По щекам покатились слезы. И плакала она отнюдь не потому, что потеряла хорошего слугу. Он оказался не так уж хорош, раз мертв и не может ей помочь. Плакала Бланка от злости.

Ее обыграли, легко, как сопливую девчонку, а она даже не догадывалась об этом. Считала себя умнее всех. Упивалась мечтами о скорой мести. И вот результат.

Отец бы здорово посмеялся над ней. Впрочем, нет. Он был бы сильно разочарован. Она подвела и его, и свою семью.

Подвела!

Шрев толкнул женщину в руки Сегу:

– Будь добр, прояви заботу о нашей знакомой.

Бланка попробовала сопротивляться, но не тут-то было. Помощник Шрева сразу придушил ее, взяв шею в грубый захват так, что она не могла даже пошевелиться и была озабочена лишь тем, чтобы ее легкие получили хоть немного воздуха.

– Не сказал бы, что доволен оказанной честью. Госпожа с норовом. И если она сможет доставить нам неприятности, то сделает это. Быть может, я просто суну себе в карман осиное гнездо?

– Не делай из нее шаутта. Не хочешь возиться и заботиться, просто ослепи, – равнодушно предложил учитель. – Но язык трогать не смей. И грузи ее на плот, пора отплывать.

Бланка забилась, точно попавшая в силки лиса, но Сегу со смехом пресек это жалкое сопротивление. Надавил куда-то за ухо, и сознание женщины погасло.

Это был последний раз, когда она видела солнце.

Реки Летоса были похожи на близнецов. Они рождались в горах и неслись вниз, к морю. Ревущие, непокорные, непрерывно скачущие по перекатам, торопящиеся к морю и фьордам. Вода в них всегда была обжигающе-холодной.

Бренн оказался совсем другим. Равнинная река, с парной, точно молоко, водой по утрам, со скоротечными туманами, медленным течением и тягучей, темной водой, очень похожей на старые зеркала, которые они видели во дворце Талориса.

Лодка нашлась там, где и сказал Мильвио. Его не обманули, и он улыбался, слыша, как Лавиани бормочет под нос, что на этот раз им просто повезло. Сойка сперва ворчала, что это неуклюжий плавающий гроб, который в любой момент черпанет воды и пойдет ко дну, но Шерон, выросшая среди рыбаков, считала совершенно иначе. Указывающая видела, что с такой лодкой на реке они не пропадут. Та, несмотря на свои размеры, должна быть очень маневренной.

Так и случилось. Она легко скользила по реке, откликаясь на малейшее движение весел. Когда Мильвио и Тэо уставали, то течение само несло их вперед, пускай в первые дни довольно неспешно.

Несмотря на то что отряд мэлгов сильно разорил Талт, нарушив его судоходство, жизнь на реке не исчезла. На территории от Ступеней эйвов до Белых порогов располагалось достаточное количество деревень и городов, чтобы туда-сюда курсировали парусные и весельные лодки, колесные баржи и большие плоты. Встречались торговые корабли, доставляющие грузы до Вика, города, находящегося в нескольких днях пути от Белых порогов. Там товары перегружали на вozy и по суше везли за Подкову, где течение реки снова успокаивалось, а ценности отправлялись в Нейкскую марку, Лоскутное королевство и к Рубежу.

Путешественники держались правого берега, более низкого, чем левый, и первые дни довольно болотистого. Плыли с рассвета, когда начинала играть рыба, и до того момента, когда река превращалась в небо, гася в себе багрянец его огней.

Начался месяц Креста, но тепло было, как в начале лета. Пока по берегам встречались деревни и городки, они ночевали там, хотя Лавиани предпочитала спать в лодке, опасаясь, что утром ее уже не окажется на месте.

Людям она предпочитала не доверять.

Сойка считала посудину собственностью и не желала отдавать ее «ворюгам и прохиндеям». Шерон и Тэо продолжали расспрашивать о городе эйвов, но получали только противоречивые сведения, а то и вовсе обвинения в сумасшествии. Лишь один уже немолодой пасечник, выслушав вопрос, степенно кивнул и сказал:

– Отец у меня там бывал. Но где это место – не скажу. Где-то рядом с Белыми порогами.

В городах было тревожно. Сюда уже добрались новости из Талта, гарнизоны усилили, люди нервничали, обсуждали произошедшее. Тэо собирал слухи, а затем рассказывал их, когда они плыли дальше.

– Говорят, в шести днях пути на мельнице видели шаутта.

– Муку, что ли, покупал? – усмехнулся Мильвио, опуская весло в воду.

– Вполне возможно, что и врут, – не стал спорить Пружина. – Шауттов, на наше счастье, в мире не так уж и много.

– Что еще интересного? – Лавиани лежала на дне лодки, глядя на проплывающие над ней облака. – Дожди из лягушек, явление Шестерых местному бургомистру, а может, наконец-то наступил конец эпохи и теперь все люди братья, убийств больше никогда не будет, а с неба упадет яичница из страусиных яиц?

– К сожалению, судя по погоде, мы не дождемся даже луковой головки, – парировал акробат. – А вообще, говорят, на западе может начаться большая война. Фихшейз собирается напасть на Горное герцогство.

– Ну удачи им, – равнодушно произнесла сойка. – Пусть попробуют взять крепости на перевалах. За последние двести лет они много раз получали по зубам. Как видно, соскучились.

– Есть еще более странные слухи. Что у герцога Кивела да Монтага появилась женщина. Слепая. И она спасла его от нападения шаутта. Убила всех демонов, и помог ей в этом Темный Наездник. Многие были бы не против, чтобы она появилась и в других местах и защитила их от зла.

Шерон покачала головой:

– Люди цепляются за любой слух, если тот дает им хоть какую-то надежду.

На одной из стоянок возле города Мильвио вернулся с двумя клинками. Первый, широкий кинжал с простой гардой в обычных ножнах, передал Тэо:

– Места начинаются дикие. Не стоит оставаться беспечными.

Акробат обнажил оружие, потрогал тонкое, точно жало, острие:

– Спасибо. Но фехтовальщик из меня никакой.

– Верно. Но им надо не фехтовать, а колоть. Лучше пусть будет под рукой кусок стали, чем одни кулаки.

Пружина не спорил и повесил оружие на пояс, повел плечом, ощущая очередное онемение в левой руке. Встретился взглядом с сойкой. Мгновение они смотрели друг на друга, затем Лавиани отвернулась. Она чувствовала то, что Тэо видел, – рисунок метки пустого уже добрался до его запястья, оплетя терновым венцом.

Вторым оружием оказался легкий меч с очень узким клинком, средней величины и

чашеобразной гардой, защищавшей руку.

Лавиани заинтересовалась им, сказав:

– Не похоже, чтобы ты собирался использовать парный клинок. Эта соланская ерунда не для твоей руки. Да и с бастардом она совсем бесполезна. Такое только какому-нибудь мальчишке подойдет или... – Она внезапно прищурилась. – Да нет! Не может быть!

– Почему? – Шерон забрала оружие из рук Мильвио, благодарно улыбнувшись ему. – У Мокрого Камня я могла бы помочь, если бы умела сражаться.

– Ты и так нам помогла! Без всякого меча. Думаешь, появление железяки превратит тебя в бойца?

– Конечно нет. Поэтому я и попросила Мильвио меня научить.

– Учить? Девочка, чтобы стать хотя бы средним фехтовальщиком, требуется не день и не неделя. Это ежедневный труд. Многие месяцы труда.

– Эм... – Шерон обдумала эту информацию. – Разве я давала тебе повод сомневаться во мне? Я не бросаю начатое. И готова трудиться столько, сколько надо.

– Это-то я знаю. Дело отнюдь не в тебе. Времени на обучение у нас нет.

– Ты умеешь обнадежить, – пробормотал Тэо. – Если ничего не делать, так ничего и не получится. Надо же с чего-то начинать.

– Да я не против! Только за! – Сойка вскинула руки, словно на нее собирались напасть, а она этого не хочет. – В конце концов, хоть какое-то развлечение. Посмотрим, какой из Фламинго учитель. Он как-то хвалился, что способен сделать золотым карпом даже обезьяну.

Тренировки начались этим же вечером и продолжались каждый день. К удивлению Шерон, большую часть времени она орудовала палкой, которая была в два раза тяжелее ее меча. Это оказалось сложно, а иногда еще и больно. Без синяков не проходило ни одного занятия, к тому же после отчего-то страшно болела шея.

– Это потому что ты напрягаешь правую руку, – сказал Мильвио на ее сетование. – И именно поэтому ты не можешь использовать меч на все сто. Жесткая рука лишает клинок подвижности.

– Как же ее не напрягать, когда палка так тяжела, а твой удар еще тяжелее?

– Очень легко, – невозмутимо ответил мечник, положив ей руку на затылок и проведя тыльной стороной ладони по шее, расслабляя мышцу. – Забудь о ней. О палке или мече. Не суть важно. Фехтуй солнечным лучом. Он ничего не весит.

– Хм.

– Проблема не здесь. – Мильвио убрал руки, показал на деревянный «меч», а затем на ее голову. – А здесь. Как только ты освободишься от этого, все станет гораздо проще. Для меня в том числе.

Лавиани всегда присутствовала на этих занятиях, но наблюдала молча. От нее не было слышно ни привычных насмешек, ни иронии. Тэо же, глядя на стойки, как-то заметил:

– Это ведь что-то из южной школы? Да?

– Верно, – согласился Мильвио, показывая Шерон, что та должна развернуть стопу

иначе. – Учитывая рост и вес нашей указывающей, такой выбор оправдан.

– Оправдан? – не поняла та.

– Ты женщина, – встряла Лавиани. – А значит, заведомо слабее большинства мужчин. Физически ты проиграешь при равных условиях. Ну, посуди сама: посмотри на Фламинго и себя. Он может носить тебя на плече целый день и не устанет. А его меч? Если парень вложится в удар, ты не сможешь парировать его. В лучшем случае повредишь себе запястья. В худшем – будет две половинки Шерон. Поэтому северные, оборонительные школы не помогут. Для такой, как ты, они слишком жесткие. А этот карифский стиль тебе вполне подойдет. Главное тут – колоть и резать, не затягивая бой. Быстрые шаги, повороты и контрудары. Очень хорошо. Хотя дам тебе совет: будь подлее.

– Хочешь научить меня плохому? – рассмеялась девушка, запоминая позицию.

– Скорее научить тебя сохранять себе жизнь. Как я говорила, женщины слабее большинства мужчин. Поэтому лучше использовать уловки и забыть о благородных сражениях прекрасных таувинов из сказок. Поверь, в схватке мальчики без сожаления разобьют твое красивое личико, если только им представится такая возможность. Поэтому бей, коли, руби, режь, а если надо, кусайся. Прежде чем кто-нибудь из них опомнится и навредит тебе. Если тебя прижали и надо драться – убивай. Иного выбора у тебя не будет. И сомнения в правильности поступка могут убить тебя. Запомни это.

– Я запомню, – серьезно пообещала Шерон.

– Это неправильно!

Голос в ватной темноте, ставшей ее бесконечным кошмаром, звучал раздраженно. Даже зло.

– Мастер Лоскут. – Она сразу узнала Сегу и ощутила, как к жару, живущему в глазницах, прибавился жар ненависти, от которого у нее сжало виски, а дыхание участилось. – Тебя наняли не для того, чтобы ты советовал мне, как поступать.

– Я не нанимался работать с душегубами!

– Перестаньте спорить, – проронил Шрев, сидевший на другом конце большого плота.

– Женщина потеряла глаза...

– Женщина хотела меня убить. Не собиралась выполнить свою часть сделки. Могла поставить под сомнение всю мою затею. Поверь, мастер Лоскут. Тебе не нужны неприятности. Ни тебе, ни твоему сыну. Сделай свою работу, приведи нас, забери вторую часть денег и ступай на все четыре стороны. На твоём месте я бы подумал, разумно ли тебе со мной спорить из-за женщины, с которой за все время путешествия ты не обменялся и десятком фраз. Неужели она ценнее жизни твоего сына?

Намек был понят правильно, и следопыт мрачно замолк. Теперь Бланка слышала лишь плеск волн. Солнце припекало, ветер играл с ее волосами, лихорадка, съедавшая последние несколько дней, отступила.

Она не та, кто кончает жизнь, даже в безвыходной ситуации. Шрев, как видно, знал об этом и не беспокоился, что женщина бросится в воду. Дочь Язева Эрбета была не из таких. Даже уродство не сломило ее. Оставался шанс прикончить Шрева, у нее имелся козырь в рукаве, но возможности использовать его не представилось.

Он больше ни разу не подходил к ней. Ни он, ни Сегу. Теперь Бланка даже не знала, кого хочет убить сильнее – человека, уничтожившего ее семью, или того, кто отнял глаза.

Второго, пожалуй, она ненавидела больше. Уже после того, как все страшное случилось, женщина плюнула ему в лицо, заявив, что, если Шрев так хочет обниматься с шауттами, пускай выучит старое наречие, а ей теперь все равно и она слова не скажет.

Уже через минуту Сегу доказал ей, что выйдет совсем иначе. Он умел причинять боль, не повреждая тело. Она раньше не испытывала ничего подобного и, лежа на полу, сотрясаясь в конвульсиях, не имея возможности плакать и кричать, поняла, что сделает все, что ей скажут, как бы сильно она их ни ненавидела.

Сделает все.

Лишь бы подобное мучение больше не повторялось.

Заботу о ней на себя взяла Мардж. Кормила, одевала, промывала раны и меняла повязки. Лучница, на которую Сегу спихнул все обязанности, работала без злобы, аккуратно и послушно, как приказали. Она не позволяла себе ни капли раздражения, ни слова, никаких издевательств. Но Бланка знала, если бы Шрев приказал вскрыть ей горло, то Мардж исполнила это с тем же спокойным лицом, с каким она, возможно, кормила ослепленную супом.

Рядом раздался шорох, кто-то присел недалеко от нее.

– Госпожа.

Она узнала голос. Крейт. Мальчишка Лоскута, смотревший на нее глазами влюбленного щенка.

– Вчера я слышал разговор Мардж и ее мужа, – шепотом продолжил он. – Вас хотят убить, когда все это закончится.

Бланка молчала.

– Вам надо бежать. Но не сейчас. Когда доплывем. Я помогу.

– Поможешь? – Она склонила голову, сказав проникновенно: – Спасибо. Я буду в долгу, Крейт.

Он шумно вздохнул, как видно потрясенный тем, что она запомнила его имя.

– Я вас не брошу. Мы убежим вместе!

Бланка машинально кивнула, выдавила из себя улыбку и прошептала:

– Спасибо.

Она никуда не собиралась бежать. По крайней мере, пока не прикончит Шрева. Или Сегу. Или сразу обоих. А дальше – плевать, что будет. Но мальчику до поры до времени не следует об этом знать.

Шерон уснула прямо в лодке, умиротворенная мягкой колыбельной реки и щебетом птиц, а когда проснулась, по правому берегу уже тянулся Туманный лес.

– Шестеро! – прошептала девушка, вцепившись пальцами в борт. – Шестеро, как же он прекрасен!

Здесь росли исключительно дубы. Необычные, огромные, высотой до самого неба, с раскидистыми изумрудными кронами и ветвями, точно дороги. Они нависали над водой, словно лапы мифических гратанэхов, созданий эйвов, отбрасывая густую тень на проплывающую под ними лодку.

У самой земли, над узловатыми корнями, больше похожими на замшелые камни, серебрилась дымка едва угадываемого глазом, очень слабого тумана.

– Прекрасен, – согласился Тэо, задрав голову. – На этих деревьях можно жить.

– Раньше так и делали. – Мильвио положил весло, отдавая лодку во власть течения. – Во времена, когда эйвов еще можно было встретить в человеческих городах, некоторые из нашего племени обитали в кронах, строили деревни, спали на ветвях и путешествовали по деревянным дорогам. Лесные люди, так их называли.

– Ерунда! – отмахнулась Лавиани.

– Не ерунда, – возразила ей Шерон. – Такое действительно было. Эйвы дружили с нами и позволяли жить на границе своего царства. Второго царства. Первое было уничтожено водой после битвы Вэйрэна и Шестерых. Шой-ри-Нейган, так назывался их город, а лес, начинавшийся за бледными равнинами Даула, тянулся на многие недели конного пути.

– Да этот тоже не маленький. – Сойка перешивала пуговицу на своей единственной рубашке, и на ее лопатке красовались две бабочки, порхающие на фоне водопада. После сражения с мэлгами не все татуировки успели вернуться. – Ты только посмотри на деревья. Каждое живет вот уже тысячу лет. Они еще Катаклизм застали.

– Эти вряд ли. Им не больше пяти сотен, а вот тем, которые, как говорят, растут в сердце леса, по три тысячи и они помнят прошлые эпохи.

– Три тысячи, Фламинго? Дубы так долго не живут.

– А как же Подпирающий Небо? – Тэо увидел, что сойка не понимает. – А. Ну да. Сказки не твой конек. Подпирающий Небо, или Первый Дуб, его называют... как же это изначально должно звучать...

Он щелкнул пальцами, вспоминая. Ему подсказала Шерон:

– Дхалле та-ута энмэ на мидратэ – на старом наречии, языке эйвов, асторэ и первых людей.

– Ты знаешь старое наречие? – удивился Мильвио. – Это что-то новое!

– Ну как знаю... – скромно ответила та. – Йозеф учил меня, но книг в Нимаде было мало. Читаю с трудом, говорю еще хуже.

– Ну так вот, – продолжил акробат. – Первый Дуб, точнее, его желудь эйвам передали асторэ. Когда он вырос – на это потребовалась вся Эпоха Рождения, – детей этого древа эйвы расселили по всему континенту. Все дубы несут в себе кусочек того, величайшего, погибшего в пожаре первых войн шауттов.

– Утраченная память, – с неожиданной грустью сказал Мильвио. – Так называли то темное событие эйвы. Для них гибель Подпирающего Небо была равносильна концу света.

– «Плач о лете». Я помню, как Велина пела об этом, – протянула сойка. – Красивая грустная сказка. Эйвов давно нет, но люди так и не решаются пустить лес на дрова.

– Никто не лезет к эйвам, даже если многие теперь считают их не более чем мифом. – Тэо проследил за полетом потревоженной цапли. – После Катаклизма они оставили мир людей. Ушли в сердце леса, закрыв от нас свои тропы. Их уже давно никто не видел, но из поколения в поколение передаются легенды, что не стоит вредить дубам, иначе навредят тебе.

– Ну да. Ну да. Такая же легенда, как и то, что Туманный лес туманен.

– Ты не была здесь осенью. – Акробат был необычайно серьезен. – Как-то мы с цирком проезжали по южной границе, недалеко от Ринии. Туман можно было ножом резать.

– Он опасен. – Мильвио с Пружиной не сговариваясь снова взяли за весла, направляя лодку на середину реки. – Туман висит неделями, люди, оказавшись в нем, не могут найти дорогу назад и погибают. В той же Алагории никто не отправляется в Накун напрямую. Предпочитают путь через предгорья, подальше от деревьев и молока, которое висит день за днем.

Лес тянулся все последующие дни. Бренн больше не разливался до горизонта, сузился, ускорил течение. Берега поднялись. Справа они оставались мшистыми, каменными, слева песчаными, со множеством стрижиных гнезд.

Лесосплав кедра в Нейкскую марку еще не начался, лодок после Вика на реке осталось немного. За последние три дня они видели лишь одну и еще несколько плотов. Но все остановились задолго до начала Белых порогов.

К стрелам Мардж относилась с необычайной серьезностью. Она гордилась своим умением стрелять, но знала, что ни один мастер, стоит лишь дать ему паршивую стрелу, не сможет попасть в цель, сколь опытным бы он ни был. Это все равно что сражаться тупым мечом или скакать на неподкованной лошади.

Поэтому она редко покупала стрелы, лишь в самом крайнем случае, когда срочно требовалось восполнить их запас. Чаще всего женщина предпочитала все делать самостоятельно. Это было настоящее искусство, которое требовало разума и понимания того, какой результат она хочет получить.

Мало оперения – и стрела полетит быстрее. Если стрела тяжелая, такая, чтобы срезнем убивала наповал, перьев добавляй как можно больше. Хочешь получить точность – смещай оперение к пятке. Хочешь получить скорость – отводи дальше от пятки. А если тебе нужно и скорость и точность, напряги голову, возьми нож, чтобы править форму гусиного пера.

Она как раз этим сейчас занималась, оставив Бланку в одиночестве. Все равно никуда с плота не денется. Лоскут, его сын, Сегу и Бух-Бух стояли на разных концах их плавательного средства, с помощью шестов направляя его.

Они шли вдоль левого берега, далеко от стремнины, там, где дно хорошо прощупывалось. Шрев сидел рядом с Мардж, и она старалась не обращать на него внимания.

Он думал о чем-то своем, то и дело поглядывая на проплывающий на той стороне Туманный лес. Она не понимала его и боялась. Иногда за всей его подчеркнутой любезностью и вежливостью Мардж видела настоящее. Холодное и жестокое.

Лучница была не рада, что Сегу нанял их с мужем. Она просто не смогла отказать, не опасаясь последствий.

– Далеко еще?! – спросил Шрев у Лоскута.

Тот как раз кашлял, положив шест поперек плота. Прежде чем ответить, ему пришлось хлебнуть воды и осмотреть берег.

– Скоро. Нам следует начать перегонять плот на ту сторону, иначе попадем на стремнину. До Белых порогов всего две излучины.

– Хорошо.

Мужчины стали сильно отталкиваться шестами от дна, пока оно было доступно, затем плот вышел на середину Бренна, поплыл, все ускоряясь, увлекаемый течением. Лучница легко рассчитала скорость и направление. По всему выходило, что к первой излучине его как раз принесет к правому берегу, в четверти лиги от того места, где они сейчас находятся.

Река здесь сужалась, и поток ускорялся. Не так, как в горной стремнине, но уже довольно ощутимо. Всем знающим людям это говорило, что впереди начинаются пороги, а возможно, и водопад.

Мардж посмотрела назад. Одинокая лодка, которая раньше плыла далеко позади, то и дело скрываясь за изгибами реки, за последний час здорово нагнала их.

Путешественники собирались преодолевать Белые пороги – обычное дело, если на веслах опытные люди.

Сегу стянул с левой руки перчатку, напевая фривольную савьятскую песенку, помассировал пальцы, на которых отсутствовали первые фаланги. Мардж слышала, что, когда сойка был младенцем, его бросили на улице и крысы славно пообедали.

Так ли это было, лучница предпочла не спрашивать.

Лодка, шедшая вдоль левого берега, поравнялась с ними. Люди, находящиеся в ней, споро и дружно работали веслами, и посудина, подгоняемая течением, неслась точно ласточка. Вода вокруг ее носа так и кипела.

Внезапно Шрев и Сегу резко повернулись в их сторону. Смотрели лишь мгновение, а затем старший сойка крикнул:

– Стреляй в них! Стреляй!

Плот плыл довольно далеко, поэтому Лавиани почувствовала их, когда стало слишком поздно, чтобы останавливаться.

Сперва она опешила, не веря в подобный плевок судьбы, затем поняла, что мир слишком тесен и подл, чтобы они не встретились, и рявкнула:

– Гребите, во имя всех шауттов! Гребите или мы покойники!

Они не послушались. Смотрели на нее удивленно, словно она сошла с ума. Раздражаясь, Лавиани ткнула пальцем в приближающийся плот:

– Там сойки! И не дам гарантии, что они не почувствовали Тэо! Мы все в опасности!

– Пристаем к берегу! – приказал Мильвио.

– Нет! Нет! Они тоже пристанут, и мы пропали! Единственный шанс – проскочить, уйти

на Белые пороги! Они плывут на бревнах, там на таком не развернешься. Опасно. Мы обгоним их и выиграем время. Здесь же у нас нет шансов.

– Она права! – поддержала сойку Шерон.

– Ладно, – согласился Тэо. – Поднажмем.

Мильвио не стал спорить, полагая, что Лавиани лучше знает своих бывших соратников. И лодка с каждым гребком разгонялась все сильнее.

Стрела, чиркнув по воздуху, ушла к левому берегу. Мардж пришлось задрать лук, расстояние для него было на пределе возможного, поэтому она, на несколько минут став главной, рывкнула:

– Сделайте, что угодно! Но мы должны подобраться ближе!

Никто не вел счет, но Мильвио и Тэо действовали синхронно, налегая на короткие, широкие весла. Их посудина рывками, точно резвая лошадка, рвалась вперед.

Лавиани видела Шрева, а он, сложив руки на груди, стоял и смотрел на нее. Она с большим удовольствием показала ему неприличный жест:

– Чтобы ты сдох, тварь!

Полет стрелы сойка тоже отслеживала. Та должна была прийти на излете и не представляла особой опасности.

На последнем участке полета подул ветер, и стрела упала за кормой. В принципе Мардж много и не ожидала.

– Бух-Бух?!

– Ничего не могу сделать, – прогудел муж. – Мы на середине, шести до дна не достают.

– Что происходит? – хмуро спросил Лоскут. – Кто эти люди?

– Бандиты, – не моргнув глазом ответил Шрев.

– Более опасные, чем вы? – Уцелевшая половина лица следопыта выражала явное неодобрение происходящего. – Ни я, ни мой сын не будем принимать участие в убийстве незнакомцев.

– Вас и не просят.

– Надо причаливать! До Белых порогов осталось немного. Мы, в отличие от них, не проскочим камни!

– Мардж? – Сойка пропустил совет мимо ушей.

– Бесполезно, мастер Шрев. Просто зря израсходую хорошие стрелы.

– Ясно. Сегу. Будь добр...

– Ха-ха! Съели, сукины дети?! – крикнула Лавиани.

Они уходили за излучину реки, и неповоротливый плот не поспевал за ними. Сегу прыгнул в воду, и вода вокруг бревен закипела.

– Проклятье! Проклятье!

Ублюдок использовал талант, ускорился и вытолкнул эту неуклюжую посудину вперед. Всего лишь за несколько секунд он покрыл большую часть разделявшего их расстояния.

– Ближе к берегу! – скомандовала Лавиани. – Держитесь под деревьями!

Когда плот дернулся и полетел вперед со скоростью ласточки, Мардж, чтобы удержаться на ногах, раскинула руки, ища правильный баланс. А вот Крейт едва не улетел за борт, в самый последний момент его успел схватить отец.

Лодка стремительно вырастала в размерах, и Мардж довольно улыбалась. Теперь у нее появились все шансы.

Пора.

Раз. Два. Три. Четыре.

Когда в воздухе висело четыре стрелы, лук отправил пятую.

Их спасли ветви деревьев, словно купол нависающие над водой. Три стрелы застряли среди них, четвертая тяжело ударила в борт, и Шерон вскрикнула от неожиданности. Пятую, прямо в полете, поймал на лопасть весла Мильвио, махнув им, точно огромной ложкой, встречая жирную муху.

Он с мрачным видом переломил древко у самого основания, выбросил его за борт.

Река, всего лишь минуту назад достаточно спокойная, бурлила. Ее течение ускорилося многократно. Появилось дно, мужчины налегали на шесты, подгоняя плот еще сильнее. Там, где выступали камни, все было белым, летели брызги. До порогов оставалась лишь одна излучина, был слышен нарастающий рев несущейся воды.

Плот под ногами плясал, подчиняясь потоку. Приходилось все время ловить баланс. Мардж, сохраняя дыхание, вытащила из футляра стрелу, которую сделала меньше часа назад. С широким листовидным наконечником, летящую быстро и ровно.

Лодка, теперь тоже несущаяся вперед не по воле весел, а по воле стихии, то и дело подпрыгивала вверх, задирая нос на бурунах, а затем ухала вниз, словно хотела нырнуть и пересчитать всех рыб.

Они вновь поравнялись с ней, можно было стрелять с минимальным углом, ветви теперь уже не защищали людей так, как прежде.

Мардж несколько раз выдохнула, приспособливаясь к неустойчивой поверхности, с удовольствием наметила себе цель и легко, даже радостно, произвела точный выстрел.

– Весло направо! В воду!

Тэо выполнил приказ Мильвио, не задумываясь, зачем это следует делать. Он опустил весло одновременно с мечником, и лодка, точно лошадь, врезавшаяся в стену, начала разворачиваться поперек течения. Ее борт опустился опасно низко.

Стрела пролетела мимо.

– Сукин сын! – в сердцах крикнула Мардж.

Это было невероятно! Но у акробата, которого она узнала и в которого метила, без сомнения была удача самого Тиона.

На этот раз она целилась гораздо дольше. Настолько долго, что в груди стало колоть от задержки дыхания.

Она рассчитала скорость лодки, плота и реки. Силу ветра и расстояние. Отпустила тетиву плавно и так нежно, словно была бардом, выступающим перед изысканной, требовательной и очень взыскательной публикой.

Пропела струна, стрела сорвалась, и женщина не спускала с нее глаз во время скоротечного полета.

Лодку болтало словно крысу, попавшую в пасть собаки. Сидевшая на носу Лавиани одной рукой держалась за борт, другой сжимала метательный нож. Она не спускала глаз со Шрева, хотя и понимала, что шансы достать его отсюда ничтожно малы.

Сойка заметила стрелу краем глаза, поняла, что она войдет Тэо в шею, и ударила его обеими ногами в грудь.

Акробат, не ожидавший этого, отклонился назад, лодка вильнула, и широкий наконечник вошел ему в тыльную сторону ладони, пригвоздив левую руку к веслу.

Боли он совсем не ощутил. Было лишь удивление спустя несколько секунд после удара, когда потекла кровь.

А затем мир померк. Животы белых облаков налились тьмой, вода приобрела фиолетовый оттенок, а сойка, сидевшая перед ним, потускнела, растаяла, оставив после себя лишь бледные контуры тусклого света среди лиловых оттенков мира.

В левой лопатке что-то шевельнулось, гадюкой скользнуло в плечо, потом в локоть, а затем ядовитыми каплями начало выбираться из раны и тянуться к тому, кто был ближе всего, перед его глазами.

К Лавиани.

Ненависть, шевельнувшаяся в ее груди, ударила под дых, точно кувалда. Сойка взвыла, как раненая кошка, сама не понимая, что происходит.

Просто почувствовала опасность, но сделать ничего не успела. Смерть, которая должна была вцепиться ей в лицо, изменила направление.

Тэо вскинул левую руку в сторону плота, указал на него искореженными пальцами, раздробившими весло в щепки. В воде, сверкая на солнце, закрутилось два хрустальных диска.

Они, точно дельфины, разрезая реку, понеслись прочь, а затем врезались в плот, и тот, разваливаясь на части, увлек за собой людей в белый поток...

Глава восемнадцатая

На рубеже

Иногда, мой друг, политики действуют не по своему желанию. Это игра. Сложная и часто смертельная, и свой следующий ход ты вынужден делать лишь потому, что обстоятельства вынуждают. Чаще всего подобные вещи происходят вопреки твоей воле и желанию.

«Наука власти». Терго Бренн, первый советник герцога Фихшейза. 928 год Эпохи Упадка

Эшандан, родовой город герцога Кивела да Монтага, расположенный в плодородной долине, в недельном пути от Шаруда, встречал их ликующей толпой. Главная улица оказалась запружена народом. Те, кому не хватило места, точно грачи облюбовали не только крыши деревянных домов с сильно выступающими срезами карнизов, но даже деревья, совсем недавно освободившиеся от снега.

Сиреневые звезды – бесконечное число крокусов, уже успевших расцвести в Нижних долинах, летели под копыта коней. Реяли флаги с изображением крылатого льва.

Люди, приехавшие из соседних городов, приветствовали его милость и хотя бы одним глазом желали увидеть Спасительницу, асторэ, женщину, защитившую страну от шауттов.

Дэйт ехал сразу за Рукавичкой. Ее коня вел в поводу один из юных дворян свиты герцога. За такую возможность в последние дни боролись многие, словно подобная честь обеспечивала им благословение Вэйрэна.

До начальника охраны доходили слухи, что некоторые особо молодые и впечатлительные уже зажигали лампы в честь Темного Наездника, словно тот был одним из Шестерых. Они поклонялись бы и Рукавичке, если бы та не запретила им этого делать. Синее пламя, теперь часто горевшее рядом с башнями Калав-им-тарка, приводило многих в священный трепет.

Дэйт же порой чувствовал себя неудобно, вплоть до мурашек на спине и желания схватиться за секиру. Память о приходе демонов, когда огонь окрашивался в этот цвет, была в нем слишком сильна.

Процессия из почетных жителей Эшандана выехала навстречу кавалькаде, прибывшей из горного замка. Бургомистр, потеющий краснолицый человек с густыми седыми баками, разразился официальной речью. Герцог слушал ее терпеливо, без раздражения, хотя и устал после дороги.

Когда с обязательными формальностями было покончено, кавалькада с присоединившимися к ней уважаемыми горожанами устремилась к особняку в центре города, когда-то принадлежавшему матери его милости.

Сын герцога, мальчишка, старавшийся выглядеть солидно, ехал справа от Рукавички, правил огромным конем тарбатской породы уверенно, не забывая приветствовать горожан, как ему наказал отец.

Кивел да Монтаг больше не оставлял своего наследника в одиночестве, держа его рядом с асторэ.

Возле ворот особняка их ждал почетный караул городской стражи, поменявший лилово-черную форму цветов города на серые и голубые цвета владетеля.

Знакомый, болезненный до ломоты в костях звук заставил Дэйта действовать машинально. Он ударил каблуками в лошадиные бока, и конь, хорошо обученный, знающий, что делать, скакнул вперед, закрывая собой мальчишку.

Начальник охраны не видел, откуда стреляли и попал ли в кого-то арбалетный болт. Он стянул ничего не подозревающего сына владетеля с седла.

– Защищайте его милость! – крикнул воин, посылая коня вперед, под прикрытие стен.

Гвардейцы уже и сами сообразили, что происходит, и, ломая строй ошалелых и мало что понимающих горожан, окружили Кивела да Монтага, прижавшегося к лошадиной гриве.

Во дворе Дэйт спрыгнул, подхватил наследника и буквально впихнул его в особняк, оставив с подоспевшими охранниками.

– Проверьте крыши! Перекрыть ближайшие улицы! – Он отдавал приказы на бегу.

Герцог, внешне спокойный, хотя его голос дрожал от ярости, сказал бургомистру, потерявшему соболиную шапку:

– Так-то Эшандан встречает своего господина?!

Тот, теперь уже не красный, а бледный, точно покойник, лишь жалко блеял.

– Дэйт?!

– Ваш сын не пострадал, ваша милость.

– Найди мне стрелка. И желательно живым.

– О Шестеро! – ахнул кто-то в толпе.

Убийца все-таки поразил цель. Начальник охраны с застывшим лицом смотрел на арбалетный болт. Он был тонким, изящным, вне всякого сомнения савьятской работы и по самые лётки торчал в животе Рукавички.

Двое дворян сняли ее с коня, кто-то рванул на себе плащ, ломая дорогую пряжку, кинул на снег, собираясь положить женщину.

Та зажимала рукой рану, и крови не было совсем, отчего Дэйт заключил, что дела еще

хуже, чем он думал мгновение назад. Переглянулся с герцогом, лицо которого словно было выточено из камня. Оба понимали, что рана смертельна.

– Лекаря! – Прозвучало это жалко и отчаянно.

Безнадежно.

– Нет! – сказала женщина. – В дом! Отнесите меня в дом.

– Делайте, как она сказала! – Слово герцога решило дело.

Ее тут же подхватили четыре человека. Остальные расступались. Все бледные, растерянные, подавленные. Недавние триумф и ликование исчезли.

– Пойдут слухи, ваша милость, – шепнул Дэйт герцогу, когда они шли следом за раненой. – В ближайшие часы они нам ни к чему.

Тот сурово кивнул, и начальник охраны подозвал капитана:

– Никого не выпускать. Разместить всех в доме. Если кто-то из местных начнет возмущаться, запри их.

Ее внесли в хорошо натопленную комнату, положили на кровать.

– Забери меня та сторона! – взревел Кивел да Монтаг, теряя терпение. – Где лекарь?!

– Не надо, – слабым голосом попросила Рукавичка, все еще сжимая болт маленькой бледной рукой. – Оставьте меня. Все оставьте.

Владелец пытался возражать, но она улыбнулась, слабо и просяще:

– Мы все знаем – врач здесь не поможет. Побудьте за дверью, ваша милость. Если меня что-то и спасет, то лишь Вэйрэн. Я попрошу его и надеюсь, что он откликнется. – И, чувствуя, что они колеблются, произнесла: – Пожалуйста.

– А болт? – спросил Дэйт. – Мне помочь вытащить его?

– Нет. Я все сделаю сама.

Он не представлял, как она собирается такое проверить, посмотрел на господина, ожидая его решения.

– Хорошо. Мы оставим тебя.

Он вышел первым, Дэйт за ним, плотно прикрыв дверь и понимая, что шанс увидеть женщину живой не так уж и велик. Жестом велел двум гвардейцам встать рядом, охранять, посмотрел через зал, увидел, что с наследником его люди, и, подчиняясь приказу герцога, вошел с ним в маленькую комнату со стрельчатыми окнами.

– Проклятье. – Владелец потерял виски. – Как же не вовремя! Ты должен был ее защищать.

– Нет, ваша милость. Я должен был защищать вашего сына. Как вы и сказали сегодня утром.

– Без нее мой сын мертв. Если снова придут шаутты, то он обречен. В Эшандане ведь есть кто-то из Ночного Клана? Да что я говорю! Эти крысы везде есть. Пусть твои

люди найдут их. Если надо – применяйте силу. И плевать, что подумают в Пубире. Они в городах, как форель в ручье, знают каждый камень. Мне нужен стрелок. Я должен знать, кто его нанял. Скажи им, если они помогут и найдут его, если приведут живым, то получат столько золота, сколько весит его голова. Но сперва я должен с ним поговорить!

Весы нашлись в ближайшей кондитерской лавке. От этого предмета пахло ванилью, мускатом и жареными в карамели орехами. Их поставили на стол, в кухне, очаг которой мерно гудел, готовя еду к скорому ужину.

Двое людей, чувствующие себя не в своей тарелке, но старавшиеся показать, что им все нипочем, стояли перед Дэйтом. Их очень нервировали пятеро гвардейцев, вооруженных до зубов, охранявших выходы из помещения.

Один гость оказался трактирщиком, другой занятия не имел, но выглядел довольно прилично. Не так, как представляют бандитов и душегубов обычные люди. Одет он оказался безупречно. Для простолюдина.

– Герцог благодарит вас за помощь. Она, вне всякого сомнения, была полезна. И надеется, что его настойчивость не слишком задела вас.

Трактирщик с сомнением потрогал разбитую бровь. Сперва он был не слишком рад визиту солдат. Человек поймал тяжелый взгляд Дэйта и не стал высказывать никаких возражений:

– Жена меня и то сильнее лупит. Никто не в обиде. Люди его милости имели полное право расстроиться.

– Хорошо. Значит, проблем у нас не будет.

Дэйт взял за волосы лежащую на серебряном блюде человеческую голову, бросил ее на чашу весов. Повинуясь его жесту, солдат стал развязывать тесемки кошель и сыпать на соседнюю чашу ренмарки. Золото приятно звенело, и горка крупных монет росла под взглядами всех присутствующих. Когда чаши оказались друг против друга, деньги пересыпали в две кожаные сумки.

– Ваша награда, – сказал Дэйт. – Вместе с благодарностями от герцога.

Судя по их лицам, они до последнего не верили, что им заплатят.

– Его милость очень щедр, – нашелся второй, безымянный. – Если владельцу понадобится еще что-то...

– Понадобится, – перебил начальник охраны. – У вас есть уши, так слушайте. Если узнаете о том, что планируется нечто подобное, приходите. Вас щедро одарят.

– Конечно. – Трактирщик суетливо перебросил свою сумку через плечо. – Мы, можа, не всегда честные люди, но хотим в нашей стране порядка. Без всяких войн или там восстаний. А порядок только если будет его милость. Всегда поможем.

Они ушли, а Дэйт вымыл окровавленные ладони в тазу с теплой водой, вытер полотенцем руки, а после лезвие секиры, посмотрел на тело в углу:

– Труп выбросьте. За городом. Пусть его жрут грифы. Голову... в соль. Она еще может пригодиться.

Тяжело ступая, он вышел.

Капитан гвардии, ожидавший его в коридоре, сказал:

– Люди, которых вызвал его милость, уже прибыли. Он просит сперва разобраться с ними.

– Как она?

Было понятно, о ком он спрашивает.

– Все еще жива.

Скупые новости. И никакой определенности. Рукавичка собственными руками выдернула болт. Он не знал, какой силой воли надо обладать для этого. Не знал, почему она не истекла кровью. Но у него появилась робкая надежда на чудо.

Трое мужчин ждали его в главном зале особняка, уже украшенном флагами герцогства и готовом к вечернему приему послов.

Дэйт сел на жесткий стул, изучил гостей.

Первый был с востока. Карифец. С орлиным носом, темными глазами и аккуратной бородкой. Он выглядел крепким, хотя был уже немолод и седина на висках бросалась в глаза. Немного грузный, обманчиво неспешный. Человек предпочел одежду северных герцогств. На поясе у него висел тяжелый, кривой меч шириной в две ладони. Настоящий стальной месяц, по весу, должно быть, не уступающий боевому топору.

Он чтит традиции и проявлял подчеркнутую вежливость. В отличие от двух других, просто поклонившихся Дэйту, этот приложил руку к сердцу, что у карифцев означало высшую степень приязни к чужеземцу.

Второй, судя по огненно-рыжему цвету волос, был уроженцем Летоса. Довольно молодой, высоченный, а оттого казавшийся немного нескладным. Одет бедно и совсем неброско. Оружие его тоже не сильно впечатляло – простой меч и кинжал.

Третий, смазливый светловолосый треттинец, нарядился богато, точно придворный, был не в меру улыбчив и вел себя так, словно он вернулся в родной дом. Этот носил за спиной бастард с рукоятью, оплетенной оранжевыми ленточками, а в ухе – серьгу с большим изумрудом.

– Мастер Тарик, мастер Мирко, мастер Алессио. От лица его светлости я благодарю вас за то, что приняли его приглашение. Срочные дела заставили его отложить вашу встречу. Сейчас слуги проводят вас в комнаты, а ближе к ночи его милость поговорит с вами. Но прежде, чем вы уйдете, я хотел бы убедиться в том, что вы те, за кого себя выдаете.

Треттинец усмехнулся, рыжий недовольно нахмурился, но первым снял куртку и закатал левый рукав рубахи, показывая татуировку в виде красного карпа.

Остальные сделали то же самое.

– Достаточно убедительно, господин Дэйт? – Голос у карифца был надтреснутый и слабый, словно шелест песка пустыни, текущего по улицам заброшенного города.

– Вполне.

Это Тэлмо посоветовал нанять на службу мастеров меча. Старый друг отца герцога считал, что такие воины в столь мрачные времена будут неплохим приобретением для семьи.

– Могу я спросить, какие услуги мы можем оказать герцогу? – Немолодой мастер меча не спешил уходить.

– В первую очередь учить наследника.

– Для этого требуется лишь один из нас, – певучим голосом произнес треттинец.

– А также защищать его, – ничуть не смутившись, продолжил Дэйт.

– Достаточно лишь двоих мастеров, – пробасил рыжий.

– Герцог ищет персонального телохранителя для своей гостыи. Так что, мастера, всем вам найдется работа. И вы узнаете, что его милость щедр с теми, кто служит ему.

– Мы слышали о шауттах, сиор. – Мастер Алесслио улыбался. – Слухи ходят и в Фихшейзе, и в Ириасте. Герцог думает, что мы способны защитить его сына от той стороны? Мы знаем все о стали, но не о волшебстве.

– Вас не просят сражаться с демонами. Для этого у герцога есть другие люди.

– Женщина. Говорят, она настоящая асторэ.

– Вас это смущает?

Треттинец поднял руки в шутливом жесте извинения:

– Меня мало что смущает, мастер Дэйт. А если эта асторэ так же красива, как сильна, почту за удовольствие взять на себя заботу о ней.

– Она слепа, Алесслио, – сказал высоченный Мирко.

– Моих глаз хватит на нас двоих.

Они откланялись и ушли. Герцог вошел через другую дверь, сел в кресло с высокой деревянной спинкой, украшенной резьбой.

– Что думаешь?

– Я уже все сказал вам раньше, владетель.

– Но на твоём лице все равно недовольство. Считаешь, отнимают у тебя твой хлеб?

– Вы должны хорошо меня знать...

– Это была лишь неудачная шутка, старый друг. Так что тебя гложет?

– Их верность. Вы отправили пятнадцать писем пятнадцати мастерам. Ответили лишь трое. Они хотят денег? Они ищут службы? Или уже кому-то служат и приехали сюда лишь для того, чтобы подобраться к вам или вашей семье? Или к ней?

– К ней... – горько протянул герцог. – Прошли сутки, город уже в курсе, что случилось. И мы до сих пор не знаем, выживет она или нет. Что касается твоих опасений, для таких людей, как золотые карпы, важна репутация. Они будут верны мне. Иначе остальные карпы найдут и исключат из своего цеха нарушивших контракт. Если говорить прямо – просто убьют.

– Вы правы, ваша милость, – признал Дэйт. – И все же я чувствую себя не слишком уютно. Среди тысячи всегда найдется одно исключение. Мои ребята смелые воины, но

противостоять мастеру меча...

– Все равно что драться с шауттом голыми руками, – подтвердил герцог. – Но чтобы никого не опасаться, надо запереться в комнате и выбросить ключ от двери. Я не стану бояться вымышленных теней, когда меня окружают настоящие. Утром прискакал гонец. Шпионы Тэлмо в Велате шлют депешу за депешей. Сосед собирает армию. Вот уже две недели подтягивает войска к северным границам. Нанял отряды савьятских щитоносцев и полторы тысячи пеших стрелков с Дельфина. Это только те, о ком мы сейчас знаем.

– Ириаста готовится к войне.

– Не только она. Из Вестера два месяца назад ушли корабли с пехотой. Надо полагать, сейчас они в Лунном заливе, а через пару недель окажутся в Жемчужном море. И я узнаю об этом только сейчас!

– Брокаванский перешеек не дает им покоя уже семьдесят два года. Но почему сейчас? Наши гарнизоны там всегда усилены, в порту наконец-то достроена крепость. Люди легко продержатся, пока не придет помощь из долин.

– Нас меньше. Рано или поздно моих солдат завалят трупами, зальют кровью и отбросят от моря. Перевалы и туннели останутся за нами, здесь оборону может держать и сотня против тысячи, но мы не сможем сражаться на два фронта. Потеря перешейка вопрос времени. А война начнется уже в этом году. Несмотря на любезные письма с соболезнованиями в связи с гибелью сыновей, которые прислали мои названные «братья»-герцоги.

– Все из-за нее! – внезапно понял Дэйт. – Они боятся, поэтому и решили напасть первыми.

– Боятся. И не только они. Ведь рядом со мной настоящая асторэ. И никто не знает, какой силой она обладает. Вдруг такая, как Рукавичка, может убивать не только шауттов, но и людей? Уничтожать крепости. Сжигать корабли. Представляешь, что бы было, если бы она помогла мне?

– Люди глупы. Они собственными руками хотят уничтожить единственного, кто способен остановить шауттов.

– Их страх перед асторэ не меньше, чем перед демонами. Он настолько силен, что они не будут слушать разумных доводов. Во всяком случае, до тех пор, пока зло не придет в их дом. А когда станет известно, что мой сын тоже асторэ...

Многие поднимут вопрос, имеет ли право «выродок» управлять герцогством. Вэйрэн давно стал чудовищем для многих. Врагом, выступившим против Шестерых. И те, кто теперь принимают его, выступают против истинной веры, поддерживают врагов рода человеческого. Сообщить о сыне-асторэ – политический проигрыш. Герцог отдавал в руки врагов отличные козыри.

И выбор у владетеля был небольшой – либо отказаться от помощи Рукавички и оставить сына на растерзание шауттов, либо вступить в войну с несколькими странами и всеми теми, кто придет в их армии, чтобы поддержать веру Шестерых.

– От нее постараются избавиться, – мрачно произнес Кивел да Монтаг.

Дэйт не стал говорить, что, скорее всего, от нее уже избавились. Утром женщина едва дышала, но так и не позволила лекарю приблизиться к ней.

– Стрелка нанял ваш кузен.

– Да. Родственник давно дружит с Фихшейзом. Ему обещали трон, когда моей семьи не станет.

– Кантоны не одобряют его власти.

– Быть может. А может, и да. Я нарушаю традиции. Привечаю асторэ. Забрал сына из Шаруда, хотя кто-то из моего рода обязательно должен находиться в столице, по древнему соглашению с Гвинтом. Старикам это может не понравиться. А у кузена четверо детей. И он может править, даже если сдаст Брокаванский перешеек и согласится отдать половину золотого запаса страны и сапфировые шахты в придачу в качестве платы за мир. Он очень выгоден для моих названных «братцев».

– У нас есть доказательства. Письмо, найденное у убийцы, – проронил Дэйт.

– Пока еще нечего доказывать, мой друг.

– Я позволил себе отправить отряд за вашим родственником. Не спросив вашего разрешения.

Герцог почесал бровь:

– Ты поступил правильно. Но думаю, что его не окажется дома. Земли Эрка на границе с Фихшейзом. Думается мне, что он, как человек неглупый, уже на пути в Велат.

– Стоит запросить помощи у Варена?

– Они могут и не помочь. Союзу с ними уже сто с лишним лет, и он давно порос мхом. На данный момент наша страна в одиночестве.

– Не в одиночестве. – Рукавичка стояла в дверях, опираясь рукой на стену. Она была все так же бледна, повязка больше не скрывала ее пустые глазницы. – Близится тьма. Я помогу вам сражаться. Вэйрэн поможет.

Глава девятнадцатая

Открытия

Правда. Она так хрупка. Так незаметна. Так сильна. Так живуча. Так умиротворяющая. Как глоток воды в пустыне. И так ядовита. Как стилет, смоченный в яде алой тихони. Правда... Шаутт меня забирай, я до сих пор не знаю – нужна ли она нам? Без нее все гораздо проще. И понятнее. Столько глупостей можно было бы избежать.

Скованный

Возле самого берега Тэо свалился в воду. Перегнулся через борт лодки и ухнул с головой в белый поток. Тот пытался подхватить его, но было мелко, и акробат вцепился пальцами в ледяные камни, чтобы удержаться на месте.

Он не собирался всплывать, смотрел на серо-голубые бульжники, на миллионы синих пузырьков, проносящихся перед глазами, на темное облако крови, тут же растворяющееся в Бренне.

Пружина чувствовал невероятное спокойствие и собирался провести здесь, на дне, всю оставшуюся жизнь. Он засыпал, ощущая от этого подступающего вечного сна волшебное умиротворение.

Но ему не дали слиться с водой, раствориться в ней и стать Бренном, чтобы бежать к Рубежу, затерявшись в озерах Пустыни. Маленькая, крепкая рука схватила его за волосы, дернула вверх, к воздуху.

– Ты что это делаешь?! Даже не думай! – Голос у Шерон звенел от бешенства. – Хватит с меня утонувших!

Чуть позже, сидя на берегу, под дубом, и стуча зубами от студеной воды, она бинтовала его руку. С ее мокрых, облепивших щеки и лоб темных волос стекали капли. Указывающая покосилась на акробата, шмыгнула носом, сказала неодобрительно:

– Ты похож на пьяного.

Тот закрыл на мгновение глаза, прислонившись затылком к шероховатой коре дерева. Он чувствовал себя как пьяный? Наверное. Ему тяжело было судить, ни разу в жизни не напившись.

Если странное помутнение в голове, кратковременная потеря памяти, полная дезориентация в пространстве вкупе с необычайной легкостью и отсутствием боли – это опьянение, то... ну и пусть.

– Что случилось? – Губы показались ему непослушными, чужими.

– Ты решил превратиться в форель. – Раздавшийся голос Лавиани не сулил ничего хорошего. – Охотно верю, что быть рыбкой куда приятнее, чем пустым. Но время для этого ты выбрал неподходящее.

Он приоткрыл на мгновение один глаз, посмотрел на нее. Тоже мокрую, как видно помогавшую Шерон выволочь его на берег.

– Я спрашивал о том, что произошло чуть раньше.

– Тебя подстрелили, – любезно сообщила сойка. – И тебе очень повезло, что пробито всего лишь запястье.

– Кровь никак не останавливается. – Шерон смотрела, как пропитывается алым только что наложенная повязка.

– Это я тоже помню. Но не могла бы ты внести ясность в тот момент, который был между двумя этими событиями?

– Сарказм?! – изумилась Лавиани. – Уж чего-чего, а его я от тебя уже отчаялась услышать.

Ему вновь пришлось открыть глаз. Солнечный свет копьём воткнулся в мозг, пробежал через все тело, застрял где-то под левой лопаткой так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Но акробат лишь поморщился, словно ему наступили на ногу.

– Ну... – смягчилась сойка. – Малость, о которой ты спрашиваешь, не подвластна моему разуму. Пойми меня правильно, я бы смотрела и смотрела, как их плот разлетается по бревнышку, а люди кувыркаются в воздухе и падают в воду. Но что ты сделал, я не

знаю.

– Магия пустого проснулась, – сказала Шерон. – Кажется, ранение тебя порядком разозлило.

– Нет. Я не злился. Просто рана открыла дорогу... чему-то. А потом я плохо помню.

– Еще бы ты помнил. Дрянь, которую ты швырнул, предназначалась моей голове. Благодарю тебя, что в последний момент передумал и внес некоторый хаос в ряды нашего противника.

– Перестань, – попросила Шерон. – Сейчас не до шуток.

– Самое то для веселья, девочка. Мы выбрались, и теперь есть какое-то время на передышку. Как ты себя чувствуешь, циркач?

– Нормально. Наверное.

– То есть больше никакого темного волшебства в ближайшие минуты? Мне прямо полегчало.

– Где Мильвио?

– Прячет лодку. И он вернется. А вот мне надо уходить.

– Что?! – Шерон не поверила своим ушам.

– Что слышала! – огрызнулась сойка. – Готова отдать левую руку Тэо, что оба ублюдка выжили. Я говорю о моих «добрых друзьях». Они знают, что я рядом, и конечно же будут меня искать. Не хочу, чтобы при этом еще и вы пострадали. Попробую увести их на восток.

– Тебе ни о чем не говорит грохот? – Указывающая не собиралась сдаваться. – Это Белые пороги. Насколько я помню, они тянутся на шесть лиг вниз по течению, через каньон с отвесными стенами. Если сойки живы, если их не размазало о камни, то они все еще плывут или пытаются выбраться на берег. Пройдет несколько дней, прежде чем наши враги смогут вернуться на это место. Мы тем временем уйдем далеко. Нас не найдут.

– Они – найдут.

– Я знаю, как ты можешь путать и скрывать следы. Убегала от них раньше, убежишь и сейчас. Но бросить нас я тебе не позволю.

Сойка раздраженно фыркнула, хотя и призадумалась.

– Ладно, – сказала она наконец. – Раз вы готовы рисковать своими шеями из-за меня – пожалуйста. Но если они нас найдут, то первой убьют не меня, а его. Это только я могу сохранять спокойствие в присутствии человека с меткой той стороны. Они бросятся на него, как голодные волки на кусок мяса.

– Как тебя нашли?

Лавиани мрачно поджала губы:

– Не знаю, девочка. Вообще не понимаю, что они делают так далеко от Пубира.

– Ну раз уж мы согласны «рисковать своими шеями», не могла бы ты наконец рассказать, чего они так на тебя взъелись? – не открывая глаз, поинтересовался Тэо.

– Мы не сошлись во мнении о семейных ценностях.

– Снова у тебя отговорки!

– Да что тут рассказывать, мальчик?! У меня был сын. У него, в отличие от матери, семь татуировок таланта. Очень редкий дар. Он второй по способностям среди соек, после Шрева, за последние двести с лишним лет. Его начали учить, но парня больше интересовал холст, кисть и свет, падающий на женское лицо, чем служение Ночному Клану. Весь в отца... – Последнее она произнесла с какой-то печалью. – Он многое хотел изменить у соек, а потом... потом умер. Глупо в общем-то, как мне тогда казалось. Был на Дельфине, когда в Филгаме какой-то пьяный капитан стражи, ничего не говоря, из арбалета в упор выстрелил ему в сердце.

– Ох, – вздохнула Шерон. – Мне так жаль.

– Мне тоже было жаль, девочка. И голова убийцы, которую прислали, не слишком меня утешила. Толку от тухлого мяса, когда человека не вернуть с той стороны? Но прошли годы, и все как-то сгладилось. Забылось. И вот один не в меру ретивый близкий дружок Борга как-то решил, что ему не стоит больше иметь дел с Пубиром. Он стал слишком много рвать в Соланке и привлекать внимание влиятельных людей. Это вредило Ночному Клану, поэтому решить проблему отправили меня. Там-то я узнала, что в гибели Релго виноват отнюдь не случайный выстрел. Боргу не нравилось, что сын слишком любил свободу и не любил его. Многие из Золотых думали о том, чтобы возвысить юнца. Поставить во главе клана, несмотря на возраст. И Борг отдал приказ, а Шрев сделал все остальное.

Она помолчала, сказала едва слышно:

– Он казался милым, тихим мальчиком. Не думала, что из него вырастет столь опасная гадина. Шрев и Релго были ровесниками. Дружили. Во всяком случае, настолько, насколько могут дружить такие отбросы общества, как сойки. Короче, я не поверила в тот рассказ. Исполнила приговор и ушла. А на следующий день меня как ударило. Я вернулась и перерыла дом покойника. От погреба до чердака, но не нашла никаких доказательств.

– Зная тебя, уверен, ты не сдалась, – произнес Тэо.

– Нет. Не сдалась. Я слушала, допрашивала, задавала вопросы и рылась в чужих вещах. Наблюдала. Собирала сведения. И нашла доказательства, хотя мне потребовалось четыре года. Слова, письма и тех, кто помогал Шреву, а потом привез мне голову «убийцы». В итоге оказалось, что я не слишком-то держусь за ценности Ночного Клана, которые вбивают в голову молодым сойкам. Видно, старость их хорошенько выветрила. Боргу не стоило трогать Релго. Или же следовало убить меня, потому что правда всегда вылезает наружу. И что самое смешное – в самый неподходящий момент для тех, кто пытается ее спрятать.

– Что ты сделала? – спросила Шерон и увидела, как по лицу сойки расползается болезненная усмешка, больше похожая на гримасу.

– О. Я постаралась со всем тактом и вниманием к деталям объяснить главе Ночного Клана, какие чувства я испытала, потеряв единственного ребенка. Мне пришлось в голову заставить его прочувствовать на собственной шкуре всю эту боль. Поэтому я убила его детей. Всех пятерых.

Шерон подумала, что не хочет знать, кем были дети этого Борга. И сколько им было лет. И как они умерли.

Сойка негромко произнесла:

– Борг получил то, что заслужил. Старый козел был очень впечатлен, как говорят. А я пустилась в бега. Терять мне уже нечего. Вот и вся история.

– А Шрев? Сойка, который убил твоего сына? Что ты забрала у него?

Лавиани извлекла из сумки свой нож:

– Я отдала его сыну когда-то. Подарок его отца мне. Хотя он бы с большей радостью написал мой портрет. В клинке есть частицы стали таувинов.

– Редкая вещь.

– В старых семьях Рионы часто хранятся реликвии прошлых эпох. Когда Релго умер, нож пропал. Нашла я его в тот день, когда Борг получил причитающееся. В доме Шрева. Это единственная ценность, которую я могла забрать.

– А его жизнь?

Та с сожалением развела руками:

– Он ее слишком надежно охраняет, мальчик.

Они услышали, как за кустами хрустнула ветка, и Лавиани тут же пружинисто вскочила на ноги. Шерон тоже поднялась, взяв лежащий возле нее меч.

Но это был Мильвио. Мокрый до нитки, он вел, положив руку на плечо, незнакомого парнишки.

– Нашел себе нового друга? – Лавиани была рада сменить тему. – Как-то он не впечатляет.

– Его прибило к нашему берегу. Остальных унес поток. Я проверил. Никто больше не выбрался.

– А! Так это один из дружков Шрева. И зачем его надо было спасать?

– Перестань, – укорила ее Шерон, доставая из своей сумки последние бинты. – Он еще мальчишка и ранен. Смотри, все лицо разбито. Садись сюда, давай я посмотрю, что с тобой.

Тот глядел волком, но Мильвио хлопнул его по плечу:

– Хватит валять дурака, парень! Тебе никто не причинит вреда. Это вы первые стали в нас стрелять!

– Мы с отцом ни в кого не стреляли. Отпустите меня!

– Куда это? – с подозрением спросила сойка. – Предупредить своего хозяина о том, где мы?

– У меня нет хозяина!

– Сядь, пожалуйста. – Шерон не желала участвовать в глупом споре. – Мне надо остановить кровь. А потом уже будем решать, что с тобой делать дальше. В таком виде ты точно никуда не пойдешь. Упадешь под первым же кустом.

Доводов Шерон он послушался, буркнул Мильвио:

– Кинжал отдай!

– Его заслужить надо. Ты меня чуть не прирезал.

– Какой бойкий цыпленок! – «восхитилась» Лавиани, злясь из-за того, что указывающая возится с чужаком.

Мальчишка зыркнул на нее, но промолчал, хотя и сидел сжав кулаки.

Шерон сперва пришлось вытереть кровь с его лица и шеи. Она текла из двух глубоких ссадин на лице, и девушка достала из сумки деревянный футляр. Взяла кривую иглу, нитку:

– Надо зашивать. Лавиани, у тебя было средство от боли.

– Может, мне ему еще золотых марок насыпать? – буркнула та, но корешки достала и сунула парню в руку. – Жуй. Да не смотри на меня так! Больно ты важен, чтобы я тратила яд на щенков.

Пока Шерон занималась врачеванием, Тэо пошел к воде, чтобы умыться. Мильвио, показав сойке жестом, чтобы та приглядывала за их новым другом, направился следом за Пружиной.

– Раньше таким, как ты, рубили левую руку.

– Помогало?

– На какое-то время. Но результат, как говорят, все равно был плачевный. Пустой какое-то время не мог пользоваться магией, зато потом...

Акробат осторожно пошевелил пальцами левой, вновь удивился, что не чувствует боли:

– Быть может, всем было бы лучше, если бы эта стрела попала не в руку, а в шею.

Треттинца его слова удивили:

– Знаменитый канатоходец впервые на моей памяти впал в уныние.

Тэо вытер мокрое лицо рукавом, ответил небрежно, уже жалея о своих словах:

– Ерунда. Забудь. Просто тяжелый день. Оставим нытье для более подходящей минуты. Надо уходить от берега. Друзья сойки будут нас искать.

– Не сейчас. Через какое-то время. – Казалось, южанина не заботили убийцы.

От деревьев раздался громкий свист, и они отвернулись от реки.

– Лавиани не терпится нас увидеть. Идем. Узнаем, что стряслось.

Тэо подумал, что случилось невероятное и мальчишке удалось сбежать. Но тот сидел на прежнем месте, а девушка заканчивала накладывать последний стежок.

– Это Крейт, – представила она их «пленного». – С Мильвио ты уже знаком. Мой друг – Тэо. Крейт беспокоится об отце и женщине, которую ослепил Шрев. Они были на плоту вместе с ним.

– Да не об этом ты сейчас им говоришь! – встряла раскачивающаяся на носках сойка, выражая всю степень своего нетерпения. – Шрев направлялся в Шой-ри-Тэйран!

Она еще никогда не бывала в таком лесу.

Бесконечном. Величественном. Тихом. Спокойном. Умиротворяющем.

На Летосе не росли дубы эйвов, столь высокие, что на их ветвях можно было построить целый город. Перед ней были деревья, которые помнили прошлую эпоху.

Здесь властвовала птичья многоголосица и шелест ветвей, словно шумел морской прибой. Бесконечный. Неостановимый. Он был всегда и всегда будет, даже если все люди исчезнут.

Мелодичный звон широкого ручья, то и дело нырявшего под древесные корни, напоминал ей лютню Велины, которую теперь нес Мильвио, забросив музыкальный инструмент за спину.

Они шли вдоль русла, иногда оказываясь возле таинственных проточных озер с темной водой, от которой пахло поздней осенью. Ручей то расширялся, то сужался, ускоряясь, прыгая по камушкам, превращаясь в небольшие бассейны, в которых жила рыба, поднывавшая сюда от самого Бренна.

Ночью берега расцветивались редкими огнями светлячков, которые маленькими звездочками рассаживались на папоротниках.

Первую ночь в лесу Шерон запомнила на всю свою жизнь. Спали они в огромном дупле, так похожем на морские гроты, часто встречающиеся на побережье южнее Нимада. Правда, на ее родине подобные места были пронизаны сыростью, холодом и сквозняками, а здесь было даже уютнее, чем в ее большом доме.

На «полу» рос мох, мягкий, точно пуховая перина, и удивительно теплый. С высокого темного потолка свешивались унизанные росой нити, и едва стемнело, как каждая капелька стала бледно светиться.

Тэо, постаравшись не лечь на раненую руку, почти сразу же уснул, а Шерон ворочалась с боку на бок. Мильвио взял лютню, осторожными пальцами коснулся струн, улыбнувшись ей, и указывающая сама не заметила, как уснула под мягкую, певучую мелодию, так похожую на колыбельную. Дуб вторил лютне, тихо скрипел, точно корабль на бурных волнах, каждый раз, когда на его высокую крону налетал ветер. Он пел для нее тихую песню древнего леса.

Ей удалось сделать то, что не получилось у остальных, – разговорить Крейта, упросить указать дорогу в Шой-ри-Тэйран. Она убеждала его, что лучше ждать отца и Бланку в городе эйвов, чем искать их в диколесье. Что один он не справится. А они могут помочь. Но он упрямо твердил, что ему надо уйти.

Лавиани не доверяла мальчишке. И, как оказалось, правильно делала. Он сбежал от них в первую же ночь, когда дежурил Мильвио. Сойка хотела вспылить, отчитать того, но увидела насмешливые глаза южанина и все поняла:

– Шаутт меня раздери! Ты сам отпустил сопляка. Скажи на милость, зачем?

– Затем, что он думает лишь об отце и той женщине. Я не буду насильно волоочь кого-то через лес. Он свободный человек.

– Этот свободный человек теперь приведет сюда Шрева!

– Шрев уже и так знает дорогу. Впрочем, как и мы. Не жалея, сирора. Я поступил правильно. Мы не звери, чтобы держать людей в плену. Помощь он от нас получил и расплатился за нее.

– Угу. Если не наврал.

– Не наврал.

– Опять твоё чувство, Фламинго?

– Оно меня ещё пока ни разу не подводило.

– Ну поглядим.

Путь в город эйвов оказался простым – требовалось лишь идти вверх по течению ручья.

Лавиани нервничала, но не показывала этого. Все время думала о том, что Белые пороги, протяженность бурного потока и труднопреодолимые стены каньона это одно, а Шрев – совсем другое. Мильвио просто не знает, с кем имеет дело, поэтому считает, что у них в запасе больше десяти дней и они сильно опережают возможных преследователей. Но сойка никогда не витала в облаках несбыточных надежд.

Жалела, что дала Шерон уговорить себя. Следовало все бросить и уходить, когда была такая возможность. Увести погоню от друзей и не оглядываться каждую минуту через плечо, ожидая беды.

По несколько раз в день она оставляла группу, возвращалась назад и подолгу лежала в засаде, слушая лес. Но кроме многочисленного зверья и птиц, что жили здесь, никто не попадался ей на глаза.

Прячущийся Шрев чудился ей в каждой тени, и она понимала, что страшится встречи с ним.

Утром, прежде чем снова отправиться в путь, Шерон взялась за очередную перевязку. Тэо терпеливо ждал, когда она разматывает тряпицу, слипшуюся от засохшей крови.

– Хм... – Станный тон указывающей заставил его посмотреть на свое запястье.

От раны, нанесенной ему три дня назад и вчера ещё слабо кровоточащей, стоило лишь немного напрячь пальцы, остался лишь слабый бледно-розовый шрам.

– Это вроде как ненормально, – тихо произнес акробат.

– Надо же, какая проницательность. – Лавиани заглядывала ему через плечо. – Говорят, пустых убивать – та ещё морока. Отруби ему голову, вырастет новая.

– Только давай не будем проверять твоё утверждение!

– Конечно. Повременим с этим. Что ты чувствуешь?

Тэо подумал, ответил неохотно:

– Хочу снова проделать в ней дырку.

– Что?! – нахмурилась сойка.

– Мм... Как бы мне объяснить... – Он щелкнул пальцами. – Я не идиот и не собираюсь

причинять себе вред, но что-то внутри меня говорит, что если я так сделаю, то онемение, вернувшееся под левую лопатку, станет слабее.

– Так. Забудь об этом, – спокойно сказала ему Шерон. – Что-то внутри меня советует впиться в тебя зубами и полакомиться свежим мясом, но это не я. Это моя магия. У тебя то же самое. Так что никаких ран.

– Верно, – поддержала девушку сойка. – Вдруг в тебе опять проснется пустой, и дырку ты сделаешь не только в себе, но и в нас? Я совсем не хочу находить части своего тела на деревьях.

– Я не собираюсь делать ничего такого. Обещаю.

Мильвио молчал. Но смотрел на Тэо странно. И очень внимательно.

В этот день их путь пролегал по широкой тропе, вьющейся вдоль ручья. Шерон могла поклясться, что она напоминала очень старую дорогу. Такие часто встречались вокруг Нимада, на лугах, где фермеры пасли овец. Пережитки прошлой эпохи, которые появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда, словно бы растворяясь в земле.

Девушка пропустила появление первой плотины. На ней вырос огромный дуб, скрывший под собой постройку. Лишь через какое-то время отметила про себя, что русло ручья раздалось в ширину, он стал более глубоким, а течение медленным.

Следующая плотина, построенная из никому не известного темного камня, очень сильно походящего на древнее дерево, встретила их к вечеру. За ней начинался канал, в ширину почти десять ярдов, с прозрачной водой.

Дубы образовывали настоящую зеленую аллею, тянущуюся покуда хватало глаз, прячущуюся в таинственной изумрудной дымке.

– Мы приближаемся, – сказал Мильвио, остановившись возле статуи, основательно заросшей лишайником, и теперь уже неизвестно, кто это был.

– Ладно. Признаю. Мальчишка не врал, – ответила Лавиани на ироничный взгляд Тэо.

Чем дальше они шли, тем чаще встречался темный камень, в формах которого угадывались останки построек, давным-давно погребенные под сенью великого леса.

Резкий звук из чащи заставил их всех остановиться, а Лавиани еще и схватиться за нож. Он был неожиданным, низким, вибрирующим, точно рычание дикой кошки.

– Если это зверь, то я о таком не слышала, – наконец громко прошептала сойка.

– Нам ничего не грозит. – Мильвио даже не подумал потянуться к мечу.

– Почему ты так уверен? – Шерон силилась увидеть то, что скрывалось за деревьями и издавало такие звуки.

– Легенды. Духи леса, что живут в тумане оврагов и питаются звездным светом. Они не трогают людей, пока те не разрушают Шой-ри-Тэйран и не воруют кристаллы с его стен.

– Звездным светом питались гратанэхи, создания эйвов. Так говорится в сказках, – вспомнил Тэо.

– Вряд ли это был один из них. Охранники леса ушли в его сердце вместе с хозяевами. Люди не видели их вот уже тысячу лет. Это просто зверь. Большой зверь. Только и всего.

– А если нет? – Лавиани все еще ждала беды. – Если это именно шауттом драный гратанэх.

– Ты собираешься разорять Шой-ри-Тэйран? – задал резонный вопрос треттинец.

– Нет, но...

– Тогда ты ему совершенно не интересна.

– Вы, южане, народ совсем безумный.

– Мы все равно ничего не можем поделать. Как ты будешь сражаться с существом, которое в пять раз выше тебя и заключено в броню?

– Сражаться? Ха! Я не собираюсь сражаться со всякими громилами. Лучше уж убегу.

– От гратанэха убежать не удастся, – «обнадежил» ее Тэо. – По лесу он передвигается быстрее человека. Даже если тот сойка. Или таувин.

Вновь раздался крик, но теперь гораздо дальше, уже больше похожий на шум падающего дерева, чем на звук, издаваемый животным.

Их снова ждала дамба – высокая, с гребнем, увитая плющом, похожая на зеленую стену. Вода лилась из нее двумя хрустальными потоками, вырываясь из ртов каменных зверей с орлиными клювами.

За дамбой канал стал еще шире, по нему вполне могли плавать корабли, а дубы стали и вовсе невероятных размеров. Они напоминали Шерон ожившие, едва шевелящиеся скалы, зорко следящие за теми, кто приходит сюда.

На той стороне канала пили воду маралы. Указывающая залюбовалась прекрасными созданиями, а Лавиани сказала:

– Совсем не бояться.

– Возможно, мы первые из людей, кого они встретили. – Мильвио остановился рядом с Шерон. – Оленям здесь живется вольготно.

Стадо скрылось в кустарнике, а Тэо нагнулся, посмотрел вниз, надеясь разглядеть дно:

– Раньше плотины и шлюзы позволяли кораблям подниматься сюда от самого Бренна. Люди дружили с эйвами, обменивались товарами. А теперь... все заброшено и забыто.

– Так везде, – негромко ответила ему девушка. – Весь Летос в развалинах, и зачастую никто не помнит, для чего они были нужны и кто их построил. Фермеры пасут овец на месте древних городов, рыбаки швартуют свои баркасы к шпилям затонувших дворцов.

– Когда-нибудь снова придет Эпоха Процветания. И все вернется. – Мильвио сегодня был крайне оптимистичен.

– Ты в это веришь? – удивилась указывающая. – Наш мир достиг своего величия благодаря волшебникам, а их больше нет.

– Ну один где-то все же есть, судя по всему, – откликнулся Тэо. – Быть может, он вернет магию.

– Если отрубаешь себе руку, то ее уже не пришьешь назад, – возразил Мильвио. – Тион отказался от волшебства так же, как любой из нас отказался бы от своей части тела.

Найдя его, мы не обречем магию, приятель.

– А жаль.

– Жаль? – Мечник покачал головой. – Никогда не стоит жалеть о минувшем. Оно утрачено.

Этим дубам была не одна тысяча лет, и видели они несколько эпох. Возможно, перед Шерон были самые первые дети Подпирающего Небо, величайшего из деревьев мира.

Шой-ри-Тэйран жил под их сенью, дремал в мягких изумрудных лучах, и ему не было никакого дела до гостей, вторгнувшихся на его территорию.

Если бы Шерон попросили описать это место, то она не стала бы даже пытаться. Оно слишком отличалось от привычных человеческих городов. Эйвы вплетали лунный камень в деревья, словно тот был живой лозой, и растили из этого невероятного сплава нечто особенное, непостижимое для разума, привыкшего к совершенно иным принципам архитектуры.

Начиная с земли и заканчивая миром, где жили птицы, множились уровни и террасы. Каменно-древесный серпантин лестниц плавно взбегал на ветви, превращался в дороги, ведущие к остроугольным постройкам, крыши которых соткали из плотной листвы.

– Сотня стрелков, посаженных на верхних ярусах, сдержит тысячи.

– Эйвы не стреляли из луков, – рассеянно произнес Тэо. – Они вообще не воевали последние тысячелетия.

– Конечно. На кой шаутт воевать, если для этого есть гратанэхи. – Лавиани с подозрением покосилась на нечто каменное, притаившееся возле ближайшего ствола.

Они шли по пустым, занесенным листьям улицам, мимо каналов, вода которых отражала вековые дубы, и диких построек. Путешественники держались главной дороги, не спеша сходить с нее, подниматься на другие ярусы, обшаривать здания, часть из которых спиралями возвышались над ними.

Первый кристалл увидел Тэо. Многогранный, величиной с ладонь, он рос прямо из стены стрельчатой стелы, подпирающей покосившуюся колонну со статуей женщины, голова которой терялась в нижних ветвях.

Он был нереального цвета, словно в нем смешали все оттенки мира и теперь они показывались любому желающему, постоянно сменяя друг друга и мерцая, точно планктон во время ночного прилива в южном море. К этому многогранному светлячку хотелось прикоснуться, забрать его себе. Он завораживал, и Тэо протянул к нему руку, но Мильвио встал на его пути.

– Не стоит. Людям их лучше не трогать, иначе жди беды.

– Про эти камни я читала в старых книгах, – сказала Шерон. – Их создавали асторэ, а эйвы выращивали с помощью минералов свои города. Они бесценны, но никто из людей не может ими владеть – нет лучшего способа призвать к себе беды, чем забрать кристалл из города эйвов.

То, что они оказались в центре, указывающая поняла сразу. Здесь были самые дремучие заросли, практически скрывающие постройки. Зато кристаллов, вплавленных в

стреловидные колонны, оказалось великое множество. Они приветствовали непрошенных гостей мягких мерцанием.

Путешественники вышли на площадь, образованную благодаря растущим по кругу дубам, чьи ветви переплелись и срослись в настоящий купол, столь тенистый, что казалось, уже наступил поздний вечер. Вода из трех каналов по перламутровым желобам стекала в огромный квадратный бассейн, из которого вырастал каменный круглый постамент.

Сейчас совершенно пустой.

Лавиани первая услышала тяжелые шаги и негромко выругалась.

Он вышел из-за деревьев, двигаясь медленно, плавно и величественно. Тэо подумал, что этот зверь крупнее королевского оленя, хотя не имел ничего общего с этим животным.

Четыре длинные лапы, заканчивающиеся когтистыми пальцами. Широкогрудый, мощный, с темно-зеленой пятнистой шкурой, под которой перекачивались бугры мышц. Изящная шея, тяжелая голова, увенчанная массивными, чуть изогнутыми рогами буро-красного цвета. Глаза у существа были большие, ярко-алые.

Они принадлежали отнюдь не животному.

Лавиани не смогла до конца вытащить нож из сумки – Мильвио мертвой хваткой вцепился ей в запястье, и пальцы его были тверже стали.

– Убери, – шепнули его губы, и она не стала возмущаться. Послушалась, во все глаза глядя на существо, приближающееся к ним.

Тэо, ощущая священный трепет и смятение, не удержался и поклонился.

Шерон, охваченная детским восторгом, стояла, потрясенная зрелищем, и не знала, то ли плакать, то ли смеяться.

Перед ней была легенда. Один из детей асторэ. Самый настоящий эйв из сказки.

Он замер в пяти шагах от них, тяжело и шумно вздохнул. Затем склонил рогатую голову, приветствуя, и заговорил. Станным, очень глубоким, очень громким и низким голосом, от которого по всему телу побежали мурашки.

– Старый друг. Ты вернулся. Лес приветствует тебя. Дхенне валгэ ур тэллве.

Тэо не сразу понял, к кому обращается это древнее существо. Эйв смотрел лишь на него.

– Прости. Я... я не совсем понимаю.

Шерон перевела:

– Старое наречие. Дхенне валгэ ур тэллве. Ткущие светом по небу. Так называли асторэ. Я не совсем поняла, но, кажется, он считает тебя асторэ.

Акробат рассмеялся этой невероятной нелепости.

– Конечно же ты асторэ, – серьезно сказала Лавиани. – Я это быстро поняла.

– Что?! – Он все еще улыбался. – Слушай, ну это же глупо...

Лавиани прервала его речь, щелкнув пальцами перед носом акробата:

– Взгляни на вещи реально, мальчик. На очевидные вещи, спешу заметить! После того как я увидела твою метку, у меня почти не осталось вопросов. А потом ты с каждым разом лишь подтверждал мои догадки. Ты не умеешь читать...

– Мы уже это обсуждали.

Но ее не так-то легко было сбить.

– Не чувствуешь боли! Моя реакция на тебя – это не реакция на метку пустого. Я чувствую кровь асторэ! Таувины охотились за такими, как ты. Ну и уины спасли тебя. Уины! Они топят людей, убивают их во время шторма, утаскивают на дно и делают из их черепов игрушки для своих детей! Никогда ни одна из уин не спасала человека из моря. Спроси у Шерон, если не веришь мне. Но вот того, в ком течет кровь их создателей, они вытащат из пучины с превеликим удовольствием. Неужели не видел, как на тебя смотрела та тварь, когда мы плыли на Талорис? Ты асторэ. Один из тех, кто живет среди людей и не знает об этом. Сам же рассказывал.

– Одно дело легенды, другое...

– Ну да. Реальность. Добро пожаловать.

– Если ты знала, то почему не сказала мне?

– Привет, попрыгун. Ты асторэ. Я старая сумасшедшая женщина. Что бы это изменило? Ничего. Так зачем мне говорить об этом и смущать тебя? Знание того, кто ты есть, не снимет с твоего плеча метку той стороны.

Он вновь хотел возразить.

– С чем ты споришь? – тихо поинтересовалась у него Шерон. – Если не веришь ей, то поверь ему. Эйву ни к чему лгать.

Акробат не нашелся что ответить. Был в смятении.

Эйв, казалось, только сейчас заметил девушку, подошел вплотную, нависнув над ней, и та ощутила, как от его шерсти пахнет корой дуба.

– Но что с тобой делает нарде тзамас? Хозяйке мертвых не место среди жизни. Она должна уйти! Прямо сейчас!

– Мы просим, чтобы она осталась, – вступился Мильвио. – Она не такая, как тзамас. В ней их магия, но не цели и стремления. Спроси у дхенне.

Эйв посмотрел на Пружину, и тот конечно же сказал:

– Я ручаюсь за нее. Она мой друг.

Эйв повернул к нему массивную голову, склонил ее, едва не задев акробата острыми рогами.

– Хорошо. Пусть так. Ты пришел учиться, дхенне. Лес готов отдать знания, которые для тебя оставили.

– Учиться? – удивился акробат. – Мы пришли в Шой-ри-Тэйран, потому что ищем Тиона.

– Вы пришли правильно. – От этого голоса у Лавиани звенело в ушах, так он был силен. – Тион здесь.

– Ты отведешь нас к нему? – У Шерон от волнения задрожал голос.

Эйв долго-долго смотрел на нее алыми глазами:

– Если нарде тзамас применит силу, лес убьет ее.

– Не применит, – пообещал Мильвио. – Отведи нас к Тиону.

Эйв развернулся и пошел прочь от площади с бассейном, куда-то за деревья.

– Шаутт меня задери! – прошептала Лавиани девушке на ухо. – Так просто?! Не может быть все так просто! Тион здесь?! Ты знаешь, что ему скажешь?!

Указывающая покачала головой:

– Нет. То есть да. Я много думала об этом во время нашего пути, но не ожидала, что это случится настолько скоро. Мильвио, ты был прав. Спасибо, что сказал идти сюда, а не к Рубежу.

Он грустно улыбнулся:

– Ты рано благодаришь меня, сиора. Твое дело еще не завершено.

Это была совсем узкая тропка среди кустов диких роз, мелкие бутоны которых еще не успели раскрыться. Эйв мягко ступал по мху, почти не приминая его.

– Кто-нибудь из твоего народа еще здесь есть? – спросил Тэо.

– Нет, дхенне. Лишь один из нас приходит и ждет, когда старая кровь вспомнит дорогу в город их детей и вернется. Те, кто подарил нам жизнь, обязали нас вернуть долг. Мы спим под сенью дубов и ждем. Ждем веками. А вас осталось слишком мало, чтобы вы находили дорогу сами. Возможно, ты последний, в ком течет первая кровь. Первый, кто пришел сюда в этом веке. Лес научит.

– Научит? Чему?

– Как не стать чудовищем той стороны.

Ослепительно-белое строение стояло, нависнув над каменным берегом канала. Создавалось впечатление, что искусный мастер прошлого вырезал его из кости неведомого зверя – таким ажурным, воздушным и легким оно казалось. К нему вели двадцать пять узких ступеней, засыпанных листьями. Эйв остановился:

– Тион. Идите.

Поднимаясь, Шерон слышала, как громко стучит сердце. Она еще ни разу не волновалась так, как перед встречей с великим волшебником.

Они оказались в маленьком помещении, достаточно светлом, чтобы разглядеть массивные каменные створки с узорами в виде листьев, трав и крылатых львов.

Тэо достиг дверей, надавил на них, но те остались незыблемы.

– Закрыто.

– Ну так давайте постучим. – Лавиани не собиралась топтаться на пороге. Она бухнула кулаком, но с таким же успехом могла долбиться в скалу.

– Здесь что-то вроде замочной скважины! – сказал Тэо, планомерно изучавший дверь.

Выемка, найденная под лапой крылатого льва, была большой и широкой, совершенно неподходящей для обычного ключа. Вокруг замочной скважины тянулась цепочка символов. Шерон прищурилась, наклонилась, чтобы прочитать.

– Старое наречие. «Веер Тиона откроет дверь».

– Уверена, что никто из нас четверых не прячет в кармане веер великого волшебника.

– Лавиани обернулась к эйву, который все так же стоял у подножия лестницы, но не решилась подойти и потребовать, чтобы тот помог им попасть внутрь.

– Это такая загадка? Испытание? Старый хрен не высунет нос из берлоги, пока мы не догадаемся, как открыть дверь?! Ну хорошо! Как желаете!

Она достала нож и сунула его в скважину. Тот провалился по рукоятку, но, по ощущениям сойки, даже не достал до механизма.

– А, рыба полосатая! – буркнула она. – И что теперь? Сколько нам торчать перед его логовом, прежде чем ему надоест играть и он сподобится выйти?! Эй! Мы вообще-то не просто так пришли!

– Давай я попробую. – Мильвио шагнул вперед, обнажая меч.

– Оставь, – попросила его Шерон. – Это магия, и так просто дверь не откроется. Нужен веер Тиона. Тот самый, которым он отбивал молнии шауттов. Наверное, он спрятан где-то поблизости и...

Но южанин ее не послушался. Клинок вошел в скважину легко, точно в ножны, на всю глубину, и, когда гарда коснулась камня, где-то в глубине раздался сочный, насыщенный звук, точно тяжелый молот ударил по наковальне.

Пол под ногами ощутимо вздрогнул. Несколько секунд ничего не происходило, а затем мощные створки, скрежеща по полу, начали медленно распахиваться, выплюнув изнутри целое облако пыли.

– Получилось?! – откашлявшись спросила Лавиани, не веря собственным глазам. – Шаутт вас всех поberi! У нас получилось! Эй! Что такое?!

Она заметила, как Шерон и Тэо смотрят на Мильвио. А тот лишь грустно улыбался. Сойке хватило нескольких секунд, чтобы понять, о чем они думают.

– Нет! Нет! Нет! – сказала она с таким выражением, словно ей пытаются доказать, что луна на небе зеленая, и все факты это подтверждают, несмотря на логику и разум, отрицающих подобную чушь. – Хватит с меня сюрпризов и неожиданностей! Живой эйв, теперь еще и это! Фламинго, если ты скажешь, что ты тот ублюдок, которого мы ищем вот уже полгода, клянусь жизнью, я тебя поколочу!

– Тебе незачем меня бить, сиора. Если вам нужен Тион, то вы найдете его там. – Южанин указал на проем, за которым начинался коридор.

– Но ты ведь не так прост, а?

– Ни один человек не может быть простым. У всех есть жизнь. И тайны. – С этими словами он вытащил клинок из скважины и убрал его в ножны.

– Веер Тиона, – озаренный идеей, сказал Тэо и процитировал строчку из старинной баллады, повествующей о сражении великого волшебника и шауттов: – «Он молнии разил

мечом!» Мечом! Это же так просто! Как крыса Гвинта становилась львом, так и веер Тиона мог превращаться в меч!

Мильвио одобрительно кивнул:

– В старых песнях не говорится, что владелец назвал свой веер Фламинго. Фэнико, если угодно. Некоторые сочли это имя недостаточно благородным для такого хозяина.

– Ты расскажешь мне, откуда он у тебя? Кто ты? Зачем ты здесь? – Шерон подошла к нему близко, взяла пальцами за рукав.

– Я здесь потому, что ты меня попросила. Помнишь?

Она помнила их разговор на постоялом дворе.

– Это лишь одна из причин. Есть и другие. Ведь так?

– Так, – не стал отрицать южанин и показал на Тэо. – Конечно есть. Вот она, перед нами. Я все расскажу вам. Но сначала – закончи дело, ради которого ты пришла сюда.

– Он ждет? – Она с тревогой шагнула к проему.

– Просто иди.

И она пошла. Тэо отправился следом, а Лавиани, посмотрев на треттинца с осуждением, прежде чем составить компанию товарищам, сказала:

– У нас будет долгий разговор, мальчик. Я всегда подозревала, что с тобой что-то не так.

– Я рад беседовать с интересным человеком, сиора.

Указывающая не заметила, как прошла коридор. По четверем ступеням, опоясывающим большой каменный зал, она спустилась вниз. Потолок был из лунного камня, без всяких фресок или украшений, но в то же время он легко пропускал сюда солнечный свет, словно оказался сделан из листвы.

Колонны точно ветви с легкими чешуйками коры и лозами контрфорсов, плющом поднимающихся к потолку. Купол как желудь. Ступени – череда каскадных водопадов, стекающих на странный пол, похожий на застывшую воду, отражавший гостей и темнеющий на мгновение, стоило на него поставить ногу.

В центре находился большой каменный ящик. Шерон пошла к нему, ускоряя шаг. Ее встречала каменная девушка, немного наклонившись вперед и положив руку на саркофаг.

Надпись была на старом наречии.

Шерон пробежалась по ней глазами.

Раз.

Другой.

Третий.

Не веря. Не желая верить. Чувствуя, как буквы дрожат у нее перед глазами. Обернулась к Мильвио, требуя объяснений.

– Это правда. Мне жаль.

Тэо увидел, как обострилось ее лицо, и спросил:

– Что здесь написано?

– Все было зря, – почти шепотом произнесла Шерон и прочитала громко, бесцветным голосом: – «Здесь обрел последний покой Тион. Великий волшебник. Друг и учитель. Брат. Да пребудет с тобой благословение звезд, и чтобы ты нашел ее на той стороне».

– Ерунда какая-то! – возмутилась Лавиани. – Это что же? Склеп?! Фламинго, какого шаутта?! Так! Надо открыть крышку!

– Зачем? Он мертв. Не стоит тревожить останки.

– Это великий волшебник, девочка! Плут, лгун и тьма знает кто еще. Такой парень ради обмана легко создаст собственную усыпальницу. Чтобы все считали его мертвым.

– Все и так считают его мертвым, – возразила Шерон. – И, как видно, это правда. Мильвио?

– Он мертв. И уже очень давно, – откликнулся южанин. – Если бы я сказал раньше, вы бы все равно мне не поверили. Вам следовало увидеть его могилу своими глазами.

– Поверить?! – возмутилась Лавиани. – А я вот и не верю!

– Он умер у меня на руках. Я положил его сюда, опустил крышку и создал ее. – Он с грустью указал на статую. – Тион мертв. Клянусь в этом.

– Когда это случилось? – Шерон провела рукой по саркофагу, и ее пальцы коснулись пальцев каменной женщины.

– Давно. Через пару десятилетий после Катаклизма. Мы только вернулись с Рубежа.

Лавиани расхохоталась:

– Мальчик! Ты хочешь убедить меня, что тебе больше тысячи лет и ты знал Тиона?!

– Я не смогу ни в чем убедить сиору, если она этого не хочет.

– Как твое имя? – спросил Тэо.

Южанин усмехнулся и отвесил легкий поклон:

– Я Мильвио. Мильвио де Ровери. И это мое настоящее имя. Я сын обедневшего дворянина с окраины Единого королевства, которую теперь называют Треттини. Моей судьбой была война, потому что я умел и любил сражаться, но так вышло, что один великий волшебник разглядел во мне иной дар. На Талорисе среди молодежи была забава – мы поднимались на террасу Янтарной короны, туда, куда прилетали белые львы, и выпускали в небо бумажных птичек. Моя всегда летела дольше всех. – Сказал он это с извинительной улыбкой, словно ему до сих пор было неловко за такие несерьезные вещи. – Я умел договариваться с ветром. Поэтому Тион дал мне прозвище – Вихрь, оно стало моим вторым именем, по нему меня все и запомнили. На старом наречии это...

– Войс, – сказала Шерон, и имя это прозвучало в пустом древнем зале как гром.

Глава двадцатая

Белое пламя. Синее пламя

Страшно думать о том, что порой из-за всяких пустяков случаются трагедии. Приятно думать о том, что любые беды можно преодолеть, если разные люди действуют вместе. Как единое целое. Скованные важной для них целью. Иногда их отношения крепче, чем у родственников, а борьба друг за друга сильнее, чем у тех, в ком течет одна кровь.

Заметки на полях. Собрание дневников капитана Эветта, лорда-таувина. Письмо Войсу

Эйв лежал под дубом, в густом ночном мраке, положив голову на передние лапы, точно собака. Шерон, проходя мимо, едва разглядела его. Он ничего не сказал, пока девушка поднималась по ступенькам к усыпальнице великого волшебника.

Несмотря на глубокую ночь, с потолка все так же лился солнечный свет. Она заметила Тэо, сидевшего возле колонны и подбрасывающего в воздух подобранный на земле желудь. Он кивнул ей, показывая, что увидел, но остался на месте и не прервал своего занятия. Пружина хмурился, думал о своем. День для него выдался нелегким.

Шерон несколько раз возвращалась мыслями к нему, к тому, кто он на самом деле, и поражалась себе, что не испытывает ни удивления, ни восхищения, ни страха. Она помнила их первую встречу на темной, сотканной из дождя улице Нимада. Помнила плавание на пароме и тяжелое путешествие к Талорису. Тэо навсегда останется для нее надежным другом, тем, кому можно довериться.

Ее семьей. И ей было совершенно все равно, что акробат не человек, а потомок существ, когда-то создавших многое из того, что теперь в ее мире считается привычным и незбылемым.

Она хотела поговорить с ним, но увидела, что сейчас не самое лучшее время, собиралась уйти, но вместо этого подошла к памятнику, заглянула в лицо женщины.

На каменные грани и поверхности падали лучи теплого света, создавая впечатление, что она живая, настоящая. Арила правой рукой легко дотрагивалась до крышки гроба, словно желала с нежностью прикоснуться к Тиону.

Великая волшебница была на два дюйма выше Шерон, и указывающая с удивлением угадывала свои черты в чужом лице.

Она не была ее копией. Нет. Но находилось нечто в губах, улыбке, подбородке, скулах, фигуре, наклоне головы. Если бы не роскошная грива волос, пряди которых были подхвачены несуществующим ветром... Арилу можно было бы счесть близкой родственницей указывающей.

Старшей сестрой.

Это было... странно. Нелепо. Немного смешно и грустно. Как и вся ситуация, в которой они оказались.

Она, услышав шаги за своей спиной, спросила:

– Ты любил ее?

– Когда-то. Очень давно, – сказал Мильвио.

– А она?

Улыбка у него получилась грустной.

– Арила любила Тиона, а он ее. А я... Я был совсем мальчишкой и младшим братом для них обоих. Реальность порой бывает несколько жестока.

– Но ты все еще любишь ее?

– Ее нет уже десять веков. То была совсем другая жизнь. Другого человека. Я храню память, Шерон, но иногда сам не знаю, кто я такой. Войс или Мильвио. Великий волшебник давно умер. Я – всего лишь бродяга.

– Мы с ней похожи?

Он помолчал, ответил неохотно:

– Если ты хочешь спросить, не этот ли факт является причиной, что я с тобой, то нет. Хотя и не скрою, когда увидел тебя в первый раз, там, на пароме, то был ошеломлен. Первая за тысячу лет, кто напомнила мне о ней. Да. Вы похожи. Внешне. Иногда. То, как ты хмуришься или убираешь волосы со щеки. Улыбаешься, смотришь, говоришь, убеждаешь, добиваешься своей цели... Во всем остальном я отдаю себе отчет, что указывающая Шерон из Нимада и великая волшебница Арила Эрсте из Шаруда – совершенно разные женщины. Со своей жизнью, опытом, памятью и судьбой. И я не ищу одну в другой. И никогда не искал.

Она приняла его ответ. Хотя бы на время, не желая вдаваться в детали. Слишком болезненные для нее сегодня.

– Все легенды говорят, что Войс умер. Погиб в поединке с Лавьендой. Так почему ты жив? Жив до сих пор?

Он сел на пол, опираясь спиной на саркофаг своего друга. Посмотрел на Тэо, который прислушивался к их разговору.

– Мы с ней дружили. Она была красивой, самой красивой из всех, кого я встречал за эти годы. Умная и очень веселая. Девушка с беззаботным смехом, способная очаровать даже дикого зверя. Хоть медведя, хоть карифского кота. Я до сих пор помню, как она смеялась. – Мильвио на мгновение закрыл глаза. – Когда началась война, я больше не видел, как она улыбается. Мы долго избегали встречи, но потом это все-таки произошло. В долинах Доргата, там, где теперь волнуется море Мертвецов, цвела вишня. Мы были на разных сторонах, но память о прошлом... Нам пришлось о нем забыть, Шерон. В тот день я проиграл, а она выиграла и... не стала меня добивать.

Не знаю почему. Предпочитаю считать, что в память о всем хорошем, что между нами было. Мой ветер всегда веселил ее. Она умерла через несколько лет, во время первого штурма Талориса. А я, тот, в ком она выжгла все волшебство, существую до сих пор.

– Ты потерял магию? Мне жаль.

– Мне тоже когда-то было жаль, сиора. Но тот Войс, как я уже сказал, остался в далеком прошлом. Я выжил благодаря Тиону. Великие волшебники умирают, если теряют все волшебство, и, чтобы этого не случилось, он дал мне часть своей силы. Способности мне это не вернуло, но зато я не отправился на ту сторону.

– Ты продолжал участие в Войне Гнева?

– Как волшебник я был бесполезен. А меч в тех сражениях мало что решал. Для всех я был мертв и ушел на Рубеж, помогать людям в сражениях с тварями Пустыни. Так Войс погиб и попал в легенды. Знаешь, я жалею, что послушался Тиона. Мне следовало оставаться рядом, тогда, возможно, Нейси бы уцелела. Все перешли грань. Половина из нас воспользовалась силой шауттов, другие – силой асторэ. Результат тебе известен. Катаклизм застал меня на Рубеже, и настали худшие дни для человечества. Многие не пережили его и исчезли из-за огня, воды, болезней и сорвавшегося с цепи волшебства. Я оставался великим волшебником, не способным пользоваться разлитой вокруг силой. И не мог помочь другим. Сам едва уцелел.

– Как ты смог прожить так долго? – спросил Тэо, сидя на ступенях. – Ты бессмертен?

– Скорее удачлив. Благодаря силе Тиона моя жизнь тянется долго.

– Что случилось с вами потом? Когда Катаклизм завершился?

– Мы носились по осколкам разваливающегося мира, пытаюсь погасить пожары и собрать то, что еще можно было спасти. Сражались, лечили, строили, помогали.

– Тион и вправду уничтожил магию? Забрал ее у мира?

Искренний смех южанина полетел по залу, точно весенний ветер:

– Оглянись, Тэо! Мир полон магии. Она в тебе, в Лавиани, в Шерон, в эйве. В горах, лесах и на трактах. И у каждого своя. Разная. Постарайся понять: то, чем обладали великие волшебники, досталось им от Шестерых, а те забрали эту силу у асторэ. Силу, делавшую некоторых из нас равными богам. Для нас не было преград и запретов. Люди, подобные нам, плавили мир, точно металл, и ковали все, что им придет в голову. Возводили города, осушали болота, перекидывали мосты над морем, останавливали сражения и сажали королей на престолы. Во мне остались крупницы этой силы, она поддерживают мою жизнь, и так не короткую, как и у всех волшебников. Но я не могу ею пользоваться, магия для меня утрачена. Скованный и Тион оставались единственными волшебниками, кто мог касаться истинного дара. Последний из них отказался от способностей, как когда-то отказались от них Шестеро, уйдя из нашего мира. Мой друг был величайшим из живущих в своем поколении, он стер все, что смог, вырвал это из себя, точно сердце... Выбросил. И магия растворилась в мире, погасив большую часть последствий Катаклизма. Ее не вернуть. Уже никогда.

– Но если появится новый великий волшебник?

– Не появится, Шерон. Со времен Катаклизма не родилось ни одного ребенка с такими способностями. Эпоха великих волшебников навсегда канула в прошлое.

Сказал он это без грусти и всякого сожаления, словно о чем-то незначительном и неважном.

– Ты как будто рад этому. – Шерон внимательно следила за лицом Войса.

Тот улыбнулся совсем как мальчишка:

– Чтобы понять, как я все это ненавижу, мне следовало прожить бесконечно долгую жизнь и увидеть все последствия наших поступков. Случившееся – вина волшебников. Если бы Шестеро смогли договориться с асторэ, если бы не было войны с Вэйрэнном, если бы Скованный не боялся людей с кровью как у Тэо... Так много «если», сиора. Мы загнали человечество на обломки, уничтожив тысячи жизней из-за своего страха или жажды мести. Никому из нас нет никаких оправданий, и магия, что делала это, исчезла не зря. Тион поступил мудро, совершил самый смелый из своих подвигов, уничтожив

волшебство.

– Что с ним случилось?

– Отказавшись от высшего волшебства, он отринул от себя безумие той стороны. Но... Тион не очень-то рвался жить. Арилы больше не было, месть закончена, смысл существования потерян. Мы стали обычными людьми. И... для него это оказалось непросто. Сказка, свидетелем которой я стал... конец у нее грустный.

– А это? – Пружина обвел рукой усыпальницу. – Как ты построил ее без магии?

– Ее растили эйвы. Я лишь создал памятник. Тело Арилы мы так и не нашли, я не смог похоронить их вместе. Пусть хоть так.

– Но...

Он рассмеялся, понимая, что мешает Тэо поверить.

– Никакой магии, приятель! Клянусь! Мои руки умеют держать не только меч, но и резцы. Было много свободного времени, и я создал ее такой, какой помнил. – В его голосе проскользнули нотки старой, почти забытой боли. – Впрочем, это не первое ее изображение. Благодаря другому ты получил метку той стороны.

– Статуэтка, которую я нашел в карьере?!

– Ты не должен был ее найти. Это перчатка Вэйрэна, которую Тион забрал у Скованного. Причина начала Войны Гнева. Причина смерти Арилы. Тион подозревал, что у него не получится ее уничтожить, а потому переплавил часть древнего доспеха, и вместе мы создали прекрасное. Никто не должен был ее найти. Тем более асторэ. Возможно, один из последних на земле.

Акробат вздохнул:

– Надо полагать, что ты нашел меня благодаря ей?

– Я нашел тебя гораздо раньше, – улыбнулся Мильвио. – На свадьбе горного герцога, когда услышал, что один безумный юный акробат решил повторить достижение Тиона и пройти над водопадом. Тогда я и понял, кто ты на самом деле. Я запомнил тебя, мы встречались в Рионе, когда ты ответил отказом герцогу и не вступил в его труппу. А затем еще раз, в Карене, три года назад. Наблюдал ли я за тобой? О да.

– Зачем?

– Знаешь, кто такие пустые?

– Конечно. Чудовища, обладающие магией той стороны. Люди, на которых появилась метка водоворота.

– Люди? О нет, мой друг. Все они асторэ. Ни одного человека среди пустых никогда не появлялось. Это начало случаться после Катаклизма. Некоторые из вас проживали жизнь спокойно, так и не узнав о том, кто они есть. Некоторые, те, кому не повезло, пробуждали свой дар, тот касался другой стороны, а она в ответ касалась асторэ. Ставила метку. До Катаклизма асторэ умели справляться с этим. Подобное было для них так же естественно, как дышать. Через пару дней метка исчезала, и найти вас среди людей могли только таувины. Ну и глазастые великие волшебники. – Мильвио отвесил шуточный поклон. – Но когда началась Эпоха Упадка, вы потеряли этот навык. И та сторона убивала вас, превращала в чудовищ. Я знал, что тебя, скорее всего, ждет то же самое.

– Мое любопытство и желание заработать на редкостях сыграли злую шутку.

– Говорил я Тиону, что статуэтку Арилы следует утопить в море, но он никогда не доверял воде. Считал, что сети рано или поздно поднимут ее. А если не сети, то уины. Он спрятал ее и от меня, где-то на проклятых пустырях, среди сожженной земли, в месте, которое люди обходили за десять лиг. Я пытался искать ее, но неудачно. Тион явно не подумал, что через семьсот лет на пустырях вырастет целый город. В итоге ее откопали. А твоя сила и кровь человека, убитого рядом с тобой, пробудила то, что когда-то было перчаткой Вэйрэна.

– Выходит, это я выпустил шауттов? – мрачно спросил акробат.

– Шаутты всегда были в нашем мире, но их силу нельзя сравнить с нынешней. Теперь она такая же, как в прошлую эпоху. Все, что происходит теперь, следствие произошедшего той ночью.

– Я могу это как-то исправить?

Мильвио покачал головой:

– Когда ты на пороге той стороны? Когда можешь умереть в любую минуту? Если ты коснешься еще раз магии, как это произошло на лодке, ты умрешь. Я уверен в этом. Прежде чем исправлять мир, тебе следует научиться управлять своим даром. Именно поэтому я привел тебя сюда. Ты либо сможешь обуздать свою силу в Шой-ри-Тэйране, либо погибнешь. Третьего не дано.

– Научиться? Я едва не убил вас в прошлый раз.

– Это город эйвов, но в каждый из них асторэ вложили себя. Это сложно объяснить... Любой из вашего народа может получить принадлежащие вам знания. Все, кроме отобранных великим волшебником. Ты можешь вернуть утраченное. Мой старый друг отведет тебя туда.

– И что меня там ждет?

– Не знаю. Это место не для людей. И уж тем более не для великих волшебников, пускай и без магии. Если не хочешь стать пустым, то стоит сделать то, ради чего я привел тебя сюда.

– Я ведь не первый? Ты приходил сюда и с другими?

Мильвио слегка склонил голову, показывая, что акробат прав.

– Что с ними случилось?

– Трое отказались. Не поверили мне. Один умер в мучениях через несколько дней. Двое других стали пустыми, и о том, что они творили, можно прочесть в старых хрониках. Разум асторэ захватывает та сторона. Их магия бьет ключом, и они становятся похожи на тех, в кого когда-то переродились. Ну а шестеро остальных, тех, кто поверил мне и ушел с эйвом, не вернулись назад.

– То есть погибли.

И вновь Мильвио склонил голову, подтверждая правильность догадки:

– Прости, друг. Но у меня нет для тебя других слов.

Эйв неслышно вошел в зал:

– Дхенне валгэ ур тэллве готов?

Тэо немного растерянно посмотрел на Войса и Шерон. Девушка ободряюще ему улыбнулась:

– Все будет хорошо. Ты справишься.

– Справишься, – повторил Мильвио. – Возможно, ты единственный, кто способен принять знание.

Акробат обнял девушку, протянул руку великому волшебнику:

– На тот случай, если мы никогда больше не встретимся. У меня тысячи вопросов к тебе. Я хочу знать, что было в прошлую эпоху, как это произошло и...

– Иди! – рассмеялся Мильвио. – Когда вернешься, можешь засыпать меня своими вопросами.

Пружина был благодарен за это «когда». «Когда» гораздо лучше, чем «если». Оно куда надежнее.

– Ладно. Жаль, что нельзя сказать «до свидания» Лавиани. Как увидите ее, передавайте привет.

– Она слишком сильно переживает, что Фламинго, которого она цепляла большую часть пути, годится ей в прапрадеды, – улыбнулась девушка. – Не волнуйся ни о чем. Сойка все поймет.

– Ну, тогда не стоит мешкать.

Пружина потерял представление о том, где они идут. Дубы были повсюду, нависали над тропой точно утесы, зданий становилось все меньше. Эйв вел его куда-то на окраину города.

Они шли бок о бок, и плечо Тэо иногда касалось теплого короткого меха существа из сказок.

– Почему такие, как я, сходят с ума?

– Потому, что вы забыли прошлое, дхенне. Катаклизм убил не только людей, но и старую кровь. Вас почти не осталось, и вы не знали, что делать, когда метка проявится на вашей коже. Чем выше растут дубы, тем реже магия просыпается в дхенне. Вы стали слишком похожи на тхей, своих детей. – Акробат понял, что тот говорит о людях. – Сами превращаетесь в них. Недолг день, когда появится желудь, а из него вырастет дерево. В тот миг дхенне совсем исчезнут, и их кровь станет слишком жидка для магии. Вы станете тхей. Я бы рассмеялся над такой судьбой моих создателей, если бы мне не было грустно. Это такая же великая трагедия, как гибель Подпирающего Небо, утрата Шой-ри-Нейгана или воровство тхей силы дхенне.

– Мы были другими? Раньше? В прежние эпохи?

Эйв на мгновение повернул голову к нему, и его алые глаза во мраке мягко сияли кровавым светом:

– Я родился в середине прошлой эпохи и застал лишь расцвет государства тхей, Единого королевства, а затем его упадок. Как и упадок моего народа. Как и пропажу истинной магии дхенне со смертью Тиона. Мой прадед жил в Эпоху Рождения и видел

истинную суть дхенне. Они не были похожи на тебя и на тех, кого я встречал.

– Какие же истинные асторэ?

– Как молодые листья на старом дереве. Как чистый ключ, рожденный под корнями. Точно холод росы перед рассветом. Перо сокола, плавно кружащееся в первых солнечных лучах. Капли воды на морде лани. Лунный свет на клеверном поле. Я могу перечислять долго, и все равно ты не сможешь понять. Они сам мир. Жизнь. Создатели. Не такие, как ты, дхенне. После потери истинной магии вы глотаете тьму. Былое утрачено. Закат случился, а рассвета уже никогда не будет.

– Ты ошибаешься. Я понимаю, – серьезно произнес Тэо.

Эйв одарил его пристальным взглядом, поводя ушами, и согласно кивнул, сказав довольно:

– Вижу. Понимаешь. Я буду просить лес, чтобы ты взял знания, что оставили для тебя.

– Тогда ты будешь свободен?

– Я и так свободен, дхенне, – чуть удивленно сказал тот. – То, что делаю я, обязанность моего народа. Долг перед кровью, что теперь твоя. Вернуть тебе силу, которую усыпил у дхенне Тион.

– Тион?! – Тэо остановился. – Но... как?

– Спроси у старого друга. Он знает и помнит. Такие, как ты, – последствия. Как из желудя вырастает дуб, так и из дхенне растет магия, теперь убивающая их. Ты пришел, чтобы разорвать этот круг. А может быть, и нет. Звезды решат.

Эйв остановился возле высохшего дерева. Оно было таким древним, что от веток остались лишь обрубки, словно их оторвал свирепый ветер, кора отсутствовала, и в мертвом теле, казавшемся белым в ночи, зияли темные дыры – дупла. Когда Тэо подошел поближе, в них зажглись десятки маленьких желтых огоньков.

Глаза неведомых существ смотрели на него, а затем раздался тихий вздох. Как шепот. Восторженный, предвкушающий, полный надежды. Он не понимал слов старого наречия.

– Тебе сюда, дхенне. – Эйв поднял переднюю лапу, прикоснулся ею к бугристому стволу.

Между корней пряталась лестница, ведущая под землю.

– Что ждет меня?

– Знание. Испытание. Обновление. Смерть. Или жизнь. Все зависит от тебя.

– Ты тоже пойдешь со мной?

– Да.

Спуск оказался коротким. По коридору, стены которого состояли из дубовых корней, плотно переплетенных между собой, он шел сквозь приглушенный изумрудный свет, физически ощущая его плотность – то, как он касается кожи, волос, проверяя, тот ли перед ним, кого здесь так давно ждут.

Впереди журчала вода. Под ногами шуршали старые листья, тонкие и хрупкие, превращающиеся в прах под ботинками.

Он сам не понял, когда оказался в каменном гроте с множеством тенистых уголков. Одна из стен целиком заросла густым слоем влажного мха. По нему широким потоком стекал маленький водопад, обрушиваясь в круглый бассейн.

И только теперь Тэо узнал место из своего сна.

Изумрудный свет проникал сквозь листву, плясал по воде, и камни на дне беспрерывно сверкали золотыми искрами.

Эйв остановился в дальней нише, скрытой за завесой плюща.

– Купель, дхенне. Ты должен сам все понять. Должен вспомнить.

И Пружина без колебаний опустил в воду левую руку.

Шерон сидела, прижавшись спиной к спине Мильвио, чувствуя тепло человека, который давным-давно должен быть мертв. Ей не хватало воображения, знаний, умений, сил и способностей, чтобы оценить все то, что он пережил, что видел и знал.

Она не могла заглянуть под маску странника, галантного кавалера, мужчины, поддерживавшего и помогавшего ей. Разглядеть за ней Войса. Легендарного великого волшебника, сподвижника Тиона, присутствовавшего при всех событиях, завершивших Эпоху Процветания.

Для нее Мильвио оставался... Мильвио. И она совершенно не знала, что с этим делать.

Его пальцы перебирали струны лютни, и та пела тихо и печально, но с таким желанием, словно силилась рассказать девушке о том, что было на душе у треттинца.

– Теперь, когда ты привел его, уйдешь?

Лютня замолкла, мягкий звук последней ноты растворился в склепе Тиона, словно его подхватила летучая мышь и унесла прочь.

– Я не хочу уходить от тебя, – наконец ответил Мильвио.

Она вздохнула и сама не знала, чего в этом вздохе больше – облегчения или радости.

– Хорошо.

Опять запела лютня. Совсем другая песня. В ней тоже было много печали, но теперь указывающая ощущала умиротворение. Мир, перевернувшийся сегодня вверх тормашками, вновь начал приобретать хоть какую-то определенность.

Сейчас Шерон вглядывалась в лицо Арилы, словно надеясь узнать, что та думает обо всем происходящем. О Войсе. О ней.

– Скованный. Он был уверен, что Тион жив. И поэтому отправил меня за ним.

Вздохнув, Мильвио положил лютню рядом с собой:

– Я могу допустить, что меня можно перепутать с Тионом. Его сила, что дала мне вторую жизнь, все еще в моей крови, пускай лишь капля. Вот только... Скованный мертв, Шерон. Его нет. Мой первый учитель умер на своем троне, когда пришел Катаклизм, и огромная волна накрыла всю северо-западную часть материка.

– Ты в этом так уверен?

– Тион уверен. Это куда важнее. Он довел дело до конца. Мелистат убит.

– Так его звали?

– Когда-то.

– Но если не Скованный... Тогда кто это сделал? Кто прислал ко мне шаутта, забрал Найли? Кто обладает силой почувствовать магию Тиона в тебе?!

– Не знаю, – честно ответил треттинец. – У меня даже нет догадок. Но я обязательно разберусь с этим. Докопаюсь до истины.

– Ты сможешь вернуть мою дочь? Отправишься на Талорис?

– Да. Но не сегодня. И не завтра. На западе происходит что-то странное. Асторэ, которая убивает шауттов. Поклонение Темному Наезднику, начинающаяся война и...

Они услышали быстрые шаги по коридору. Лавиани, которая ушла несколько часов назад, влетела в усыпальницу:

– Поднимайтесь! У нас гости!

Сегу видел, что Шрев испытывает раздражение. Ученик давно знал учителя и умел отслеживать подобные вещи. С того самого момента, когда неведомая сила перевернула их плот и бросила в объятия озверевшего Бренна, все пошло наперекосяк.

Река выплюнула их на песчаный берег измолотыми, мокрыми, едва дышащими. Бух-Бух ударился головой о камень и умер ночью. Бланка обязательно бы утонула, если бы Мардж, которой отдали приказ заботиться о ней, не вытащила девку на своих закорках. Лоскут сломал ребро, а его сын и вовсе пропал без вести.

Шрев оставил их. Приказал идти в лес, за проводником, а сам отправился назад. В город. Настолько быстро, насколько позволяла его выносливость.

– Найду вас. Просто следи за остальными, – сказал он Сегу на прощанье.

– Ты уверен, что это необходимо? Мы вдвоем с ней справимся.

– Я не буду ее преследовать. Моя цель важнее. Но что-то мне подсказывает – мы идем одной дорогой и вскоре встретимся. Она, может, и стара, но хитра. И ловкая, точно ласка. Нужны люди, чтобы связать ее и сдержать. Пусть Мардж не спускает с Бланки глаз. Не вздумайте ее потерять.

– А Лоскут? Он рвется искать сына.

– Так ищите. Пройдите вдоль берега. Если щенок выжил, он найдет следы. А если нет, уверен, ты сможешь убедить нашего проводника начать делать то, за что ему заплатили.

Шрев нашел их через несколько дней, приведя с собой шестерых наемников. Они все были накунцами и не сказать, что отличались примерным поведением. В первый же вечер один из них решил проверить, как далеко можно зайти с новыми нанимателями.

Некоторые люди решительно не понимают, что лучше не пытаться сесть на чужую шею. Подчиняясь жесту Шрева, Сегу устроил показательную экзекуцию. Она была не для зарвавшегося наглеца, а для его пятерых друзей.

Когда останки человека перестали качаться на нижних ветвях деревьев, Шрев все тем же непринужденным тоном произнес:

– Я заплатил хорошие деньги за вашу помощь, господа. И, когда мы сделаем дело, вы получите еще столько же. Но мне очень не нравится, когда тычут грязными пальцами мне в лицо. А тем паче пытаются командовать мною. Надеюсь, больше недопонимания между нами не возникнет.

Так и случилось. Наемники оказались очень послушны. Сегу поручил Мардж командовать ими, и никто из них не пикнул, что руководство отдали бабе.

Ее мир состоял из сплошного черного цвета. Она тонула в нем каждую бесконечную секунду и понимала, что никогда не выплывет из этого омута. Куда хуже того момента, когда плот развалился и Бланка с головой ушла в воду.

Она поняла, что это конец, когда стремнина понесла ее, ударила о подводные камни. Конечно же дочь Язева Эрбета не собиралась сдаваться, пыталась бороться, но потеряла всякие ориентиры и не знала, где верх, а где низ. Юбка оплела ей ноги, и, если бы не Мардж, Бренн бы не отпустил ее. Забрал к себе, в ил, на корм рыбам.

Когда она спала, то видела мир таким, каким он был до того, как Сегу использовал свой нож. После пробуждения Бланке оставались жалкие крохи – запахи леса, звуки голосов. Ну еще мох да листья под пальцами.

Но она слушала.

Несколько раз делала попытки подойти к Сегу и Шреву, но Мардж либо один из мужланов, кисло воняющий потом, останавливали ее и возвращали назад. Бланка старалась быть покладистой. Чувствовала, что момент настанет. Обязательно. Следует лишь набраться терпения, а потом... та сторона, в конце концов, не такой уж и плохой вариант, особенно если знаешь, что кое-кого шаутты будут жрать с таким же удовольствием, как и тебя.

Крейт вернулся, хотя его никто не ждал. Бланка слышала его голос, раздраженный тон Лоскута, недовольного, что Шрев решил допрашивать парня. Она ловила обрывки фраз – спрашивали о какой-то Лавиани, интересовались, зачем они туда пошли, что им надо, почему его отпустили.

Затем мальчишка оказался рядом с ней:

– Госпожа. Я вернулся. Помогу вам сбежать. Сегодня же, как только они заснут.

– Нет, – сказала она. – Еще не время. Момент неподходящий. Просто будь рядом. И защити меня.

В город они вошли в глубоких сумерках. Сегу это место не понравилось сразу. В кронах дубов то и дело посверкивали золотистые глаза крохотных существ. Чужие, мертвые развалины. Сойка был рад, что эйвы давно вымерли, отправившись вслед за своими создателями – асторэ.

Должно быть, отвратительные были твари, раз строили такое.

Идя по улицам, залитым вечерними тенями, сойка испытывал неприятные ощущения. Точно провалился в крысину нору.

– Помните, – сказал он всем, – мы не одни. Тут есть и другие люди. Опасайтесь беловолосой, она не так проста, как кажется.

– Никому не расходиться, – добавил Шрев. – И ради всех Шестерых, не трогайте кристаллы на домах. Иначе вы долго не протянете.

– Мы взрослые люди, господин. И не верим в сказки о чудовищах, – немного возмущенно вякнул один из наемников.

– Чудовищах? Кто говорит о чудовищах, друг? Я сам вас убью.

Больше они не спорили, хотя и продолжали коситься на кристаллы, грани которых отражали оранжевый свет факелов.

Они вышли на круглую площадь с куполом из дубовых ветвей. Журчала вода, стекая из каналов в большой бассейн, из которого выросла каменный постамент.

Шрев достал из сумки сложенный несколько раз листок, сверился с рисунком:

– Это здесь.

Мардж забралась на выступ крайнего здания, приготовила лук.

Крейт встал рядом с Бланкой и, мгновение поколебавшись, взял ее под руку. Та не возражала и даже головы не подняла.

Сегу подумал, что она все-таки сломалась. А казалась такой норовистой и дикой. Раньше бы она этого парня к себе на десять шагов не подпустила.

Шрев прыгнул в бассейн. Воды было по колено, и он, добравшись до постамента, установил на нем фигурку Арилы. Сверился с еще двумя листами бумаги, чуть подвинул ее.

Когда сойка вернулся обратно, настроение у него было приподнятое. Он протянул Лоскуту мятый листок:

– Прочти это.

Следопыт прищурился, поманил одного из наемников с факелом, требуя дать ему больше света.

– Старое наречие. Мы просим... хм... дать силу... открыть... нет... распахнуть дорогу... Какая-то ерунда. Чего вы хотите добиться, господин Шрев?

– Научный эксперимент. Хочу доказать правдивость одного мифа. Прочти полностью. Вслух. Так, чтобы госпожа Бланка запомнила.

Тот покосился на сына, вздохнул, выполнил приказ.

– Еще раз, – попросила женщина. – И у тебя ошибка в слове «яркость». Скорее всего это «саалтра», окончание мягче, тогда «яркость» превратится в «сияние».

Лоскут послушно прочитал еще дважды.

– Запомнила? – Глаза Шрева блеснули. Сегу видел, что тот едва сдерживает предвкушение.

Женщина спокойно повторила.

– Вроде все верно, – согласился Лоскут.

– Теперь вы должны прочитать это вслух. Слово в слово. Одновременно. Не торопясь и не отставая. Начинайте!

Ее голос для Крейта был точно музыка. Он слушал, как женщина четко произносит слова одновременно с его отцом. И когда вода в бассейне начала мягко светиться, парень не поверил своим глазам.

Забыв обо всем, он отпустил руку Бланки, шагнул вперед, вытягивая шею, надеясь рассмотреть невероятное зрелище.

Голубые искры пробежали по постаменту, собираясь над головой прекрасной статуэтки точно венец из звезд. Стало светло словно днем. А затем искры погасли, тени вернулись, и в древнем лесу вновь наступила ночь.

– Так и должно быть? – озадаченно спросил Сегу у Шрева.

Тот покачал головой:

– Не этого я ожидал.

– Чего же вы ожидали, сиор? – Голос донесся от деревьев, и из мрака выступил человек, в котором Шрев узнал акробата.

– Циркач. Вот так встреча, – сухо сказал он ему.

– Какой, к шаутту, циркач? – Мардж натянула тетиву, но сойка поднял руку, приказывая ей не стрелять. – Этот парень не тот акробат, которого я пыталась убить!

– Она права, сиор. С прискорбием вынужден признать, что не имею ничего общего с цирком и Тэо Пружиной. Надеюсь, вы простите маленькую ложь во время нашей первой встречи.

Факелы дрогнули. Наемники стали сужать полукольцо, но Мильвио словно и не заметил этого напряженного внимания к своей персоне.

Шрев прищурился:

– Ты ведь знаешь, кто я? Так?

– Головная боль Лавиани, надо полагать.

– Значит, знаешь, – заключил тот. – Ты либо чрезмерно храбр, либо слабоумен, раз пришел. Где она?

– Сиор задает не те вопросы. На вашем месте я бы спросил, почему ожидания не оправдались.

– И почему же?

– У вас в руках, если я все правильно слышал, когда эти достойные знающие люди декламировали вслух, вырванные страницы из «Кодекса Двух Ключей». Забавная книга. Я сам ее когда-то написал. Удивительно, что до наших дней дожил хотя бы один

экземпляр. Я готов поменяться знаниями. Вы скажете мне, кто направил вас сюда. Я же поведаю, отчего у вас ничего не вышло.

– Переговоры? – Сойка потер рукой подбородок, словно раздумывая. – Что мне мешает схватить тебя и узнать все без сделки?

– Ах, сиор, – печально произнес мечник. – Как я понимаю, слова о благородстве пустое для вас. Ну пусть будет... небольшой шанс, что я умру, ничего не успев рассказать. Люди, которые на вас работают, очень нервные. Я могу и не дожить до беседы. Вот, к примеру, эта чудесная женщина. От напряжения у нее уже дрожит локоть, и не дам гарантии, что она удержит стрелу на тетиве.

– Мардж.

Женщина, недовольно ворча, словно медведица, чуть опустила лук.

– Хорошо. Сыграем в твою игру, друг Лавиани. Вопрос – ответ. Об этом месте мне рассказала одна женщина в Карене, когда я пытался понять, что попало мне в руки. Книжки, которые она нашла, говорили, что и как надо делать. Моя очередь спрашивать. Почему ничего не вышло?

– Книга написана не для того, чтобы открыть дорогу на ту сторону и заключить сделку с шауттами. А чтобы найти тех, кто хочет это сделать, если вдруг у него в руках окажутся кое-какие близкие моему сердцу вещи. Рекомендую сиору отдать Арилу, благо для вас она все равно бесполезна. Только асторэ мог бы справиться с вызовом шауттов. А вы всего лишь... недоразумение, немного похожее на таувина.

– Недоразумение? – Шреву не понравились эти слова.

Он услышал слабый всплеск, резко повернулся к бассейну. Статуэтки Арилы на постаменте больше не было.

Все так отвлеклись на наглого незнакомца, что упустили девчонку, стянувшую сокровище прямо у них из-под носа.

Лавиани держала наготове метательные ножи, слушая беседу.

План Мильвио был безумен. Но он сработал. Когда Шерон выскользнула из своего укрытия, ее никто не заметил.

Сойка забыла о том, как дышать, наблюдая за указывающей, преодолевающей открытое пространство. Все случилось очень быстро. Девчонка, слава всем эйвам, оказалась ловкой и проворной. Она не мешкала и очутилась возле деревьев в тот момент, когда Шрев наконец-то обернулся.

Вся эта беседа, столь вежливая и, на взгляд Мардж, не нужная, удивляла ее. Она могла всадить стрелу человеку в глаз, так, что наконечник бы вышел из затылка, но Шрев не желал торопить события.

А ей очень хотелось кого-нибудь убить. Даже дружка акробата, раз уж сам тот где-то прячется. Ей просто необходимо было выпустить из себя тот гнев, что накопился в ней, когда Бух-Бух умер у нее на глазах.

Когда она увидела, что Шерон бежит к деревьям, то обрадовалась этому, точно подарку.

Она стала натягивать тетиву и вдруг почувствовала, как кто-то хлопнул ее по спине.

Хлопнул сильно, словно они были знакомы. И Мардж так обалдела от этого, что забыла выстрелить. Обернулась, но позади никого не было.

Она кашлянула, и из ее рта щедро плеснуло кровью. В следующий миг ноги лучницы подкосились, и та свалилась вниз вместе с метательным ножом, вошедшим между ее ребер.

– Девчонка! Догоните ее! Она не могла уйти далеко! – Сегу не терял времени, и наемники, освещая себе дорогу, бросились в лес.

Обнажив меч, он собирался погнаться за болтливым южанином, уже скрывшимся за деревьями, но Шрев остановил его:

– Во тьму треттинца. Я иду за Лавиани. А ты пригляди за нашими друзьями.

– Они никуда не денутся.

– Они единственные, кто знает старое наречие. Без них весь проделанный путь бесполезен. Я больше не хочу неприятностей. С Лавиани справлюсь сам. Ты нужен здесь. Защищай их!

Справа от них раздалось слабое бульканье.

– Мардж все еще жива.

– Забудь о ней. Ей осталось меньше минуты.

Когда Шрев ушел, Лоскут стал кашлять, затем, перегнувшись через край бассейна, плюнул в воду. Он уже все для себя решил.

Глупая была затея. Хотел подзаработать денег, показать сыну юг Накуна и Туманный лес. Но люди, с которыми они связались, оказались куда хуже, чем можно было предположить. В этой ошибке следопыт винил только себя. Он не понял, не разглядел, кто такой господин Шрев, а потом стало слишком поздно.

У них был шанс уйти сразу после того, как ублюдки ослепили женщину, но Лоскут потерял его. Высказал свое недовольство вслух, и Шрев уже не спускал с них глаз. То, с какой быстротой и жестокостью он убивал людей, заставило остаться.

Он хотел отослать сына, но дураку понравилась рыжеволосая дама, хотя Крейт ей совсем не ровня, и тот наотрез отказался возвращаться домой.

И вот к чему это привело. Они оказались в городе, из-за которого погибли его отец и брат.

Теперь же пришло время уходить.

– Вам лучше это увидеть, господин Сегу, – хриплым голосом сказал следопыт. – В воде что-то странное.

Лоскуту повезло, помощник Шрева на мгновение отвлекся, и ему удалось толкнуть того в бассейн. Не теряя времени, мужчина выхватил бракемар и ткнул упавшего человека в

живот.

К его удивлению, Сегу схватил меч двумя руками, но вместо того, чтобы порезать их до костей, переломил надежный клинок пополам, словно его изготовили из сухого хлеба.

– Мерзкий крысеныш! – выругался Лоскут, отшатываясь назад.

Он не подозревал, что из всех возможных слов и ругательств выбрал самое худшее. Сегу слишком сильно ненавидел крыс, когда-то лишивших его части пальцев. И не желал иметь ничего общего с этим племенем. И уж тем более слышать такое оскорбление из чужих уст.

Бланка стояла опустив голову.

Кто-то захрипел, и Крейт, вновь стискивающий ее руку так, что наверняка останутся синяки, крикнул:

– Отец!

Она слышала, как мальчишка бежит, выкрикивая что-то нечленораздельное и отчаянное, шелест железа, а затем изумленное бульканье. Что-то упало, и листья приглушили это падение.

Затем раздался взбешенный голос Сегу:

– Проклятье! Сукины дети!

Следующий звук, словно кто-то ударил ногой по чему-то мягкому и несколько секунд назад еще живому.

– Шаутт! Тьма меня заberi!

– Что случилось?

Сойка схватил ее за руку, дернул за собой так, что женщина вскрикнула от неожиданности, не удержавшись на ногах, начала падать. Ему пришлось поддержать ее. Сегу, человек, навсегда отнявший у нее солнце, впервые за много дней оказался так близко с ней, что она почувствовала его дыхание на своей щеке. Шанс, который Бланка так давно ждала, представился.

Заколка, все это время спавшая у нее за ухом, в волосах, переместилась ей в руку. Бланка купила ее еще во время замужества, заказав у карифского мастера. Те всегда славилась творческим подходом к работе. Маленький шип имел внутреннюю полость, которую дочь Эрберта озаботилась заполнить много лет назад.

Сегу был в ярости, но очень недолго. Она практически мгновенно сменилась страхом.

Он потерял контроль над собой. Совершил непоправимое. Прикончил сперва отца, а затем и сына, бросившегося на помощь. Уже через секунду после того, как упал Крейт, сойка понял, в какую выгребную яму угодил благодаря своей несдержанности. Убил сразу двух, знающих старое наречие!

Вот же шаутт!

Он понятия не имел, что теперь сказать Шреву. Мысли лихорадочно прыгали, пытаюсь найти оправдание случившемуся.

Укол в бедро не причинил Сегу боли. Заколка девки вошла неглубоко. Он оттолкнул от себя Бланку, и та упала неловко, едва не разбив себе голову о бортик бассейна.

– Мерзкая тварь! – сказал сойка, выдергивая шип, украшенный незабудкой. – Я бы вырезал тебе язык, если бы он не был нужен Шреву.

Внезапно он почувствовал, что тело теряет вес. Руки и ноги стали такими легкими, словно он вот-вот оторвется от земли, его подхватит ветер и понесет, как будто пушинку тополиного пуха. Стало очень смешно, и Сегу глупо хихикнул высоким фальцетом.

Ему было хорошо и весело. Даже когда он понял, что падает, это выглядело как настоящее приключение.

И Сегу решил, что это лучшее мгновение в его жизни.

Он сильно ударился лицом, сломав скуловую кость, но продолжал улыбаться, пуская липкую слюну из уголка рта. А затем эйфория прошла, точно ее смыло ледяным потоком горной реки, и по телу пробежала первая судорога.

– Проклятая сука! – непослушным языком произнес он, силясь вернуть контроль над своим телом, но конечно же у него ничего не получилось.

Он знал, что это такое. Яд алой тихони. Вне всякого сомнения.

Попытался коснуться талантов и... не смог. Мозг, оглушенный паучьим токсином, больше не отдавал команды.

Сегу мог видеть, слышать, говорить и чувствовать. Но во всем остальном он превратился в самое настоящее неподвижное бревно. И знал, что так будет продолжаться, пока яд не превратит его мозг в кашу. Через час, а может, и через неделю.

Ему оставалось лишь следить, как улыбающаяся во весь рот Бланка осторожно поднимается и на ощупь двигается вперед. Она остановилась перед телом Крейта, задев его ногой, стала шарить вокруг, пока не нашла искомое – кинжал.

Затем направилась к Сегу.

– Ты не волнуйся, – сказала она ему. – Обещаю, что глаза я вырежу тебе в самую последнюю очередь.

Мильвио слышал крики тех, кто преследовал Шерон, и видел блики факелов на древесных стволах. Он стремительно сокращал дистанцию, держа Фэнико в руках и стараясь не шуметь.

Треттинец вылетел на наемников, точно волк на стаю собак. Он не церемонился с ними, и кровь летела на дубовые листья и мягкий мох. Лишь один оказался хорошим бойцом, но сопротивляться яростному натиску смог меньше минуты. Фэнико перерубил оба предплечья, а затем вошел глубоко в грудь.

Мильвио на обратном движении выдернул клинок и краем глаза заметил, что в него что-то летит. Он сделал отшаг, пропуская этот предмет мимо себя.

Тот ударился о дерево, покатился, остановившись недалеко от упавшего факела, и он увидел, что это голова.

Голова Лавиани.

– Болтун, мы снова встретились, – сказал Шрев, приближаясь и вытирая алые руки тряпицей. – Даю тебе шанс. Ты забавен и, кажется, многое знаешь. Бросай свою чудесную железку и тогда выживешь. Я убью только воровку. Разобью ей лицо статуэткой, чтобы она не лезла в дела серьезных людей.

Треттинец встал у сойки на пути, подняв окровавленный меч, метя острием в горло.

Шрев не доставал оружия. Он напал стремительно, и его руки, точно мельница, обрушились на Мильвио. Меч оказался вырван, а сам воин подброшен вверх и нанизан на острый дубовый сук...

Тэо оторвал лицо от воды, словно та была паутиной, липкой, не желающей отпускать. В глаза ему все еще летели рубиновые капли крови Войса. Все было как в реальности.

Чтобы встать из бассейна, пришлось напрячь ноги, а затем сорвать с запястий тягучую воду, тянущую его обратно на дно.

– Ты должен вернуться, дхенне, – произнес эйв. – Время уходит, вода превращается в камень. Твой путь только начался.

– Я видел. Видел, как они умерли!

– Ты не видел ничего, дхенне. Этого не случилось и, быть может, не случится. Они справятся без тебя. Или погибнут. Ты не должен вмешиваться.

– Остаться я тоже не могу. Прости.

Алые глаза эйва были печальны:

– Это моему народу следует просить прощения, что мы оставили людей и те причинили боль миру, который вы так любили. Я не держу тебя, дхенне. Лес не держит. Ты волен поступать так, как говорят тебе звезды. Но ты не прошел обучение, не получил знания, и вода в купели вновь станет лишь водой. Ты не познаешь всю глубину магии дхенне. И, если коснешься ее сейчас, не пройдя обучения, умрешь. Старый друг говорил тебе об этом. Если ты понимаешь мои слова, если готов отдать свет своего сердца за свет чужих сердец, тропа перед тобой.

Тэо поднял с земли острую дубовую ветку. Он знал, что делать:

– Я готов. Прощай.

Когда он бежал, то слышал голос древнего существа:

– Я буду ждать тебя, дхенне. Если не сейчас, то когда из желудя вырастет дуб. Лес всегда ждет.

Шерон не нужен был свет, чтобы бежать. Статуэтка Арилы оттягивала руки, легкий меч бил по бедру, серые и графитовые картинки смазывались, кружились.

Люди Шрева гнали ее подальше от зданий и череды серпантин, где она могла бы

скрыться. Несколько раз оборачиваясь, указывающая видела отсветы огней.

Ей удалось вырваться из полукольца, вернуться на окраину города, пересечь мост через канал, украшенный светлячками.

Она не останавливалась, придерживалась плана, помня слова сойки о том, что лишь движение поможет ей уцелеть и дожждаться помощи. Лавиани уже должна была появиться, но ее что-то задерживало, и Шерон это беспокоило.

Существа в кронах тревожно шептали ей, поторапливали, и девушка, продолжила свой бег.

Мимо древних домов, через площадь, вся поверхность которой мягко фосфоресцировала из-за неведомого мха, разросшегося здесь.

– Вон она!

Прогудел рог, извещающий, что беглянка найдена.

Лавиани, точно старая рысь, кралась по лежащим на земле теням, пытаясь почуять куда более крупного хищника, которого так опасалась.

Она знала, что он рядом. Чувствовала его и ходила кругами вокруг молодой дубовой рощи, расставляя ловушки. Затем сойка переместилась на ветви, перешагивая с одной на другую и пытаясь разглядеть Шрева.

Лавиани понимала, что в прямом столкновении благодаря количеству талантов он способен вывернуть ее наизнанку, и поэтому не собиралась сражаться.

Метательные ножи, усиленные талантами, были ее козырем.

Но Шрев играл с ней в кошки-мышки. Она никак не могла увидеть его, он перемещался настолько быстро и ловко, что все время скрывался за деревьями и подбирался все ближе и ближе.

А затем откуда-то из-за канала, ослабленный расстоянием, запел рог. Лавиани, положив руки на шершавую кору, слушала его. Перескочила на следующее дерево и с разочарованием поняла, что рядом больше никого нет.

Шрев ушел.

Графитовый мир теперь разбавляли оранжевые розы из теплого огня. Краски смешивались, отчетливо в голове возникал диссонанс. Шерон стояла с обнаженным клинком, который подарил ей Мильвио, глядя на пятерку мужчин, что прижали ее к стене. Статуэтку пришлось бросить в траву.

– Послушай, красавица, хватит дурить, – сказал низкорослый мужик со светлыми волосами. – Иди сюда, с тобой хочет поговорить наш наниматель.

– Уходите, – сказала им Шерон. – Уходите, пока можете!

Они лишь рассмеялись в ответ.

Низкорослый подошел, и указывающая в выпад нанесла укол. Так, как ее учили. Без сомнений и с единственным желанием – убить.

Человек парировал удар со смехом, она быстро убрала оружие, чтобы не лишиться клинка. И мгновенно перешла в стремительную контратаку.

Такой прыти от нее никто не ожидал. Даже этот надменно смеющийся мечник, считавший, что глупая девчонка не представляет угрозы.

Только поэтому ей улыбнулась удача.

Цапля выслеживает рыбу, ловит ее, стряхивает росу и уходит в камыши. Кончик тонкого меча проткнул человеку горло, и, когда указывающая «ушла в камыши», у ее противника вырвался сильный стон, а затем вверх ударил упругий, черный из-за ночи фонтан крови.

Кто-то из уцелевшей четверки вскрикнул, все схватились за оружие, больше уже не веселясь.

– Сказали взять живой, – нервно напомнил человек с куцей бородашкой.

– Угу, – ответил ему чернявый парень с совершенно пустыми глазами. – Живой. Угу.

Он словно уговаривал себя остановиться, но топор держал обеими руками. И сделал первый шаг.

Эти несколько секунд показались Шерон часами. Она начала отступать, не опуская оружия. Ее рука чуть дрожала, а в желудке уже просыпался привычный и такой омерзительный голод.

Иногда люди умирают невероятно долго, даже если у них смертельные раны. Тот, с проткнутым горлом, все еще дышал, ногтями цепляясь за жизнь, не желая отправляться на ту сторону.

Человек с топором сократил дистанцию, взмахнул оружием. Она уклонилась, даже не думая нападать.

Шерон почувствовала облегчение, когда нить жизни умирающего наконец-то истончилась и лопнула, оставив на траве лишь тело.

– Защищай меня! – крикнула она, чувствуя неприятное головокружение от того, что зрение раздваивается – на ее и того, кто поднимался с земли, подчиняясь приказу.

Лавиани могла и подождать.

Никуда не денется, даже если побежит прочь. Он догонит ее позже.

Шрев без колебаний прервал игру в прятки, хотя та и была занимательной. Он ничуть не преувеличивал опыт противницы. Пусть талантов у нее было меньше, но драться она умела. И создавать западни тоже.

В первую ловушку, сплетенную из гибких веток, на конце которых был привязан метательный нож, он все-таки попал. Спас его талант, потому что уклониться от гибкой лозы, распрямившейся, ударившей вниз живота, иначе бы не получилось даже с его ловкостью.

На это она и рассчитывала.

Он вышел к берегу широкого канала с сонной водой, по которой медленно плыли сотни дубовых листьев, и направился к мосту, ведущему на противоположный берег. Над ним,

точно облако, кружили сотни насекомых, очень похожих на светлячков, и их мерцание напоминало мерцание звездного неба.

Человека, стоявшего на мосту с опущенным мечом, Шрев узнал сразу.

– Довольно невежливо не дать мне возможности пройти, – сказал он Мильвио.

– Порой приходится забывать о вежливости, сиор. Некоторые люди ее недостойны. И расценивают как неизбежный пережиток.

Шрев сверкнул улыбкой:

– Думал, что ты бросишься на помощь маленькой воровке. Ей бы не помешал твой меч.

– Она сможет позаботиться о себе, – с уверенностью произнес треттинец и немного повернул запястье так, что плоскость клинка матово блеснула в тусклом свете светлячков. – Я же должен позаботиться о том, чтобы вы не досаждали ей.

– Не понимаю я людей. Сколько живу – и каждый день не понимаю. Ты знаешь, кто я, знаешь, что скоро накормишь червей Туманного леса, но все равно, как баран, загораживаешь мне путь. Это стремление умереть меня всегда удивляло.

– Просто вам не за что и не за кого умирать, сиор. Только и всего.

Улыбаясь, Шрев достал из сапога короткий, не больше ладони, нож.

– И только? – поднял брови Мильвио.

– Чтобы пустить тебя на полоски, мне хватит и его.

Защита южанина оказалась такой же крепкой, как стены карифской крепости. Он легко отразил атаку, даже не двинувшись с места.

Шрев больше не собирался церемониться, вести долгий и совершенно ненужный поединок. Он без сожаления использовал талант, избегая удара мечом, но вместо того, чтобы вскрыть человеку сонную артерию, нож поцарапал лишь воздух.

Южанин ловко, точно обезьяна, запрыгнул на перила моста и, когда сойка попробовал ударить его в лодыжку, парировал мечом, выбив нож и крутанувшись в воздухе, слетел обратно на мост, перейдя в атаку, нанеся шесть размашистых ударов.

Шрев уклонялся, а затем, улучив момент, с разворота попал ногой в грудь противника, и Мильвио отлетел назад, прокатившись по земле.

Он не потерял клинок и тут же встал на ноги. Каблук противника лишь чудом не проломил ему грудину.

Они стали кружить друг против друга, точно готовые подраться коты. Мильвио напал снова, вынуждая либо отступить, либо сжечь еще одну татуировку.

Сойка выбрал третий вариант, он двигался быстро, словно шершень, атакующий пчелу, и бастард не успевал за ним, опаздывая на мгновение.

Этот раунд не выиграл никто, и они отступили, глядя друг на друга холодно, без всякой ненависти.

– Не желаете попробовать вплавь, сиор?

Краб покинул лопатку Шрева, беззвучный удар воздуха отбросил мечника и разметал

светлячков во все стороны, ломая им крылья. Они звездопадом обрушились в воду, расцвечивая ее на несколько мгновений зеленым и желтым. А затем огоньки стали гаснуть и на оба берега опустилась темнота.

Она успела вовремя. В тот самый момент, когда Шрев навис над оглушенным Мильвио.

Бабочка сгорела, и сойка вихрем пронеслась через мост.

Конечно же он ее почувствовал и дал отпор, подхватив Фэнико. Нож бил об меч, а меч о нож в невероятном темпе. Клинок, который когда-то принадлежал Тиону, едва не отрубил Лавиани ногу. Даже несмотря на всю ее ловкость, она получила глубокий и очень болезненный порез на бедре.

Ей удалось отвлечь сойку от Мильвио, оттеснить его к лесу.

Талант закончился, и Лавиани сказала:

– Тебя стоило убить за много лет до сегодняшнего дня.

– Я то же самое предлагал Боргу, когда прикончил твоего ублюдка, – невозмутимо ответил тот. – Знал же, что от тебя стоит ждать беды. А он меня так и не захотел слушать.

Они вновь встретились в вихре железа, и на этот раз уже Шрев вел «партию», закончившуюся тем, что меч пробил ей плечо, лишь в четверти дюйма пройдя от артерии. Рука повисла плетью.

Она даже боли не почувствовала, лишь досаду, перехватив нож здоровой рукой.

– Слишком ты неповоротлива, женщина. Спряталась бы, варила варенье и сидела на лавочке.

Лавиани чувствовала легкое головокружение. Кровь из раны текла слишком быстро. Она покосилась на Мильвио, который все так же лежал без сознания, и красноречиво сплюнула себе под ноги, исподлбья глядя на убийцу своего сына.

Пусть ее заберут шаутты, но она не побежит. Больше некуда бежать. И видят Шестеро, которым она никогда не возносила молитв, сойка сделает все возможное, чтобы еще один хороший человек не погиб.

Пускай он хоть сто раз великий волшебник.

Шерон смотрела на лес не только своими глазами, но и пятью парами чужих.

Мир был точно паутина, и паук соткал его из графита, свинца и крови. Она завораживала, манила, бежала по сосудам еды, которая была рядом, и часть сознания указывающей хотела впиться в этих людей, рвать их плоть чужими зубами, чтобы та сторона, мучившая вновь живых, получила жертву и оставила в покое хотя бы на секунду.

Ей пришлось напомнить себе, кто она такая, для чего здесь и что стоит на кону. Чтобы держать этот голод в узде, Шерон понадобилось помнить о всем хорошем, что случилось в ее жизни.

Мертвые молчали, с шумом ломились через подлесок, не заботясь о сохранности

собственных тел. Они были всего лишь ее руками, голодными пальцами, предназначенными для того, чтобы служить.

Она не видела себя со стороны. Растрепанные волосы, белые глаза, точно у выброшенной на берег мертвой рыбы, оскаленные зубы, алые от крови из прокушенных губ.

В руке указывающая держала факел, пульсирующий нестерпимым, болезненным, белым светом, озаряя им Шой-ри-Тэйран и дубы, помнящие времена, когда под ними гуляли Тион и Арила.

Она увидела всю картину, ощутила сладкий ручей крови, текущий из Лавиани, человека с мечом Мильвио и поняла, что успела.

На несколько секунд Шрев застыл, не веря своим глазам. Это было просто невероятно. Лишь люди, которых он нанял, развеяли его сомнения. С разорванными шеями и лицами, они, вне всякого сомнения, были мертвы. И... в то же время живы. Благодаря девчонке, которая украла его статуэтку.

Один мертвый остался рядом с ней, четверо других проигнорировали лежавшего на земле треттинца и отступившую в сторону Лавиани. Они бросились на него, и Шреву пришлось признать, что для покойников те крайне проворны.

Вновь трата таланта. Он ускорился, избегая клацающих челюстей, отрубил голову одного, воткнул бастард в другого.

Меч намертво застрял в плоти, которая стала разрастаться, не желая возвращать оружие, и дальше сойка дрался голыми руками. Он ломал им черепа и руки, но они все равно тянулись к нему.

Еще один краб исчез, и его способность – скоротечное пламя плеснуло во все стороны, потекло по земле и стволам деревьев, охватывая ожившие трупы. Там, где оно подступило близко к девчонке, из белого становилось ярко-алым.

Лавиани, воспользовавшись оказией, швырнула в него метательные ножи. Один за другим. Пришлось сжигать еще одну татуировку.

Пропустив их через себя, оставив горящих мертвых, Шрев кинулся к той, кто отдавал приказы. На пути встала Лавиани, схватила его, бросила через себя, используя последний талант, кидая далеко в сторону. Как можно дальше от девушки.

Шрев ударился о землю плечом, проехал, оставляя за собой глубокую борозду. Встал, уже не скрывая ярости, раздражения и желания убить их всех.

Медленно. Мучительно. Так, чтобы они визжали и молили Шестерых о милости.

Деревья, трава и листья горели.

Мильвио, лежавший в двадцати шагах от пламени, пришел в себя, оперся на руки, потряс головой, точно волк. Пытаясь понять, что случилось и почему он оказался на земле.

И... отчего до сих пор жив?

Земля кружилась как проклятая. Качалась, словно палуба того дурацкого суденышка, везущего ее в Нимад. Вверх и вниз. Влево и вправо. Того и гляди, встанет дыбом, огреет по голове.

После броска Шрева сойка не могла больше стоять, ползла. Ее единственным желанием было вскочить, броситься к оставшейся в одиночестве указывающей. Но Шрев ее опережал.

А затем почувствовала знакомую ненависть и с облегчением упала, пробормотав, теряя сознание:

– Шаутт тебя заberi, мальчик! Почему так долго?

Последний из мертвых встал на пути, и Шрев раздавил ему голову голыми руками.

А после он ощутил это.

Невероятную, затопляющую всю его душу ненависть.

Ненависть к незнакомцу, который перешел мост и загородил собою Шерон.

Тэо испытывал те же чувства, как и перед своими выступлениями. Спокойствие. Радость. Предвкушение.

Он знал, что следует делать. Несмотря на все, что говорил ему Мильвио. Риск стать пустым или умереть не остановил его. И, когда человек с искаженным от бешенства лицом шагнул к нему, Тэо проткнул себе левую ладонь острой дубовой веткой.

Та сторона изменила таких, как он. Асторэ, вырвавшиеся из ее плена, не могли касаться новой магии безвозмездно. Их платой были собственные раны и кровь. Лишь это выпускало силу, что жила в них, связанная меткой той стороны.

Он успел узнать это в купели. Успел понять прежде, чем ушел.

Белое пламя, бушевавшее в лесу, сменило свой цвет и стало синим.

Сила, в которой он купался, вырвалась наружу. Точно бык, вздымая землю, ударила в человека, желавшего убить его друзей.

Сорвала с его головы лицо, словно то было обычной маской, и опрокинула в канал. В бездонную, черную воду.

После все затопил уже привычный лиловый цвет, и Пружина даже не понял, кто его подхватил. Он чувствовал ту сторону. Она была везде и нигде. Совсем рядом, стоило лишь приложить усилие и поднять завесу, чтобы вновь касаться столь легкой и притягательной магии.

Касаться жизни.

И умереть ради этого.

Он плохо помнил, что было потом.

Тэо слышал голос Шерон, шептавшей ему, что все будет хорошо.

Когда эйв скрылся в подземелье, увозя на себе акробата, проход в старом дубе затянулся, и существа, жившие на нем, громко зачирикали, высказывая свою радость.

Начинался рассвет.

Тусклый свет проникал сквозь кроны, рассеивался, и туман, вытекающий из-под корней, казался Шерон пуховой периной.

Мир словно замер перед пробуждением.

Девушка смотрела на дерево, где скрылся Тэо, которого, возможно, она больше никогда не увидит.

Лавиани сидела неподалеку, зубами затягивая узел на повязке. Вид у нее был ничуть не лучше, чем у тех мертвых, что недавно бродили по великому лесу.

– Если мальчик думает, что так легко от меня избавится, пускай не надеется. Я с места не сдвинусь, пока он не вернется.

Мильвио сел рядом с ней, и Шерон легла, положив голову ему на колени.

Лес просыпался, туман медленно скрывал в своих объятиях троих друзей. У них был не слишком большой выбор.

Им оставалось лишь ждать.

А вместе с ними ждал и весь мир.

Добра. Зла.

Или новой эпохи.

Москва

Июнь 2014 – сентябрь 2015

Приложение

Эпохи

Первая эпоха – Эпоха Безвременья

Вторая эпоха – Эпоха Рождения

Третья эпоха – Эпоха Света

Четвертая эпоха – Эпоха Процветания

Пятая эпоха – Эпоха Забвения

Названия месяцев

Месяц Ворона – первый месяц зимы.

Месяц Мантикоры – второй месяц зимы.

Месяц Снегиря – третий месяц зимы.

Месяц Креста – первый месяц весны.

Месяц Единорога – второй месяц весны.

Месяц Соловья – третий месяц весны.

Месяц Щита – первый месяц лета.

Месяц Тени – второй месяц лета.

Месяц Дракона – третий месяц лета.

Месяц Журавля – первый месяц осени.

Месяц Меча – второй месяц осени.

Месяц Василиска – третий месяц осени.

* * *

notes

Сноски

1

Символ герцогства Дагевар – змея, а герцогства Кариф – гриф.

2

Речь о герцоге Эш-Тали, опытном воине, расширившем свои владения в результате шести войн.

3

Битва в Красных холмах – сражение между Карифом и Дагеваром, в котором Эш-Тали отразил агрессию соседа и начал свое наступление, закончившееся резней в Эль-Асе.

4

Зимняя стужа – одна из болезней, появившихся после Катаклизма. Обычно возникает в самые суровые морозы, в диких краях, уничтожая целые деревни.

5

Широкий меч с односторонней заточкой и слабой кривизной клинка.

6

Трот – медленная, укороченная рысь.

7

Эст – обращение к знатному воину в северных герцогствах.

8

Ирифи (кариф. гроза караванов) – название восточного ветра в Карифе, дующего несколько месяцев и являющегося причиной песчаных бурь.

9

Аналог салочек.

10

Быстро иди сюда!

11

Семьдесят два года назад Фихшейз и Ириаста (поддержка десантами с моря) пошли войной на Горное герцогство. Агрессоры были остановлены на перевалах и отброшены почти до Вестера. По мирному договору Горному герцогству был уступлен Брокаванский перешеек – узкая полоса земли, ранее принадлежавшая в равных долях Фихшейзу и Ириасте. Благодаря этому Горное герцогство получило прямой выход к Жемчужному морю.

12

Пожары Севура – голодные бунты 2-го года новой эпохи, приведшие к почти полному выгоранию города.

13

Битва Восьми Камней – первое крупное сражение новой эпохи, случившееся на пятый год после Катаклизма. Итогом стало уничтожение армии шауттов, появившейся в последние годы Войны Гнева и служащей Скованному.

14

Бракемар – одноручный короткий и очень широкий меч.

15

Насколько хорошо ты его знаешь?

16

Достаточно, чтобы понимать тебя.

17

Бродяга, или Гуляющий ветер. Слабое проявление смерча, вырвавшееся с территорий, где тот обитает, и летающее по миру до встречи с человеком. После убийства путника, как правило, исчезает.

18

Подшаг – мера фехтовального расстояния, используемая в южных школах. Равна ближней дистанции.

19

Огненные болота – местность в Аринии, где в 355 году до начала Катаклизма произошла знаменитая битва армии таувинов против армии шауттов и людских племен, выступивших на стороне демонов.

20

Вольтижировка – выполнение акробатических и гимнастических упражнений на лошади.

21

Старое название моря Скованного.

